

BIBLIOTECA DI STUDI SLAVISTICI

— 39 —

DIRETTORE RESPONSABILE

Laura Salmon (*Università di Genova*)

SEGRETERIA DI REDAZIONE

Maria Bidovec (*Università di Udine*)

REDAZIONE

Rosanna Benacchio (*Università di Padova*)

Maria Cristina Bragone (*Università di Pavia*)

Andrea Ceccherelli (*Università di Bologna*)

Giuseppe Dell'Agata (*Università di Pisa*)

Francesca Romoli (*Università di Pisa*)

Laura Rossi (*Università di Milano*)

COMITATO SCIENTIFICO INTERNAZIONALE

Maria Di Salvo (*Università di Milano*)

Alexander Etkind (*European University Institute*)

Lazar Fleishman (*Stanford University*)

Marcello Garzaniti (*Università di Firenze*)

Lucyna Gebert (*Università di Roma "La Sapienza"*)

Harvey Goldblatt (*Yale University*)

Mark Lipoveckij (*University of Colorado-Boulder*)

Jordan Ljuckanov (*Bălgarska Akademija na Naukite*)

Roland Marti (*Universität des Saarlandes*)

Michael Moser (*Universität Wien*)

Ivo Pospíšil (*Masarykova univerzita*)

Krassimir Stantchev (*Università Roma Tre*)

*The role of prefixes
in the formation of aspectuality*

Issues of grammaticalization

edited by
Rosanna Benacchio
Alessio Muro
Svetlana Slavkova

Firenze University Press
2017

The role of prefixes in the formation of aspectuality : issues of grammaticalization /
edited by Rosanna Benacchio, Alessio Muro, Svetlana Slavkova. – Firenze : Firenze
University Press, 2017.

(Biblioteca di Studi slavistici ; 39)

<http://digital.casalini.it/9788864536989>

ISBN 978-88-6453-697-2 (print)

ISBN 978-88-6453-698-9 (online)

La collana *Biblioteca di Studi Slavistici*, (<<http://www.fupress.com/COLLANE/biblioteca-di-studi-slavistici/47>>), fondata per iniziativa dell'Associazione Italiana degli Slavisti, opera in sinergia con la rivista *Studi Slavistici* (<[>](http://fupress.com/riviste/studi-slavistici/17)>).

Questo volume è stato pubblicato grazie al contributo del Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari (DiSLL) dell'Università di Padova.

In copertina: Immagine creata da Silvano Longo.

Peer Review Process

All publications are submitted to an external refereeing process under the responsibility of the FUP Editorial Board and the Scientific Committees of the individual series. The works published in the FUP catalogue are evaluated and approved by the Editorial Board of the publishing house. For a more detailed description of the refereeing process we refer to the official documents published on the website and in the online catalogue of the FUP (www.fupress.com).

Firenze University Press Editorial Board

A. Dolfi (Editor-in-Chief), M. Boddi, A. Bucelli, R. Casalbuoni, M. Garzaniti, M.C. Grisolia, P. Guarnieri, R. Lanfredini, A. Lenzi, P. Lo Nostro, G. Mari, A. Mariani, P.M. Mariano, S. Marinai, R. Minuti, P. Nanni, G. Nigro, A. Perulli, M.C. Torricelli.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY 4.0: <http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode>).

This book is printed on acid-free paper

© 2018 Firenze University Press
Università degli Studi di Firenze
Firenze University Press
via Cittadella, 7, 50144 Firenze, Italy
www.fupress.com
Printed in Italy

INDICE

<i>From the editors</i>		VII
<i>От редакторов</i>		XI
P. Arkadiev	Borrowed preverbs and the limits of contact-induced change in aspectual systems	1
R. Benacchio, H. Steenwijk	Грамматикализация глагольного вида в резьянском диалекте: исконно славянская и романская лексика	23
D. Bertocci	“Intensive” verbal prefixes in Archaic Latin	41
W. Breu, M. Pila, L. Scholze	Видовые приставки в языковом контакте (на материале молизско-славянского, резьянского и верхнелужицкого микроязыков)	59
S.M. Dickey	Prefixation in the rise of Slavic aspect	85
F. Esvan	On the dynamism of aspectual pair formation in Czech	103
J. Kamphuis	The role of prefixation in Old Church Slavonic	115
A. Muro	Cross-linguistic considerations on preverb stacking (with special reference to Bulgarian)	137
E.V. Petrushina	Аспектуальные антиномии в русском языке (на славянском фоне)	153
V. Plungjan	К списку двувидовых глаголов в русском языке: история <i>пасть</i>	167

L. Ruvoletto	Префиксация глаголов неопределенного движения в русском языке	183
S. Slavkova	Супралексический префикс <i>no-</i> в русском и болгарском языках	197
B. Wiemer	О роли приставок и суффиксов на ранних и поздних этапах истории славянского вида	219
<i>Contributors</i>		255

From the editors

One of the currently most studied topics in the field of verbal aspect and its grammaticalization is *aspectual prefixation* (a.k.a. *preverbatization*). It is an established fact that in the Slavic languages (the most well-studied in terms of aspect, being traditionally considered prototypical as far as this grammatical category is concerned) the aspect system is based on perfective forms arising from the merger of verbal bases with prefixes acting as *bounders* (*ограничители*), which originally performed the function of markers of adverbial meanings. These prefixal morphemes (called simply *prefixes* or *preverbs* by different authors) added meanings related to the spatial location or dynamics of the predicate, but subsequently, in the diachronic process of grammaticalization, they acquired more abstract meanings, first among them that of *event culmination*, i.e. the attainment of the inherent *final bound* (*предел*) of the event, which is at the basis of *perfectivity* (as manifested in Slavic). Similar developments have also characterized other languages (non-Slavic, some belonging to the Indo-European stock, but by no means exclusively); these languages are also characterized by the presence of preverbs in their verbal system.

The studies collected in the present volume pursue this line of research, analyzing and comparing not only different Slavic languages, but also other languages (both Indo-European and non-Indo-European), which at some level also display the category of verbal aspect as well as the phenomenon of preverbatization (whether still productive or not any longer). More precisely, the studies in this collection attempt to shed light on the variation to be found in verbal systems that use preverbs as perfectivizers by identifying the ways such morphemes are used and the limitations on their use. Another line of research pursued in this volume attempts to outline various possible paths of grammaticalization (and lexicalization) which the morphemes involved in various aspect system may undergo. All this is done in order to arrive at a deeper knowledge of the category of verbal aspect, with special focus on the Slavic phenomenology.

Attention is also paid to the grammaticalization pathways leading to the formation of aspect systems in situations of language contact, a theme to which three works are dedicated. Arkad'ev focuses on the peculiarities of the aspect systems developed by non-Slavic languages in situations of contact with Slavic languages (Yiddish, Romani, Livonian and Istroromanian). Two papers (Bena-

ccchio and Steenwijk; Breu, Pila and Scholze), on the other hand, focus on the grammaticalization of aspect in minority Slavic varieties that have developed in situations of contact with Romance or Germanic languages.

Other studies focus on ancient languages: Bertocci analyses the aspectual properties of some Latin preverbs, and Kamphuis aims to define more precisely the contribution of preverbatation to the development of Slavic verbal aspect in the historical phase represented by Old Church Slavonic, which displays a situation still far from that of modern Slavic varieties.

The diachronic pathways leading to the emergence of Slavic verbal aspect are dealt with in Dickey's study, which focuses on the analysis of the preverb *u-*, which is argued to have played a key role in the development of the perfectivizing function of Slavic preverbs. Wiemer's contribution is dedicated to the interplay of the morphological mechanisms of prefixation and suffixation in the various stages of grammaticalization of various Slavic aspect systems.

Focusing on modern Slavic languages, Esvan explores the mechanisms of perfectivization and imperfectivization of verbal loans in contemporary Czech, while Slavkova compares the behaviour of the superlexical prefix *po-* in Bulgarian and Russian. Modern Russian is dealt with by Ruvoletto, who explores the functions that preverbatation can assume with the class of verbs of indeterminate motion. The same language is the topic of Plungjan's paper: starting from a diachronic analysis of the (bi)aspectual value of the Russian verb *past'*, the author describes a particular case in the formation of aspectual pairs in this language, i.e. the so-called "two-stem perfectivization". Also focusing on Russian (though on the background of a comparative Slavic perspective), Petrushina's study deals with some important theoretical and terminological issues concerning the grammaticalization of aspect and the formation of the aspectual pairs.

Finally, Muro's paper is dedicated to the phenomenon of preverb stacking, especially productive in some Slavic languages such as Bulgarian; his contribution also contains the first attempt at a typological classification of the phenomenon, taking into consideration linguistic areas very far from Slavic, such as North and Central America.

This volume is the result of over five years of research activities carried out by the members of the research group *ASP: Slavic verbal aspect in a diachronic, comparative and typological perspective*, initiated in 2011 at the University of Padua under the supervision of Rosanna Benacchio. The group included Ph.D. students and grantees of the Department of Linguistic and Literary Studies. In 2013, the coordinator was awarded funding for the University Project *Slavic verbal aspect: grammaticalization in a comparative and typological perspective, with special reference to prefixation*. This project culminated in the workshop *The Role of Prefixes in the Formation of Aspect and related categories* (Padua, 28-29 September 2015). The volume is a collection of papers presented at the workshop, which also saw the participation of the members of the *ASP* group.

The editors acknowledge the generous help of the Department of Linguistic and Literary Studies of the University of Padua for its contribution to the publication of this volume.

For ensuring a rigorous double-blind reviewing process special thanks are due to Laura Salmon and Maria Bidovec from the editorial board of the series *Biblioteca di Studi slavistici*, of which this volume is part.

Many thanks also to the staff of FUP (most especially Elisa Logli) for their valuable assistance throughout the editorial process.

*Rosanna Benacchio
Alessio Muro
Svetlana Slavkova*

От редакторов

Среди проводимых в последние годы исследований, прежде всего типологического характера, затрагивающих область глагольного вида и процессы его грамматикализации, особо выделяется тема глагольной префиксации. Известно, что в славянских языках (наиболее активно изучаемых с точки зрения вида глагола и представляющих собой явление в некотором смысле прототипическое для данной категории) видовая система основывается на перфективных формах, образованных путем присоединения к глаголам префиксов, выполняющих функцию ограничителей, показателей адвербиального типа. Эти показатели первоначально конкретизировали пространственные или акциональные характеристики глаголов, однако впоследствии, в результате диахронического развития в сторону грамматикализации, они приобрели другие, более абстрактные значения и, прежде всего, значение предельности действия, которое и легло в основу перфективности. Подобные процессы коснулись и других, неславянских языков (и не только индоевропейских), в глагольных системах которых префиксы также играли важную роль.

Именно к этой области научных изысканий относятся статьи, вошедшие в настоящий сборник. В них анализируются и сопоставляются не только различные славянские языки, но и другие индоевропейские (и не только) языки, которые также выражают категорию вида (возможно, иным способом) и которым присуще (или было присуще) явление глагольной префиксации. Иными словами, в представленных в сборнике статьях подчеркивается многообразие видовых систем, в которых префиксы используются в качестве ‘перфективаторов’, определяются возможные ограничения в их использовании, исследуются пути грамматикализации и лексикализации видовых морфем.

В частности, особое внимание в сборнике уделяется способам грамматикализации глагольного вида в ситуациях языкового контакта. Этой теме посвящены три работы. П.М. Аркадъев фокусирует свое внимание на особенностях видовых систем неславянских языков (идиш, цыганского, ливского, истрорумынского), находившихся в длительном контакте со славянскими языками. В еще двух статьях (Бенаккьо, Стэнвейк и Брой, Пила, Шольце) анализируется грамматикализация вида в миноритарных славян-

ских языках, развивавшихся в ситуации прямого контакта с романскими и германскими языками.

Две статьи посвящены древним языкам. В частности, в работе Д. Берточчи анализируются видовые свойства префиксов в латыни, а Дж. Кампайс рассматривает вклад феномена префиксации в процесс грамматикализации славянского вида в праславянскую эпоху.

Диахроническому развитию процесса грамматикализации славянского глагольного вида посвящена работа С. Дики. В ней особое внимание уделяется префиксу *у-*, который, по мнению автора, сыграл ключевую роль в развитии перфективирующей функции префиксов в славянских языках. В работе Б. Вимера детально рассматривается взаимодействие морфологических механизмов префиксации и суффиксации на различных стадиях грамматикализации славянского вида.

Несколько работ посвящено современным славянским языкам. Так, например, Ф. Эсван рассматривает механизмы перфективации и имперфективации заимствованных глаголов в современном чешском языке, а в работе С. Славковой сопоставляется поведение префикса *по-* в русском и в болгарском языках и анализируется развитие аттенуативного значения префикса.

Современному русскому языку посвящена работа Л. Руволетто, в которой рассматриваются функции префиксов в глаголах, образованных путем префиксации от глаголов неопределенного движения. В своей статье В.А. Плунгян, исследуя в диахроническом плане употребление глагола *пасть*, анализирует такой своеобразный случай образования видовой пары в русском языке, как «двухосновная перфективация». Также на основе русского языка, но в сопоставлении с другими славянскими языками, Е.В. Петрухина исследует некоторые важные теоретические и терминологические вопросы, касающиеся грамматикализации вида и образования видовой пары.

В статье А. Мура анализируется феномен множественной префиксации, отличающийся особенной продуктивностью в некоторых славянских языках, в частности, в болгарском; кроме того, автором предложена первая попытка типологического описания явления полипрефиксации с учетом его реализации в коренных языках Северной и Центральной Америки.

Настоящий сборник является результатом более чем пятилетней исследовательской работы, выполнявшейся, начиная с 2011 года, под руководством проф. Розанны Бенаккьо в рамках проекта *ASP: Slavic verbal aspect in a diachronic, comparative and typological perspective*. В научно-исследовательскую группу вошли аспиранты и другие слависты Падуанского университета. В 2013 году исследовательская группа получила финансовую поддержку на реализацию нового проекта (*Slavic verbal aspect: grammaticalization in a comparative and typological perspective, with special reference to prefixation*), посвященного вопросам глагольной префиксации. В рамках проекта, среди прочего, была проведена Международная конференция *Роль префиксов в процессе формирования категории аспектуальности. Вопросы грамматикализации* (Падуя, 28-29 сентября 2015 г.). В настоящий сборник вошла

бóльшая часть представленных на конференции докладов, в том числе и доклады участников проекта *ASP*.

Сорник публикуется при поддержке Отделения лингвистических и литературоведческих исследований (Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari - DiSLL) Падуанского университета. Мы признательны руководству Отделения за предоставленную возможность.

Особую благодарность хочется выразить редколлегии серии «Biblioteca di Studi slavistici» (в рамках которой выходит в свет наш сборник) в лице Лауры Сальмон и Марии Бидовец, обеспечивших двойное слепое рецензирование всех статей сборника.

Мы признательны также сотрудникам издательства Firenze University Press (в частности, Элизе Лолби) за их ценную помощь в процессе оформления сборника.

*Розанна Бенаккьо
Алессио Мура
Светлана Славкова*

Borrowed preverbs and the limits of contact-induced change in aspectual systems

Peter Arkadiev

1. Introduction¹

In this article I address the issue of the degree of contact-induced influence on aspectual systems mediated by borrowing or calquing of morphological material, primarily verbal prefixes (preverbs). By surveying four cases of such influence with a Slavic or Baltic language as a donor and a non-Slavic language (Romani, Livonian, Yiddish and Istroromanian) as a recipient, I show that even in situations of intense language contact manifested by heavy borrowing of preverbs or their functions, the recipient languages fail to transfer from the donor language the grammatical category of aspect and end up with systems either considerably less grammaticalized than those of the donor languages or organized according to different principles, even if based on borrowed material.

The paper is organized as follows. In section 2 I provide a brief characterization of the domain of inquiry, i.e. “Slavic-style” aspect and contact-induced grammatical change, couched in terms of recent typologically-oriented approaches. In sections 3 and 4 I discuss the empirical data, starting with the case of (Eastern) Yiddish, which has reorganized its originally Germanic system of verbal prefixes on the basis of the Slavic model, then passing to languages which have borrowed Slavic or Baltic prefixes, and ending with the rather special case of Istroromanian. In section 5 I summarize my conclusions.

¹ I am grateful to the participants of the conference *The role of prefixes in the formation of aspect and related categories. Problems of grammaticalization* (Padua, 28-29 September 2015) for the useful feedback on the presentation this article is based on, and to Rosanna Benacchio for her kind invitation to participate. I also thank Kirill Kožanov, Anton Tenser and Björn Wiemer, as well as two anonymous reviewers and the editors of the volume for their comments on the first version of the article. All faults and shortcomings remain mine. The work has been supported by the Russian Foundation for the Humanities, grants # 14-04-00580 and 17-04-00444.

2. Theoretical preliminaries

2.1. Slavic-style aspect

“Slavic-style” aspect is a term coined by Dahl (1985: 84-89) to cover the aspectual systems sharing the following characteristics, primarily associated with Slavic languages (hence the term), but also exhibited elsewhere:

- “perfective” and “imperfective” are not part of the inflectional system but rather (productive) derivational categories (as evidenced both by their morphological expression, which is independent of and compatible with tense, mood and other verbal inflection, and by a considerable degree of lexical selectivity and idiosyncrasy);
- simplex verbs are predominantly imperfective and denote processes (both atelic and telic, but the latter do not include culminations) and states;
- perfective verbs denoting events, notably, culminations of telic processes, are derived from simplex verbs by means of lexically selective perfectivizing elements such as prefixes (preverbs), whose main (and historically original) function is lexical modification of the situation denoted by the base verb (Aktionsart).

Such aspectual systems are attested mainly in the vicinity of the Slavic languages, e.g. in Baltic (Lithuanian and Latvian), Hungarian, Ossetic, and Kartvelian (Georgian, Svan, Mingrelian, Laz), but are also found in other geographical areas, e.g. in Sino-Tibetan (Qiangic and rGyalrongic languages), in Austronesian (some Micronesian languages), in Chadic (e.g. Margi), Quechuan and Aymaran (see e.g. Breu 1992, Tomelleri 2008, 2009, 2010, Plungian 2011, Arkadiev 2014, Arkad'ev 2015, Arkad'ev, Šluinskij 2015). In many of these languages, e.g. in Margi and Quechuan, perfectivization is expressed by suffixes rather than prefixes, although the latter are not limited to the geographical area close to Slavic, being attested e.g. in the Sino-Tibetan languages.

The aspectual categories of the Slavic languages have been considered highly grammaticalized (to the extent that in Russian aspectology there is a tradition to treat at least some of the aspectual oppositions as inflectional, see Gorbova 2014, 2015 for a recent discussion) by the following criteria (cf. Vimer 2001, Lehmann 2004, Wiemer, Seržant 2017):

- the presence of (secondary) imperfectivization alongside perfectivization, implying a degree of obligatoriness and paradigmaticization of the aspectual opposition;
- the existence of the so-called “empty prefixes”, corresponding to the notion of “semantic bleaching” indicative of grammaticalization;
- most notably, nearly complementary distribution of aspects across contexts partly defined in terms of morphosyntax rather than semantics (e.g. the con-

sistent use of the imperfective with phasal verbs in all standard Slavic languages), and the lack of a common “semantic denominator” for all the uses of each of the aspects, as evidenced by the rather futile attempts at formulating the putative “semantic invariant” of the aspects as well as the frequent characterization of the Imperfective aspect as “unmarked” (cf. e.g. Fortuin, Kamphuis 2015).

However, even if highly grammaticalized, aspectual categories show considerable and principled variation across Slavic languages, as has been shown by a number of recent studies such as e.g. Stunová (1993), Petruchina (2000), Dickey (2000, 2005, 2008, 2015), Wiemer (2008), Vimer (2015), Fortuin, Kamphuis (2015), among many others. This variation reveals itself in such parameters as differences in the productivity of (secondary) imperfectivization (generally increasing from West to East, cf. Petruchina 2000), differences in the choice and productivity of “empty prefixes” (see e.g. Dickey 2005, 2008), if this notion is valid at all, cf. Janda *et al.* (2013), and, finally, variation in the distribution of aspects in many contexts, implying differences in the semantics of aspects among individual languages.

Moreover, as recent studies such as Tomelleri (2008, 2009, 2010) and Arkadiev (2014), Arkad’ev (2015) have shown, not all of the features traditionally associated with Slavic aspect are found in the languages with a similar kind of aspectual system (e.g. the pan-Slavic ban on perfective verbs under phasal predicates is conspicuously absent in Baltic and Hungarian; likewise, many languages lack secondary imperfectivization etc.), which does not necessarily render the non-Slavic systems “not grammaticalized” – rather, they are grammaticalized in a different way. In fact, the adequate assessment of the place of the Slavic and “Slavic-style” aspectual systems in the typology of aspect and verbal systems in general is still largely lacking, crucially requiring much more empirical work on languages with derivational aspectual categories (see Arkad’ev, Šluinskij 2015 for a pilot typological study).

Finally, the grammaticalization of “aspect” as a rather abstract morphosyntactic or morphosemantic feature (in the sense of Dahl 2004: Ch. 9) manifesting itself on the levels of morphology, syntax, semantics and pragmatics, should be distinguished from the grammaticalization of formal means of expression of perfectivity and imperfectivity in their different flavors, such as e.g. aspectual prefixes. As has been shown in Vimer (2001) and Arkad’ev (2008) for Lithuanian, productive employment of prefixes to mark perfectivity does not necessarily entail grammaticalization of aspect.

2.2. Contact-induced grammatical change

In this paper I distinguish two major types of borrowing or transfer from the donor language to the recipient language (see e.g. Sakel 2007, Gardani *et al.* 2015): MATter borrowing, i.e. “direct replication of morphemes and phonological shapes from a source language” (Matras, Sakel 2007: 829) and PATtern

borrowing, which the same authors define as “re-shaping of language-internal structures” when “it is the patterns of distribution, of grammatical and semantic meaning, and of formal-syntactic arrangement .. that are modeled on an external source” (*ibidem*: 829-30). These phenomena have been long known as borrowing proper and calquing, respectively, but the unified terminology proposed by Sakel and Matras is more appealing (cf. also Johanson 1999, 2008 on “global” vs. “selective” code-copying).

The influence of languages with “Slavic-style” aspect on their neighbours has been studied from the perspective of language contact, see e.g. Wexler (1964, 1972), Talmy (1982), Šišigin (2014, 2015, 2016) on Yiddish, Ariste (1973), Iglá (1998), Rusakov (2001), Schrammel (2002, 2005), Kožanov (2011) on Romani, Klepikova (1959) and Hurren (1969) on Istoromanian, Kardelis, Wiemer (2002), Pakerys, Wiemer (2007), Wiemer (2009) on Lithuanian dialects. The aim of this article, rather than to contribute new empirical material, is to offer a synthetic overview of several contact situations with “Slavic-style” aspect in the model language on the basis of existing literature and to demonstrate the limits of contact-induced change in the domain of grammatical aspect as distinct from perfectivization by means of preverbs.

3. PAT-borrowing of prefixes

It is well known that Eastern varieties of Yiddish have restructured the inherited Germanic system of preverbs under the influence of the neighbouring Slavic languages such as Polish, Belorussian, Ukrainian and Russian, see Wexler (1964, 1972), Talmy (1982) and a recent book-length study by Šišigin (2016). Notably, the Yiddish preverbs have acquired the systematic perfectivizing function (or perhaps have retained this function from Old German, in contrast to Modern High and Low German, which have largely lost prefixal perfectivization; see Eroms 1997, Wischer, Habermann 2004 on older stages of German).

Contact influence on the system of Yiddish verbal prefixes is mostly manifested in the copying of polysemy patterns, cf. examples (1)-(3). Note that some of the uses of Yiddish prefixes correspond not only to the Slavic ones, but to the German ones as well, while many other differ from them markedly.

- (1) Yiddish
preverb *iber-* ‘over’
ibershraybn ‘copy, rewrite’ ~ Rus. *perepisat*’, Germ. *überschreiben* ‘id.’
iberton zikh ‘change clothes’ ~ Rus. *pereodet’sja* vs. Germ. *übertun* ‘overdo’
ibervinken zikh ‘wink to each other’ ~ Rus. *peremigivat’sja* vs. no Germ. analogue (Talmy 1982: 243)
- (2) preverb *far-* ‘resultative’
farblijen ‘start blooming’ ~ Rus. *zavesti* vs. Germ. *verblühen* ‘cease blooming’
fartrinken ‘drink down after’ ~ Rus. *zapit*’ vs. Germ. *vertrinken* ‘spend money on drink’

farshraybn ‘write down’ ~ Rus. *zapisat*’ vs. Germ. *verschreiben* ‘prescribe’ (Wexler 1972: 99-100)

- (3) preverb *unter-* ‘under’

untergebn ‘add’ ~ Pol. *poddać* ‘id.’ vs. Germ. *untergeben* ‘subordinate’ (adjective)

untergishn ‘pour more’ ~ Rus. *podlit*’ vs. Germ. *hinzugießen*

unterzogn ‘prompt, give a cue’ ~ Rus. *podskazat*’ vs. Germ. *untersagen* ‘prohibit’ (Šišigin 2016: 139-140)

Copying of the Slavic more abstract Aktionsart and even of the “purely perfectivizing” uses of prefixes has also occurred, cf. the examples in (4). It is worth noting that the Germanic prefixes in such functions occur both with native Yiddish and Slavic borrowed verbs.

- (4) preverb *on-* ‘surface’

onshraybn ‘write’ ~ Rus. *napisat*’

ontseykhenen ‘paint’ ~ Rus. *narisovat*’

onkormen ‘feed’ ~ Rus. *nakormit*’

ontrinken ‘let drink’ ~ Rus. *napoit*’ (Šišigin 2016: 84, 87)

The issue of grammatical aspect in Yiddish has been subject to much controversy, cf. Aronson (1985) and Gold (1999) for critical overviews. On the one hand, prefixes can have clear aspectual impact, cf. examples (5a) and (5b), where the absence resp. presence of the prefix correlates with the imperfective (simultaneity) vs. perfective (precedence) interpretation.

- (5) a. *Ven zi hot ge-kox-t vetschere,*
when she.NOM have.PRS.3SG PTCP-cook-PTCP supper
iz bay ir arop-ge-fal-n a meser.
be.PRS.3SG at she.OBL PVB-PTCP-fall-PTCP INDF knife
‘While she was cooking supper she dropped a knife.’ (Gold 1999: 104)

- b. *Ven er hot tse-schnit-n dos broyt,*
when he.NOM have.PRS.3SG PVB-cut-PTCP DEF.SG.N bread
iz im aroys-ge-fal-n dos meser fun hant.
be.PRS.3SG he.OBL PVB-PTCP-fall-PTCP DEF.NOM.N knife from hand
‘After he had cut the bread he dropped the knife.’ (*ibidem*)

On the other hand, the use of prefixed verbs in perfective contexts is not obligatory in Yiddish, and neither are prefixed verbs banned from imperfective contexts (Gold 1999: 75; cf. Aronson 1985), cf. examples (6)-(8); the last example shows that prefixed verbs in Yiddish can combine with phasal predicates.

- (6) *Shpor-n zey op fun di kleyne fardinst-n.*
save-PRS.3PL they.NOM PVB from DEF.PL small earning-PL
‘They save from their small earnings.’ (Gold 1999: 75)

- (7) *Vi a fish lig-t er op gantse sho-en*
 like INDF fish lie-PRS.3SG he.NOM PVB many hour-PL
unter-n vaser.
 under-DEF water
 ‘He lies under the water like a fish for many hours.’ (ibid.)
- (8) *Es hob-n on-ge-hoyb-n aroys-gey-n etlekhe pedagogishe*
 it have-PRS.3PL PVB-PTCP-start-PTCP PVB-go-INF several pedagogical
zhurnal-n.
 magazine-PL
 ‘There started being published (lit. go out) several pedagogical magazines.’ (Corpus of Modern Yiddish <<http://corpustechnologies.com:8080/YNC>>)

As Talmy (1982: 242) concludes, “[w]hereas the Slavic prefix indicates ... that the end point of a process is actually **reached** (unless countermanded by a secondary suffix), the Yiddish prefix indicates, rather, that the end point of a process is **in view**” (emphasis in the original). Thus, the use of the Slavicized prefixes in Yiddish has more to do with telicity, i.e. lexically encoded actional properties, rather than with perfectivity (grammatical aspect) per se, which, especially in the light of the observation by Gold (1999: 72) that “whether a verb is classified as perfective or imperfective has no other ramifications for the language”, suggests a weaker degree of grammaticalization.

4. MAT-borrowing of preverbs

In this section I will present several case studies of languages which have borrowed whole systems of Slavic or Baltic verbal prefixes and use them as verbal modifiers and perfectivizers.

4.1. Romani²

Wholesale borrowing of Slavic and Baltic (as well as Hungarian) verbal prefixes has occurred in a number of Romani varieties. Thus, North-Russian Romani uses Russian-origin prefixes as lexical modifiers of verbs, example (9), as well as perfectivizers, example (10).

North Russian Romani (Rusakov 2001: 315–316)

- (9) *ot-* ‘away’: *otdes* ‘give away’ ~ Rus. *otdat*
vy- ‘out’: *vydes* ‘give out’ ~ Rus. *vydat*

² I am grateful to Kirill Kožanov and Anton Tenser for their generous help with the Romani data.

- raz-* ‘apart’: *rozdes* ‘distribute’ ~ Rus. *razdat*
 (10) *po-*: *popuchne* ‘they asked’ ~ Rus. *poprosili*
u-: *uchorde* ‘they stole’ ~ Rus. *ukrali*

Likewise, Latvian Romani uses the Latvian-origin prefixes in comparable functions (Ariste 1973, Manuš-Belugin 1973), cf. (11), and Bulgarian Romani uses prefixes originating in Bulgarian (Igla 1998: 67-70), cf. (12).

- (11) Latvian Romani (Ariste 1973: 80)
nočhindža ‘cut off’ ~ Ltv. *nogriezt*
uzdžinena ‘get to know’ ~ Ltv. *uzzināt*
- (12) Bulgarian Romani (Igla 1998: 68)
zasovav ‘fall asleep’ ~ Blg. *zaspja*
izxav ‘eat up’ ~ Blg. *izjam*

According to Rusakov (2001: 314), massive borrowing of the Russian verbal prefixes has induced a restructuring of the North-Russian Romani tense-aspect system: the original system with an inflectional distinction between the perfective and imperfective past tenses has been replaced by a symmetrical system with tense and aspect expressed independently of each other (cf. Table 1).

Table 1.
 Restructuring of the tense-aspect system in North-Russian Romani

original system		new system	
perfective past <i>bagand'a</i> ‘sang’	imperfective past <i>bagavas</i> ‘was singing’	imperfective past <i>bagand'a</i> ‘sang/was singing’	perfective past <i>sbagand'a</i> ‘sang’
non-past <i>bagala</i> ‘sings, is singing, will sing’		(imperfective) present <i>bagala</i> ‘sings, is singing’	
		imperfective future <i>lela te bagal</i> ‘will sing/ be singing’	perfective future <i>sbagala</i> ‘will sing’

However, the actual situation is less straightforward. As Rusakov (2001: 315-316) notes, there is no direct match between the aspectual functions of Romani and Russian prefixed vs. simplex verbs, rather Romani verbs exhibit a degree of free variation “without any obvious difference in meaning”. Cf. the following pair of examples, where both the prefixed and the simplex verbs are used as equivalents to the Russian prefixed perfective *uznali* ‘got to know’:

(13) North Russian Romani (Rusakov 2001: 315)

- a. *I av-ne rom-a, u-galy-ne*
 and come-PST.3PL Rom-DIR.PL PVB-understand-PST.3PL
so joj but-y ker-d'-a.
 that she.DIR work-DIR.SG do-PST-3SG
 ‘And the Roma came, (they) discovered that she worked.’
- b. *Nu dote gy-ne pal la-tyr te rod-en*
 well there go-PST.3PL for she.OBL-ABL COMP look.for-SBJ.3PL
i vdrug galy-ne...
 and suddenly understand-PST.3PL
 ‘And then (they) went to look for her, and suddenly discovered...’

Likewise, prefixed verbs are attested in unequivocally imperfective contexts in conjunction with unprefixed verbs, as in example (14) from an original literary text, notably featuring the “old” imperfective past in the habitual function.

(14) Soviet Romani (Kožanov 2015: 3)

- Lynk-o ad'ake že sar-e dyves-a paš-l-o*
 Lynko-DIR.SG this.way PTC all-DIR.PL day-DIR.SG lie-PTCP-DIR.SG.M
sys pro bov i toko, koli za-kam-el-as
 be.PST.3.SG on stove.DIR.SG and only when PVB-want-3SG-HAB.PST
te xa-l, jov s-dža-l-as e bov-es-tyr
 COMP eat-SBJ.3SG he.DIR PVB-go-3SG-HAB.PST ART stove-OBL.SG-ABL
i phen-el-as Raxil'-a-ke.
 and say-3SG-HAB.PST Rachel-OBL.SG-DAT
 ‘Lynko would thus lie on the stove for whole days, and only when he became hungry (Rus. imperfective *xotel est*’), he would get down (Rus. imperfective *spuskalsja*) from the stove and tell (Rus. imperfective *govoril*) Rachel.’

According to Rusakov (2001: 316-317) and Kožanov (2015: 4), the use of “purely perfectivizing” prefixes with Romani verbs depends on the lexical actional characteristics, so that accomplishment and achievement (telic) verbs normally do not take prefixes even in perfective contexts, while activity (atelic) verbs have a greater propensity for prefixation, as can be seen in example (15).

(15) North Russian Romani (Rusakov 2001: 316–317)

- a. *jov javj-a khere*
 he.DIR come-PST.3SG home
 ‘He **came** home.’ ~ Rus. *prišël*
- b. *joj u-gyj-a le-sa*
 she.DIR PVB-go-PST.3SG he.OBL-INS
 ‘She **went away** with him.’ ~ Rus. *ušla*

Thus, it is legitimate to conclude that although North-Russian Romani has a system of borrowed prefixes used as lexical and aspectual modifiers of verbs,

their role as perfectivizers is not yet fully grammaticalized and depends on lexical and contextual factors.

4.2. Livonian

Wholesale borrowing of prefixes also occurred in Livonian, a now extinct Finno-Ugric language which has been in intense contact with Latvian for at least a millennium (cf. Wälchli 1996, 2000 for an overview of Livonian-Latvian contact phenomena). The prefixes of Latvian origin in Livonian have been studied by de Sivers (1971), cf. also Sjögren (1861: 43-45), Wälchli (2001: 418), Ernštreits, Kļava (2014: 83-85). They occur as spatial as well as non-spatial lexical modifiers of verbs, as in examples (16) and (17), and as perfectivizers, as in example (18).

- (16) *lādō* ‘go’: *aizlādō* ‘go **out**’ (~ Ltv. *aiziet*), *aplādō* ‘go **around**’ (~ Ltv. *apiet*), *ielādō* ‘go **in**’ (~ Ltv. *ieiet*), *nuolādō* ‘go **up to**’ (~ Ltv. *noiet*), *salādō* ‘come **together**’ (~ Ltv. *saiet*) (de Sivers 1971: 28-29)
- (17) *kītō* ‘speak’: *atkītō* ‘reply’ (~ Ltv. *atbildēt*, *at-* ‘away; in response’), *izkītō* ‘tell’ (~ Ltv. *izteikt*, *iz-* ‘out’) (*ibidem*: 38)
tiedō ‘do’: *attiedō* ‘do in response; open’ (Ltv. *atdarīt*), *nuotiedō* ‘complete’ (~ Ltv. *nodarīt*) (*ibidem*: 31-32)
- (18) *iztiedō* ‘do to completion’ ~ Ltv. *izdarīt* (*ibid.*: 31)
pakītō ‘say’ ~ Ltv. *pateikt* (*ibid.*: 38)
nuomagō ‘sleep for some time’ ~ Ltv. *nogulēt* (*ibidem*: 63)

However, as in Romani, the aspectual uses of the Latvian loan preverbs in Livonian seem to be even less systematic than those of their Latvian prototypes (on the far from straightforward situation with aspect in Latvian see Hauzenberga-Šturma 1979, Holvoet 2000). Prefixed verbs can occur in imperfective contexts, as in example (19), and simplex verbs can be found in perfective contexts, as in example (20).

- (19) *Pāva* *nuo-lāe-b.*
 sun.NOM.SG PVB-GO.PRS-3SG
 ‘Sun **is setting**’, lit. down-goes (de Sivers 1971: 45)
- (20) *Ja* *te-i-tō* *sīe* *tjō* *nei* *jōv-ist.*
 and do-PST-3PL that.GEN.SG work.GEN.SG so good-ADV
 ‘and they **did** the work so well’ (*ibid.*: 61)³

The cases of both North Russian Romani and Livonian clearly demonstrate that Slavic or Baltic prefixes are mostly borrowed into contact languages as lexi-

³ I am grateful to Bernhard Wälchli for kindly providing interlinear glosses for this example.

cal modifiers of verbs with concrete semantic content, spatial as well as non-spatial, while when “aspectual” prefixes (or rather aspectual functions of prefixes) are also borrowed, their use does not become systematic, let alone obligatory. Hence, even the borrowing of whole systems of preverbs does not lead to the emergence of grammatical aspect in the recipient languages. In the next section we will see that even in a language which has apparently acquired a “Slavic-style” aspectual system via contact, i.e. Istroromanian, the result is not a mere copy of the Slavic prototype.

4.3. Istroromanian

Istroromanian is a unique case of a language, which has borrowed from Slavic (Čakavian Croatian) not only a system of perfectivizing verbal prefixes, but the imperfectivizing suffix *-va* as well (Klepikova 1959, Hurren 1969, Kovačec 1966: 70–74, 1971: 125–130). This has been probably due to a large number of borrowed lexical verbs acquired by Istroromanian during several centuries of intense and asymmetric influence from Slavic (see Dahmen 1989: 448–453, Kattunar 2008 on the history and sociolinguistics of Istroromanian). Istroromanian uses Slavic prefixes both as lexical modifiers of verbs, as in example (21), and as perfectivizers, as in example (22). In the perfectivizing function we find not only the prefixes of Slavic origin, but also the few inherited Romance preverbs (Dahmen 1989: 455), cf. *ānvisā* ‘dream’.

- (21) *rez-* ‘apart’: *lega* ‘tie’ ~ *rezlega* ‘untie’, cf. Hrv. *razvezati* (Klepikova 1959: 45)
na- + reflexive ‘enough’: *durmi* ‘sleep’ ~ *nadurmi (se)* ‘sleep enough’, cf. Hrv. *naspati se* (*ibidem*: 39)
ze- ‘start’: *plānje* ‘weep’ ~ *zeplānje* ‘burst into tears’, cf. Hrv. *zaplakati* (*ibid.*: 45)
- (22) *ćira* ~ *poćira* ‘have supper’, cf. Hrv. *povečerati* (*ibidem*: 38)
parti ~ *resparti* ‘divide’, cf. Hrv. *razdijeliti* (*ibidem*: 43)

The borrowed imperfectivizing suffix *-va* occurs both with simplex bases, as in example (23), and with prefixed bases, as in example (24), thus serving as a secondary imperfectivization device.

- (23) *a mnat* ‘s/he went’ ~ *mnaveit-a* ‘they were going’ (Klepikova 1959: 48)
a scutat-av ‘s/he heard’ ~ *scutaveit-a* ‘s/he was listening’ (*ibidem*: 49)
- (24) *rescl’ide* ‘open!’ ~ *rescl’idaveit-a* ‘s/he kept opening’ (*ibidem*: 58-59)
zedurmit ‘they fell asleep’ ~ *zedurmiveaia* ‘they were falling asleep’ (*ibidem*)

Istroromanian is claimed to have a grammaticalized aspectual opposition involving different morphological relations between imperfective and perfective verbs (Kovačec 1966: 71-72; Hurren 1969), summarized in Table 2.

Table 2.
Relations between imperfective and perfective verbs in Istroromanian

	imperfective	perfective
prefixation	<i>torče</i> ‘spin’	<i>potorče</i> ‘spin’
suffixation	<i>cadavei</i> ‘fall’ <i>potpisivei</i> ‘sign’	<i>cade</i> ‘fall’ <i>potpisei</i> ‘sign’
conjugation class change	<i>hitei</i> ‘throw’	<i>hiti</i> ‘throw’
suppletion	<i>be</i> ‘drink’	<i>popi</i> ‘drink’

However, the distribution of simplex vs. prefixed vs. suffixed verbs in Istroromanian is not fully similar to that found in Slavic, in particular since many simplex verbs, of both Romance and Slavic origin, are treated as perfectives and form imperfective counterparts by suffixation, cf. example (25) with a Romance-origin verb and example (26) with a Slavic-origin verb⁴. It is possible that the recategorization of many simplex verbs of both Romance and Slavic origin as perfective has been due to the analogical extension of the Slavic-style model of prefixal perfective vs. suffixal secondary imperfective “pairs”, which must have become productive in Istroromanian due to both lexical and morphological borrowing.

- (25) a. *Scund-e=te* *su* *pātu* *lu* *ia*.
hide[PFV].IMP.2SG=2SG.ACC under bed.SG to she.DAT
‘Hide (Rus. perfective *sprjač’šja*) under her bed.’ (Klepikova 1959: 49)
- b. *Ancea* *maranc-u* *și* *me* *ascund-av-es*.
while eat-PRS.3PL and 1SG.OBL hide-IPFV-PRS.1SG
‘I am hiding (Rus. imperfective *prjačus*’) while they are eating.’ (*ibidem*)
- (26) a. *și=av* *pisai-t* *un* *libr-u*.
and=have.PRS.3SG write[PFV]-PTCP INDF book-SG
‘and wrote (Rus. perfective *napisal*) a book.’ (*ibidem*: 52)
- b. *Ie* *nu* *l’=a* *iedănaist* *an* *pis-ivei-t*.
he.NOM NEG they.DAT=have.PRS.3SG eleven year write-IPFV-PTCP
‘He didn’t write (Rus. imperfective *pisal*) to them for eleven years.’ (*ibidem*)

It has to be noted that simplex verbs with the imperfectivizing suffix have not only the iterative, but also the durative or progressive value (Klepikova 1959: 50, 52; cf. Hurren 1969: 70), see examples (27) and (28).

⁴ Zegrean (2012: 126), evidently following Kovačec (1971: 125-130), states that the simplex vs. suffixed verbs are opposed as “imperfective” vs. “iterative”, but does not provide confirming examples; examples given by Klepikova (1959) clearly indicate that the opposition is rather “perfective” vs. “imperfective”.

- (27) *Prevt-u jos mai jos cad-avei-t.*
 priest-SG down more down fall-IPFV-PTCP
 ‘The priest was falling lower and lower.’ (Klepikova 1959: 50)
- (28) *Prende ie trec-avei-t=a, tel-a cral’-u*
 where he.NOM pass-IPFV-PTCP=have.PRS.3SG this-NOM.SG.M king-SG
dobi-vei-t.
 win-IPFV-PTCP
 ‘Where he passed, this king, he kept winning.’ (*ibidem*: 52)

My hypothesis about the makeup of the Istroromanian aspectual system is summarized in Table 3. From the data at hand it appears that telic and atelic base verbs behave differently with respect to perfectivizing prefixation: simplex verbs denoting telic processes and punctual events are usually perfective and form imperfective “partners” by suffixation, while simplex atelic verbs denoting states and activities, like in Slavic, are imperfective and admit perfectivizing prefixation and formation of suffixal iteratives. As to lexical modification by prefixes, which also induces perfectivization, it is available to all verbs, just as secondary suffixal imperfectivization.

Table 3.
 The Istroromanian aspectual system

telic base verbs	atelic base verbs
– simplex perfectives ~ suffixal imperfectives	– simplex imperfectives ~ prefixal perfectives – suffixal iteratives
lexical modification by prefixes ~ suffixal secondary imperfectives/iteratives	

Thus, Istroromanian has borrowed from Slavic both the formal means of expressing perfectivity and imperfectivity and the more abstract aspectual opposition itself, but the resulting system is markedly different from the Slavic prototype, to the extent that Slavic originally imperfective verbal loans have been reinterpreted as perfective. This clearly shows that such complex linguistic phenomena as aspectual systems comprising both functional and morphological oppositions arise via long-term language-internal processes (cf. Dahl 2004 on “mature” linguistic features) rather than by (even extreme) borrowing.

5. Conclusions

In this article I have shown that, on the one hand, borrowing of both matter (perfectivizing prefixes and, more rarely, the imperfectivizing suffix) and

pattern (polysemy and the perfectivizing function of prefixes) from languages with “Slavic-style” aspect into languages with very different verbal systems is a well-attested phenomenon, but, on the other hand, even extensive borrowing does not lead to the creation in the recipient languages of aspectual categories grammaticalized to a degree similar to those of the donor languages. This is in line with the observation by Heine (2012: 132) that “replica categories are generally less grammaticalized than the corresponding model categories”. This observation is corroborated by the fact that verbal aspect is conspicuously absent from the well-known lists of “balkanisms” (Aronson 1981, Rusakov 2007: 86-87, Rusakov, Sobolev 2008: 28-29), i.e. linguistic features that have arisen due to diffusion and contact. Indeed, extensive language contact and influence of non-Slavic languages does not seem to have had any effect on the development of the “Slavic-style” aspect in Bulgarian and Macedonian, and neither have the aspectual systems of the latter served as models for replication in the non-Slavic Balkan languages (cf. e.g. Iglá 1998: 70 on the aspectual system of Bulgarian Romani, which has experienced influence from the Slavic languages, but has by no means fully converged towards the Bulgarian system, notably, not employing the borrowed prefixes for aspectual purposes).

Even in the case of “extreme” borrowing as in Istroromanian, the resulting system, arguably highly grammaticalized, is a result of language-internal development and refunctionalization of borrowed material, rather than a direct copy of any Slavic system, as evidenced by the non-trivial treatment of many simplex borrowed verbs, which are imperfective in the source Slavic language but perfective in Istroromanian. This is also not surprising, since perfect cross-language alignment of highly grammaticalized morphosyntactic patterns is at best infrequent even in cases of the so-called “metatypy” (Ross 2007), i.e. restructuring of basic morphological and syntactic patterns induced by prolonged and intense contact, cf. Wiemer, Wälchli (2012: 37).

To conclude, contact-induced influences in the domain of aspect (at least, of the “Slavic-style” aspect) are to a large extent restricted to both matter- and pattern-borrowing of formally transparent and functionally loaded elements (Weinreich 1953: 34-35, Winford 2003: 91-92, Gardani 2008), i.e. Aktionsarten (including telicity) rather than highly abstract aspectual oppositions, and lexically and semantically, rather than morphosyntactically, determined categories.

Abbreviations

1	first person
2	second person
3	third person
ABL	ablative
ACC	accusative
ADV	adverb

ART	article
COMP	complementizer
DAT	dative
DEF	definite
DIR	direct case
GEN	genitive
HAB	habitual
IMP	imperative
INDF	indefinite
INF	infinitive
INS	instrumental
IPFV	imperfective
M	masculine
N	neuter
NEG	negation
NOM	nominative
OBL	oblique
PFV	perfective
PL	plural
PRS	present
PST	past
PTC	particle
PTCP	participle
PVB	preverb
SBJ	subjunctive
SG	singular

Bibliography

- Ariste 1973: P. Ariste, *Lettische Verbalpräfixe in einer Zigeunermundart*, "Baltistica", 1 (9), 1973, 79-81.
- Arkad'ev 2008: P.M. Arkad'ev, *Uroki litovskogo jazyka dlja slavjanskoj aspektologii*, in: *Slavjanskoe jazykoznanie. XIV meždunarodnyj s'ezd slavistov*, Ochrid, 10-16 sentjabrja 2008 g., Doklady rossijskoj delegacii, Moskva 2008, 28-43.
- Arkad'ev 2015: P.M. Arkad'ev, *Areal'naja tipologija prefiksalnogo perfektiva (na materiale jazykov Evropy i Kavkaza)*, Moskva 2015.

- Arkad'ev, Šluinskij 2015: P.M. Arkad'ev, A.B. Šluinskij, *Slovoklassificirujuščie aspektual'nye sistemy: opyt tipologii*, "Vestnik SPbGU, Serija 9. Filologija. Vostokovedenie, Žurnalistika", 3, 2015, 4-24.
- Arkadijev 2014: P.M. Arkadijev, *Towards an areal typology of prefixal perfectivization*, "Scando-Slavica", 2 (60), 2014, 384-405.
- Aronson 1981: H. I. Aronson, *Towards a typology of aspect in the languages of the Balkan peninsula*, "Folia Slavica", 4, 1981, 198-204.
- Aronson 1985: H. I. Aronson, *On aspect in Yiddish*, "General Linguistics", 25, 1985, 171-188.
- Breu 1992: W. Breu. *Zur Rolle der Präfigierung bei der Entstehung von Aspektsystemen*, in: M. Guiraud-Weber, Ch. Zaremba (éd.), *Linguistique et slavistique. Melanges offerts à Paul Garde*, t. 1, Paris 1992, 119-135.
- Dahl 1985: Ö. Dahl, *Tense and Aspect Systems*, Oxford 1985.
- Dahl 2004: Ö. Dahl, *The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity*, Amsterdam 2004.
- Dahmen 1989: W. Dahmen, *Rumänisch: Areallinguistik IV. Istrorumänisch*, in: G. Holtus, M. Metzeltin, Chr. Schmitt (Hrsg.), *Lexikon der Romanistischen Linguistik*, Bd. III, Tübingen 1989, 448-460.
- de Sivers 1971: F. de Sivers, *Die lettischen Präfixe des livischen Verbs*, Nancy 1971.
- Dickey 2000: S. M. Dickey, *Parameters of Slavic Aspect. A Cognitive Approach*, Stanford 2000.
- Dickey 2005: S. M. Dickey, *S-/Z- and the grammaticalization of Aspect in Slavic*, "Slovene Linguistic Studies", 5, 2005, 3-55.
- Dickey 2008: S. M. Dickey, *Prefixes in the grammaticalization of Slavic aspect: Telic s-/z-, delimitative po- and language change via expansion and reduction*, in: B. Brehmer, K. B. Fischer, G. Krumbholz (Hrsg.), *Aspekte, Kategorien und Kontakte slavischer Sprachen. Festschrift für Volkmar Lehmann zum 65. Geburtstag*, Hamburg 2008, 96-108.
- Dickey 2015: S. M. Dickey, *Parameters of Slavic aspect reconsidered: the East-West Aspect Division from a diachronic perspective*, in: I. M. Shrager, E. Andrews, G. Fowler, S. Franks (eds.), *Studies in Slavic Linguistics and Accentology in Honor of Ronald F. Feldstein*, Bloomington 2015, 29-45.

- Ernštreits, Kļava 2014: V. Ernštreits, G. Kļava, *Grammatical changes caused by contact between Livonian and Latvian*, "ESUKA-JEFUL", 1 (5), 2014, 77-90.
- Eroms 1997: H.-W. Eroms, *Verbale Paarigkeit im Althochdeutschen und das 'Tempussystem' im 'Isidor'*, "Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur", 1 (126), 1997, 1-31.
- Fortuin, Kamphuis 2015: E. Fortuin, J. Kamphuis, *The typology of Slavic aspect: a review of the East-West theory of Slavic aspect*, "Russian Linguistics", 39, 2015, 163-208.
- Gardani 2008: F. Gardani. *Borrowing of Inflectional Morphemes in Language Contact*, Frankfurt am Main 2008.
- Gardani et al. 2015: F. Gardani, P. Arkadiev, N. Amiridze, *Borrowed morphology: An overview*, in: F. Gardani, P. Arkadiev, N. Amiridze (eds.), *Borrowed Morphology*, Berlin 2015, 1-23.
- Gold 1999: E. Gold, *Aspect, Tense and the Lexicon: Expression of Time in Yiddish*, Doctoral Dissertation, University of Toronto, 1999.
- Gorbova 2014: E.V. Gorbova, *Eščë raz o vidoobrazovanii russkogo glagola: k slovoizmenitel'noj traktovke vida*, "Russian Linguistics", 38, 2014, 1-21.
- Gorbova 2015: E.V. Gorbova, *Vidoobrazovanie russkogo glagola: prefiksacija i/ili suffiksacija?*, "Voprosy jazykoznanija", 1, 2015, 7-37.
- Hauzenberga-Šturma 1979: E. Hauzenberga-Šturma, *Zur Frage des Verbalaspekts im Lettischen*, "Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung", 93, 1979, 279-316.
- Heine 2012: B. Heine. *On polysemy copying and grammaticalization in language contact*, in: Cl. Chamoreau, I. Léglise (eds.), *Dynamics of Contact-Induced Language Change*, Berlin 2012, 125-166.
- Holvoet 2000: A. Holvoet, *Perfectivization in Latvian*, "Linguistica Baltica", 8, 2000, 89-102.
- Hurren 1969: H. A. Hurren. *Verbal aspect and archi-aspect in Istro-Rumanian*, "La linguistique", 2 (5), 1968, 59-90.
- Igla 1998: B. Igla. *Zum Verbalaspekt im bulgarischen Romani-Dialekten*, "Grazer Linguistische Studien", 50, 1998, 65-79.
- Janda et al. 2013: L. Janda, A. Endresen, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova, *Why Russian Aspectual Prefixes Aren't Empty. Prefixes as Verb Classifiers*, Bloomington 2013.

- Johanson 1999: L. Johanson, *The dynamics of code-copying in language encounters*, in: B. Brendemoen, E. Lanza, E. Ryen (eds.), *Language Encounters across Time and Space*, Oslo 1999, 37-62.
- Johanson 2008: L. Johanson, *Remodeling grammar. Copying, conventionalization, grammaticalization*, in: P. Siemund, N. Kintana (ed.), *Language Contact and Contact Languages*, Amsterdam 2008, 61-79.
- Kardelis, Wiemer 2002: V. Kardelis, B. Wiemer, *Ausbildung von Aspektpaarigkeit in litauischen Grenz- und Inseldialekten (am Beispiel von Sprechverben)*, "Linguistica Baltica", 10, 2002, 51-80.
- Katunar 2008: D. Katunar, *Istrorumunji – jezik i zajednica*, "Diskrepancija", 13, 9, 2008, 81-94.
- Klepikova 1959: G.P. Klepikova, *Funkcii slavjanskich glagol'nych pristavok v istrorumynskom*, in: S.B. Bernštejn (ed.), *Voprosy slavjanskogo jazykoznanija*, vyp. 4, Moskva 1959, 34-72.
- Kovačec 1966: A. Kovačec, *Quelques influences croates dans la morphosyntaxe istroroumaine*, "Studia Romanica et Anglica Zagrabiensia", 21-22, 1966, 57-75.
- Kovačec 1971: A. Kovačec, *Descrierea istroromânei actuale*, București 1971.
- Kožanov 2011: K.A. Kožanov, *Balto-slavjanskije glagol'nye prefiksy v baltijskich dialektach cyganskogo jazyka*, "Acta Linguistica Petropolitana", 7, 3, 2011, 311-315.
- Kožanov 2015: K.A. Kožanov, *Vidovremennaja sistema sovjetskogo literaturnogo cyganskogo jazyka, doklad na 2015 Gypsy Lore Society Annual Meeting, Chişinău, 10-12 sentjabrja 2015 g.*, 2015.
- Lehmann 2004: V. Lehmann, *Grammaticalization via extending derivation*, in: W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.), *What Makes Grammaticalization? A Look from Its Fringes and Its Components*, Berlin 2004, 187-209.
- Manuš-Belugin 1973: L. Manuš-Belugin, *O vlijanii baltijskich jazykov na dialekt latyšskich cygan*, "Izvestija Akademii nauk Latvijskoj SSR", 4 (309), 1973, 124-139.
- Matras, Sakel 2007: Y. Matras, J. Sakel, *Investigating the mechanisms of pattern replication in language convergence*, "Studies in Language", 31, 4, 2007, 829-865.
- Pakerys, Wiemer 2007: J. Pakerys, B. Wiemer, *Building a partial aspect system in East Aukštaitian Vilnius dialects of Lithuanian: Correlations between telic and activity verbs*, "Acta Linguistica Lithuanica", 57, 2007, 45-97.

- Petruchina 2000: E.V. Petruchina, *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom jazyke v sopostavlenii s češským, slovacckim, pol'skim i bolgarskim jazykami*, Moskva 2000.
- Plungjan 2011: V.A. Plungjan, *Tipologičeskie aspekty slavjanskoj aspektologii (nekotorye dopolnenija k teme)*, "Scando-Slavica", 57, 2, 2011, 290-309.
- Rusakov 2001: A.Yu. Rusakov, *The North Russian Romani dialect. Interference and code-switching*, in: Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.), *The Circum-Baltic Languages. Typology and Contact*, vol. 1, Amsterdam 2001, 313-337.
- Rusakov 2007: A.Ju. Rusakov, *Slavjanskije jazyki na Balkanach: aspekty kontaktного vzaimodejstvija*, in: Vjač.Vs. Ivanov (red.), *Areal'noe i genetičeskoe v strukture slavjanskich jazykov. Materialy kruglogo stola*, Moskva 2007, 77-89.
- Rusakov, Sobolev 2008: A.Ju. Rusakov, A.N. Sobolev, *Substancional'no-funkcional'naja teorija balkanskogo jazykovogo sojuza i slavjanskije jazyki*, Sankt-Peterburg 2008.
- Sakel 2007: J. Sakel. *Types of loan: matter vs. pattern*, in: Y. Matras, J. Sakel (eds.), *Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective*, Berlin 2007, 15-29.
- Schrammel 2002: B. Schrammel, *The Borrowing and Calquing of Verbal Prefixes and Particles in Romani Dialects in Contact with Slavic and German*, MA Thesis, Karl-Franzens-Universität, Graz 2002.
- Schrammel 2005: B. Schrammel, *Borrowed verbal particles and prefixes in Romani: A comparative approach*, in: B. Schrammel, D.W. Halwachs, G. Ambrosch (eds.), *General and Applied Romani Linguistics. Proceedings of the Sixth International Conference on Romani Linguistics*, München 2005, 99-113.
- Sjörgren 1861: J. A. Sjörgren. *Livische Grammatik nebst Sprachproben*, St. Petersburg 1861.
- Stunová 1993: A. Stunová, *A Contrastive Study of Russian and Czech Aspect: Invariance vs. Discourse*, PhD Dissertation, Amsterdam Universiteit, 1993.
- Šišigin 2014: K.A. Šišigin, *Genezis glagol'no-prefiks'al'noj sistemy jazyka idiš: ekstralingvističeskie faktory i intralingvističeskie tendencii*, "Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija", 3 (29), 2014, 74-91.
- Šišigin 2015: K.A. Šišigin, *Slovoobrazovatel'naja sistema gibridnogo jazyka: formirovanie, razvitie i funkcionirovanie (na materiale prefiks'al'nych glagolov idiša)*. Dissertacija ... doktora filologičeskich nauk. Kemerovskij gosudarstvennyj universitet, 2015.

- Šišigin 2016: K. A. Šišigin, *Gibridizacija jazykov. Glagol'no-prefiksals'naja sistema idiša*, Moskva 2016.
- Ross 2007: M. Ross, *Calquing and Metatypy*, "Journal of Language Contact", 1 (1), 2007, 116-143.
- Talmy 1982: L. Talmy, *Borrowing semantic space: Yiddish verb prefixes between Germanic and Slavic*, in: Proceedings of the 8th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, 1982, 231-250.
- Tomelleri 2008: V. S. Tomelleri, *L'aspetto verbale slavo fra tipologia e diacronia*, in: A. Alberti, S. Garzonio, N. Marcialis, B. Sulpasso (a cura di), *Contributi italiani al XIV Congresso Internazionale degli Slavisti*, Firenze 2008, 11-61.
- Tomelleri 2009: V. S. Tomelleri, *The category of aspect in Georgian, Ossetic and Russian. Some areal and typological observations*, "Faits des langues", 1, 2009, 245-272.
- Tomelleri 2010: V. S. Tomelleri, *Slavic-style aspect in the Caucasus*, "Suvremena lingvistika", 36 (69), 2010, 65-97.
- Vimer 2001: B. Vimer, *Aspektual'nye paradigmy i leksičeskoe značenie russkich i litovskich glagolov*, "Voprosy jazykoznanija", 2, 2001, 26-58.
- Vimer 2015: B. Vimer *O roli vida v oblasti kratnosti i pragmatičeskich funkcij (eskiz s točki zrenija chronotopii)*, in: R. Benakk'o (ed.), *Glagol'nyj vid: grammatičeskoe značenie i kontekst* [Die Welt der Slaven Bd. 56], München 2015, 585-609.
- Wälchli 1996: B. Wälchli, *Litto-livisches und Livo-lettisches. Eine Studie zur Bedeutungskonvergenz im nordosteuropäischen Kontaktraum*, Lizentiatsarbeit, Universität Bern, 1996.
- Wälchli 2000: B. Wälchli, *Livonian in a genetic, areal and typological perspective, or is Finnish better Finnic than Livonian?*, in: J. Laakso (ed.), *Facing Finnic. Some Challenges to Historical and Contact Linguistics. Symposium at the Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum held in Tartu, Estonia, August 2000*. Castrenianumin toimitteita, T. 59, Helsinki 2000, 210-226.
- Wälchli 2001: B. Wälchli, *Lexical evidence for the parallel development of the Latvian and Livonian verb particles*, Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.), *The Circum-Baltic Languages. Typology and Contact*, vol. 2, Amsterdam 2001, 413-442.
- Weinreich 1953: U. Weinreich, *Languages in Contact. Findings and Problems*, New York 1953.
- Wexler 1964: P. Wexler, *Slavic influence on the grammatical functions of three Yiddish verbal prefixes*, "Linguistics", 2, 1964, 83-93.

- Wexler 1972: P. Wexler, *A mirror image comparison of languages in contact: Verbal prefixes in slavized Yiddish and germanicized Sorbian*, "Linguistics", 82, 1972, 89-123.
- Wiemer 2008: B. Wiemer, *Zur inner-slavischen Variation bei der Aspektwahl und der Gewichtung ihrer Faktoren*, in: S. Kempgen, K. Gutschmidt, U. Jekutsch, L. Udolf (Hrsg.), *Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongress*, München 2008, 383-409.
- Wiemer 2009: B. Wiemer, *Zu entlehnten Verbpräfixen und anderen morphosyntaktischen Slavismen in litauischen Insel- und Grenzmundarten*, in: L. Scholze, B. Wiemer (Hrsg.), *Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten. Festschrift für Walter Breu zu seinem 60. Geburtstag*, Bochum 2009, 347-390.
- Wiemer, Seržant 2017: B. Wiemer, I.A. Seržant, *Diachrony and typology of Slavic aspect: What does morphology tell us?*, in: W. Bisang, A. Malchukov (eds.): *Unity and Diversity in Grammaticalization Scenarios*, Berlin 2017, 239-307.
- Wiemer, Wälchli 2012: B. Wiemer, B. Wälchli, *Contact-induced grammatical change: Diverse phenomena, diverse perspectives*, in B. Wiemer, B. Wälchli, B. Hansen (eds.), *Grammatical Replication and Borrowability in Language Contact*, Berlin 2012, 3-65.
- Winford 2003: D. Winford, *An Introduction to Contact Linguistics*, Oxford 2003.
- Wischer, Habermann 2004: I. Wischer, M. Habermann, *Der Gebrauch von Präfixverben zum Ausdruck von Aspekt/Aktionsart im Altenglischen und Althochdeutschen*, "Zeitschrift für Germanistische Linguistik", 32, 2004, 262-285.
- Zegrean 2012: I.-G. Zegrean, *Balkan Romance: Aspects on the Syntax of Istro-Romanian*, Doctoral dissertation, Università Ca' Foscari, Venezia 2012.

Abstract

Peter Arkadiev

Borrowed preverbs and the limits of contact-induced change in aspectual system

In this article, I survey several cases of contact-induced influence from the Slavic and Baltic languages with productive prefixal perfectivization on such languages as Yiddish, Romani, Livonian and Istoromanian. I show that, despite the fact that both matter and pattern borrowing of entire systems of Slavic or Baltic verbal prefixes is attested,

grammatical aspectual categories similar to those of the donor languages do not arise in the contact languages. Even Istoromanian, which has borrowed from Slavic not only the perfectivizing prefixes but the imperfectivizing suffix as well, has developed an aspectual system markedly different from that of the Slavic prototype. This indicates that abstract grammatical oppositions such as Slavic or “Slavic-style” aspect are immune to direct transfer in language contact.

Keywords: Aspect, verbal prefixes, perfectivity, language contact.

Грамматикализация глагольного вида в резьянском диалекте: исконно славянская и романская лексика*

Розанна Бенаккьо, Хан Стэнвейк

1. Вступление

Изучение глагольного вида в резьянском диалекте представляется весьма интересным, что уже было отмечено в Бенаккьо 2015. Этот диалект, аналогично другим (прежде всего терским и надижским) словенским фриульским диалектам в Италии, с одной стороны представляет собой говор, находящийся на периферии славянской языковой системы (и в связи с этим обладающий разными архаичными чертами), а с другой – это говор, существующий веками внутри романского языкового окружения, в ситуации абсолютного контакта с ним.

В Бенаккьо 2015 мы обратили внимание на морфологические особенности проявления категории глагольного вида, точнее на префиксацию исконно славянских глаголов.

Цель данной работы – продолжить исследование о формальных средствах выражения глагольного вида в резьянском диалекте (в основном о префиксах, но также о суффиксах¹), принимая во внимание, наряду с исконно славянской глагольной лексикой, также и лексику романского происхождения.

Анализ проводился на основе материала, собранного одним из авторов данной статьи в населенном пункте Сан-Джоржо (по-резьянски – Била)² (см. Steenwijk 1992: 237-338). Этот материал послужил своего рода корпусом для ориентировочной информации количественного (частотного) типа

* Настоящая статья является результатом совместной работы двух авторов. Раздел 2 был написан Р. Бенаккьо, в то время как Х. Стэнвейку принадлежит раздел 3. Вступление и Заключение формулировались совместно.

¹ За пределами настоящей работы остается анализ суффикса *-ну-* (см. *mičat / muknut* ‘молчать/замолчать’, *pjüwat / pjüwnut* ‘плевать/плюнуть’), имеющего перфективирующую функцию (чаще всего, с семельфактивным значением). Это интересное явление, требующее отдельного рассмотрения.

² Как известно, говор населенного пункта Сан-Джорджо – Била, в силу своего географического положения (ближе к выходу резьянской долины к фриульской территории), испытал влияние контактирующего романского окружения в большей мере, чем другие варианты резьянского диалекта. В частности, в Сан-Джорджо – Била очень распространено употребление фриульского языка.

относительно употребления префиксов. Данные из этой книги были интегрированы другими данными, взятыми из Steenwijk 2005, а также из словаря, размещенного на сайте *Resianica*). Кроме того, мы проводили опрос информантов из Билы.

Работа делится на две части. В первой части мы принимаем во внимание исконные, славянские, глаголы, а во второй – заимствованные из романских языков. Как мы увидим, в поведении этих двух групп глаголов есть значительные различия. Как в первой, так и во второй части, мы будем обращаться сначала к суффиксации (т.е. к имперфективации), а потом к префиксации (т.е. к перфективации).

2. Исконно славянская лексика

2.1. Суффиксация

Следует прежде всего отличать суффиксацию, которая касается приставочных глаголов (совершенного вида) и реализует их (вторичную) имперфективацию, от суффиксации, касающейся бесприставочных глаголов.

Этот второй тип суффиксации представляет собой более древний способ образования видовой пары, известный всем языкам славянского ареала. Как и ожидалось, он встречается и в резьянском диалекте в применении к глаголам славянского происхождения. Как и в других славянских языках, однако, это относительно редкое явление, по сравнению с другими способами образования видовой пары, т.е. с вторичной имперфективацией, а также с префиксацией.

Имеется в виду суффикс *-a-*, чаще всего появляющийся как *-wa-*, где *-w-* является фонетическим способом разделения двух гласных: корневого гласного инфинитива от самого суффикса³. При этом первый гласный может меняться, в основном в силу действия фонетических законов, характерных для резьянского диалекта, но словообразовательная связь с производным глаголом всегда остается очевидной, прозрачной.

Таковы случаи глагола *šīwat* ‘шить’⁴, образующего пару с производящим *šyt*, а также глаголов *gnīwat (se)* ‘двигать(ся)’ от *gnūt*; *gnjīwat (se)* ‘гнить’ от *gnjyt*; *pučīwat (si)* ‘отдыхать’ от *pučyt (si)*.

³ Как утверждают разные исследования, суффикс *-a-* имел первоначально (в индоевропейском ареале) просто словообразовательную функцию акционального типа и употреблялся для создания глаголов, имеющих дуративную семантику (см. Маслов 2004² (1958/61); Маю 1985: 20).

⁴ Оговоримся сразу, что в настоящем параграфе (как и в 3.2.1), чтобы не перегружать текст, значение глагольных форм, полученных путем первичной суффиксации и образующих видовую пару, представлено в русском переводе только бесприставочным русским глаголом НСВ, который представляется достаточным для передачи лексической семантики резьянских глаголов. Когда же речь будет

То же самое можно сказать по поводу глаголов *čisüwat* ‘убирать’ от *česat*, *ubičüwat* ‘обещать’ от *obačät*, где фонетическое различие между производимой и производной формами больше, так как сам корень подвергается фонетическому изменению: корневой гласный повышается из-за регрессивной ассимиляции.

Подобным образом объясняется и глагольная форма *diwat* ‘девать, говорить’, производная от формы *ġat*⁵, а также и форма НСВ *wdarjat* ‘ударять’, производная от *wdarit*.

Сюда же относится и глагольная пара *dät – dajat* ‘дать – давать’, которая восходит к общеславянской образовательной модели, представленной (наряду с формой с полугласным *w*) и во многих других славянских языках, в том числе и в словенском.

Итак, суффиксация бесприставочных глаголов с функцией имперфективизации – это достаточно редкое явление, отражающее более древнюю словообразовательную модель.

Гораздо более весомым явлением является суффиксация приставочных глаголов (т.е. вторичная имперфективация). Чаще всего она реализуется прибавлением того же самого суффикса *-wa-*, образующего имперфективные формы от бесприставочных глаголов, о котором говорилось выше. И в этом случае, как и в бесприставочных парах, замечается изменение корневого гласного в основном в силу действия фонетических законов, характерных для резьянского диалекта. См., например: *pripisüwat* ‘переписывать’ < *pripisat* (< *pisat*); *namažüwat* ‘намазывать’ < *namazat* (< *mazat*); *namučüwat* ‘замачивать’ < *namučyt* (< *mučyt*); *zabiwat* ‘забывать’ < *zabyt* (< *byt*).

Сюда же можно отнести и случаи, где пара приставочных глаголов СВ и НСВ выглядит как «параллельная префиксация» (*parallel prefixation*) соответствующих бесприставочных форм СВ и НСВ (Mayo 1985: 57; Schuyt 1990: 301-303). Это, например, случаи глаголов *prigät – pridywat* ‘менять’; *wodġat – woddiwat* ‘открывать’; *zaġat – zadiwat* ‘закрывать’, связанных с бесприставочной видовой парой *ġat / diwat*, или *pridät – pridajat* ‘прибавлять’, *prodät – prodajat* ‘продавать’, связанных с *dät– dajat*.

Другие примеры вторичной имперфективации будут приводиться в следующем параграфе в связи с образованием видовой пары от приставочных глаголов СВ.

идти о префиксальных образованиях, то при русском переводе будем указывать соответствующие русские глагольные пары.

⁵ Это можно хорошо проследить, если иметь в виду, что в резьянском диалекте результатом вторичного (не праславянского) *dj* является *ġ*, а общеславянского долгого ударного *jat* (ě) – *i* (см. Бодуэн Де Куртене 1875: 18, 51). Точнее, с одной стороны от глагола **dĕti*, при помощи известного нам суффикса *-a-* (в форме *-wa-*), получилась форма НСВ **dĕwati*, а затем *diwat*. С другой – от того же корня, посредством того же суффикса (в форме *-ja-*) образовалась теперешняя форма СВ *ġat* (< **djati* < **dĕjati*).

2.2. Префиксация

Среди глаголов славянского происхождения очень хорошо засвидетельствован и другой, типичный для славянских языков, способ грамматикализации глагольного вида, т.е. (перфективирующая) префиксация: в нашем корпусе очень часто рядом с основной, бесприставочной, производящей формой глагола (чаще всего НСВ), появляется целый ряд производных форм, образованных посредством разных приставок. Эти дериваты могут образовывать видовые гнезда, которые содержат до десяти (и больше) глагольных форм СВ (хотя, конечно, могут объединяться также две или три приставочные формы).

Глагольные префиксы, помимо того, что превращают глагол НСВ в глагол СВ, в большинстве случаев придают базовой форме определенное лексическое значение, и новый приставочный глагол обязан создать себе партнера с тем же значением посредством т.н. вторичной имперфективации, о которой говорилось выше.

Только в некоторых случаях новая приставочная форма образует пару с исконной бесприставочной, и мы имеем дело с т.н. «префиксальными видовыми коррелятами»⁶. Это происходит (согласно т.н. «принципу Vey-Schooneveld») тогда, когда семантика префикса и производящего глагола совпадают и значение префикса (чаще всего пространственное, но также и временное, и даже более отвлеченное, метафорическое) как бы стирается, нейтрализуется. В этих случаях вторичная имперфективация не нужна и не появляется.

Обычно можно говорить только об одной «пустой» приставке, хотя бывают случаи, когда на такую роль могут претендовать две, реже и три приставки⁷.

Намного реже, гораздо реже чем, например, в русском языке, в собранном нами резьянском материале, префиксы образуют глаголы, обозначающие т.н. способы действия (это в основном инхоативный *za-* и делимитативный *po-*).

Ниже перейдем к анализу разных префиксов. Постараемся разобраться в том, какие из них (и в каких случаях) играют роль «пустой» приставки и когда они, помимо прочего, меняют исконное лексическое значение глаго-

⁶ См. также термин «естественные перфективы» (Natural Perfectives), противопоставляемый термину «специализированные перфективы» (Specialized Perfectives), употребляемые в работах Л. Янды (см. Janda *et al.* 2013).

⁷ Такое явление, хорошо известное и в русском языке, стало предметом пристального внимания в исследованиях последних лет, ведущихся на языковом материале, находящемся в Интернете и в Национальном Корпусе Русского Языка НКРЯ в частности. Среди них особое место занимают исследования группы CLEAR о вариативности приставок (Prefix Variation). См. Janda *et al.* 2013: 139-162. См. по этому поводу Зализняк, Микаэлян 2012 (перепечат. в книге Зализняк и др. 2015: 261 и сл.), Петрухина 2014: 259 и др.

ла. При этом, для каждого префикса мы будем ограничиваться его 'общим' значением, хотя известно, что семантика префиксов сложная и охватывает целый ряд связанных между собой значений, что потребовало бы отдельного, более глубокого исследования.

Отдельно мы будем указывать на (повторим, редкие) случаи появления значений «способов действия».

Глагольные префиксы мы будем представлять в порядке частотности, начиная с самых частотных и указывая их количество в нашем корпусе. Напомним, что, касательно глагольных форм славянского происхождения, корпус состоит из 415 приставочных форм.

Самый частотный (встречается примерно 100 раз в корпусе) это префикс *z-/s-*. Это самая распространенная приставка в резьянском диалекте, играющая роль «пустого», префикса, придающего исконному глаголу только резульативное значение. Она является результатом слияния двух праславянских префиксов, т.е. **jъz-* и **sъ-* (и, хотя в меньшей мере, **vъz-*) (см. об этом Vajes 1959, Dickey 2005). Как принято считать, первому префиксу была свойственна семантика элативного типа, а второй мог выражать два разных значения: центростремительное значение (ср. предлог с творительным падежом) и значение аблативно-нисходящее (ср. предлог с родительным падежом).

Резьянский диалект в этом отношении полностью придерживается модели словенского языка. В самом деле, как убедительно показал С. Дики, в этом языке (подобно другим западнославянским языкам, как чешский, словацкий, серболужицкий и, отчасти, польский) в качестве «пустого» префикса грамматикализировался именно *z-/s-*, в отличие от восточнославянских языков (вместе с болгарским и македонским) где с данной функцией зафиксировался скорее префикс *no-* (Dickey 2000, 2005).

То же самое мы наблюдаем в резьянском диалекте: префикс *z-/s-* чаще других префиксов употребляется с чистовидовым, резульативным значением. За ним можно иногда 'увидеть' исконное значение одного или другого префикса (**jъz-* или **sъ-*), семантически совпадающее со значением приставочного глагола, но такие случаи редки. Например, в следующих глаголах, приставка, как нам кажется, могла бы отражать праславянский **jъz-* (ср. предлог с род. падежом): *cidit / scidit* <*mliku, minjěstro*> 'цедить / отцедить <молоко, бульон>'; *cipit / scipit* <*dyrwa*> 'рубить / разрубить <дрова>'; *mлатit / zmlatit* <*böb*> 'молотить / обмолотить (фасоль)'; *kašjat / skašjat* 'кашлять / кашлянуть', в то время как в следующих отражается скорее префикс **sъ-* (ср. предлог с твор. падежом): *blodit / zblodit* <*wödo*> 'мутить / помутить (воду)'; *mystit / zmystit* <*karčüfule*> 'разминать / размять (картошку)'; *mišat / zmišat* <*minjěstro, mušnik*> 'мешать / помешать <суп, кашу>'.

Однако такие предположения не доказуемы и не столь важны: современный префикс полностью грамматикализирован и выражает просто резульативное значение. См. также следующие глаголы: *grabät / zgrabät* <*köžo*> 'царапать / поцарапать <кожу>'; *krivüt / skrivüt* <*ružyc*> 'гнуть / согнуть

<нож>'; *rüwat / zrüwat <karćüfule>* 'копать / выкопать <картошку>'; *trest / strest <vějo>* 'трясти / потрясти <ветку>⁸'; *gorět / zgorět* 'гореть/сгореть'.

Второй по частотности глагольный префикс в принятом нами во внимание материале – это *w-*, который, в силу особого фонетического развития резьянского диалекта (говора Билы), может отражать как праславянский префикс **u-* (в большинстве случаев: примерно 70 раз), так и **o-/obъ-*, о котором будет сказано ниже, а также (хотя намного реже) **vъ-*⁹ и **vъz-*¹⁰.

Префикс *w-* (*<*u-*) также полностью грамматикализован и присоединяется не только к глаголам, выражающим «удаление» (и вообще отчуждение), но и к другим результативным глаголам. Такое частое употребление, появляющееся в диалекте, который, как было сказано выше, обладает разными архаичными чертами, поддерживает мнение С. Дики, считающего **u-* первым славянским «пустым» префиксом, у которого только на более поздней диахронической стадии развития появилась типичная семантика «удаления от чего-то», которая характеризует его, например, в современном русском языке (Dickey 2014; см. также Klenin 1983). См., напр: *brīsat / wbrīsat <plate>* 'вытирать / вытереть <посуду>'; *plivit / wplivit <wyr>* 'полоть / прополоть <огород>'; *robit / wrobit <jarbul>* 'рубить / срубить <дерево>'; *bižat / wbižat* 'убегать / убежать'; *mrit / wmrit* 'умирать / умереть'.

Проанализированные до сих пор префиксы являются чистовидовыми, т.е. они образуют пару с бесприставочным глаголом. Никакой вторичной имперфективации у них не появляется, так как никакого нового «специализированного» лексического значения они не порождают.

Префиксы, которые мы рассмотрим дальше, наоборот, играют разные функции: иногда бывают чистовидовыми, иногда специализирующими, а иногда они выражают способы действия. Поэтому дальше для каждого префикса будем представлять отдельно эти три случая.

Префикс *po-/pu-* занимает только третье место по частотности (встречается примерно 50 раз) в нашем корпусе. Как и предыдущие префиксы, он тоже может играть важную роль в процессе перфективации, передавая только результативное значение (т.е. образуя «естественные перфективы»). См., напр.: *znāt / poznāt* 'знать / познать'; *kazat / pokazat* 'показывать / показать'; *mīslit / pumīslit (si)* 'думать / подумать'; *dījat / pudījat* 'нюхать / понюхать'.

Однако по сравнению с тем, что происходит в русском языке, такие случаи употребления *po-/pu-* довольно редки. Скорее всего, в резьянском

⁸ В резьянском диалекте встречается также форма СВ с префиксом *po-* (*potrest*), но она имеет делимитативное значение.

⁹ Было обнаружено всего три случая 'прозрачной' деривации с помощью этого префикса: *gryst / wgryst* 'грызть / прогрызть' (где префикс имеет чистовидовую функцию), *wlyt / wliwat* 'вливать / влить' и *wlět / wlažat* 'войти / входить' (где префикс имеет специализирующую функцию).

¹⁰ Всего два 'надежных' случая: *wzdigüwat / wzdygnut* 'воздвигнуть' и *wstajat / wstät* 'встать'. По поводу этого префикса, вполне возможно, что он, хотя и 'скрыто', появляется и под видом префикса *z-/s-*, но и в данном случае трудно назвать формы с прозрачной деривацией (см. Vajec 1959: 112).

диалекте этот префикс сохраняет (как нам кажется, больше, чем в русском языке) сильный оттенок делимитативности, т.е. функционирует на грани делимитатива и результата.

Более того, он часто 'конкурирует' с другими префиксами, которые считаются информантами более нейтральными, и более употребительными в качестве «пустой» приставки. См. напр., следующие пары, в которых префикс *pu-* каким-то образом конкурирует с префиксом *w-*: оба они образуют перфективные формы, образующие пару с бесприставочным глаголом *süšit* 'сушить'. Значения двух приставочных глаголов, однако, разные: глагол, образованный путем префикса *pu-*, несмотря на то, может считаться естественным перфективом, всё-таки сохраняет оттенок делимитативности, и употребляется для обозначения недлительного действия. Наоборот, префикс *w-* выражает «настоящее» результативное значение. См. пару: *süšit / pusüšit* <*möčanjē*> 'выпаривать/ выпарить <воду из соуса> [букв. сушить соус]' наряду с парой *süšit / wsüšit* <*sēnu*> 'сушить / высушить <сено>'.

Подобное явление наблюдается с перфективными глагольными формами, образованными от бесприставочного глагола *časät*. Форма СВ, образованная посредством префикса *po-* (*počasät*), имеет значение сходное с формой, образованной посредством префикса *s-* (*sčasät*), а именно 'расчесать / расчесывать волосы'. Однако только последний глагол имеет полную парадигму, в то время как от глагола *počasät*, не образуются, например, причастные формы на *-n*.

О настоящих делимитативных способах действия можно, как нам кажется, говорить в отношении следующих глагольных образований от глаголов деятельности: *počakat* (от *čakat*) 'подождать' и *pojkat* (от *jökat*) 'плакать / поплакать', которые, однако, не очень употребительны.

Что касается префикса *za-*, который достаточно хорошо представлен в резьянском диалекте (встречается примерно 40 раз), мы нашли мало случаев употребления его в чистовидовой функции. См.: *štokat / zaštokat* <*klobasičo*> 'прокалывать/проколоть <сардельку>', где исконное пространственное значение префикса (которое можно определить как «преодоление предела при движении за сам предел») 'сливается' со значением базового глагола.

В большинстве случаев префикс имеет специализирующую функцию, и производный перфективный глагол создает себе партнера несовершенного вида посредством вторичной суффиксации. См.: *byt* > *zabyt / zabüwat* <*žrēbej*> 'бить / забить <гвоздь>'; *wrēc* > *zawrēc / zawuržüwat* <*din stari ružyc*> 'бросать / выбросить <старый нож>'.

Префикс *za-* также может выражать начинательный способ действия. Это касается в основном глаголов деятельности, передающих звуки. См., например: *wpyt* > *zawpyt* 'кричать / закричать'; *pět* > *zapět* 'петь / запеть'; *garmět* > *zagyrmnut* 'греметь / загрометь'.

Следует также отметить, что в этих случаях часто приставочная глагольная форма имеет вариант с семельфактивным суффиксом *-ny-*, который и считается некоторыми информантами предпочтительным: *blejat* > *?zablejat* и *zablejnut* 'блеть / заблеть'; *lajat* > *?zalajat* и *zaläjnut* 'лять/залаять'.

Префикс *na-* (чье главное значение – «сверху»), тоже достаточно хорошо представлен в резьянском диалекте (встречается примерно 30 раз). Однако мы нашли очень мало случаев его употребления в чистовидовой функции (см.: *pīsat / napīsat* ‘писать/написать’). Видимо, у этого префикса пространственное значение с трудом сливается с семантикой исходного глагола. То же касается следующих ниже приставок, у которых чистовидовая функция появляется все реже и реже.

Чаще всего данный префикс создает «специализированные» перфективы, которые появляются вместе со своим вторичным имперфективом. См.: *mazat > namazat / namažüwat* <*roko, köžo*> ‘мазать / намазать <руку, кожу>’; *mučyt > namučyt / namučüwat* <*böb, büle*> ‘замочить/замачивать <фасоль, бельё>’.

Нужно также отметить, что, как утверждают информанты, в обоих случаях производящая, бесприставочная форма функционирует наряду с производной вторичной формой НСВ если не во всех, то в большинстве контекстов. Значит, здесь имеем дело с т.н. «тройками», т.е. с явлением, которое можно считать характерным для славянской системы глагольно-видового образования (см. для русского языка: Janda *et al.* 2013; Кузнецова, Янда 2013; Зализняк, Шмелев 2000; Зализняк, Микаэлян 2012).

Кроме того, префикс *na-*, вместе с частицей *se*, может выражать способ действия (сатуративный). См.: *jěst > najěst se / najadat se* ‘наестся / наедасть’; *päst se / napäst se* ‘пасться / напасться’.

Чуть меньшую частотность (около 25 словоформ) представляет префикс *pri-*, в котором отражается резьянское фонологическое развитие праславянского **per-* (см. русск. *пере-*), обозначающий «направленность действия из одного места в другое»¹¹.

Этот префикс мы никогда не нашли в качестве чистовидовой приставки, а только в применении к специализированным перфективам: *pīsat > pripīsat / pripīšüwat* ‘переписывать / переписать’; *brät > pribrät / pribirat* <*böb*, > ‘перебирать / перебрать <фасоль>’; *gat > prigat / pridiwat* <*wänt*> ‘сменять / сменить <одежду>’.

Префикс *par-* (встречается примерно 15 раз) соответствует праславянскому префиксу **pri-* (см. русск. *при-*), обозначающий «сближение, соединение чего-л. с чем-л.». Такое особое фонетическое развитие свойственно и некоторым другим словенским диалектам (см. об этом Ramovš 1924: 80).

Мы нашли всего одну приставочную форму, которую можно было бы назвать чистовидовой: *bližnjit se / parbližnjit se* ‘приближаться / приблизиться’. Остальные приставочные глаголы, образованные посредством префикса *par-*, являются специализированными перфективами. См.: *dät > pardät / pardajat* <*karčüfule*> ‘окучивать / окучить <картофель>’; *gat > pargat / pardiwat* <*wödo*> ‘прибавлять / прибавить <воды>’.

¹¹ О том, что в нашем диалекте рефлексом долгого ударного *jat* (ě) является *i* см. выше, сноску 5.

Префикс *(w)o-/(w)ob-/u-/ub-/w-* (который во всех вариантах отражает праславянский префикс **o-/*ob-*, обозначающий «движение вокруг») появляется примерно в том же количестве. Правда, в данном случае трудно точно определить количество глаголов, образованных с помощью данной приставки, так как в анализируемом нами говоре в определенных фонетических контекстах, а именно в позиции перед ударным верхним гласным, произошла нейтрализация между гласными *o* и *u*, и некоторые приставочные глаголы могут отражать как **o-/*ob-*, так и **u-*.

Итак можно с уверенностью сюда отнести следующие глагольные формы, где префикс образует специализированные перфективы (в свою очередь порождающие вторичные имперфективные формы: *lyt* > *ublyt* / *ubliwat* <*rože*> ‘обливать / облить <цветы>’; *mazat se* > *womazat se* / *womažüwat se* ‘измазываться / измазаться’; *stät* > *wostät* / *wostajat* ‘остаться / оставаться’), а также следующие, в которых префикс имеет чистовидовую функцию: *sodit* / *wosodit* <*lidryk*> ‘заправлять / заправить <салат>’; *rožät* / *wrožät* ‘расцветать / расцвести’.

Чистовидовая функция префикса проявляется и в следующих образованиях: *lüpit* / *ulüpit* <*karčüfule*> ‘чистить / почистить <картошку>’; *bryt se* / *wubryt se* ‘бриться / побриться’, хотя в данных случаях мы не можем с уверенностью определить, имеем ли мы дело с префиксом **o-* (что вполне вероятно), или с **u-*, так как префикс находится здесь в позиции нейтрализации.

Примерно ту же частотность (10 раз) представляет префикс *riz-* / *riž-*, который соответствует праславянскому префиксу **raz-*, обозначающий «движение в разные направления». Мы нашли всего две формы, которые можно назвать чистовидовыми: *dražit (se)* / *rizdražit (se)* ‘раздражать(ся) / раздражить(ся)’; *budit* / *rizbudit* ‘будить / разбудить’.

Остальные приставочные глаголы являются специализированными перфективами. См.: *sëkat* > *rizsëkat* / *rizsiküwat* <*vëje*> ‘отсекать/отсечь <ветви>’.

Другая функция этого префикса, появляющаяся особенно часто – это выражение действия, обозначающего уничтожение результата противоположного действия (выраженного другим префиксом). См. *vezat* > *rizvezat* / *rizvižüwat* <*wyrco*> ‘вязать/развязать/развязывать <веревку>, где *rizvezat* противопоставлен глаголу *zvezat* ‘связать’.

Ту же частотность (10 раз) представляет префикс *vi-*, имеющий элативную семантику, как и префикс *z-/s-* (< **jъz-*). Присутствие данного префикса в резьянском диалекте – это интересное явление, отличающее резьянский от литературного словенского языка, в котором данный префикс не встречается¹². Присутствие префикса *vi-* характеризует и другие (периферийные, северо-западные) словенские (например, приморские) наречия.

¹² Приставка *vi-* отсутствует и в других южнославянских языках, но встречается, например, в западнославянских: в польском, чешском и верхнелужицком языках. По этому вопросу см. Богданова 1963.

Среди найденных нами приставочных форм мы не нашли глаголов, которые можно было бы назвать чистовидовыми, а нашли только специализированные перфективные формы, сохранившие свое исконное пространственное значение. См.: *brät* > *vibrät* / *vibirat* <*to pravo bisido*> ‘выбирать / выбрать <правильное слово>’; *lyt* > *vilyt* / *viliwat* <*vinu*> ‘выливать / вылить <вино>’.

Следующие префиксы представлены в совсем ограниченном количестве (примерно 5 глагольных форм для каждого). Речь идет в основном о лексически специализированных формах СВ. Приведем по одному примеру для каждого префикса: **do-/du-** <**do-*: *ġat* > *duġat* / *dudiwat* <*šċë no bisido*> ‘добавлять / добавить <еще одно слово>’; **od-/wod-** <**otъ-*: *ġat* > *wodġat* / *woddiwat* <*duri*> ‘открывать / открыть <дверь>¹³’; **pod-/pud-/put-** <**podъ-*: *ġat* > *podġat* / *puddiwat* <*naga myrtvaga*> ‘хоронить / похоронить <умершего>’; **pro-**: *lyt* > *prulyt* / *pruliwat* <*wödo*> ‘проливать / пролить <воду>’.

3. Заимствованная лексика романского происхождения

3.1. Предварительные замечания

Обратимся теперь к заимствованной глагольной лексике, в частности к лексике романского (фриульского, итальянского а также венецианского)¹⁴ происхождения. Надо предварительно сказать, что трудно четко различать эти три источника, так как в большинстве случаев ярких фонологических или семантических различий между ними не существует. Например, в случае резьянского глагола *binidyt* ‘благословить’, трудно сказать, является ли он заимствованным от фриул. *benedi/binidî*, от итал. *benedire* или от вен. *benedir*. Также невозможно определить происхождение рез. *doparät* ‘употребить’ (см. фриул. *doperâ*, итал. *adoperare*, вен. *adoperâr/doperâr*), рез. *našinat se* ‘родиться’ (см. фриул. *nassi*, итал. *nascere*, вен. *nasser*) и т.д.

Несмотря на это, можно сказать, что в резьянском диалекте самое значительное количество заимствований имеет фриульское происхождение. Напр. рез. *difindinat* ‘защитить’ – можно считать только фриульским заимствованием (см. *difindî*), а никак не итальянским (см. *difendere*) или венецианским (см. *defender* / *difender*). Подобным образом для рез. *glacät se* ‘замерзнуть’ исключается заимствование от итал. *ghiacciare* или от вен. *ghiazzâr*; возможно только фриульское происхождение (от *glazzâ*).

¹³ См. противоположное действие *zaġat* / *zadiwat* <*duri*> ‘закрывать / закрыть <дверь>’.

¹⁴ Подробнее о периодизации (и о значимости) влияния этих трех языковых вариантов на резьянский диалект см. Benacchio 2002.

Что касается заимствований итальянского происхождения, только небольшое количество может быть идентифицировано с такой же уверенностью. См. рез. *akoljinat* <*amige*> ‘принять <друзей>’ (итал. *accogliere*; фриул. *acòlzi*, вен. *acolger*); рез. *aprecät* <*dëlu*> ‘оценить <работу>’ (итал. *apprezzare*, фриул. *presia*, вен. *apreziär / apriezar*). В еще меньшей мере встречаются надежные случаи заимствований венецианского происхождения, напр. рез. *špartyt se* ‘отправиться’ от вен. *spartirse* (см. подробнее об этом: Šekli 2013).

3.2. Способы интеграции заимствованной глагольной лексики

3.2.1. Суффиксация

Однако каково бы ни было (фриульское, итальянское или венецианское) происхождение заимствованных романских глаголов, если обратиться к способу их интеграции в славянскую грамматическую систему, точнее в категорию глагольного вида, то сразу замечается глубокое различие по сравнению с поведением глаголов славянского происхождения, проанализированных в §2.

Заимствованные романские глаголы также проявляют тенденцию к созданию коррелята, т.е. к созданию видовой пары, выражающей СВ и НСВ (количество оставшихся ‘неинтегрированными’ биаспективных глаголов не столь большое). Однако они прибегают в основном к словообразовательной модели суффиксации и только в редких случаях к префиксации.

Имеются в виду, естественно, только предельные глаголы, которые принадлежат к вендлеровским классам Accomplishments, Achievements и которые в грамматикализированной видовой славянской системе нуждаются в двух формах для выражения однократного действия, достигшего своего результата, и действия, находящегося в процессе осуществления или многократного действия. Непредельные глаголы (States и Activities), являющиеся *imperfectiva tantum*, такими и остаются. Только в редких случаях (как было замечено выше по поводу исконно славянской лексики) эти глаголы подвергаются префиксации для выражения способов действия (в основном начинательного и делимитативного).

Итак, данные из нашего корпуса говорят о том, что предельные глаголы интегрируются в резьянскую систему как глагольные формы СВ, выражающие результативный момент однократного действия, в то время как для выражения самого процесса, ведущего к результату, или для выражения многократного действия они образуют свой коррелят путем суффиксации (см. по этому поводу Venacchio 2009: 189).

Словообразовательный способ суффиксации – тот же самый, который мы отметили для исконно славянской лексики, точнее это суффикс *-wa-* (<*-a-*>), которому предшествует либо гласное *a*, либо *i*.

В первом случае (*-awa-*) мы имеем дело с резьянскими глаголами с инфинитивом на *-ät*, восходящими к I и II (а также, хотя весьма редко к III¹⁵) классам романского спряжения (см., напр. Lausberg 1976: 176 и сл.). Это, соответственно, глаголы, восходящие к латинскому классу на *-äre* (типа рез. *rivät* ‘кончать’ от вульг. лат. *arripäre*), на *-ëre* (типа рез. *plažät* ‘нравиться’ от лат. *placëre*) и на *-ëre* (типа рез. *ričavät* ‘получать’ от лат. *recipëre*). Это самый распространенный словообразовательный (суффиксальный) способ имперфективации у заимствованных глаголов романского происхождения. См., напр.: *rivawat* < *rivät* < *letiro* > ‘кончать’ < *pismo* >; *špoštawat se* < *špoštät se* ‘отодвигаться’; *paračawat* < *paračät* < *valižo, tawlo* > ‘собирать чемодан, накрывать на стол’; *rišpundawat* < *rišpondät* ‘отвечать’; *danağawat* < *danağät* ‘вредить’; *dovantawat* < *dovantät* ‘становиться’; *fermintawat* < *fermintät* ‘ферментировать’; *formawat* < *formät* ‘образовывать’; *kušumawat* < *kušumät* < *wänt* > ‘изнашивать <одежду>’; *najät* < *najawat* ‘отрицать’; *sovencjonawat* < *sovencjonät* ‘субсидировать’, *vandamawat* < *vandamät* ‘собирать осенний урожай’.

Во втором случае (*-iwa-*) речь идет о резьянских глаголах с инфинитивом на *-yt*. Данный суффикс характерен для глаголов, восходящих к IV классу романского спряжения (см. лат. суффикс *-ire*). (Lausberg 1976: 176 и сл.). См., напр.: *špartiwat se* < *špartyt se* ‘отправляться’; *binidiwat* < *binidyт* ‘благословлять’; *maladiwat* < *maladyт* ‘проклинать’.

Следует также упомянуть особую группу резьянских глаголов с инфинитивом на *-inat*, восходящим к лат. III классу на *-ëre*. См., напр., рез. *vinčinat* ‘победить’, восходящий к лат. *vincëre*. Кроме редчайших случаев (нами был найден только один: *sucediniwat se* < *sucëdinat se* ‘происходить’), глаголы этой группы ведут себя как биаспективы, т.е. они употребляются как в функции СВ, так и НСВ.

Следует наконец упомянуть, что в резьянском диалекте встречаются и заимствованные глаголы, охарактеризованные в инфинитиве другими окончаниями (*-ët* или *-jüt*). Речь идет о весьма редких, непродуктивных инфинитивных суффиксах, касающихся глаголов *imperfectiva tantum* и не подвергающихся никакой вторичной суффиксации. Это, напр., *pytët* ‘страдать’ (см. вульг. лат. *patire*), *parjät* ‘казаться’ (см. лат. *parëre*) и т.д.

3.2.2. ПРЕФИКСАЦИЯ

В отличие от суффиксации, которая является важнейшим способом грамматикализации глагольного вида у романских заимствованных (предельных) глаголов, способствуя образованию коррелята НСВ, то префиксация (с противоположной функцией, т.е. создания коррелята СВ) играет весьма незначительную роль в этом процессе.

Она может, правда, появляться при образовании способов действия (чаще всего это префикс *za-* с инхоативной функцией): см. рез. *zaplažät*

¹⁵ Большинство заимствованных глаголов, принадлежащих к III романскому классу спряжения, входит в резьянскую модель с инфинитивом на *-inat* (см. ниже).

‘понравиться’ < *plažät*. Однако в резьянском диалекте это редкое явление, как в отношении заимствованных глаголов, так и исконно славянских (см. §1.2).

Префикс *w-*, появляющийся у глагола *wmaladyt / wmoladiwat* ‘проклинать / проклясть’, это, по всей вероятности, фонетическое явление совершенно другого типа, имеющее отношение к сфере эмоциональности. См. также *wstrijät / wstrijawat* ‘колдовать / околдовать’.

Также трудно интерпретировать статус префикса *riž-*, о котором говорилось выше по поводу префиксации исконно-славянской лексики, где он, наряду с другими значениями, обозначает «уничтожение результата противоположного действия». В применении к иноязычной, романской лексике он найден, с тем же значением, в форме вторичного имперфектива в третьем лице презенса (*Tadij da to se čofojawa aliböj da to se rižčofojawa*, ‘убьют они себя или вылечатся [мне все равно]’). Однако это единичный случай, имеющий, возможно, окказиональный характер, стилистически маркированный.

Интересный случай представляет пара *viškarpalät / viškarpalawat* ‘выдалбливать / выдолбить долотом’, образованная от фриульского глагола *scarpelâ* ‘долбить долотом’. Это пока единственный найденный случай, когда префиксация заимствованного глагола порождает специализированный перфектив, в свою очередь образующий коррелят НСВ посредством вторичной имперфективации.

Стоит упомянуть также следующий случай употребления мнимого префикса. Речь идет о рез. паре *žbridinät / bridinät* ‘разорвать / разрывать (на части)’ от фриул. *sbridinâ*. В фриульском глагола **bridinâ* не существует. Видимо резьянский диалект, на основе (очень употребительного) исконно славянского префикса *z- / s-*, реинтерпретировал по своей модели заимствованный материал. На самом деле, это скорее случай депрефиксации. Подобным образом можно объяснить также присутствие в резьянском диалекте глаголов *žbričolät* и *bričolawat*¹⁶.

Итак, можно сказать, что в резьянском диалекте перфективирующая префиксация предельных глаголов романского происхождения явление редкое.

4. Заключение

Изучение способов грамматикализации глагольного вида в резьянском диалекте дало различные результаты в зависимости от того, имеем ли дело с исконно славянской или с иноязычной (романской) лексикой.

В первом случае мы заметили полное соответствие общим принципам славянской глагольной деривации, касающейся категории глагольного вида. В частности, мы увидели, что бесприставочные предельные глаголы участвуют

¹⁶ К сожалению, на данный момент глагол *bričolät* не был обнаружен ни в текстах, ни при опросе информантов.

в процессе грамматикализации глагольного вида (т.е. в процессе образования видовых пар) в основном посредством префиксации: благодаря своему (в основном пространственному) значению, префикс не только придает производящему глаголу новое, добавочное лексическое значение, но также (а это еще важнее) уточняет, ограничивает основное, общее, лексическое значение мотивирующего глагола, тем самым создавая предпосылки для его перфективации. Более того, мы увидели, что использованные в резьянском диалекте префиксы в целом имеют те же значения, которые являются типичными для славянских языков.

Гораздо реже для создания видового коррелята бесприставочные предельные глаголы прибегают к имперфективирующей суффиксации: исходный бесприставочный предельный производящий глагол становится перфективным членом пары (выражающим достижение предела), а новый, также бесприставочный предельный производный глагол – имперфективным (выражающим процесс, ведущий к пределу, или многократность). Примеры такой суффиксации примерно так же редки, как в других славянских языках: везде они, видимо, являются остатками более древнего этапа процесса грамматикализации глагольного вида, когда имперфективирующий суффикс (-а-), судя по всему, находился «на грани» акциональной (дуративной) и аспектуальной функций.

Суффиксация с имперфективирующей функцией очень распространена в применении к приставочным перфективным глаголам (имеет место вторичная имперфективация). Как и в других славянских языках, это важнейший способ формирования и укрепления системы видовых отношений, одним словом, грамматикализации категории вида.

Способы действия начинательный, делимитативный и т.д. в резьянском диалекте встречаются весьма редко.

Практически противоположную картину мы наблюдаем, анализируя глаголы иноязычного (романского) происхождения. При интеграции этих глаголов в славянскую (резьянскую) видовую систему префиксация играет незначительную роль

В подавляющем большинстве случаев предельные глаголы романского происхождения интегрируются в резьянскую видовую систему путем суффиксации. Иными словами, эти глаголы воспринимаются как глаголы, выражающие результативность, которые обязаны создать себе партнера НСВ посредством имперфективирующей суффиксации.

Одна из причин этой разной (противоположной) трактовки исконно славянских и романских глаголов при процессе образования видовых пар, кроется, наверное, в том, что носители резьянского диалекта, видимо, затруднялись присоединить к заимствованному глаголу морфологический элемент (префикс), который воспринимался как ‘чуждый’ заимствующей языковой системе, в то время как имперфективирующая суффиксация считалась более приемлемой (возможно, и из-за того, что она напоминает окончания имперфекта территориально близких романских языков). Неслучайно то же самое явление характеризует и другие славянские языки, контактирующие с романским языковым ареалом, как, например, молизско-славянский микроязык (см. Вгеу 2003 и 2005).

Библиография

- Бенаккьо 2015: Р. Бенаккьо, *Морфологическое проявление вида в резьянском диалекте: префиксация и суффиксация*, in: М. Китадзё (под ред.), *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*, Киото 2015, 21-26.
- Богданова 1963: В.В. Богданова, *О приставках вы- и из- в славянских языках*, in: *Вопросы славянской филологии. К V международному съезду славистов*. Саратов 1963, 297-308.
- Бодуэн Де Куртенэ 1875: И. Бодуэн Де Куртенэ, *Опыт фонетики резьянских говоров*, Варшава-Перербург 1875.
- Зализняк, Микаэлян, 2012: А.А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, *О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды*, "Вопросы языкознания", 6, 2012, 48-65.
- Зализняк и др. 2015: Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелев, *Русская аспектология: в защиту видовой пары*, Москва 2015.
- Зализняк, Шмелев 2000: Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев, *Введение в русскую аспектологию*, Москва 2000.
- Кузнецова, Янда 2013: Ю.Л. Кузнецова, Л.А. Янда, *Приставки в свете когнитивной лингвистики и типологии: отклик на статью А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян*, "Вопросы языкознания", 4, 2013, 86-96.
- Маслов 2004² (1958/61): *Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида*, in: Ю.С. Маслов. *Избранные труды. Общее языкознание*, Москва 2004.
- Петрухина 2014: Е.В. Петрухина, *Русский вид как морфологическая деривационная категория в контексте современных исследований видовой коррелятивности*, "Scando-Slavica", 60, 2, 2014, 253-274.
- Bajec 1959: A. Bajec, *Besedotvorje slovenskega jezika. IV. Predlogi in Predpone*, Ljubljana 1959.
- Benacchio 2002: R. Benacchio, *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*, Udine 2002.
- Benacchio 2009: R. Benacchio, *Il contatto slavo-romanzo nel croato del Molise e nei dialetti sloveni del Friuli*, in: L. Scholze, B. Wiemer (Hrsg.), *Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten* [Diversitas Linguarum 25], Bochum 2009, 177-191.

- Breu 2003: W. Breu, *Flexivischer und derivativer Verbalaspekt im Moliseslavischen*, in: T. Berger, K. Gutschmidt (Hrsg.), *Funktionale Beschreibungslavischer Sprachen* [Slavolinguistica 5], München 2003.
- Breu 2005: W. Breu, *Verbalaspekt und Sprachkontakt. Ein Vergleich der Systeme zweier slavischer Minderheitensprache (SWR/MSL)*, in: S. Kempgen (Hrsg.), *Slavistische Linguistik*, München 2003.
- Dickey 2000: S. Dickey, *Parameters of Slavic Aspect: A Cognitive Approach*, Stanford 2000.
- Dickey 2005: S. Dickey, *S-/Z- and the Grammaticalization of Aspect in Slavic*, "Slovenski jezik", 5, 2005, 3-55.
- Dickey 2014: S. Dickey, *On the Origin of Slavic Prefixed Imperfective Motion Verbs* "Scando-slavica", 60 (2), 2014, 159-171.
- Janda et al. 2013: L. Janda, A. Endresen, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova, *Why Russian Aspectual Prefixes Aren't Empty. Prefixes as Verb Classifiers*, Bloomington 2013.
- Klenin 1983: E. Klenin, *Verbs of motion prefixed in U- in Old and Modern Russian*, in: V. Markov, D. Worth (eds.), *From Los Angeles to Kiev. Papers on occasion of the Ninth International Congress of Slavists*, Columbus Ohio 1983, 155-168.
- Lausberg 1976: H. Lausberg, *Linguistica romanza: II. Morfologia*, Milano 1976.
- Mayo 1985: P. J. Mayo, *The Morphology of Aspect in Seventeenth-Century Russian*, Columbus, Ohio 1985.
- Ramovš 1924: F. Ramovš, *Historična gramatika slovenskega jezika: II. Konzonantizem*, Ljubljana 1924.
- Schuyt 1990: R. Schuyt, *The Morphology of Slavic Verbal Aspect. A descriptive and Historical Study*, Amsterdam-Atlanta, GA 1990.
- Steenwijk 1992: H. Steenwijk, *The Slovene dialect of Resia. San Giorgio* [Studies in Slavic and General Linguistics 18], Amsterdam-Atlanta, Ga 1992.
- Šekli 2013: M. Šekli, *Metodologija določanja plasti mlajših romanizmov v slovenščini*, "Jezikoslovni zapiski", 19 (2), 2013, 291-315.

Словари

- Bezljaj 1982: F. Bezljaj, *Etimološki slovar slovenskega jezika*, I-IV, Ljubljana 1982.
- Boerio 1867: G. Boerio, *Dizionario del dialetto veneziano*, Venezia 1867.
- Faggin 1985: G. Faggin, *Vocabolario della lingua friulana*, I-II, Udine 1985.
- Pirona 1935: G.A. Pirona *et al.*, *Il nuovo Pirona: vocabolario friulano*, Udine (ristampa anastatica Udine: 1983).
- Resianica* <http://147.162.119.1:8081/resianica/index.do>
- Steenwijk 2005: H. Steenwijk, *Piccolo dizionario ortografico resiano/Mali bisidnik za tö jošt rozajanskë pisanjë*, Padova 2005.
- Zamboni 1984-1987: A. Zamboni *et al.*, *Dizionario etimologico storico friulano*, I-II, Udine 1984-1987.

Abstract

Rosanna Benacchio, Han Steenwijk

The grammaticalization of verbal aspect in the Resian dialect: lexemes of Slavic and Romance origin

This paper discusses the morphological means used to express verbal aspect in Resian. A marked difference can be observed between the native Slavic verbal lexicon, which mainly shows prefixation, thereby creating perfective forms, and that of Romance origin, where prefixation is almost completely absent and suffixation abounds, thereby creating imperfective forms.

Keywords: Verbal aspect, morphology, Slovene, Romance, Resian

“Intensive” verbal prefixes in Archaic Latin

Davide Bertocci

1. Introduction

The paper is organised as follows: in §1 I briefly show that aspectual readings are common in verbal prefixes of ancient stages within the I(ndo-)E(uropean) family, and that aspectual prefixes may be considered as a subpart of prepositions. In §2 I show that the hypothesis that aspectual values arise from a grammaticalization process is not completely satisfactory for Latin, since data are quite puzzling and various syntactic factors may be relevant; thus in §3 I give a brief outline of the effects of preverbatation with respect to the argument structure of verbs, in order to reach some generalizations. In §4 a syntactic analysis of two major types of aspectual prefixation is proposed. The data are collected manually from *Miles Gloriosus* of Plautus a comedy of the end of the III century BC which I have chosen in order to gather data from a more expressive style. The entire text has been inspected, which allowed me a careful interpretation of the aspectual values involved.

Beside conveying mainly spatial values, Latin verbal prefixes, like in most ancient IE languages, could also convey aspectual meanings. The point, as I will show further, is to discuss which kind of aspect or action is involved. In (1), for instance, the verb *fugio* in the first part of the line is contrasted to the prefixed *effugio* (< **ex-fugio*)¹, where the prefix *ex* ‘from, away’ gives a resultative meaning to the verb.

- (1) *hoc se quisque modo fugit [...] at effugere haut potis est* (Lucr. 3, 1068-9)
Hoc se quisque modo
this:ABL;S himself:ACC;SG everyone:NOM;SG way:ABL;SG
fugit... at **ex**-fugere haut potis est
escape:PRS;3S but PV-escape:INF not possible be:PRS;3S
‘Everyone tries to escape from himself this way, but it is not possible to escape successfully’²

¹ Please note that in Latin prefixation is by no means an inflectional process: prefixed verbs are the result of derivation processes, and can modify the semantics of the roots they apply to.

² The translations were made by the author, unless specifically mentioned.

Verbal prefixes display similar effects in other ancient IE languages as well, most notably in ancient Greek (2).

- (2) *Kyklōps, eirōtāis m'ónoma klytón, autàr egō̄ toi ekseréō* (Homer, Od. IX, 365)
Kyklōps, eirōtāis m= ónoma
 Kyklops:VOC;S ask:PRS;IND;2S me:GEN;S name:ACC;S
klytón, autàr egō̄ toi eks-eréō
 illustrious:ACC;S then I:NOM;S you:DAT;S PV-speak:FUT;IND;1S
 ‘Cyclops, you are asking of my illustrious name; then now I will *tell* it to you’

After prefixation with *ex* ‘from, away’, apparently homophonous with the preposition *ek* ‘from’, *eréō* (to speak) acquires the more complex meaning of ‘to tell’; in fact, the distinction is not properly aspectual, but it deals with Aktionsart, since a resultative component is incorporated.

In Latin, verbal prefixes (whether barely spatial or aspectual) are closely related to free particles of prepositional nature, as historical data can easily show. In ancient stages of Greek, and arguably of Latin, the constructions labelled as ‘tmesis’ (lit. ‘detachment’) suggest that preverbs were originally free-standing elements, mostly overlapping with historical prepositions (3-4). In the IE family, this pattern appears in archaic environments in Vedic and Old Irish as well, which, since at least the Neogrammarians have led scholars to postulate that all preverbs come from prepositions; this claim, as we will see below, has also deep consequences from a synchronic point of view (§4).

- (3) *sub vos placo* (referred to Ennius by Pomp.Fest.)
 PV YOU:ACC;PL appease:PRS;IND;1S
 ‘I beg you’
- (4) *Nūn d'áge nēa mélainan erússomen eis hála dían, en d'erétas epitédès ageiromen, es d'hecatómbēn* (Homer, Il. I, 141-143)
Nūn d= áge nēa mélainan erússomen eis
 now PRT= PRT ship:ACC;S black:ACC;S drag:SUBJ;1PL to
hála dían, en d= erétas epitédès
 sea:ACC;S shining:ACC;S PV PRT= rower:ACC;PL suitable
ageiromen, es d= hecatómbēn/ théiomen
 gather:SUBJ;1PL PV PRT= hecatomb:ACC;S place on board: SUBJ;1PL
 ‘Now let’s drag a black ship to the shining sea; and quickly gather suitable rowers into it, and place on board a hecatomb’

The typology of aspectual preverbs does not seem much diversified, as the set of conveyed values is quite restricted. In particular, a terminative meaning is attested like in *pereo* ‘to die < to pass through’ (< *eo*, ‘to go’), or in *pervenio* ‘to reach < to come up to smth.’ (< *venio*, ‘to come’), or even an ingressive one as in *exorior* ‘to begin, to spring < to rise from smth.’ (< *orior* ‘to rise’); in fact, however, the most attested value has a more complex nuance, like the one in *perdoceo* ‘to teach someone deeply’ (< *doceo* ‘to teach’) or *prae-fringo* in (5).

- (5) *Quo pacto ei pugno praefregisti brachium* (Pl., Mil. 27)

<i>Quo</i>	<i>pacto</i>	<i>ei</i>	<i>pugno</i>
which:ABL;S	manner:ABL;S	him:DAT	punch:ABL;S
<i>prae-fregisti</i>	<i>brachium!</i>		
PV-break:PERF;3S	arm:ACC;S		

'In what a fashion you broke its arm [of an elephant], with your fist!'

The meaning of the prefix in (5) is not simple to define. Tentatively, the label "intensive" may be suggested, since it highlights the strong effort the process is made with: for instance, in (5) above, it is not the completion of the breaking itself to be highlighted, yet, *prae-* 'in front, beyond' focuses expressively on the violent way in which the breaking happens. However, for the Latin system, this term cannot be taken safely, since it is used for a morphological category rather than for a kind of aspectuality (e.g. *cap-to* 'to strive for' < *capio* 'to seize'). Furthermore, prefixed verbs like *perdoceo*, *prae-fringo* do not indicate only the intensive effort, but seem to carry a specific resultative value, which has much to do with the lexical properties of the verb the prefix applies to, as well as with the syntactic conditions (§ 3).

As a matter of fact, however Latin preverbs cannot be argued to bear Perfective meaning properly (that is, boundedness, or 'aoristic'/'complete' values in a Comrie fashion), since prefixed verbs usually do not meet the conditions which according to Ramchand (2008b) indicate perfectivity. For instance they are scarcely attested with *incipio* 'to begin', which means that an ingressive value is not frequent; they can get an ongoing interpretation with present stem inflection (in 6, the imperfect *educabant*), and they can also build present participles like *commemorantibus* in (7), that is, the event are not represented as bounded.

- (6) *quanto mitius stirpem educabant tanto ut reremur magis seueros esse*
(Accius, Trag. Frag. XX.12)

<i>quanto</i>	<i>mitius</i>	<i>stirpem</i>	<i>e-ducabant</i>	<i>tanto ut</i>
how much	mild:COMP	ancestry:ACC;S	PV-guide:IPFV;3PL	much COMP
<i>reremur</i>	<i>magis</i>	<i>seueros</i>	<i>esse</i>	
think:PASS;SUBJ;3PL	more	strict:ACC;PL	be:INF	

'[it happened that] the more indulgent they were in the upbringing of their descendants, the stricter, we thought, they were'

- (7) *Cretensium legatis commemorantibus* [...] (Livius, Ab U.C. 43.7.1)

<i>Cretensium</i>	<i>legatis</i>	<i>cum-memorantibus</i>
Cretan:GEN;PL	messenger:ABL;PL	PV-recall:PTCP;PRS;ABL;PL

'While the messengers from Crete envoys reported [...]'

More generally, prefixed verbs are not crucially sensitive to tense, since they can have present, past, or even future reference like in (8).

- (8) *Conlaudato formam et faciem et virtutem commemorato* (Pl., Mil. 1027)
Con-laudato formam et faciem
 PV-commend:IMP;FUT beauty:ACC;S and visage:ACC;S
et virtutem con-memorato
 and virtue:ACC;S PV-mention:IPV;FUT
 ‘You shall commend her beauty properly, and her visage, and you shall mention her virtues’

In fact, perfective-terminative values are crucially encoded in Latin by the inflectional category of Perfect tense, rather than on prefixation.

Beside this, some cases are not easily attributed to a clear kind of aspect: in (9) for instance the prefix *prae-* ‘in front, beyond’ allows the verb *dicere* ‘say’ to predicate a property of its object, quite far from a strict aspectual nuance.

- (9) *Ad tuam formam illa una dignast. // Hercle pulchram praedicas* (Pl., Mil. 968)
Ad tuam formam illa una
 To your:ACC.S beauty:ACC.S she:F;NOM;S only:F;NOM;S
digna=st
 adequate:F;NOM;S=be:PRS;3S
Hercle pulchram praedicas
 Hercules pretty:F;ACC;S PV-tell:PRS;2S
 There is only one [woman] adequate to your beauty. // By Hercules, you are representing her so pretty!

Two points have to be highlighted, then: (i) the aspectual meaning of the preverbs cannot be reduced to bare perfectivity features; (ii) it affects not only the verb, but also the complex of the verb and its arguments. The interpretation of ‘strong effort’ for prefixed verbs has to do with the presence of an argument which is in some way affected by the predication, that is, a result component seems crucial in the meanings carried out by prefixes. Therefore, I will henceforth refer to the aspectual semantics of prefixed verbs as resultative.

2. Aspectual prefixes and grammaticalization?

The aspectual meaning of Latin preverbs has been mostly analysed from a diachronic perspective. Aspectual values are conceived as emerging chronologically later (cf. Haverling 2010, García-Hernández 2005, Pinkster 1990, Barbenet 1913 among others) due to a metaphoric shift from their original spatial content, since they are generally homophonous with spatial prepositions like *ad*

'towards', *ex* 'from, away, out', *in* 'in', *cum*³ 'with', *per* 'through' etc., and have local meanings both in nominal and verbal compounds (10):

(10) *incola* (farmer, < *in-colere*), *curia* (Assembly < *co-uiri* 'men'), *exeo* 'to go out'

In a broader perspective, aspectual preverbs are conceived as the diachronic output of a long grammaticalization chain, in which ancient free spatial particles⁴ first became prepositions, then spatial prefixes, and finally aspectual prefixes. However, this picture is not fully satisfactory. On one hand, Latin encodes aspectual features by inflectional morphology mainly; secondarily, through adverbial modification (*subito*, *statim*, *brevi*, *saepe*), that is, preverbatation seems a satellite strategy within the system. On the other, a grammaticalization chain would entail that at least in ancient stages prepositions did not exist, but there is no evidence for this in any IE language; in fact, it is not possible to claim that the aspectual values of preverbs are later developments, since they are well attested already in Homeric Greek, II millennium BC. More crucially, not all P(reposition)s became aspectual prefixes: only a small group of them may bear resultative values (11):

(11) *con/cum* 'against', *ad* 'towards', *e/ex* 'out, from, away', *in* 'in, into', *per* 'through', *de* 'from, down', *ob* 'against, upon', *prae* 'infront'

In particular, all the preverbs in (11) correspond to 'proper prepositions', i.e. they are not morphologically complex, do not bear axial (Svenonius 2008, Cinque 2010)⁵ content, and have simple directional features (source, goal, gradualness, up-down movement, against: all of them lexicalise a bounded Path)⁶. On

³ I consider *cum* and the allomorph *con* a directional P, homophonous with the comitative one, following the etymological similarities with ancient Greek *katà* ('against, down'), cf. Pokorny (1959 s.v.).

⁴ In many Indo-European languages the same elements which pattern as prepositions and verbal prefixes may also appear as adverbs, that is, without being followed by a nominal phrase nor being bound to a verbal root; further more, they are sensitive to specific syntactic constraints (typically first position in main clauses in Vedic), see Hewson-Bubenik (2006:6-9). This evolution can be easily conceived as a grammaticalization if one considers that many of the ancient adverbial particles were probably related to nominal roots (for instance lat. *ante*, Hitt. *hanza* < PIE **h₂ent-* 'front'); that is, the starting point is represented by full lexical elements, and the final step by functional ones.

⁵ The opposition between proper/functional and improper/lexical prepositions is founded in typology: a proper P is more functional and has a bare directional function, whereas an improper P bears more features since it indicates a part of the space which the ground is referred to (cf. Italian *su* vs. *sopra*, or English *from* vs. *be-side*; see Cinque 2010).

⁶ The P *sub* 'under', despite being a proper P, does not seem to admit aspectual readings: it lexicalises stative relation ('below') or an upwards movement which is usually unbounded. Accordingly, with the partial exception of *sufficio*, *sub-* verbs do not exhibit proper actional values: most commonly, it seems that the semantics of *sub* has to do with its lexical meaning of 'under, low', frequently with the negative connotation of 'doing something secretly'.

the contrary, complex P items like *supra*, *inter*, *extra*, etc. never take on aspectual values. Finally, as I will show further, even those preverbs which may have aspectual values, do keep trace of their spatial preposition status, mostly since their spatial semantics are not completely blurred, and their syntactic status is still transparent (see further). In other words, local meanings in preverbs are still active: preverbs bear the core function of the preposition they correspond to, and modify the meaning of the verb specifying typically a source, a direction, a contact, a movement up-bottom, like in (12) and (13).

(12) *De tegulis modo nescioquis inspectavit vestrum familiarium* (Pl., Mil. 173-174)

<i>De tegulis</i>	<i>modo</i>	<i>nescioquis</i>	
from shingle:ABL;PL	just	do.not.know.who:NOM;S	
<i>in-spectavit</i>	<i>vestrum</i>	<i>familiarium..</i>	
PV-look.at:PRF;3S	your:GEN;PL	servant:GEN;PL	

‘One of your servants, has just seen, looking at from the roof’

(13) *Rapido percurrens turbine campos* (Lucr. 4, 588)

<i>Rapido</i>	<i>per-currens</i>	<i>turbine</i>	<i>campos</i>
quick:ABL;S	PV-run:PRTC;PRS;NOM;S	whirl:ABL;S	field:ACC;PL

‘Running throughout the land with a quick whirl’

A further claim against a bare semantic origin of aspectual preverbs comes from the fact that they interact with all the syntactic elements in a complex fashion. For instance, they may deeply affect the relation of the verb with its arguments; in (14) *ob-* ‘against’ modifies the semantics of the verb *cubare* ‘to sleep, to rest’ increasing its agentivity, whereas in (15) *ad-* affects *tango* ‘to touch’ emphasizing the contact with an object.

(14) *Cui bini custodies semper totis horis occubant* (Pl., Mil. 212)

<i>Cui</i>	<i>bini</i>	<i>custodes</i>	<i>semper</i>
who:DAT;S	pairNOM;PL	watchmen	always
<i>totis</i>	<i>horis</i>	<i>ob-cubant</i>	
every:ABL;PL	hour:ABL;PL	PV-sleep:PRS;3PL	

‘To whom a couple of watchmen always stand guard every hour’

(15) *Ut eos qui ita vixerint aut non attingat aegritudo aut perleviter pungat animi dolor*
(Cic., Tusc. III.25.59)

<i>Ut</i>	<i>eos</i>	<i>qui</i>	<i>ita</i>	<i>vixerint</i>
COMP	they:ACC;PL	who:NOM;PL	this way	live:SUBJ;PST;3PL
<i>aut non</i>	<i>ad-tingat</i>	<i>aegritudo</i>		
or non	PV-touch:SUBJ;PRS;3S	illness:NOM;S		
<i>aut perleviter</i>	<i>pungat</i>	<i>animi</i>	<i>dolor</i>	
or lightly	hit:SUBJ;PRS;3S	soul:GEN;S	pain:NOM;S	

‘So that, those who lived this way, either are not affected by illness or sorrow affects them very lightly’

Moreover, prefixes can affect the valency of predicates, cf. *venio* 'to come' vs. *in-venio* 'to find'⁷, *cubo* 'to sleep' vs. *occubo* 'to lie', *curro* 'to run' vs. *per-curro* 'to run through, to get somewhere running'. (cf. Romagno 2003). These data indicate that the aspectual meanings are just a part of the problem, and have to do with the syntactic relations held by preverbs not only with the verbal root, but also with the argument structure and with the Verbal Phrase. My hypothesis, then, is that preverbatation is the reflex of a syntactic process, and that resultative values arise under particular conditions. In the following section I will try to define the syntactic structures of the most attested aspectual constructions.

3. Resultative preverbs and argument structure: outline

In this section I concentrate on the actional properties of the predicates to which preverbs apply, in order to define the argument structures which are more frequently associated with resultative preverbs. Thus I firstly draw some distinctions following the well known Vendlerian typology of predicates⁸.

a. Stative verbs scarcely tolerate resultative modification triggered by prefixes. Possible exceptions are *per-timeo/ex-timeo* 'to be very afraid', but only when *timeo* entails a span of time, resembling an activity, and *-esco* verbs like *con-ticisco* 'to shout up', where dynamicity is added by the inchoative suffix *-sco*.

b. Activity verbs can be grouped in two categories: low transitivity predicates pattern as accomplishments when they host an object, whether overt or not, cf. *per-sequor* 'to follow persistently' (see below), whereas true unergatives do not usually tolerate resultative prefixation, cf. *tussio*, which is attested with *ex-* already in Celsus, with transitive construction.

c. Achievement verbs (whether volitional or not) tolerate resultative prefixes only under some conditions: *mordeo* 'to bite' when modified by *ad-* 'to' means 'to devour, to bite repeatedly', i.e. it takes on an intensive/resultative meaning if the prefix correlates to an object⁹; *tundo* 'to hit', if prefixed (*con-tundo*), does not indicate the single moment of hitting, but a quite long process of beating.

⁷ Common in a comparative perspective, cf. Russian *idti* 'go, come' > *na-jti* 'find' (reviewer's comment).

⁸ Please note that a detailed discussion of the interplay between preverbs and actional suffixes like *-sco* is outside the goals of this paper; fundamental on this topic, however, is Haverling (2000) and more recently (2010), in particular for the description of data.

⁹ I thank one of the anonymous reviewer for having pointed out to me that in Plautus *admordeo* is only used with the even more figurated meaning of 'to extract money from something'. I do not think that this is a counterexample for my account, yet, it confirms the hypothesis, that the presence of an object allows the prefix to get more complex actional nuances. In detail, one could think that both the figurated meaning and the classical one ('to gnaw') were available with the prefixed verb, and that the textual characters of the comedies triggered a prevalent use of the more marked one.

More frequently prefixes modifying achievements maintain their etymological meaning¹⁰: *morior* 'to die' has comitative sense in *com-morior* (post-classical), *orior* 'to rise, to become visible' shows an anaphoric source when modified by *ex-* in *exorior*.

d. Accomplishments verbs, on the contrary, seem quite free to host preverbs which emphasize the result component, cf. *perdoceo* 'to teach (someone) right', *ecfugio* 'to escape successfully', *conseco* 'to split something with a cut', *expurgo* 'to clean something up' among others. The reason for this has to be sought in their semantic structure, which is characterised for dynamicity as well as for the possibility to have an object. In particular, the presence of an external object is crucial in order to the prefix to have a resultative reading. This can explain why even some intransitive prefixed verbs have resultative meaning provided that they appear in transitive constructions (16-18):

(16) *Multa monumenta vetustas exederat* (Cic., Tusc. V.23.56)

<i>Multa</i>	<i>monumenta</i>	<i>vetustas</i>	<i>ex-ederat</i>
many:ACC;PL	monument:ACC;PL	age:NOM;S	pv-eat:PPFV;3S

'The age had consumed many monuments'

(17) *Neque illic calidum exhibit in prandium* (Pl., Mil. 832)

<i>Neque</i>	<i>illic</i>	<i>calidum</i>	<i>ex-bibit</i>
and.not	at.that.time	hot.wine:ACC.S	pv-drink:PFV;3S

in prandium
at lunch:ACC.S

'And that he did not drink (it) up, still hot, at lunch!' (Pl., Mil. 832)

(18) *Edormi crapulam et exhala* (Cic., Phil. 2.12)

<i>E-dormi</i>	<i>crapulam</i>	<i>et</i>	<i>ex-hala</i>
pv-sleep:IPV	drunkenness:ACC;S	and	pv-breathe:IPV

'Sleep the drunkenness off and breathe out!'

In the above constructions, the primary verb may have both an activity (intransitive construction) and an accomplishment (transitive) reading, but the former can be considered an instance of object-demotion: that is, the object position is empty but available in the syntactic structure (§ 4), thus enhancing resultative preverbatation.

The same pattern can be observed in verbs with non canonical objects, namely whose complement are represented by indirect objects or embedded clauses (19-20):

¹⁰ *Simul primo concursu concrepuere arma* (Liv. VI.24.1) is problematic since *concrepo* 'to rattle, to creak, to make a noise' is quite similar to the simplex *crepo*; it is possible that the prefix *con-* conveys a comitative meaning since the verb occurs preferably with noises produced by two or more things clashing together.

- (19) *Quomque me oratricem hau sprevisi sistique exorare ex te?* (Pl., Mil. 1072)

Quomque me oratricem hau sprevisi
 Why.then me:ACC suppliant:ACC;S not reject:PFV;2S
sisti=que ex-orare ex te?
 leave=and:PFV;2S pv-pray:INF to you:ABL
 'Why didn't you reject me as a suppliant, but you let that I convince you with my prayers?'

- (20) *Adcuratote ut sine talis domi agitent convivium* (Pl., Mil. 165)

Ad-curatote ut sine talis
 PV-be.careful:IMP;FUT comp without dice:ABL;PL
domi agitent convivium
 home:GEN;S drive:SUBJ;PRS;3PL banquet:ACC;S
 'Be very careful, that they sit down at the table at home without dice'

Quite differently, some verbs which are inherently intransitive (whether unaccusative or unergative, 21-22) can take an object if a preverb increases their valency (Romagno 2003):

- (21) *Rostra Cato advolat* (Cic., Att. I.14)

Rostra Cato ad-volat
 platform:ACC;PL Cato:NOM;S PV-fly:PRS;3S
 'Cato flies at the speakers platform'

- (22) *Et argumentum et nomen vobis eloquar* (Pl., Mil. 85)

Et argumentum et nomen vobis e-loquar
 And plot:ACC;S and name:ACC;S you:DAT;PL PV-tell:FUT;1S
 'And now I will reveal both the topic and the title(of the comedy)'

More problematic are a number of unergative verbs which are attested with resultative preverbs even without an object (23-27):

- (23) *Eu hercle praesens somnium! Abi intro et conprecare* (Pl., Mil. 394)

Eu hercle praesens somnium!
 Oh Hercules be.present:PTCP;NOM;S dream:NOM;S
Abi intro et con-precare¹¹
 go:IMP inside and PV-pray:IMP
 'Oh Hercules! Here is your dream! Come in, and pray thoroughly!'

¹¹ The verb *precor* is attested in absolute use (see *TLL*) especially in juridical/ritual/formulaic language.

- (24) *Ut tremit atque extimuit, postquam te aspexit* (Pl., Mil. 1272-73)
*Ut tremit atque ex-timuit*¹²,
 How.much tremble:PRS;3S and PV-be.frightened:PFV;3S
Postquam te aspexit!
 as.soon.as you:ACC;S see:PFV;3S
 ‘How much she trembles, and how she’s got frightened, as soon as she saw you!’
- (25) *Perdormiscin usque ad lucem?* (Pl., Men. 928-930)
Per-dormisci=n usque ad lucem?
 PV-sleep:PRS;2S=NEG until to light:ACC;S
 ‘Do you sleep soundly til dawn?’
- (26) *Quin iam prius quam sum elocutus scis, si mentiri volo* (Pl., Me. 155)
*Quin iam prius quam sum.e-locutus*¹³ *scis,*
 Actually already before that PV-say:PFV;1S know:PRS;2S
Si mentiri uolo
 Whether tell.untruth:INF want:PRS;1S
 ‘Actually, before I said so, you already know whether I want to utter an untruth’
- (27) *non solum hortabor ut elaboret* (Cic., Orat. 2.85)
nonsolum hortabor ut e-laboret
 not only encourage:FUT;1S COMP PV-labor:SUBJ;PRES;3S
 ‘not only will I encourage him to exert himself’

To the best of my knowledge, however, only a few instances of this pattern are attested; even outside Plautus, unergative verbs scarcely tolerate aspectual prefixation (unless turned to transitive constructions), and do not appear before post-Augustean era.

Some remarks are in order. First, most aspectual preverbs exhibit the same resultative meaning, ‘to do something completely, to do well, to do something to the end, to do something in the right way’. Therefore, the label ‘intensive’, does not appear to be satisfying since preverbatation has not simply to do with a special effort or with ‘intensity’, but with the complete accomplishment of the verbal process, even from a qualitative point of view, and with its consequences. It should be noted that this does not involve telicity, since those events (cf. examples 6, 8, 16, 17, 18) are by no means conceived as single points, nor do they take place in a single point. In this light, only two kinds of verbs, accomplishments and some activities, can receive aspectual prefixes. This is coherent

¹² The verb *timeo* ‘to be afraid (of)’ can have an absolute construction, without an inherent object, cf. Pl., Amph.335 *timeo, totus torpeo* ‘I am afraid, I feel numb’ or Pl., Amph. 295 *Timet homo: deludam ego illum* ‘This man is afraid: I will deceive him’.

¹³ Please note that, whereas in (22) *eloquor* was transitivised, here it lacks an object.

with other studies on resultative constructions in a comparative perspective (see Harley 2005), according to which the feature [+dynamic] is required in order to license a resultative interpretation.

Likewise, prefixed verbs with resultative meaning are syntax-sensitive: only verbs licensing an object, or verbs which are capable to host an internal argument, receive aspectual prefixation¹⁴. This condition on the syntactic structure (see below) is relevant for activities and intransitive verbs as well. As outlined above, resultative preverbs can apply on activity or intransitive verbs only if an object (overt or not) is also present; that is, verbs like *narro*, *bibo*, *edo*, which basically admit 'absolute' constructions with object demotion, have result preverbs, when an overt object is realised. Conversely, some unaccusative verbs such as *curro* or *volo* may increase their valency, becoming transitive, when they are prefixed.

However, the data in (23-27) seem to represent counter-examples, since they show unergative verbs, which admit result interpretation with prefixes, even without any object. In the following section I will try to explain this apparent exception. In order to do that, I will give a syntactic analysis of the two most widespread patterns.

4. Analysis

4.1. I treat in a unitary fashion all the resultative prefixed verbs which entail a transitive structure, whether they are inherently accomplishment verbs (type *per-fringo*) or activity verbs (also intransitives) with a secondary object (*e-dormio*).

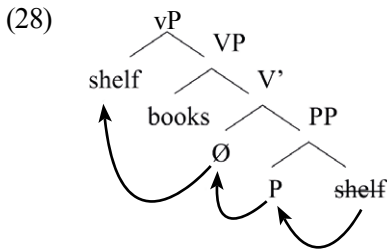
This type shows parallels with the constructions which are known as "weak resultatives" (Mateu 2012, Haugen 2009, Washio 1997 a.o.), that is, verbs entailing an external result, which is in some way expected given the kind of relation between the verbal root and its object (cf. 'to drink something up', 'to cut the meat thin', 'to freeze smth. solid'). The source for their resultative meanings is related to the syntactic structure they project. In particular, various scholars have proposed that some elements, like the particle *up* or the adjectives *solid* or *thin* above confer resultativity to the verb since they are inserted in a specific layer of the verbal Phrase. According to Ramchand's (2008a), the rightmost and lower field of the Verb Phrase (Res[ultative]P[hrase]) is the place where Resultativity features are checked. Taking Ramchand's model as a starting point, my proposal is that, in verbs of the *per-fringo/e-dormio* type, the object is generated in ResP, where the preverb modifies it in a relation of Small Clause.

This analysis is possible provided that resultative preverbs are considered as lexical elements with prepositional status. Comparative data corroborate

¹⁴ This property has long been emphasised by Lehmann (1983), who referred to it as "P-government", cf. Acedo-Matellán (2010).

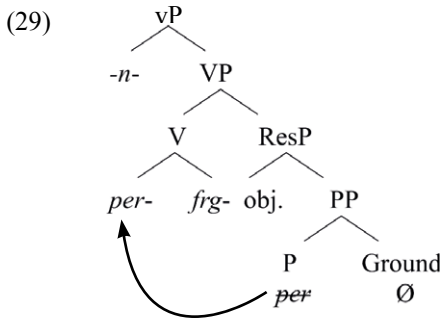
this claim, since in various languages, most notably in Germanic as well as in Slavic and Celtic, P(reposition)s may act as particles, and build actional/aspectual constructions together with the verb (Svenonius 2004, Ramchand-Tungseth 2006, Tungseth 2008: 125ff)¹⁵. The changes in the actional properties of the verb have two reasons: from a semantic point of view, particles represent a limit for the event, since they quantify it, “measure it out” (Tenny 1994), and this triggers a number of actional readings, most notably result interpretation. On the other hand, Ps act like heads, that is they are able to predicate on nominal elements within a Small Clause (cf. Den Dikken 1995). Such a predicative functions of Ps ensure that the object gains a resulting state, which is transferred onto the verbal complex.

The switch of prepositional elements, that is free lexical entities, to prefixes, namely morphs, is parametric within Latin and Slavic languages, and needs to be explained with some specific morpho-syntactic process. Tentatively, I assume that Ps incorporate to the verbal root, probably because those Ps, being complement-less, hence defective, need to move toward a higher predicative head. The idea that an element of the lower VP shell can move in a V-head position is well known since Hale, Keyser’s (1993) analysis of locatum/location verbs, where spatial nouns headed by abstract Ps get verbal status moving to the VP head.

It should be stressed that, as mentioned above, all prefixes involved in resultative structures in Latin come from abstract spatial Ps (Cinque 2010), which share directional features; the point is crucial, since Path features (cf. Harley 2005, Mateu 2012) are able to make the event bound to a limit, enhancing the measuring out effect. In a more formal way, then, one could claim that the abstract P predicating in the Small clause over the Object is the head of an abstract PathP, as represented in (29).

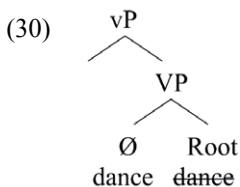
¹⁵ As mentioned above (§ 1), resultative prefixes in Latin appear to be homophonous with a subset of Ps; from a theoretical point of view, however, Ps and prefixes coincide, the latter being the consequence of a morpho-syntactic process affecting the former.

4.2. A small number of object-less prefixed verbs like *e-loquor* ‘to tell smth.’¹⁶, *ex-timeo* ‘to be frightened’, *e-laboro* ‘to exert oneself’, *per-dormisco* ‘to sleep soundly’, can represent a problem at first sight, since the lack of an object makes them unbounded, that is, their result-orientation seems hard to be explained. A parallelism can be drawn with “strong resultative” verbs (Washio 1997, Mateu 2012 a.o., cf. to dance the night away, to hammer the metal flat, to work the debts off, to run the pavement thin), where resultativity cannot be inferred from verbal semantics, but it has to emerge from a complex syntactic process.

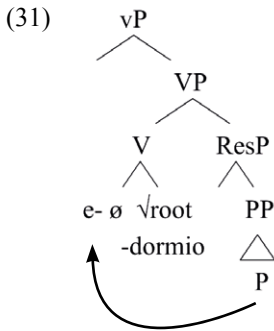
Following Mateu’s analysis (2012) of strong resultatives, then, I treat the *eloquor* type as complex predicates, where the PP which carries out resultative reading can not have scope on the empty object position. Therefore, a subtler analysis is required.

The keypoint is that these verbs, despite being unergatives (without a complement position) seem to have the same properties as transitive ones (they can receive an endpoint). Since Hale, Keyser (1993), the syntactic structure of unergative verbs like ‘to dance’ has been decomposed as ‘to make a dance’, that is they involve a null verbal head governing a root nominal element (30).

¹⁶ The meaning of *eloquor* is properly ingressive (cf. Haverling 2000); however, its use in *Miles Gloriosus* is quite more complex, since characters use it when they want to declare their intention of not only beginning a tell, but also of doing that thoroughly; in other word, it seems that not only the starting point of the event is focused, but also its results, as if *eloquor* (of course when at the first person) patterns as a performative verb.

In this light, even if the complement is empty, the resultative PP may have scope on the nominal root embedded under the null head of VP, and the syntactic operations are quite similar to those involved in transitive verbs. Yet the main difference is that it is necessary to postulate an extra movement, in order to explain the conversion of the nominal root to a verb properly: this is captured by the process which Mateu (as well as Haugen 2009, and Hale, Keyser 1993) calls conflation, that is a special kind of movement, which is triggered by the need to fulfil an empty position in the syntactic structure. The conflation therefore makes the nominal root merge with its heading node, the null verbal head, giving rise to a lexical verb. Secondly, the groundless PP which makes the event resultative moves to the position of the null verb conflated to the verbal root: it should be noted, then, that unlike in the *perfringo* type, in the *edormio* type the prefix does not merge directly with the root, but it has to move upwards to the null verb position to which the root conflates (31).

The syntactic account given above for the *edormio* verb type looks quite costly if compared with the mechanism involved by the *perfringo* type, as it entails the conflation process, and a different kind of movement of the head of the resultative PP. Yet, this proposal may predict the very low frequency of resultative prefixes with non transitive verbs, which normally are not able to receive “intensive” reading since an unergative root cannot host a ResP unless it conflates to a transitivizing head.

More generally, the markedness of strong resultative constructions in Latin can be expected in light of the fact that they are mostly ruled out in Romance languages as well, as the oddity of constructions like “danzare via la notte”, can show¹⁷.

¹⁷ This is not surprising since Romance languages are basically “verb framed”, in Talmy’s terms (see Mateu 2012); as to Latin, the marginal availability of conflation constructions is to be evaluated in further research.

Conclusions

This study identifies with more accuracy the aspectual values in Latin preverbs, labeling them as resultative, rather than “intensive”; despite the fact that data are quite confused between perfectivity and telicity, only resultative values seem coherent with both the semantics of prefixed verbs and the properties of prepositional particles in a comparative perspective. This goal is consistent with data from Ancient Greek, Sanskrit and Old Irish¹⁸, in which verbal prefixes carry actional values rather than proper aspectual features.

I have shown that the emergence of resultative values in prefixed verbs can be explained as instances of common syntactic processes. Like the prefixes which increase verb valency, resultative ones get their value as they modify the argument structure of the verb. In particular, a ResP hosts defective Ps which, licensing Path features, make the verbal root bounded, hence the verbal process resultative¹⁹.

The rarity of intensive prefixation with non transitive verbs can be explained only by syntactic reasons: it has not to do only with their semantics, but with the complexity of the processes involved.

More generally, Latin data are consistent with a synchronic analysis of actional preverbs as prepositional elements, in the light of influential comparative studies like Svenonius (2004), Ramchand (2008a) and Tungseth (2008). A further step of the research should deal with the parametric differences between the languages in which Ps do not unverbate with verbs, and those like Latin in which they become prefixes.

Abbreviations

P	Preposition
PP	Preposition Phrase
Pv	Preverb
ResP	Result Phrase
VP	Verb Phrase

¹⁸ For a comparative overview see for instance Hewson, Bubenik (2006).

¹⁹ Tentatively: all types of preverbs come from incorporated Ps: what changes is where they move. True local preverbs like *in-* of *inspecto* maintain an abstract or anaphoric ground as well as valency changing preverbs like *in-* of *invenio*. Here the P moves to an applicative head above VP on which the root incorporates. Aspectual preverbs derive from groundless Ps which incorporate directly on the root or on a null verb according to root’s semantics.

Bibliography

- Acedo Matellán 2010: V. Acedo Matellán, *Argument structure and the syntax-morphology interface. A case study in Latin and other languages*, PhD Thesis, Universitat de Barcelona 2010.
- Barbelenet 1913: D. Barbelenet, *De l'aspect verbal en latin ancien et particulièrement dans Térence*, Paris 2010.
- Cinque 2010: G. Cinque, *Mapping spatial Pps: an introduction*, in: G. Cinque, L. Rizzi (eds.), *Mapping spatial Pps. The cartography of syntactic structures*, vol. 6, Oxford-New York 2010, 3-25.
- Den Dikken 1995: M. Den Dikken, *Particles. On the syntax of verb-particle, triadic, and causative constructions*, Oxford-New York 1995.
- García Hernández 2005: B. García Hernández, *L'antonymie aspectuelle des préverbes allatifs et ablatifs*, in: C. Moussy (ed.), *La composition et la préverbation en latin*, Paris 2005, 229-241.
- Hale, Keyser 1993: K. Hale, S. J. Keyser, *On the argument structure and the lexical expression of syntactic relations*, in: K. Hale, S. J. Keyser (eds.), *The view from Building 20. Essays of linguistics in honor of S. Bomberger*, Cambridge (MA) 1993, 53-109.
- Harley 2005: H. Harley, *How do verbs get their names? Denominal verbs, manner incorporation and the ontology of verbs in English*, in: N. Erteschik-Shir, T. Rapoport (eds.), *The Syntax of aspect. Deriving thematic and aspectual interpretation*, Oxford 2005, 42-63.
- Haverling 2000: G. Haverling, *On -sco verbs, prefixes and semantic functions*, Göteborg 2000.
- Haverling 2010: G. Haverling, *Actionality, tense and viewpoint*, in: P. Baldi, P. Cuzzolin (eds.), *New perspectives on historical Latin syntax 2. Constituent syntax: adverbial phrases, adverbs, mood, tense*, Berlin-New York 2010, 278-523.
- Hewson, Bubenik 2006: J. Hewson, V. Bubenik, *From case to adpositions. The development of configurational syntax in Indo-European languages*, Amsterdam 2006.
- Haugen 2009: J. D. Haugen, *Hyponymous objects and late insertion*, "Lingua", 119, 2009, 242-262.
- Kratzer 1996: A. Kratzer, *Severing the external argument from its verb*, in: J. Rooryck, L. Zaring (eds.), *Phrase structure and the lexicon*, Dordrecht 1996, 109-137.

- Lehmann 1983: C. Lehmann, *Latin preverbs and cases*, in: H. Pinkster (ed.), *Latin Linguistics and Linguistic Theory*, Amsterdam 1983, 145-161.
- Mateu 2012: J. Mateu, *Conflation and incorporation processes in resultative constructions*, in: D. V. Demonte, L. McNally (eds.), *Telicity, Change, and State: A Cross-Categorical View of Event Structure*, Oxford 2012, 252-278.
- Pinkster 1990: H. Pinkster, *Latin syntax and semantics*, London 1990.
- Pokorny 1959: J. Pokorny, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern 1959.
- Ramchand, Tungseth 2006: G. C. Ramchand, M. E. Tungseth. *Aspect and verbal prepositions*, “Nordlyd”, 33 (2), 2006, 149-175.
- Ramchand 2008a: G. C. Ramchand, *Verb meaning and the lexicon. A first phase syntax*, Cambridge 2008.
- Ramchand 2008b: G. C. Ramchand, *Perfectivity as aspectual definiteness: Time and the event in Russian*, “Lingua”, 118, 2008, 1690-1715.
- Romagno 2003: D. Romagno, *Azionalità e transitività: il caso dei preverbi latini*, “Archivio glottologico italiano”, 88 (2), 2003, 154-170.
- Svenonius 2004: P. Svenonius, *Slavic prefixes inside and outside VP*, “Nordlyd”, 32 (2), 2004, 205-253.
- Svenonius 2008: P. Svenonius, *Projections of P*, in: A. Asbury, J. Dotlačil, B. Gehrke, R. Nouwen (eds.), *Syntax and semantics of spatial P*, Amsterdam-Philadelphia 2008, 63-84.
- Tenny 1994: C. Tenny, *Aspectual roles and the syntax-semantics interface*, Dordrecht 1994.
- Tungseth 2008: M. E. Tungseth, *Verbal prepositions and argument structure*, Amsterdam-Philadelphia 2008.
- Washio 1997: R. Washio, *Resultatives, compositionality and language variation*, “Journal of East Asian Linguistics”, 6, 1997, 1-49.

Texts

- Accius, Lucius, *Tragoediarum Fragmenta*, in: O. Ribbeck (ed.), *Tragicorum Romanorum Fragmenta*, vol. 3, Leipzig 1897.
- Cicero, Marcus Tullius, *Epistulae ad Atticum*, in: D. R. Schakleton Bailey (ed.), *M.T. Ciceronis Scripta quae manserunt omnia*, fasc. 34, Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana, New York-Berlin 1987.

- Cicero, Marcus Tullius, *In M. Antonium Orationes Philippicae*, in: P. Fedeli (ed.), *M.T. Ciceronis Scripta quae manserunt omnia*, fasc. 28, Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana, Berlin-New York 2011.
- Cicero, Marcus Tullius, *Orator*, in: R. Westman (ed.), *M.T. Ciceronis Scripta quae manserunt omnia*, fasc. 5, Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana, Berlin-New York 2013.
- Cicero Marcus Tullius, *Tusculanae Disputationes*, in: M. Pohlenz (ed.), *M.T. Ciceronis Scripta quae manserunt omnia*, fasc. 44, Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana, Berlin-New York 2013.
- Homer, *Iliad*, in: D. B. Monro, T.W. Allen, *Homeri Opera*, Oxford Classical Texts, Oxford 1963.
- Homer, *Odyssey*, in: D. B. Monro, T.W. Allen, *Homeri Opera*, Oxford Classical Texts, Oxford 1963.
- Livius, Titus Patavinus, *Operis maximi historici ('ab urbe condita') quae exstant*, in: J. Briscoe (ed.), *Titi Livi Ab Urbe Condita Libri XVI-XXV*, Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana, Berlin-New York 1986.
- Lucretius, Titus Carus, *De Rerum Natura*, in: H. Diels (ed.), *T. Lucretius Carus De rerum natura. Lateinisch und Deutsch*, Berlin 1923.
- Plautus, Titus Maccius, *Menaechmi*, in: W. M. Lindsay (ed.), *T.M. Plauti Comoediae*, vol. 1, Oxford Classical Texts, Oxford 1963.
- Plautus, Titus Maccius, *Mercator*, in: W. M. Lindsay (ed.), *T.M. Plauti Comoediae*, vol. 1, Oxford Classical Texts, Oxford 1963.
- Plautus, Titus Maccius, *Miles Gloriosus*, in: W. M. Lindsay (ed.), *T.M. Plauti Comoediae*, vol. 2, Oxford Classical Texts, Oxford 1963.

Abstract

Davide Bertocci

"Intensive" verbal prefixes in Archaic Latin

The goal of this paper is to give a brief outline of the synchronic conditions which trigger the emergence of aspectual values in Latin verbal prefixes. In particular, I will show that such a possibility is not the result of bare semantic effects, lexicalization of idioms or compounding strategies; rather, aspectual preverbatation crucially has to do with syntactic factors, namely the argument structure of the verb, the prepositional character of the prefixes, and the interactions between those components.

Keywords: Latin, prefixes, resultative, prepositions

Видовые приставки в языковом контакте (на материале молиско-славянского, резьянского и верхнелужицкого микроязыков)

Вальтер Брой, Малинка Пила, Ленка Шольце

1. Общая ситуация

Наша коллективная статья посвящена судьбе глагольного вида в славянских микроязыках в ситуации контакта с неславянскими языками, а именно: деривационной оппозиции НСВ : СВ и флективно-аналитической оппозиции имперфекта и перфекта. В центре внимания находится видовая роль глагольных приставок.

Речь пойдет, главным образом, о контакте резьянского микроязыка в северной Италии и молиско-славянского микроязыка в южной Италии с итальянским языком и его местными разновидностями, а также верхнелужицкого разговорного микроязыка с немецким языком, ср. Таблицу 1. Для сравнения здесь добавлен также и градищанско-хорватский (бургенландско-хорватский) микроязык в австрийском Бургенланде, на который мы в дальнейшем только коротко сошлемся¹.

Таблица 1.

Ситуация языкового контакта в славянских микроязыках

	Микроязык	Доминантный язык
→	Резьянский (РЕЗ)	итальянский
южнославянский →	Молиско-славянский (МСЯ)	итальянский
→	Бургенландско-хорватский (БЛХ)	немецкий
западнославянский	Верхнелужицкий (разговорный, ВРЯ)	немецкий

Эта таблица является упрощением реальных, более сложных контактных ситуаций, как на синхроническом, так и на диахроническом уровне, изображенных в Таблице 2, где представлены также разговорные и диалектальные разновидности доминирующих языков. Кроме того, мы кос-

¹ См. более подробное сравнительное описание контактных ситуаций верхнелужицкого, бургенландско-хорватского и молиско-славянского микроязыков в Breu *et al.* (2017: 55-70).

немся и других языков, которые наряду с нынешними доминирующими языками также находятся или находились в контакте с рассматриваемыми микроязыками, напр.: неаполитанский литературный язык в случае молизско-славянского, фриульский и немецкий языки в случае резьянского, или венгерский в случае бургенландско-хорватского, а также чешский в случае верхнелужицкого языка.

Таблица 2.

Комплекс языковых контактов славянских микроязыков

Семья языков	Микроязык	Доминирующий язык
	Резьянский (РЕЗ)	итальянский стандарт, итальянская разговорная речь, венецианский диалект, фриульский язык, немецкий язык и его диалекты
южно-славянский	Молизско-славянский (МСЯ)	итальянский стандарт, итальянская разговорная речь, молизский диалект, неаполитанский литературный
	Бургенландско-хорватский (БЛХ)	немецкий (австр.) стандарт, немецкая разговорная речь, бургенландский диалект, венгерский язык
западно-славянский	Верхнелужицкий (разговорный) (ВРЯ)	немецкий стандарт, немецкая разговорная речь, саксонский диалект, чешский язык

Мы здесь можем только очень коротко остановиться на внеязыковом историческом контексте и сегодняшней ситуации славянских меньшинств в контактных ареалах. В общем, можно сказать, что только лужичане «автохтонны» в своих сегодняшних районах поселения в восточной Германии, так как живут там уже с восьмого столетия, в то время как немцы поселились там позже². За последнее время область распространения серболужицкого населения сильно уменьшилась, прежде всего, это касается ареала распространения повседневно употребляемой живой речи, которую мы называем «верхнелужицкий разговорный язык». Эта разновидность верхнелужицкого языка, на котором в настоящее время говорит около 10000 человек, возникла только после второй мировой войны на основе «католического» диалекта на юго-западе области распространения верхнелужицкого языка в 19-м столетии³. Верхнелужицкий разговорный язык сильно отличается от

² О теории миграции лужичан и их иммиграции в восточную Германию на основе языковых данных ср. Schuster-Sewc (1998).

³ В центре этого ареала находятся общины *Ralbitz/Rosenthal* и *Crostwitz*. О социолингвистической классификации верхнелужицкого разговорного языка

пуристического литературного стандарта на всех языковых уровнях, в том числе и в видовой системе.

Другие контактные ситуации, затронутые в настоящей статье, возникли вследствие переселения южных славян в районы, где уже жило иноязычное население. Самым старым языковым «островом» из них является долина реки Резия⁴, куда славяне, родственные сегодняшним словенцам переселились уже более тысячелетия тому назад из Каринтии, т.е. с севера⁵. В те времена в этом ареале, кроме романских языковых разновидностей, важную роль играл также и немецкий язык. С другой стороны, контакт со словенским языком и его говорами был всегда очень ограничен из-за высоких гор, разделяющих резьянскую область от Словении⁶. Все носители резьянского микроязыка, их около тысячи, дву- или трехязычные, так как они также говорят по-итальянски и отчасти – по-фриульски.

Предки сегодняшних молизских славян переселились в Италию в 16-м столетии, а именно из долины реки Неретва в Герцеговине и говорили на штокавско-икавском диалекте сербохорватского диалектного континуума⁷. Самым близким для них литературным языком является хорватский стандарт, но контакт с хорватским был всегда очень ограничен. Единственным главенствующим языком является в наши дни итальянский язык. На молизско-славянском микроязыке говорят только еще в трех селах⁸, носителей этого языка меньше тысячи. Эти села находятся приблизительно в 35-и километрах от адриатического побережья. Говоры этих сел, в принципе,

в сравнении с другими разговорными разновидностями славянских языков ср. Scholze (2005; 2008: 24-42).

⁴ На резьянском микроязыке говорят в следующих селах: *Gniva, Oseacco, Prato di Resia, San Giorgio, Stolvizza, Ucceca*. Хотя у каждого села свой собственный говор, они, насколько до сих пор известно, в области глагольного вида не различаются. Большинство примеров в настоящей статье относится к говору села *Stolvizza*.

⁵ О «северном» происхождении резьян свидетельствуют, прежде всего, языковые критерии, общие со словенскими диалектами в Каринтии; ср. труд Steenwijk (1992: 1), основывающийся на работе Ramovš (1928: 108-113).

⁶ Краткий обзор современной и исторической ситуации в резьянской долине и лингвистических исследований в этом ареале в течение двух последних столетий дает Steenwijk (1992: 1-7). Об особенностях резьянской ситуации в сравнении с другими районами с населением словенского происхождения в северной Италии ср. Venacchio (2002: 63-103). Самым крупным языковедом, занимавшимся резьянским языком в 19-м столетии, был Ян Бодуэн де Куртенэ; ср., напр., собрание текстов Baudouin de Courtenay (1895).

⁷ Классическим описанием языка и истории молизских славян является труд Rešetar (1911). О сегодняшней ситуации ср., напр., Breu/Piccoli (2011: xiii-xv) и Breu (2008). Собрание устных текстов встречается в двух томах Breu/Piccoli (2011/2012).

⁸ Названия этих сел – *Acquaviva Collecroce, Montemitro* и *San Felice*. Примеры в настоящей статье взяты преимущественно из говора села Аквавива, в котором живет большинство носителей молизско-славянского микроязыка.

различаются на всех языковых уровнях, но в области вида никаких существенных различий не наблюдается.

Бургенландско-хорватский микроязык также выделился из сербохорватского языкового диалектного континуума, но из ареала, где соприкасаются чакавские, штокавские и кайкавские диалекты. Предки сегодняшних бургенландских хорватов переселились в Австрию (и в соседние районы Венгрии и Словакии) в 16-м столетии⁹. Есть три отдельные области с бургенландско-хорватскими селами в Австрии, на севере, в середине и на юге Бургенланда. Хотя единичные говоры отличаются друг от друга чакавскими и штокавскими особенностями, в области вида существенных различий не наблюдается¹⁰. В отличие от молизских славян, бургенландские хорваты всегда поддерживали отношения с Хорватией, прежде всего через католическую церковь. Однако эти отношения не оказали существенного влияния на грамматическую систему бургенландских говоров.

2. Видовые системы в контакте

Относительно видовых систем доминирующих контактных языков необходимо отметить, что итальянский обладает, по крайней мере, флективной видовой оппозицией имперфекта и перфекта, ограниченной прошедшим временем, и прогрессивной перифразой типа *stare* + деепричастие, в то время как в немецком языке глагольный вид полностью отсутствует. С другой стороны, важную роль в глагольной системе немецкого языка играют приставки, как в формальной области словообразования, так и в семантической области предельности, в то время как итальянские приставки ограничиваются неакциональным лексическим словообразованием.

Иными словами, функционально-семантическое поле аспектуальности в отдельных доминирующих языках довольно разнообразно: итальянский язык, тоже обладающий видовой оппозицией, хотя только во флективной и перифрастической формах и без акциональной роли приставок, противопоставляется безвидовому немецкому языку, в котором важную роль в выражении предельности играют приставки.

Наш анализ основывается, прежде всего, на материале, который мы собрали в рамках двух исследовательских проектов в Констанцком университете, а именно, *EuroSlav2010* (совместно с французским научно-исследовательским институтом LACITO), см. Adamou *et al.* (2013) и *Der*

⁹ Об истории бургенландских хорватов ср. классическую работу Breu (1970).

¹⁰ О сегодняшней ситуации бургенландского-хорватского и о научном изучении разновидностей этого микроязыка ср., напр., Neweklowsky (1978: 19-27) и Breu *et al.* (2017: 66-70), а также названную там литературу. Социолингвистической проблематикой занимается, напр., Szucsich (2000).

Verbalaspekt in west- und südslavischen Mikrosprachen (Глагольный вид в западно- и южнославянских микроязыках)¹¹. В дальнейшем речь пойдет о том, каким образом различные видовые свойства контактных языков отражаются на развитии видовых систем в микроязыках, и в частности – о роли приставок в этом развитии.

Сразу видно, что видовая роль приставок в резьянском и молизско-славянском сильно отличается от их роли в верхнелужицком разговорном языке. Например, в отличие от рассматриваемых микроязыков в Италии, в которых приставки не входят в состав средств образования видовых пар у заимствованных глаголов, в верхнелужицком разговорном языке (ВРЯ) новые префиксальные пары вполне возможны, например, в (1а-б) *fönwać / sfönwać* < нем. *fönen* ‘(вы)сушить феном’ или (2а-б) *dušwać so : hudušwać so* < нем. *duschen* ‘принимать / принять душ’:

(1а) *Hdže ha mama? - Ta sej rune wlose fönwe*:PRS.IPFV.3SG. (ВРЯ)

‘Где мама? – Она как раз сушит свои волосы феном.’

(1б) *Ja šće sej wlose sfönwać*:INF.PFV, *ha pon móžemo hić*. (ВРЯ)

‘Я себе [еще] высушу [досл. высушить] волосы, а потом мы можем пойти.’

(2а) *Nešetrebaj tejko wody, ja cem šće so tej dušwać*:INF.IPFV ! (ВРЯ)

‘Не трать так много воды, я тоже хочу еще принять душ!’

(2б) *Fryšne hudušwane*:PTCP.PRF.PASS.PFV.NOM.SG.M *ty nemóžeš won hić, ty budžeš so nazymnić!* (ВРЯ)

‘Только приняв душ, ты не можешь выйти, ты простудишься!’

В исследуемых славянских микроязыках в Италии, видовые пары предельных глаголов¹², заимствованных из романских языковых разновидностей, образуются исключительно с помощью суффиксов: в процессе заимствования итальянские глаголы сначала интегрируются в СВ, а для последующего образования соответствующего глагола НСВ служит именно суффиксация, например, в МСЯ: итал. *fermare* → *fermat* СВ ‘остановить’ ⇒ *fermivat* НСВ ‘останавливать’. Сравните также в (3а-б) суффиксальную

¹¹ В обоих проектах, кроме молизско-славянского и верхнелужицкого разговорного языка исследуется также и бургенландско-хорватский микроязык, в то время как резьянский микроязык, занимающий центральное место во втором, более новом проекте, в *EuroSlav2010* отсутствует. С другой стороны, в *Euroslav 2010* включены также балкано-славянские разновидности, на которых говорят в Греции.

¹² Непредельные глаголы интегрируются как несоотносительные глаголы НСВ, напр., в МСЯ *posedit* ‘иметь, обладать’ < итал. *possedere* или *pizat* ‘весить’ < итал. *pesare* или же *sumiljat* ‘быть похожим’ < итал. *somigliare*, а в РЕЗ *baštet* ‘быть достаточным’ < итал. *bastare*, фриул. *bastâ* и *somajet* ‘быть похожим’ < итал. *somigliare*, фриул. *someâ*.

пару *partit* : *parčivat* < итал. *partire* ‘отправиться / отправляться’ в МСЯ¹³ и в (4а-б) *konsanjet* : *konsanjowet* < итал. *consegnare*, фриул. *consegnâ* ‘доставить / доставлять’ в резьянском¹⁴:

(3а) *Sa ndrthanahu za vit one ka parčivahu*:IPRF.IPFV.3PL. (МСЯ)

‘Они прибывали, чтобы увидеть тех, кто отправлялся.’

(3б) *Je partija*:PRF.PFV.3SG.M *jiz Kruča jistru rana*. (МСЯ)

‘Он отправился из Аквавивы рано утром.’

(4а) *Mario konsanjel*:PRF.PFV.3SG.M *wse gornole*. (РЕЗ)

‘Марио доставил все газеты.’

(4б) *Ko an konsanjowel*:PRF.IPFV.3SG.M *gornole, an spadel od bičiklete*. (РЕЗ)

‘Когда он доставлял газеты, он упал с велосипеда.’

Из этих данных следует, что принципиально различное поведение приставок в отдельных доминирующих контактных языках действительно находит отражение в видовых формах заимствований. В исконной славянской лексике, напротив, во всех трех микроязыках приставочный способ образования видовых оппозиций, в принципе, сохранился, т.е. образование совершенного вида без изменения лексического значения, как например, в (5)-(7), *warić* : *swarić* ‘(с)варить’ в верхнелужицком разговорном, *krest* : *ukrest* ‘(у)красть’ в молизско-славянском и *pisat* : *napisat* ‘(на)писать’ в резьянском языках:

(5а) *Šindźće k nam! Mó warimo*:PRS.IPFV.1PL *spaghetti, ha to jo došč a nadošč za šěch*. (ВРЯ)

‘Приходите к нам! Мы варим спагетти, а их более чем достаточно для всех.’

(5б) *Hdyž maš ty wóbed zwarene*:PTCP.PRF.PASS.PFV.ACC.SG, *zawołaj me!* (ВРЯ)

‘Когда у тебя обед будет готов [= ты пригостишь обед], позови меня!’

(6а) *Nike mislahu ka bihu marijola ka kredahu*:IPRF.IPFV.3PL *blage*. (МСЯ)

‘Некоторые думали, что это разбойники, которые воруют у них скот.’

¹³ Другие примеры предельных глаголов итальянского происхождения, число которых, в принципе, не ограничено, следующие: *surtit* : *surčivat* ‘случиться / случаться’ < итал. *sortire* ‘выйти’, *dečidit* : *dečidivat* ‘решить / решать’ < итал. *decidere*, *mburnat* : *mburnivat* ‘посадить / сажать хлеб в печь’ < итал. диал. *mburnà* (= итал. *infornare*). О формальной интеграции заимствованных глаголов в различные классы спряжения ср., напр., Вреу (1998: 341-343).

¹⁴ Об интеграции заимствованных глаголов в РЕЗ ср. Benacchio (2009: 189). Другие примеры видовых пар романского происхождения (из итальянского или фриульского), обнаруженные во время исследований в Резии в последние годы, следующие: *provet* : *provawet* ‘(по)пытаться’ < итал. *provare*, фриул. *provâ, špjeget* : *špjegawet* ‘объяснить / объяснять’ < фриул. *spiegâ* и *rendikontet* : *rendikontawet* ‘(с) делать отчет’ < итал. *rendicontare*.

(6б) *Je mu surtila ka su mu ukrel*:PRF.PFV.3PL *tuna pinaze*. (МСЯ)
 ‘С ним случилось [так], что у него украли все деньги.’

(7а) *Kar ja si romonila, ti ti si pisel*:PRF.IPFV.2SG (РЕЗ)
 ‘Пока я говорила, ты писал’

(7б) *An jë mu napisel*:PRF.PFV.3SG *no riçeto, ki an mu dal*. (РЕЗ)
 ‘Он ему выписал [досл. написал] рецепт и дал ему его [досл. который он ему дал].’

Несмотря на то, что в отличие от молизско-славянского, в резьянском функции имперфекта сегодня очень ограничены (см. ниже, 3.2), необходимо обратить внимание на тот факт, что имперфект, в принципе, сохранился в обоих славянских микроязыках в Италии, несмотря на потерю аориста, замененного перфектом на *-l*¹⁵. Такое развитие во флективной видовой оппозиции соответствует романской диахронической константе, в то время как собственно славянская диахроническая константа в этой области способствовала бы утрате имперфекта до аориста (Брой 2006: 71-73). Это развитие можно считать кардинальным результатом языкового контакта в области видовых систем.

Правда, синтетические формы прошедшего сохранились также и в верхнелужицком языке, что произошло, несомненно, под влиянием немецкого языка. Но поскольку здесь, в принципе, сохранились формы обеих синтетических граммем (имперфекта и аориста), то нарушений славянской диахронической константы нет. В разговорной разновидности верхнелужицкого языка под влиянием разговорных разновидностей немецкого языка старые синтетические формы так или иначе сменил перфект (Breu *et al.* 2017: 88-92).

3. Видовые особенности славянских микроязыков

3.1. Молизско-славянский язык (МСЯ)

В МСЯ приставки, образующие видовые пары, следующие: *jiz-*, *na-*, *o-*, *po-*, *pro-*, *raz-*, *s-*, *u-* и *za-*; ср. следующие примеры:

(8) <i>mirit</i> : <i>jizmirit</i>	‘измерять / измерить’
<i>brat</i> : <i>nabrat</i>	‘соб(и)рать урожай’
<i>prat</i> : <i>oprat</i>	‘(вы)стирать’
<i>trgat</i> : <i>potrgat</i>	‘соб(и)рать виноград’
<i>budit</i> : <i>probudit</i>	‘(раз)будить’

¹⁵ Последние формы аориста встречаются еще у Бодуэна де Куртенэ, напр., *ja pridüh* ‘я пришел’ в Baudouin de Courtenay (1895: 65, §244). МСЯ утратил аорист полностью еще до первых записей.

<i>dilit</i> : <i>razdilit</i>	‘разделять / разделить’
<i>hladit</i> : <i>shladit</i>	‘охлаждать / охладить’
<i>sa plašit</i> : <i>sa uplašit</i>	‘(ис)пугаться’
<i>kajat</i> : <i>zakajat</i>	‘(со)ткать’

Как было упомянуто выше, префиксальные пары ограничиваются глаголами славянского происхождения, включая, конечно, также древние заимствования до иммиграции в Италию. Надо отметить, однако, что в молизско-славянском есть кандидаты для приставочных видовых пар также и в области заимствований. Но такие «пары» выражают скорее способы глагольного действия, а не видовое различие. Например, в противопоставлениях типа *mandanit* : *zamandanit* < итал. *mantenere* ‘держат, сохранить’ приставочный глагол *zamandanit* выражает только способ глагольного действия ‘коротко и крепко удержать’, а неприставочный глагол *mandanit* является двувидовым¹⁶.

И у исконнославянских глаголов можно наблюдать исчезновение некоторых приставочных видовых пар. Например, *gledat* ‘(по)смостреть’ – двувидовой, в то время как *pogledat* выражает однократный способ глагольного действия, в смысле ‘бросить взгляд’. Другой пример: *pisat* ‘(на)писать’ – двувидовой, в то время как *napisat* выражает способ глагольного действия в значении ‘написать слишком много’. В случае двувидового заимствования *lejit* ‘(про)читать’ < итал. диал. *lejǰə*, приставочных форм вообще нет.

Множество старых префиксальных пар, однако, сохранилось. Они обладают теми же видовыми функциями, что и суффиксальные, в том числе также и в прошедшем времени молизско-славянского языка, где кроме дериивационной оппозиции несовершенного и совершенного вида есть также и флективно-аналитическая оппозиция имперфекта и перфекта (вспомогательный глагол *bit* ‘быть’ + причастие на <*/¹⁷).

¹⁶ Есть, правда, некоторые приставочные пары, происхождение которых неясно. На первый взгляд, напр., *mobit* : *smobit* ‘двигать / двинуть’ (< итал. диал. *mòvǎra?*) является исключением из правила, по которому заимствованные глаголы интегрируются в МСЯ как суффиксальные пары. Но в этом случае речь, вероятно, идет о древнем заимствовании, еще до иммиграции, так как глагол *mòvit* существует также в чакавском наречии хорватского языка.

¹⁷ Первоначальное *l* < *lʷ* в причастиях мужского рода МСЯ превратилось во всех трех молизско-славянских говорах в *a*. С другой стороны окончание *i* мн. числа, в котором нет родовых различий, отпало во всех трех диалектах, за исключением говора села Сан Феличе, где оно еще факультативно употребляется. В говорах сел Аквавива и Сан Феличе, окончание *-o* среднего рода ед. числа совпадает с *a* женского рода, но не в говоре села Монтемитро. Итак, в Аквавиве причастные формы, например, глагола *naučit* ‘научить’ звучат так: *naučija*:SG.M, *naučila*:SG.F/N, *naučil*:PL. Соответствующие формы в говоре Сан Феличе *naučija*:SG.M, *naučila*:SG.F/N, *naučil*:PL ~ *naučili*:PL, а в говоре Монтемитро : *naučija*:SG.M, *naučila*:SG.F, *naučilo*:SG.N, *naučil*:PL.

Например, так же, как и глаголы СВ в суффиксальных парах, приставочные глаголы выражают в перфекте однократное, целостное действие, в то время как бесприставочные глаголы НСВ выражают в настоящем времени и в имперфекте процесс, состояние и кратность действий.

С другой стороны, как у суффиксальных, так и у префиксальных пар, наряду с настоящим несовершенного вида и имперфектом несовершенного вида встречаются также и «неоднородные» комбинации настоящего совершенного вида и имперфекта совершенного вида¹⁸. Такие комбинации видовременных граммем, противоречивые с точки зрения основных функций единичных граммем, употребляются для выражения хабитуальной ситуации, в смысле неограниченной кратности действия, чаще всего, при неограниченно кратных цепях действий. Сравните в примере (9) приставочный имперфект СВ *ponesahu* и бесприставочный имперфект СВ *skargahu*. Глагол *skargat* ‘разгрузить’ является заимствованием из итальянского *scaricare*, в котором приставка *s-* носит исключительно лексическое значение¹⁹.

- (9) *One ponesahu*:IPRF.PFV.3PL *džimjenda nondeka*, *ga skargahu*: IPRF.PFV.3PL *vana...*
 ‘Они везли цемент туда, разгружали его на улице...’

Однородные комбинации имперфекта НСВ или соответственно настоящего времени НСВ факультативно тоже возможны в этой функции. Но они, в противоположность неоднородным комбинациям, выражающим здесь однозначно хабитуальность, неоднозначны, так как они обладают также и такими функциями, как процессуальность действия, то есть наряду с таксисной функцией последовательности могут также выражать и одновременность.²⁰

¹⁸ Как известно, такие «противоречивые» комбинации существуют также в болгарском и македонском языках, в то время как в хорватском стандарте и его диалектах имперфект СВ отсутствует.

¹⁹ Точнее говоря, префикс *s-*, как и в итальянском, указывает на лексическую антонимию; ср. *kargat* (*-ngargat*) : *skargat* = итал. (*in*)*caricare* : *scaricare* ‘погрузить : разгрузить’. НСВ выражается с помощью суффиксации: *ngargivat*, *skargivat*. Здесь речь идет, конечно, о заимствованной приставке, которая случайно является омонимом исконно-славянской приставки *s-*, которая является чистовидовой приставкой в видовой паре *cidit* : *scidit* ‘(про)цедить’. Заимствованный антоним может и отсутствовать, как, например, в случае видовой пары *skoprit* : *skoprivat* < итал. *scoprire* ‘открыть’, антонимом которой является исконно славянская пара *pokrit* : *pokrivat*. Иногда лексическая приставка *s-* в заимствованиях имеет только вариативный характер, напр., в случае глаголов *prečipitat* ~ *sprečipitat*, оба СВ, из итал. *precipitare* ‘упасть вниз’. Так как префиксальная форма **sprecipitare* в итальянском не употребляется, *s-* может здесь быть исконно славянской приставкой в смысле ‘вниз’.

²⁰ Изредка настоящее СВ встречается также и в функции исторического настоящего. Об употреблении неоднородных комбинаций видовых граммем в молдско-славянском см. подробнее Брой (2014).

В актуальном настоящем (=однократный процесс или состояние) СВ так же исключен, как и в локализованном имперфекте. С другой стороны, в молизско-славянском, в противоположность русскому или хорватскому, также НСВ в форме перфекта не в состоянии выразить процесс или неограниченное состояние. В прошедшем времени этой функцией обладает исключительно имперфект НСВ.

НСВ в форме перфекта служит только для выражения делимитативности (ограниченной длительности неопределенных действий) и, таким образом, соответствует, например, делимитативной префиксации в прошедшем времени у русских глаголов типа *он поработал*, на молизско-славянском *on je rabija*.

Например, в (10а) перфект НСВ *je sija* соответствует русскому *(no)сеял*, только в смысле *(no)сеял определенное время*, в то время как имперфект НСВ *sa sijaša* IPRF.IPFV в (10б) соответствует русскому прошедшему *сеялось* в функции кратности. Та же самая форма в локализованных контекстах, как в (10в), имеет процессуальную функцию, отсутствующую у перфекта. Приставочный перфект СВ в (10г) соответствует русскому прошедшему СВ *посеял*, в то время как имперфект СВ в (10д) соответствует русскому прошедшему НСВ *сеялся* в неограниченно-кратной функции.

(10а) *On je sija*:PRF.IPFV.3SG.M (*dvi ure*) *e je si ga poša*.

‘Он (по)сеял (два часа) и ушел.’

(10б) ... *ke fina agli anni cinquanta sa sijaša*:IPRF.IPFV.3SG s *ralam*.

‘... потому что до пятидесяти годов сеялось с ралом.’

(10в) *Ne biša u grad. Sijaša*:IPRF.IPFV.3SG *van*.

‘В селе его не было. Он сеял на поле.’

(10г) *On je posija*:PRF.PFV.3SG.M *e je sa vrnija subita doma*.

‘Он посеял и вернулся сразу домой.’

(10д) *Mahu posija lan, se posijaše*:IPRF.PFV.3SG *lan atubar*.

‘Я должен был посеять лен, (потому что) лен сеялся в октябре.’

Несмотря на дополнительные специализированные функции неоднородных комбинаций видовых граммем, свойства имперфекта и перфекта МСЯ точно соответствуют употреблению имперфекта и перфекта в итальянском языке. Можно сказать, что флективная видовая оппозиция доминирует над деривационной оппозицией НСВ : СВ.

Класс инцептивно-статических глаголов ISTA²¹ ещё больше приспособился к грамматической системе контактного итальянского языка. Здесь

²¹ Употребляемая здесь классификация глагольной акциональной лексики относится к теоретической модели взаимодействия (интеракции) лексики с видом (аспектом) ПЛА, ср., например, Брой (1997). В славянских языках, в лексемах ISTA глагол СВ выражает начало состояния, выражаемого с помощью соответствующего глагола НСВ, в том смысле, что, напр., ситуация *понимал* следует за ситуацией *понял*, а не наоборот, как в (градуально-результативных) лексемах GTER, напр. *убеждать / убедить*.

в МСЯ мы вообще не встретим префиксальных пар типа *нравиться / по-нравиться*, *видеть / увидеть*, и даже суффиксальные пары типа *понять / понимать* почти полностью отсутствуют. Исключением является суффиксальная видовая пара *roznat : roznavat* ‘познакомиться / быть знакомым’.

В этом классе глаголов, мы сталкиваемся в МСЯ чаще всего с нейтрализацией деривационной видовой оппозиции, которая соответствует общему отсутствию вида этого типа в итальянском. Такую нейтрализацию, которая представляет собой особый тип двувидовости, можно встретить как у заимствованных глаголов этого класса, напр., *kapit* ‘понять / понимать’, *arkordat* ‘вспомнить / вспоминать’, так и у исконно-славянских глаголов типа *razumit* (синоним глагола *kapit*), в том числе и у таких, которые в русском образуют префиксальные пары, напр.: *vit* ‘(у)видеть’, *znat* ‘(у)знать’²². Несмотря на нейтрализацию деривационного вида, по крайней мере, в прошедшем времени, видовые различия все-таки выражаются, а именно при помощи флексий имперфекта и перфекта, ср. примеры (11а) и (11б):

(11а) *Ona znadaša*:IPRF.3SG *ka oni je bi umbra?*

‘Она знала, что он умер?’

(11б) *Ovi je riva nonda a je znaja*:PRF.3SG.M *ka mi bihma nondeka.*

‘Он прибыл туда и узнал, что мы были там.’

Наличие чисто грамматической оппозиции между ддящимся состоянием в имперфекте и его началом в перфекте, может, наоборот, рассматриваться как косвенное доказательство того, что и в русском следует выделять такие инцептивные (начинательные) видовые пары префиксального типа как *нравиться / понравиться* или даже *знать / узнать*, наряду с суффиксальными типа *понять / понимать*, *заняться / заниматься*.

Среди двувидовых или нейтральных инцептивно-статичных глагольных лексем (ISTA) молизско-славянского языка встречаются и такие, которым в русском соответствуют глагольные лексемы, выражающие только состояния, но не их начало. Это вновь происходит абсолютно параллельно их итальянским аналогам, ср. напр.:

(12а) *Jimahu*:IPRF.1SG *džemele.*

= итал. *Avevo*:IPRF.1SG (*due*) *gemelle.*

‘У меня были близнецы.’ [досл. «я имела близнецов»]

(12б) *Pa sa sa udala, sa jimala*:PRF.1SG.F *džemele.*

= итал. *Poi mi sono sposata, ho avuto*:PRF.1SG *le gemelle.*

‘Я вышла замуж, у меня родились близнецы’ [досл. «я получила близнецов»]

²² По терминологии ИЛА, глагол СВ *узнать* принадлежит в русском к двум различным видовым парам: *знать / узнать*₁ (ISTA) и *узнавать / узнать*₂ (GTER). Следовательно, в первой паре действие глагола НСВ следует за действием глагола СВ, а во второй действие глагола НСВ предшествует временной локализации глагола СВ.

Надо признать, что часть глаголов ISTA также и в хорватском языке дву-видовые, напр., *vidjeti* '(у)видеть', *razumjeti* 'понять / понимать', в противоположность парам *znati* НСВ : *saznati*₁ СВ 'знать / узнать'₁ или *svidjeti se* СВ : *svidati se* НСВ '(по)нравиться'. Следовательно, можно сказать, что романское влияние, по меньшей мере, усилило тенденцию, замеченную также в (некоторых) других славянских языках. Но такое необычное превращение глагола состояния в глагол класса ISTA как в случае молиско-славянского *jimet* не встречается ни в одном славянском языке вне ареалов интенсивного языкового контакта; см. также ниже в 3.2 о резьянском.

Имперфект молиско-славянского также обладает и модальной функцией ирреальности, прежде всего – контрафактивности (см. Брой 2014: 340-342), как в примере (13) с имперфектом префиксального глагола СВ *dokj* 'прийти' и имперфектом двувидового глагола *bit* 'быть'. Как видно из итальянского перевода этого предложения, и эта функция могла возникнуть под романским влиянием²³:

- (13) *Si dojaša*:IPRF.PFV.3SG *na daž*, *arkolda biša*:IPRF.3SG *ottim*.
 = итал. *Se veniva*:IPRF.3SG *una pioggia*, *il raccolto era*:IPRF.3SG *ottimo*.
 'Если бы пошел дождь, урожай был бы отличным.'

3.2. Резьянский микроязык (РЕЗ)

Несмотря на то что, в отличие от словенского и его диалектов и благодаря контакту с романскими языковыми разновидностями фриульской области, в резьянском микроязыке формы имперфекта также сохранились (см. выше), важно отметить, что здесь, в отличие от МСЯ, имперфект сочетается исключительно с граммемой НСВ, так что неоднородной комбинации имперфекта СВ не наблюдается²⁴.

С другой стороны, перфект в резьянском также, как и в МСЯ сочетается как с граммемой СВ, так и с граммемой НСВ. Кроме того, перфект НСВ обладает и в резьянском функцией делимитативности (соответствуя дели-

²³ Речь здесь идет о разговорных разновидностях итальянского языка. В стандарте употреблялись бы плюсквамперфект сослагательного наклонения в условной части (*fosse venuta*) и перфект кондиционалиса (*sarebbe stato*) в главной части предложения. Согласно с вышесказанным, данное предложение двусмысленно: без дальнейшего контекста, оно могло бы также обозначать и неограниченно-кратное действие в прошлом. Кроме того, в МСЯ здесь возможна и потенциальная интерпретация, в том смысле, что реализация действия еще возможна (Breu 1999: 246-250).

²⁴ О формах и функциях имперфекта в резьянском микроязыке ср., напр., Steenwijk (1992: 138, 182-183) и Pila (в печати).

митативной префиксации русских глаголов СВ с приставкой *po-*), обычно вместе с обстоятельством времени как в примерах (14а-б):

(14а) *Wčera Marija jě plesala*:PRF.IPFV.3SG.F *dvi ori*.

‘Вчера Мария (по)танцевала два часа.’

(14б) *Si dělala*:PRF.IPFV.1SG.F *nu moja, anu dõpõ si šla miši*.

‘Я немного поработала и затем пошла на мессу.’

Но перфект НСВ в резьянском не ограничивается делимитативной функцией как в молизско-славянском. Он является «нормальным» прошедшим НСВ как в русском или словенском. Из-за этого он может всегда заменять имперфект (НСВ) в его изъявительных функциях для выражения процесса и состояния.

В сегодняшней живой речи замена изъявительного имперфекта перфектом осуществляется почти всегда. Однако в собранном Бодуэном де Куртенэ материале, который относится к концу XIX века, имперфект еще довольно свободно мог выражать эти функции, ср., например, состояние в (15а) и актуально-длительное действие (процесс) в (15б)²⁵:

(15а) *An ni mažšæ*:IPRF.IPFV.3SG *béçoŭ nikár, káj am bil búžac*.

‘Он не имел никаких денег, потому что он был бедняком.’

(15б) *Kó ja si paršâl, an jaedažšæ*:IPRF.IPFV.3SG.

‘Когда я пришел, он ел.’

Но также и в современном резьянском языке формы имперфекта еще часто употребляются, а именно для выражения модального, в частности контрафактического значения. Как видно из примеров в (16а-б), в этой функции имперфект модальных глаголов сочетается с инфинитивом главного глагола²⁶:

(16а) *Těšon*:IPRF.IPFV.1SG *radě sněst*:INF.PFV *nu moja marmelade, mo büfol jě bil wžě prazen*.

‘Я бы съел немного варения, но банка была уже пустой.’

²⁵ Приведенные примеры, написанные с сохранением оригинальной орфографии, относятся соответственно к параграфам 14 и 151 (Baudouin de Courtenay 1895: 7; 41). К сожалению, в Baudouin de Courtenay (1895) бесспорные примеры употребления имперфекта в функции многократности отсутствуют. Исключением может быть, пожалуй, следующая ситуация с итеративным компонентом: *Ja tajahon*:IPRF.IPFV.1SG *piščale, k an šel po beke za tajy piščale* (1895: 85, §309) ‘Я вытачивал свирели, в то время как он ходил за хлыстами, чтобы выточить свирели’.

²⁶ Важно отметить, что имперфект в контрафактическом значении очень часто употребляется как в разговорном итальянском языке, так и во фриульском и венецианском диалектах. Как было упомянуто выше, модальные функции наблюдаются в свою очередь и в молизско-славянском, в результате влияния романских разговорных и диалектных разновидностей.

(166) *Mörëšon*:IPRF.IPFV.1SG *prígat dělu, ma nīsi mēla kuraž.*

‘Я могла бы поменять профессию, но я не имела мужества.’

Кроме того, носители резьянского языка употребляют имперфект также и в функции (изъявительного) будущего в прошлом, ср. пример (17), т.е. согласно итальянскому правилу согласования времен, которое встречается, впрочем, также и в молізско-славянском языке (Breu 2011: 157-158), еще один результат языкового контакта, присущего обоим славянским микроязыкам под сильным романским влиянием:

(17) ‘... *ni so tēli jo poznet ano somo bili ostali, da ni tēšajo*:IPRF.IPFV.3PL *mogari spet prīt*:INF.PFV.²⁷

‘... они хотели познакомиться с ней (= долиной Резия) и мы остановились на том, что они, может быть, вернутся.’

Итак, не считая этой чисто временно-таксисной функции, можно сделать вывод, что современный резьянский имперфект потерял изъявительно-видовые функции и перешел к модальному наклонению (Breu 2011:176-177). Следовательно, в прошедшем времени, в отличие от МСЯ, категория вида в резьянском языке опирается исключительно на оппозицию форм перфекта НСВ : СВ, а не на флективную (морфосинтаксическую) оппозицию имперфекта с перфектом.

В противоположность молізско-славянскому, перфект СВ может выразить кроме однократного также и повторяющееся действие, что обнаруживается и в словенском языке, являющемся самым близким к резьянскому славянским стандартным языком²⁸.

С другой стороны обнаруживаются, конечно, и различия между резьянским и словенским языками. Как показывают следующие примеры (18а) и (18б), после фазисных глаголов, обозначающее конец действия, резьянский допускает и употребление СВ, что невозможно в словенском (и почти во всех других славянских языках)²⁹:

²⁷ Конструкция *tēšajo*:IPRF.3PL + *prīt*:INF.PFV в (16а) соответствует в итальянском литературном языке специализированной форме кондиционалиса в прошлом, в данном случае *sarebbero ritornati*. Пример сокращен; полный текст встречается в Negro (2015: 65). Имперфект *mörëšon* в (16б) соответствует имперфекту *potevo* в разговорных разновидностях итальянского.

²⁸ В словенском языке обнаруживается и употребление СВ в контекстах исторического настоящего, гномического настоящего и с перформативными глаголами при выражении совпадения осуществления действия с его высказыванием. Эти значения СВ допускаются и в резьянском языке, но реже; ср. Pila (2017).

²⁹ В Baudouin de Courtenay (1895: 107, §375) обнаруживается и один пример, в котором СВ выступает после глагола, выражающего начало действия: *Anó tō jaě počalo narédet*:INF.PFV *no hýšico* ‘И они начали строить домик’, досл. «начали построить». Также и в МСЯ встречается комбинация фазисных глаголов с СВ управляемого глагола, а именно, когда речь идет о достижении результата дей-

(18a) *Injyn na jë rivala zapët*:INF.PFV *wse wuže*.

‘Сейчас она закончила петь [досл. спеть] все песни.’

(18б) *Ko bon rivala sküet*:INF.PFV *vačerjo, rin se kopet*.

‘Когда я закончу варить [досл. сварить] суп, пойду купаться.’

Как было упомянуто выше, перфект НСВ в резьянском выражает не только делимитативные действия, но и неограниченные состояния, процессы и повторяющиеся действия. В этом отношении резьянский перфект, в противоположность молизско-славянскому перфекту, противоречит также и употреблению перфекта в итальянском языке и в его диалектах. Нельзя исключать возможность, что эта разница объясняется старым влиянием немецкого языка, но надо учитывать и тот факт, что резьянский микроязык не противоречит в этой области общеславянскому развитию перфекта, которое наблюдается, прежде всего, в севернославянских языках, но также и в словенском и сербохорватском языках.

В области морфологии необходимо подчеркнуть еще раз, что для образования видовых пар в современном резьянском микроязыке префиксация не является продуктивной. Как было упомянуто выше, префиксальные глаголы, образующие видовую пару с простым глаголом НСВ, принадлежат, в основном, к исконно славянской лексике (19). Вот несколько примеров из современного резьянского, в которых префиксы *na-*, *po-*, *w-*, *za-*, *s-* встречаются в чисто-видовой функции:

(19) <i>pīsāt</i> :	<i>napīsāt</i>	‘(на)писать’
<i>gledāt</i> :	<i>pogledāt</i>	‘(по)смотреть’
<i>mrit</i> :	<i>wmrit</i>	‘умирать / умереть’
<i>pēt</i> :	<i>zapēt</i>	‘(с)петь’
<i>pičet</i> :	<i>spičet</i>	‘(ис)печь’

Кроме того, правда, встречаются в резьянском также и немногочисленные видовые пары типа *pücināt* : *spücināt* ‘(по)чистить, уб(и)рать’ < нем. *putzen* в (20а-б), которые являются старыми заимствованиями из немецкого языка, раньше игравшего важную роль в качестве языка-модели для резьянского (и словенского)³⁰:

ствия, напр.: *Kada portun je furnija*:PRF.PFV.3SG.M *zgorit*:INF.PFV, *s jenom pertikom su ga čil past*. ‘Когда ворота закончили сгорать [досл. сгореть], они с палкой их опрокинули.’ В верхнелужицком разговорном языке такие комбинации обязательны, если речь идет о предельном употреблении управляемого глагола, напр. *Ja sum šestala*:PRF.PFV.1SG.F *tón tekst šeložič*:INF.PFV. ‘Я прекратила переводить текст’; но надо принять во внимание, что функции вида в этом микроязыке фундаментально отличаются от других славянских языков.

³⁰ Глагол *puzinā* ‘тщательно (по)чистить’ встречается также и во фриульском. Речь идет о параллельном заимствовании из немецкого в обоих языках, так как при непосредственном заимствовании этого глагола из фриульского мы ожидали бы его интеграцию в резьянский как глагол СВ; см. об этом выше.

- (20a) *Ko dilaš? Ja pūcinan*:PRS.IPRF.1SG.
 ‘Что ты делаешь? Я убираю (в квартире).’
- (20б) *Kar wonä pēla, ja si spūcinala*:PRF.PFV.1SG.F *wsō hišo*.
 ‘Пока она пела, я убрала всю квартиру.’

Другие приставочные пары немецкого происхождения *barbat* : *pobarbat* ‘(о)красить’ < нем. *färben* и *kūhat* : *skūhat* ‘(при)готовить’ < нем. *kochen*.

У инцептивно-статических глаголов класса ISTA, снова обнаруживается значительное сходство с молизско-славянским микроязыком. Как глаголы исконно славянской лексики, например, *vidēt* ‘(у)видеть’, *čot* ‘(у)слышать’, так и заимствованные глаголы этого класса, например, *kapet* ‘понимать / понять’ < итал. *capire*, фриул. *capî* или *plažāt* ‘(по)нравиться’ < фриул. *plasê*, в основном являются двувидовыми³¹. Как было уже отмечено в связи с МСЯ (параграф 3.1), здесь можно говорить о нейтрализации деривационной видовой оппозиции. Она соответствует отсутствию этого типа видовой оппозиции в итальянском языке.

В (21) и (22) приводятся примеры употребления глаголов ISTA в резьянском. Напомним, что в отличие от МСЯ, видовые различия не могут выражаться флективной оппозицией имперфекта с перфектом. Поэтому только контекст подсказывает, как нужно интерпретировать ситуацию, а именно в (21а, 22а) как состояние, а в (21б, 22б) как начало состояния³²:

- (21a) *Ko ti si šyl dō par wōdi, si čūl*:PRF.2SG.M, *da kaku wōda šumī?*
 ‘Пока ты шел вдоль реки, ты слышал, как шумит вода?’
- (21б) *Wsě na den bot jěro an čūl*: PRF.3SG.M, *da jüdi so bili dušli*.
 ‘Вдруг священник услышал, что пришли люди.’
- (22a) *Mlě jě plažalo*:PRF.3SG.N *ledet film western*.
 ‘Мне нравилось смотреть ковбойские фильмы.’
- (22б) *Te wčeranji film, an mi plažel*:PRF.3SG.M.
 ‘Вчерашний фильм мне понравился.’

³¹ Кажется, что видовые пары в глаголах ISTA почти полностью отсутствуют в резьянском, в том числе и приставочные пары. Исключением является видовая пара *znāt* : *poznāt* ‘быть знакомым / познакомиться’, соответствующая по значению вышеупомянутой молизско-славянской паре *poznat* : *poznavat*, которая, как ни странно, тоже является исключением из правила, устанавливающего двувидовой характер глаголов ISTA. Но способы образования пар, как мы видим, как раз противоположные: в резьянском – префиксация, а в МСЯ – суффиксация. Может быть, в резьянском языке исключением, в какой-то степени, является также глагол ISTA *tet* ‘идти / пойти’. Он, правда, двувидовой, но имеются и формы с приставкой *no-*. До сих пор, их употребление еще неясно. Оно требует дополнительных исследований. Возможно, речь здесь идет не о видовом различии, а о функциях в области времени и т.д., как, например, в верхнелужицком языке; см. ниже.

³² В этих примерах дальнейший контекст помогает, в принципе, исключить другие функции обоих видов, в том числе выражение ограниченной и неограниченной кратности и общефактическое значение.

В резьянском, как и в МСЯ (см. 3.1), можно обнаружить инцептивно-статичный глагол *mět* ‘иметь’, который параллельно итальянскому *avere* выражает не только состояние, но и его начало в смысле ‘получить’; см. примеры (23а-б) со словенским и итальянским переводами. В словенском языке соответствующий глагол *imeti* не обладает начинательным значением. Доказательством этого служит тот факт, что в словенском переводе резьянского примера (23б) употребление глагола *imeti* не допускается, а следует употребить глагол *dobiti* ‘получить’. Следовательно, в словенском языке глагол *imeti* выражает только состояние и не включается в класс ISTA. Иными словами, он является членом класса релятивно-статичных глаголов RSTA³³.

(23а) *To mēlo*:PRF.IPFV.3DU.M *naa otroka*.

слов. *Imela*:PRF.IPFV.3DU.M *sta enega otroka*.

итал. *Avevano*:IPRF.3PL *un bambino*.

‘У них был ребенок.’ [досл. «Они имели ребенка.»]

(23б) *To bilo wžēnjano pet lit ano tadej to mēlo*:PRF.IPFV.3DU.M *naa otroka*.

слов. *Po petih letih zakona sta dobila*:PRF.PFV.3DU.M *otroka*.

итал. *Dopo cinque anni di matrimonio hanno avuto*: PRF.PL *un bambino*.

‘После 5 лет в браке, у них родился ребенок.’ [досл. «...они имели ребенка.»]

Из-за утраты изъявительных функций имперфекта в современном резьянском и в этих примерах установить, идет ли речь о состоянии или о начале состояния, можно только с учётом контекста, так как перфект двусмысленный. В МСЯ, напротив, эта разница выражалась бы как в итальянских переводах, т.е. с помощью оппозиции перфекта с имперфектом. По всей вероятности, характер ISTA (по крайней мере) глагола *mět* развился в резьянском уже в прошлых столетиях в ситуации полной морфосинтаксической видовой оппозиции, которая является необходимым условием для этого развития.

3.3. Верхнелужицкий разговорный язык (ВРЯ)

В верхнелужицком разговорном языке имеется еще более наглядный результат влияния контактных языков, в частности, в области основной семантической функции видовой оппозиции. В то время как в резьянском и

³³ По поводу глаголов ISTA, в отношении резьянского со словенским стандартным языком верно то, что было сказано выше об отношениях молизско-славянского с хорватским. Несмотря на то, что в словенском стандартном языке некоторые глаголы ISTA являются двувидовыми, развитие дополнительных двувидовых глаголов этого класса в резьянском объясняется влиянием видовой системы романских контактных языковых разновидностей. Это особенно очевидно, как в МСЯ, так и в РЕЗ, в случае глагола с первоначальным значением ‘иметь’.

молизско-славянском сохранилась общая оппозиция целостности, в ВРЯ она превратилась в оппозицию предельности, но не в лексическом, а в грамматическом смысле. Предельность выражается согласно грамматическим правилам формами СВ, а неопределенность – формами НСВ³⁴. Это касается как исконно-славянских, так и заимствованных глагольных пар. Причиной этого развития являются предельные функции приставок немецкого языка, повлиявшие на видовые функции верхнелужицкого³⁵.

Употребление форм несовершенного вида в верхнелужицком разговорном языке сильно ограничено и встречается, например, в значении хабитуальности в примере (24) с формой НСВ суффиксальной пары *kupić* : *kupwać* ‘купить / покупать’ и в примере (25) с префиксальной видовой парой *wópokwać* : *zwópokwać* ‘(вы)мыть’ или также в случае общефактического значения в (26) с формой НСВ префиксальной пары *redźić* : *huredźić* ‘(о)чистить’³⁶:

- (24) *Něke zyme tla ja žane truskalce nekupwem*:NEG.PRS.IPFV.1SG.
‘Теперь зимой я ведь не покупаю клубнику.’
- (25) *Ja moju mošinu gor netrebem, ja šo z ruku wópokwem*:PRS.IPFV.1SG.
‘Мне моя (посудомоечная) машина вообще не нужна, я все мою руками.’
- (26) *Ja ta tón cajk najskěre po jutrach gor redźil nejsym*:NEG.PRF.IPFV.1SG.M.
‘Я же все это [=конскую сбрую], возможно, после Пасхи вообще не чистил.’

НСВ верхнелужицкого разговорного языка выражает также неопределенные актуальные процессы; см. выше пример *fönwe wlose* в (1a), в непосредственной оппозиции с предельным примером *sfönwe wlose* в (1б).

Кроме того НСВ употребляется также в актуальных ситуациях с предельными глаголами, если речь идет не о результативном осуществлении действия, но о действии как таковом (почему это действие есть?), как в примере (27) с глаголом НСВ суффиксальной пары *dawać* : *dać* ‘да(ва)ть’:

- (27) *Što ha ty jóm zase šokolodu dawěš*:PRS.IPFV.2SG, *tón tak zno přewěle słódkosće jě!*
‘Почему же ты ему опять даешь шоколад, он и без того уже слишком много сладостей ест!’

³⁴ Более подробно о видовой оппозиции в ВРЯ см. Breu (2000: 54-66) и Scholze (2008: 230-247).

³⁵ Такими глаголами в немецком языке являются, например, *bezahlen* (приставка *be-* + глагол *zahlen*) ‘(за)платить’, *aufschreiben* (приставка *auf-* + глагол *schreiben*) ‘запис(ыв)ать’ или *erjagen* (приставка *er-* + глагол *jagen*) ‘добы(ва)ть охотой’.

³⁶ О глагольном виде при повторяемости и хабитуальности в верхнелужицком в сравнении с чешским и русским языками см. Шольце (2015).

Итак, в этих случаях НСВ в ВРЯ употребляется точно так же, как в верхнелужицком литературном³⁷ или русском языке. В отличие от хабитуальности (неограниченной кратности), в случае итеративности (в смысле ограниченной, но не обязательно суммарной кратности), употребляется СВ, так как имеется в виду предельность каждого отдельного действия; ср. пример (28) с формой СВ суффиксальной пары *padać* : *padnyć* ‘падать / упасть’:

(28) *Halina rady tajki comak cóna, hale tón jej šece dele padnje*:PRS.PFV.3SG, *a pon wona swari*.

‘Галина любит сосать такую соску, но она у неё всегда падает [досл. упадет] вниз, а потом она сердится [досл. ругается].’

Также в настоящем историческом в ВРЯ может употребляться глагол СВ, ср. пример (29) с формами СВ супплетивной пары *brać* : *wzać* ‘брать / взять’ и суффиксальной видовой пары *kupić* : *kupować* ‘купить / покупать’. Глагол *hić* ‘идти / пойти’ – двувидовой³⁸ :

(29) *Ja sym jej prajila, zo so mi te rubiško lubi. Da ta za*:PRS.PFV.3SG *te rubiško, dźo*:PRS.3SG *ke kase ha je za mne kupi*:PRS.PFV.3SG.

‘Я ей сказала, что мне нравится этот платок. Тогда она берет [досл. возьмет] тот платок, идет в кассу и покупает [досл. купит] его для меня.’

В этих примерах ВРЯ ведет себя как чешский язык, в котором СВ также употребляется для выражения повторяющихся действий и в настоящем историческом (Stunová 1986). То же самое действительно в бургенландско-хорватском и, в принципе, в молизско-славянском и резьянском³⁹, однако, надо подчеркнуть, что в этих микроязыках, в отличие от ВРЯ, НСВ – это единственный возможный вид для выражения актуальных (в том числе также и предельных) процессов.

Основным отклонением от всех других славянских стандартных и нестандартных языков является именно употребление в ВРЯ глаголов СВ в актуальном настоящем. Согласно общей характеристике вида ВРЯ, речь здесь, конечно, не идет о СВ в смысле русского языка, т.е. о целостности, но о грамматической предельности, например, в предложении (30) с формой СВ суффиксальной пары *kupować* : *kupić* ‘покупать / купить’:

³⁷ О виде в верхнелужицком литературном языке ср., напр., Faßke (1981: 178-196).

³⁸ Приставочные формы как *pónđzem* ~ *pónđu* ‘я пойду’ этого глагола обладают только временной функцией выражения будущего. В императиве с помощью приставочной формы различается дейксис движения, а не вид, например, *dźi* ‘пойди’, *pój* ‘приди’. В прошедшем времени приставочных форм совсем нет; см. Scholze (2014).

³⁹ В обоих микроязыках в Италии настоящее историческое СВ употребляется довольно редко.

- (30) *Čowodla ty tola něk te črije **kupiš**:PRS.PFV.2SG? Čora so te tebi nejsu tak lubili.*
 ‘Почему ты все-таки покупаешь [досл. купишь] эти ботинки? Вчера они тебе не так нравились.’

В предложении (31) описывается одновременность двух действий, причем второе действие выражено глаголом СВ *napisać* ‘записать’, который образован с помощью приставки *na-* от двувидового глагола *pisać* ‘(на)писать’:

- (31) *Also, jen pólicist tam stej ha **napisa**:PRS.PFV.3SG jen strafcetl.*
 ‘Так, стоит там полицейский и пишет [досл. запишет] штрафную квитанцию.’

Как видно уже из этих примеров, также и при употреблении СВ для выражения актуального настоящего нет разницы между префиксальными и суффиксальными парами. Это можно подтвердить с помощью примеров в (32). В примере (32а) речь идет о префиксальной форме СВ заимствованного глагола в паре *łóftwać : hulóftwać* ‘проветри(ва)ть’, в то время как в (32б) употребляется СВ суффиксальной пары *přetwarjeć : přetwarić* ‘перестраивать / перестроить’, а в (32в) мы имеем дело с формой СВ с суффиксом *-n-* пары *wotpočwać : wotpočńć* ‘отдыхать / отдохнуть’.

- (32а) *Ka tóm maš ty zno zas wóknó wočinene? – Ja kus **hulóftwem**:PRS.PFV.1SG, jow bě tajki hubeny łóft.*
 ‘Почему ты снова открыла окно? – Я немножко проветриваю [досл. проветрю], здесь был такой плохой воздух.’
- (32б) *Party žana njebě, budže hakle w februaru, dokelž pola nas **přetwarimy**:PRS.PFV.1PL.*
 ‘Вечеринки не было, будет только в феврале, потому что мы сейчас перестраиваем [досл. перестроим].’
- (32в) *Hdže ha papa? – Tón rune kus **wotpočńe**:PRS.PFV.3SG.*
 ‘Где папа? – Он сейчас немножко отдыхает [досл. отдохнет].’

В примере (32б) выражается актуальный процесс действия глаголом СВ *přetwarić* в настоящем времени, а не – как было бы правильно в верхнелужицком литературном языке или также в русском языке – глаголом НСВ *přetwarjeć*, т.е. *přetwarjamy* в настоящем времени. В примере (32в) имеется пара с суффиксом *-n-*, и также в этом случае употребляется форма *wotpočńe* глагола СВ *wotpočńć*, а именно в значении актуального настоящего. В этом, как и в других упомянутых примерах, употребление глаголов в форме СВ для выражения актуального процесса объясняется тем, что речь идет именно о предельных процессах, в то время как в верхнелужицком разговорном языке различие между целостностью и нецелостностью не играет никакой роли.

Как в предельных процессах, так и в целостных (предельных) ситуациях, как в (33) с глаголом в прошедшем времени, обязательно употребляется форма совершенного вида, в этом случае в полном соответствии с другими славянскими языками:

- (33) *Tón jo swój motor pŕedał*:PRF.PFV.3SG.M, *dókejš wón tak a tak nejo z nóm jězdžil*.
 ‘Он продал свой мотоцикл, так как он все равно на нём не ездил.’

Что касается приставок, используемых для образования видовых пар, то в ВРЯ как у исконно славянских, см. (34а), так и у заимствованных глаголов являются продуктивными приставки *na-*, *z-/s-*, *wu-/hu-*, см. примеры в (34б)⁴⁰:

(34а) <i>wuknć</i> : <i>nawuknć</i>	‘(вы)учить’
<i>wópokwać</i> : <i>zwópokwać</i>	‘(по)мыть (посуду)’
<i>rozumić</i> : <i>zrozumić</i>	‘понимать / понять’
<i>rjedzić</i> : <i>hurjedzić</i>	‘уб(и)рать, (вы)чистить’
(34б) <i>štoswać</i> : <i>naštoswać</i>	‘укладывать / уложить’ < нем. <i>auf einen Stoß stapeln</i>
<i>rumwać</i> : <i>zrumwać</i>	‘уб(и)рать’ < нем. диал. <i>rumen, räumen</i>
<i>pakwać</i> : <i>spakwać</i>	‘(у)паковать’ < нем. <i>packen</i>
<i>dušwać</i> : <i>hudušwać</i>	‘принимать / принять душ’ < нем. <i> duschen</i>
<i>rychtwać</i> : <i>zrychtwać</i>	‘(по)чинить’ < нем. <i>(her)richten</i>
<i>lóftwać</i> : <i>hulóftwać</i>	‘проветри(ва)ть / проветрить’ < нем. <i>lüften</i>

Надо подчеркнуть, что приставочные пары заимствованных глаголов в ВРЯ употребляются по тем же видовым правилам как исконно славянские пары, т.е., например, и в случаях использования заимствованной лексики в актуальных предельных ситуациях употребляются приставочные глаголы СВ; ср. кроме вышеназванного примера (32а) с глаголом СВ *hulóftwać*, также и следующие примеры, отвечающие на вопрос типа: *Что ты делаешь?*

- (35а) *Ja te hrajki zrumwem*:PRS.PFV.1SG, *dókejš mó hnydom wópot krónemo ha te šće so šes to kopola*.
 ‘Я убираю [досл. уберу] игрушки, потому что скоро будем принимать гостей и они могли бы споткнуться.’
- (35б) *Te zno něke hich wěce spakweja*:PRS.PFV.3PL, *wěčor nejúdze jac čas za to*.
 ‘Они сейчас уже пакует [досл. упакует] свои вещи, вечером не будет времени на это.’

3.4. Бургенландско-хорватский язык

Предлагаемая гипотеза о зависимости судьбы видовых приставок от структуры доминирующего языка подтверждается видовой ситуацией в бур-

⁴⁰ Об интеграции заимствованных глаголов в ВРЯ ср. Scholze (2008: 254-255, 301-302). Несмотря на то, что в этой разновидности верхнелужицкого языка многие заимствованные глаголы являются двувидовыми, префиксация является все еще важным элементом интегрирования новых глаголов в видовую систему, в противоположность имперфективирующей суффиксации.

генландско-хорватском языке в Австрии, который также находится в тесном контакте с немецким. И в этом микроязыке, среди заимствованных глаголов встречаются кроме двувидовых глаголов также и префиксальные пары, например, *farbat* : *po^ffarbat* ‘(о)красить’ < нем. *färben*’ или *rihtat si* : *na^rrihtat si* ‘приготавливать / приготовить для себя’ < нем. ‘für sich (her)richten’ (Breu *et al.* 2017: 95-96). С другой стороны и здесь, как и в ВРЯ, суффиксация не используется для образования новых видовых пар из заимствованных глаголов. Важная роль предельности и в этом микроязыке подтверждается почти исключительным употреблением СВ в настоящем историческом, как в (36a), а также в неограниченно кратных ситуациях, выраженных в настоящем времени как в (36б):

(36a) *Uon zame*:PRS.PFV.3SG *nje^guove čiz^me*, *i stavi* PRS.PFV.3SG *je na glavu*.

‘Он берет [досл. возьмет] свои сапоги и переворачивает [досл. перевернет] их.’

(36б) *Čuda ljudi duojde*:PRS.PFV.3SG *da glieda*.

‘Много людей приходят [досл. придут], чтобы посмотреть.’

Тот факт, что в бургенландско-хорватском, в отличие от верхнелужицкого разговорного языка, все-таки не развилась оппозиция грамматической предельности, объясняется, по всей вероятности, постоянными связями с хорватским языком в течение столетий после эмиграции, которые поддерживали типично славянскую оппозицию перфективности.

4. Заключение и перспективы

Подытоживая, можно сказать, что различная роль приставок в доминирующих языках оказала очень серьезное влияние на видовые системы славянских микроязыков, как на формальном, так и на функциональном плане. В двух микроязыках, находящих под романским влиянием (РЕЗ, МСЯ), префиксация утратила свою продуктивность для образования видовых пар, в то время как в двух микроязыках, находящихся под влиянием немецкого языка, префиксация является также и в заимствованных глаголах важным видовым формантом. Только в микроязыках под романским влиянием флективная оппозиция имперфект : перфект еще играет важную роль, однако только в МСЯ это происходит в полном соответствии с итальянской моделью, в то время как в современном РЕЗ имперфект утратил свои видовые функции в изъявительном наклонении. В инцептивно-статических глаголах преобладание романского видового типа особенно наглядно. Все четыре микроязыка формально сохранили деривационную оппозицию НСВ : СВ, но в ВРЯ влияние приставок немецкого языка вызвало глубокую перестройку функциональной системы вида.

Несмотря на то, что нами были выявлены основные особенности славянских микроязыков, многие детали все еще остаются неизвестными. Они

станут предметом дальнейших полевых исследований. В настоящий момент результаты исследований сотрудников научного проекта в университете г. Констанц, посвящённого глагольному виду в славянских микроязыках, включаются в различные электронные базы данных с учетом видовых особенностей. В основном, они основываются на разборе устных текстов и содержат как соответствующие примеры предложений, так и видовой анализ отдельных глаголов, в том числе и информацию о способе образования видовых пар. Таким образом, банки данных также позволяют, например, легко получить информацию об использованных приставках в чистовидовых парах.

Библиография

- Брой 1997: В. Брой, *Семантика глагольного вида как отвлечение от предельных свойств лексем. (иерархическая модель компонентов)*, in: С. Кароляк (отв. ред.), *Семантика и структура славянского вида. II*, Kraków 1997, 49-72.
- Брой 2006: В. Брой, *Флективный и деривационный глагольный вид в молизско-славянском языке*, "Вопросы языкознания", 2006/3, 70-87.
- Брой 2014: В. Брой, *Функции настоящего и имперфекта совершенного вида и перфекта несовершенного вида в молизско-славянском микроязыке*, "Scando-Slavica" 60, 2, 2014, 321-350.
- Шольце 2015: Л. Шольце, *Глагольный вид и повторяемость/хабитуальность в верхнелужицком и чешском языках (в сравнении с русским языком)*, in: Р. Бенаккьо (под ред.), *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст*, München 2015. 451-466.
- Adamou et al. 2013: E. Adamou, W. Breu, G. Drettas, L. Scholze, *Elektronische Datenbank bedrohter slavischer Varietäten in nichtslavophonen Ländern Europas (Deutschland-Italien-Österreich-Griechenland)*. Konstanz, Paris 2013. <<http://lacito.vjf.cnrs.fr/archivage/index.htm#europe>>.
- Baudouin de Courtenay 1895: J. Baudouin de Courtenay, *Materialien zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie, I, Resianische Texte; gesammelt in den Jj. 1872, 1873 und 1877, geordnet und übersetzt von Baudouin de Courtenay*, St. Petersburg 1895.
- Benacchio 2002: R. Benacchio, *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*, Udine 2002.

- Benacchio 2009: R. Benacchio, *Il contatto slavo-romanzo nel croato del Molise e nei dialetti sloveni del Friuli*, in: L. Scholze, B. Wiemer (Hrsg.), *Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten*, Bochum 2009, 177-191.
- Breu 1970: J. Breu, *Die Kroatensiedlung im Burgenland und in den anschließenden Gebieten*, Wien 1970.
- Breu 1998: W. Breu, *Romanisches Adstrat im Moliseslavischen*, "Die Welt der Slaven", 43, 1998, 339-354.
- Breu 1999: W. Breu, *Der Konditional im Moliseslavischen. Ein Beitrag zur Kontaktlinguistik*, in: K. Grünberg, W. Potthoff (Hrsg.), *Ars Philologica*, Frankfurt a.M. etc. 1999, 243-253.
- Breu 2000: W. Breu, *Der Verbalaspekt in der obersorbischen Umgangssprache im Rahmen des ILA-Modells*, in: W. Breu (Hrsg.), *Slavistische Linguistik 1999*, München 2000, 37-76.
- Breu 2005: W. Breu, *Verbalaspekt und Sprachkontakt. Ein Vergleich der Systeme zweier slavischer Minderheitensprachen (SWR/MSL)*, in: S. Kempgen (Hrsg.), *Slavistische Linguistik Slavistische Linguistik 2003*, München 2005, 37-95.
- Breu 2008: W. Breu, *Moliseslawisch (Slawisch in Süditalien)*, in: U. Ammon, H. Haarmann (Hrsg.), *Slavistische Linguistik Wieser Enzyklopädie. Sprachen des europäischen Westens. Zweiter Band*, Klagenfurt 2008, 241-249.
- Breu 2011: W. Breu, *Il verbo slavomolisano in confronto con altre lingue minoritarie: mutamento contatto-dipendente, resistenza e sviluppo autonomo*, in: W. Breu (a cura di), *L'influsso dell'italiano sul sistema del verbo delle lingue minoritarie. Resistenza e mutamento nella morfologia e nella sintassi*, Bochum 2011, 149-184.
- Breu, Piccoli 2011-2012: W. Breu, G. Piccoli, *Südslavisch unter romanischem Dach. Die Moliseslaven in Geschichte und Gegenwart im Spiegel ihrer Sprache. Teil I. Texte gesprochener Sprache aus Acquaviva Collecroce. Teil II. Texte gesprochener Sprache aus Montemitro und San Felice del Molise*, München 2011-2012.
- Breu et al. 2017: W. Breu, J. Meinzer (Berghaus), L. Scholze, *Der Verbalaspekt im totalen Sprachkontakt. Moliseslawisch, Obersorbisch und Burgenlandkroatisch im Vergleich*, in: W. Breu, T. Reuther (Hrsg.), *Slavistische Linguistik 2014. Referate des XL. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens [Wiener Slawistischer Almanach 77]*, Frankfurt/M. 2017, 55-116.
- Faßke 1981: H. Faßke (unter Mitarbeit von S. Michalk), *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie*, Bautzen 1981.

- Negro 2015: L. Negro, *Dwisti lit Muzea tu-w Reziji*, in: Namor I., Trusgnach L. (a cura di), *Trinkov Koledar 2016*, Pasian di Prato 2015, 65-67.
- Neweklowsky 1978: G. Neweklowsky, *Die kroatischen Dialekte des Burgenlandes und der angrenzenden Gebiete*, Wien 1978.
- Pila 2017: M. Pila, *Die Verwendung des perfektiven Aspekts im Russischen, Slovenischen und heutigen Resianischen*, "Bavarian Working Papers in Linguistics", 6, 2017, 81-94, <<https://epub.ub.uni-muenchen.de/view/subjects/13282.html>>.
- Pila (в печати): M. Pila, *Das Imperfekt im Resianischen: Formen und Funktionen* (Kolloquiumskonferenz slavistische Linguistik, Zürich, 19-20. XII. 2015).
- Ramovš 1928: F. Ramovš, *Karakteristika slovenskega narečja v Reziji*, "Časopis za slovenski jezik, književnost i zgodovino", 7, 1928, 107-121.
- Rešetar 1911: M. Rešetar, *Die serbokroatischen Kolonien Südtaliens*, Wien 1911.
- Scholze 2005: L. Scholze, *Serbska wobchadna reč mjez standardom a dialektom w nutrkosłowjanskim přirunanju*, "Lětopis", 52 (2), 2005, 74-96.
- Scholze 2008: L. Scholze, *Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache im Sprachkontakt. Mit Grammatiktafeln im Anhang*, Bautze 2008.
- Scholze 2014: L. Scholze, *Werby pohiba w hornjoserbšćinje přirunajo z ruščinu*, in: I. Łuczaków, M. Sarnowski (eds.), *Wyras i zdanie w językach słowiańskich 8 (opis, konfrontacja, przekład)*, Wrocław 2014, 451-462.
- Schuster-Šewc 1998: H. Schuster-Šewc, *Die späturslavischen Innovationen und ihre Widerspiegelung in der Isoglossenstruktur des Sorbischen*, "Lětopis", 45 (1), 1998, 31-50.
- Steenwijk 1992: H. Steenwijk, *The Slovene dialect of Resia. San Giorgio*, Amsterdam etc. 1992.
- Stunová 1986: A. Stunová, *Aspect and Iteration in Russian and Czech. A contrastive Study*, in: A.A. Barentsen, B.M. Groen, R. Sprenger (eds.), *Dutch Studies in Russian Linguistics*, Amsterdam 1986, 467-501.
- Szucsich 2000: L. Szucsich, *Das Burgenlandkroatische: Sprachwandel, Sprachverfall, Sprachverschiebung und Sprachassimilation*, in: L.N. Zybatow (Hrsg.), *Slavistische Linguistik Sprachwandel in der Slavia: Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Ein internationales Handbuch*, Frankfurt/M. etc. 2000, 853-875.

Abstract

Walter Breu, Malinka Pila, Lenka Scholze

Aspectual prefixes in language contact: evidence from Molise Slavic, Resian and Upper Sorbian micro-languages

This paper deals with West and South Slavic micro-languages in situations of absolute language contact with German (Upper Sorbian) and Italian (Molise Slavic, Resian). Although the Slavic derivational way of expressing verbal aspect (imperfective vs. perfective) has been preserved throughout, aspect usage has been influenced by the dominant contact languages. This is especially true of Colloquial Upper Sorbian, which has replaced the original Slavic opposition based on the feature of totality with a new system based on telicity that goes back to the telicizing function of German prefixes. While prefixes keep their role of forming perfective partners with native Slavic lexemes, their behaviour in borrowings varies according to the individual contact situations. Sorbian, which was influenced by German, is able to form prefixed partners even from loan verbs. The same holds true of Burgenland Croatian, referred to in this paper for the sake of comparison. On the other hand, Resian and Molise Slavic borrow Italian telic verbs exclusively as perfectives, forming their imperfective partners by means of suffixation. This difference is explained by the different roles of prefixes in the contact languages, which even applies in the case of older loan verbs in Resian going back to former German influence.

Keywords: Slavic microlanguages, language contact, prefixes, loan verbs, telicity

Prefixation in the Rise of Slavic Aspect

Stephen M. Dickey

1. Introduction

Investigations of the history of the aspect category in Slavic have typically focused on the history of the usage of the imperfective and perfective aspects, and not their markers (cf., e.g., Bermel 1997). Most that have considered the interrelating history of markers of aspect have focused on developments in imperfectivizing suffixation (e.g., Silina 1982). Few have considered the role of prefixes. In previous work, I have attempted to explain the rise of bleached prefixes such as western Slavic *s-/z-* (Dickey 2005), Russian semelfactive *s-* (Dickey, Janda 2009), and the rise of Russian delimitative *po-* (Dickey 2007). I have also attempted to explain cross-Slavic differences with regard to *po-* (Dickey 2011a) as well as the significance of increasingly subjective types of procedural prefixation in Russian, focusing on intensive-resultatives (Dickey 2011b). This paper attempts to explain the rise of perfectivizing prefixation in Slavic.

Regarding prefixes as markers of the perfective in Slavic, two things seem to be uncontroversial: (a) prefixes developed into markers of the perfective aspect in Common Slavic; (b) the semantic function of Slavic prefixes gradually expands from the simple expression of spatial trajectories to the assertion of attained telicity (or completion; the cross-linguistic prototype of the perfective). As mentioned above, the meanings expressed by Slavic prefixes have become more subjective over time, i.e., they have developed perfective meanings that are not based on prototypically telic situations (cf., e.g., Russian *popisat'* 'write for a while' and intensive-resultatives such as *izvorovat'sja* 'steal to the point of becoming an incorrigible thief').

The precise manner in which Slavic prefixes became markers of perfectivity is not clear. There are several facts that must be kept in mind in this regard. First, verbal prefixation has been widespread in many other Indo-European languages (e.g., Greek, Germanic and Baltic), but only in the Slavic languages did attained telicity become an inherent component of their meaning.

Second, unlike inflectional morphemes, which are generally single markers for a whole semantic category (with limited allomorphs and irregular variants), Slavic perfectivizing prefixes comprise a class with upwards of 15 members,

which suggests that the dynamic of their grammaticalization is different from that of single inflectional morphemes: it seems that they must have grammaticalized as a class in principle, and not individually.

Third, a minority of Slavic prefixes – one or at most two in a given Slavic language – lost their original spatial meaning at different times, leaving only abstract (procedural or aspectual) meanings. For instance, in Czech, Slovak and Slovene *s-/z-* has been bleached as an abstract perfectivizer, serving only to perfectivize telic verbs. In East Slavic and Bulgarian, *po-* has been bleached of its spatial meaning, and has become a delimitative and atelic perfectivizer. A theory of the development of Slavic perfectivizing prefixation must be able to account for this differential in the degree of “grammaticalization” of individual prefixes as well as for the fact that ordinarily only one prefix becomes completely bleached of its spatial meaning in a given Slavic system.

This article borrows concepts from catastrophe theory, chaos theory and network theory to show how the bleaching of an individual prefix could lead to changes in the meanings of all prefixes, whereby they increased their informational value from simply marking trajector-landmark relationships to marking attained result/change of state ($s_1 > s_2$). This theory has the advantage of being more explicit than current accounts of the development of Slavic perfectivizing prefixation, following current approaches to language change and dynamic systems, and comporting very well with the attested data. Section 2 presents some basic theoretical assumptions, and sections 3-5 present the analysis, discussion and conclusions.

2. Basic Theoretical Assumptions

This analysis adopts the “punctuated-equilibrium” view of language change (cf. Janda, Joseph 2003: 50-58). That is to say, language change includes (but does not exclusively consist of) relatively “punctual” changes that interrupt periods of relative stasis. It should be pointed out that “punctual” changes are not to be understood as literally punctual, e.g., in a single speaker (cf. the remarks by Janda, Joseph 2003: 73), but as relatively quick events causing systemic change that occur over one or more generations. Further, periods of absolute equilibrium or stasis do not exist in language, and here we can only speak of periods of relative equilibrium/stasis. It makes sense that in language at least some of the relatively intense changes occur in a kind of feedback loop with slower changes that proceeded during periods of relative stasis.

In mathematics, since Thom 1972, such catalytic events in various domains have been termed *catastrophes*, and a whole theory, *catastrophe theory*, has been developed to account for such changes. Catastrophe theory has been applied to social sciences and even to human cognition (cf. Port, van Gelder 1995). The idea of catastrophes has also been employed in linguistics, most notably by Lightfoot 1997, who adopts the term for relatively sudden events causing systemic change,

though with respect to the parametric settings of a universal grammar, which are irrelevant to the issues at hand here. Note that the term *catastrophe* is used here only in this sense, and not with reference to actual catastrophic (i.e., disastrous) social events, which are recognized as causing significant language change by Labov (1994: 24), among others.

This analysis also makes use of some basic concepts from chaos theory, in particular principles of self-organization (cf., e.g., Prigogine, Stengers 1984). As in the case of catastrophe theory, chaos theory has been developed largely with mathematical approaches. However, principles of self-organization have been applied in various disciplines, including linguistics, mostly to the development of phonological systems (cf., e.g., Wedel 2004), but also to language change more generally (cf., e.g., Ehala 1996). This study draws from Ehala 1996 in particular to help make sense of the development of Slavic aspectual systems at various points.

An important notion in self-organization processes is that of an *attractor*, which is a “stationary state towards which a system (or a subsystem within a system) tends to evolve” (Ehala 1996: 7). As Lass (1997: 295, cf. also the reference cited there) points out, a system will settle into the region of an attractor, and thereafter will remain there unless some event “dislodges” it. Lass (295-297) further links the effects of attractors to the general unidirectionality of grammaticalization. However, attractors can only be considered “goals” inasmuch as there seems to be a tendency towards a steady state in dynamical systems; no teleology as such is understood by this concept.

In a cognitive semantic analysis, a salient and typologically common concept, such as change of state ($s_1 > s_2$) or temporal sequencing, could function as an attractor, i.e., the “sink” (Lass 1997: 293) that is a semantic space into which the meanings of linguistic units with related meanings will eventually settle. Thus, the notion of an attractor can help us make sense of changes in language such as reanalysis and analogy that lead to the grammaticalization of certain categories.

This analysis also makes use of some very basic concepts from network theory in order to provide a graphic model of Slavic verbal prefixes as a semantic network. Semantic networks consist of nodes (or vertices) that are connected by edges, which represent shared semantic features (cf. Beckage, Colunga 2015). The nodes of a network can be connected by single relationships (a simple network), or there can be multiple edges between nodes (a multiplex network). A network model of prefixes will be used in conjunction with the notion of an attractor to explain how a change in the semantic meaning of a single prefix could alter the nature of the semantic values of the entire set of prefixes, thus changing the semantic effects of verbal prefixation.

Lastly, this analysis approaches morphologically complex verbs as constructions, in keeping with Construction Grammar (CxG; cf., e.g., Goldberg 2006). According to CxG, *constructions* are not limited to combinations of words: all pairings of form and meaning are considered constructions, including morphologically complex words. The next section develops a CxG approach to Slavic

prefixed and suffixed verbs in order to facilitate an understanding of the relationship between prefixation and perfective aspect in Slavic.

3. A Construction Grammar Approach to the Rise of Perfectivizing Prefixation

In Late Common Slavic (as evidenced by Old Church Slavic) prefixation was the productive model of deriving perfective (pf) verbs (e.g., *na-* ‘on’ + *siliti* ‘strengthen’ > *nasiliti* ‘do violence to, force’), and suffixation was the productive manner of deriving imperfective (impf) verbs (e.g., *nasili-* ‘do violence to’ + *-a-* > *nasiljati* ‘idem’). Simplex verbs, e.g. *siliti* ‘strengthen’ were mostly imperfective. As most prefixation altered lexical meaning, the consensus is that prefixation alone could not have produced the number of lexically identical pairs necessary to grammaticalize the system. For example *nasiliti* ‘do violence to’ was not lexically identical to *siliti* ‘strengthen’ and so these two verbs were not aspectual partners. Accordingly, it was only the lexically identical derived impf verbs that created the grammatical system of Slavic aspect; i.e., the system arose with the formation of pairs such as *nasiliti* / *nasiljati* ‘do violence to’. The focus on derived imperfectives as the *sine qua non* of a derivational aspect system, which began with Maslov (1961), strikes me as too idealized, at least as far as the genesis and early stages of development are concerned. Note that aspectual or proto-aspectual systems without derived imperfectives do exist; one example appears to be contemporary Georgian (cf. Rostovcev-Popiel 2012 for discussion). Nevertheless, it is hard to imagine a fully grammaticalized derivational system of the Slavic type without a large inventory of derived imperfective verbs.

So the problem is to explain how prefixes became markers of perfectivity, if the PF : IMPF opposition only becomes fully grammaticalized when prefixed verbs are subsequently suffixed. In order not to slip into a teleological mode of thinking, let us reformulate the problem: Late Common Slavic verb stems had the following basic structure: [PREFIX]-[ROOT]-[SUFFIX]; how did the PREFIX-slot become a marker, or attractor position for perfectivity (i.e., $s_1 > s_2$)?

The most obvious answer is that the PREFIX-slot was initially not there to perfectivize verbs, but had some other function. I suggest that the initial function of prefixes was to type-classify situations containing a motion component (e.g., *ot-iti* ‘away-go’, *prě-iti* ‘across-go’ *pri-iti* ‘at-go > arrive’). Beyond this, their use to identify situations in terms of metaphorical or metonymical trajectories meant that the classification of a situation was dependent on the identification of the outcome. Such outcomes were signaled metaphorically or very often metonymically by different prefixes, cf., e.g., OCS *vb-žešti* ‘in-burn > light [a lamp, etc.]’, *za-žešti* ‘beyond-burn > set ablaze’, *o-žešti* ‘around-burn > burn the surface of’, *sv-žešti* ‘down-burn > burn down’. In contrast to objects, which are immediately perceivable as wholes, actions can only be classified in a limited number of ways on the basis of a single sensory perception of an activity; pre-

fixes were employed as a means of further distinguishing basic level activities according to their trajectories and/or outcomes.

Thus, the cognitive anchor point for the identification of a non-motion situation was the change in the environment (i.e., the result) brought about by the situation, e.g., something ablaze for the predicate *za-žešti* ‘set alight [lit. beyond-burn]’ or a close-cropped/tonsured head for *po-strišti* ‘crop/tonsure [lit. all-over-clip]’; the result/outcome was part of the profile of the verbal form. If classification by prefixation meant identification by result/outcome (cf. Dickey and Janda 2015: 63), then there would sooner or later arise a need to express situations of a given type, e.g., *setting ablaze* or *cropping/tonsuring someone’s head*, without accessing the situation via its result, i.e., without including the result in the profile, but backgrounding it to the profile base. This was achieved by suffixation, initially with the suffix *-a*¹, to produce *za-židz-a-ti* ‘be setting alight’ and *po-stridz-a-ti* ‘be cropping’².

In the case of a prototypical agentive action, the inclusion of an outcome in the profile of verb is synonymous with inclusion of the *goal*: *strišti* ‘clip’ merely profiles a process of *clipping*, immediately perceivable in space; *po-strišti*^{pf} ‘all-over-clip’ identifies the action of *cropping/tonsuring* via the outcome (which is intended by the agent). The derived impf verb *po-stridz-a-ti* classifies a process of *clipping* immediately perceivable in space as a subpart of an action of *cropping/tonsuring*, with the assertion that if the *clipping* continues, a tonsured head will be the outcome (which is not true of all instances of the process of *clipping*). Put somewhat differently, *strišti* ‘clip’ is a basic-level category, whereas *po-strišti*^{pf} / *po-stridz-a-ti* ‘crop/tonsure’ represents a subordinate-level category identified by its outcome (whether actual, in the case of the pf verb, or potential, in the case of the impf verb).

Such classification by outcomes (which presupposes knowledge of goals) did not produce perfectivization automatically. (By *perfectivization* in Common Slavic, I merely mean the imposition of a construal of an action as a complete whole along with its outcome, the immediate effect of which is inability of a verb to express an ongoing process, e.g., in the actual present.) That is to say, nothing in principle would prevent *po-strišti* ‘tonsure’ from expressing the attainment of result in some contexts, and the process in other contexts (as happens with prefixed verbs in modern German). In what follows I outline a plausible scenario for this development of a perfectivizing effect of prefixes, in which one must distinguish several stages and different effects with motion verbs and non-motion verbs.

¹ Other suffixes were also used in Old Church Slavic and in the individual languages, but *-a-* seems to have been the oldest productive imperfectivizing suffix.

² The prototypical case of backgrounding the result to the profile base is the construal of a situation as an ongoing process; construal as a habitually recurring situation also backgrounds the result inasmuch as there is no focus on a given, single result, and a simultaneous focus on a plurality of results is not a default strategy, requiring a specifically distributive construal, which is why all Slavic languages have developed specifically distributive pf verbs at one time or another.

4. From Adpositions to Verbal Prefixes (Preverbs)

The PREFIX-slot seems to have arisen as adverbial particles were reanalyzed as verbal prefixes, or preverbs. According to Gamkrelidze and Ivanov (1995: 311-312) the default word order of Proto-Indo-European was *OpV*, i.e., object (*O*) – relational particle (*p*) – verb (*V*). Thus, relational/adverbial particles were simultaneously “postpositions” to a noun and “preverbs” to a verb. They observe (312) that a restructuring from *OpV* to *VpO* word order took place in the individual dialects, and that this switch resulted in various innovations, such as the (prefixal) augment in Sanskrit, Greek and Armenian, as well as Germanic prefixes such as Gothic perfectivizing/future *ga-* and the Slavic perfectivizing prefixes. They go into no detail in this regard; I assume that it was the change in default word order that entrenched a reanalysis of postpositions to prefixes in Slavic.

Pinault 1995 assumes an original *OV* word order as well, though he suggests that the preverbal position of the relational element also arose if the noun (object) was extracted from a *pOV* sequence, and points out that the two possibilities (*p* separate from *V*, i.e., *p ... V* and *p* adjacent to *V*, i.e., *pV*) were concurrent options, perhaps stylistic variants. He points out two things that are relevant here. First, prefixation must be very ancient, as evidenced by etymologies such as PIE **nizdó* ‘nest’ (< *ní-* ‘down’ + *sed-* ‘sit’ + *-ó* [nominal suffix]). Second, the lexical modification of a verb by a particle did not depend on adjacency, as evidenced by the fact that Vedic *ví ... vr-* means ‘open’ just as *ví-vr-* does. However, the perfectivizing function of prefixation/preverbization in Slavic does seem to be dependent on univertation, for reasons that I cannot discuss here.

Gamkrelidze’s and Ivanov’s formulation of the change in word order, *OpV* > *VpO*, only reflects the first stage and the final result; the formulation *VpO* should not be taken to mean that no verbs were prefixed, but rather that the relational element modifying the noun was in prenominal position. A more accurate formulation for Slavic might be *Op₁V* > *p₁V(p₂)O*. In the earliest texts, we see that prefixed motion verbs could take the bare allative dative that was possible with their unprefixed correlates (1a), whereas such usage was generally replaced with a prepositional phrase (1b).

- (1) a. *I priide Dorogobužju* (Old East Slavic; 12th cent.; RNC)
 and at-come-AOR Dorogobužь-DAT
 ‘And he came to Dorogobužь’
- b. *Olegь že priide ko gradu*
 Oleg-NOM FOC at-come-AOR toward city.DAT
 ‘As for Oleg, he came to the city’

Thus, the full development for Slavic seems to have been *Op₁V* > *p₁VO* > *p₁V(p₂)O* > *p₁Vp₂O*.

The reanalysis as a verbal prefix is the first step toward creating a system of prefixal verb classification. This account of the establishment of prefixes as a result of a change in word order is similar to the account of the development of verb particles in the history of English as a consequence of changes in word order (also a change from *OV* to *VO*) given by Los *et al.* (2012: 140-144). Note again that in the initial stage this “classification” of situations is largely relevant for motion predicates (which makes sense, given that the prefixes were originally spatial particles).

Though such usage resembles modern pf usage, the prefixation of motion verbs in fact did not produce perfectivity, which can be seen in the well-known usage of prefixed motion verbs to express stative toponymic relations, shown in (2).

- (2) *Dněprъ bo tečety izъ Okovsъkogo lěsa, i potečety na*
 Dnieper-NOM for flows out Okovsky-GEN wood-GEN and along-flows on
poludni, a Dvina izъ togo že lěsa potečety,
 south-ACC but Dvina-NOM out that-GEN FOC wood-GEN along-flows
i idety na polunočje i vnidet v more Varjaskoe.
 and goes on north-ACC and in-goes in sea-ACC Varangian-ACC
 ‘For the Dnieper flows from the Okovsky wood, and flows to the south, and the Dvina
 flows from that very wood, and goes to the north and goes into the Varangian Sea.’

Note that such durative present-tense usage is restricted to motion verbs, and is not a feature of pf verbs in Slavic in general. Only recently has such usage been connected to features of motion verbs, as opposed to being considered exceptional aspect usage (cf. Tomelleri 2007). That is to say, with motion verbs the effect of prefixation was originally to specify the vector of the motion relative to a landmark, and the perfectivizing force was relatively weak. At this stage, there was probably merely a system where prefixed motion verbs had a default perfective value in the past tense (arrival at the landmark) but allowed imperfective readings in the present tense, cf. again example (2)³.

Thus, perfectivization did not arise directly as a result of the univerbation of spatial particles and motion verbs. Consequently, we must seek the threshold development that caused widespread perfectivization elsewhere. The next section argues that the overall development was the spread of prefixation to non-motion predicates, which was accelerated by the bleaching of the spatial meaning of the prefix *u-*.

³ Note also that prefixes do not perfectivize motion verbs in Georgian and Ossetic, as discussed by Tomelleri 2009. Other usage, e.g., from Old Church Slavic, indicates that perfectivization was not a regular effect of the prefixation of directed motion verbs. For discussion, cf. Dickey 2014.

5. *The Bleaching of U- as a Catastrophic Change Entrenching Perfectivization*

What ultimately triggered the obligatory perfective value of prefixation was the spread of prefixation to verbs whose meaning did not include veridical motion. Examples would be change-of-state verbs such as OCS *iz-baviti*^p ‘save, redeem’ or *raz-bogatěti*^p ‘become rich’, which, as mentioned above, are biased toward the goal as an anchor point⁴. As such predicates do not profile any pre-telos veridical motion relative to a landmark, the prefix can only signal that the goal state is included in the profile of the construction. Thus, as sketched above with *po-strišti*^p ‘crop/tonsure’, in non-motion verbs the prefix expresses the attainment of some result, with different prefixes being chosen because of various metonymic relationships between trajectors and landmarks, as exemplified above with *žešti* ‘burn’. To sum up, with non-motion predicates, what the prefix signals is not a straightforward trajector-landmark relation, but some result that is often indirectly metonymically related to the prototypical trajector-landmark relation expressed by a prefix. This does not mean that a pre-telos process component in such predicates is completely inaccessible; rather, it requires special marking, which was effected by the new imperfectivizing suffixes.

This non-spatial nature of some prefixation (which was originally emphasized by Shull 2003, who terms non-spatial prefixation *abstract prefixation*) is very important, and is worth reiterating with concrete examples. Let us take Bosnian/Croatian/Serbian (which has a conservative/archaic system of prefixation) as an example: one can say (a) *is-piti vino iz čaše* ‘out-drink wine out of a glass’, (b) *is-piti čašu* ‘out-drink a glass’ and (c) *is-piti vino* ‘out-drink the wine’, i.e., ‘drink up the wine’, though the second is most common. The Old Church Slavonic data are similar, attesting as far as I can tell only (b) and (c), e.g., *is-piti čašo* ‘out-drink a cup’ and *is-piti ocьbъ* ‘out-drink the vinegar’. Though regarding (a) one can say that the prefix signals a real trajector-landmark relation (liquid exiting a container), regarding (b) and (c) the most one can say is that the notion ‘out of’ expressed by the prefix is applied metonymically, i.e., some liquid ends up out of a container, regardless of whether the object of the verb is the trajector or the landmark or not. And it is entirely possible, and I would argue most probable, that the main meaning of the prefix *iz-* in BCS *is-piti* ‘drink up’ (and even already in OCS *is-piti* ‘idem’) is not spatial at all, but abstractly resultative, i.e., it merely signals that the liquid consumed or the container is maximally affected by the action (presumably with some larger, contextually relevant result). Again, the choice of prefix for a given verb was originally determined by metonymic associations, which were nevertheless based on some plausible spatial trajectory (e.g., liquid exiting a container). Thus, as these associations were spatial in origin, they usually resulted in one or two prefixes being the most suitable

⁴ Cf. in this regard Wagner’s *et al.* 2008: 266-267 discussion of differences between motion and non-motion events in cognition.

candidates for the derivation of a pf verb with a minimum of lexical difference from its source verb.

Such metonymically motivated prefixation should be kept distinct from the semantic overlap of a spatial prefix with the meaning of its base verb whereby the prefix appears to be “bleached” of its original spatial meaning and functions merely as a perfectivizer. This kind of semantic overlap of a prefix and a base verb has been variously termed *subsumption* and *Vey-van Schooneveld effect*, and the effect is one of the apparent semantic “emptiness” of a prefix save for its perfectivizing function. A modern example is Russian *na-pisat'* (and its congeners in other Slavic languages), in which the meaning of *na-* ‘on’ overlaps with the meaning of *pisat'* ‘produce text on a surface’ so that the prefix seems to be “empty,” a so-called *préverbe vide* whose sole function is to perfectivize the verb. A consequence of this “emptiness” is that the pf *na-pisat'* is paired with the simplex impf *pisat'* ‘write’. Here it should be pointed out that such “emptiness” is largely illusory, as has been recently demonstrated by Janda *et al.* 2013.

The effect of a meaning of completion expressed by a prefix that is semantically unmotivated in terms of its original spatial meaning represents a resultative (perfective) construction [PREFIX + ROOT + STEM SUFFIX]_{PF}, which differs from the original spatial construction expressing the vector of motion [PREFIX + ROOT + STEM SUFFIX]_{VEC.MOT} discussed in section 4. That is to say, the development of perfectivizing prefixation amounted to the development of a [PREFIX + ROOT + STEM SUFFIX] construction that did not identify motion events by a trajectory relative to a landmark, as outlined above. In some early stage there were two differing constructions, a PERFECTIVE construction and a VECTOR-OF-MOTION construction, and the VECTOR-OF-MOTION construction was eventually assimilated into the PERFECTIVE construction in Late Common Slavic, with the relic usage of prefixed motion verbs in durative and processual contexts exemplified in (2) still attested early in the historical era.

From the above, it is clear that there were already scattered cases of abstract perfectivizing prefixation in Late Common Slavic, some of which were deceptively abstract as in the case of *ispiti* ‘drink up’. It is likely that the aggregate effect of various individual cases of abstract prefixation was an increased association of prefixation with perfectivization (i.e., the inability of a verb to profile an ongoing process). However, it is just as likely that the system was definitively established by some threshold development, especially given our knowledge that language change frequently occurs in events of concentrated change interrupting periods of relative equilibrium (cf. section 2). Accordingly, we should look for some kind of development that would trigger the system to change so that perfectivization became obligatory (with the concomitant proliferation of the apparently unmotivated, abstract function of spatial prefixes to produce PERFECTIVE constructions). Since all prefixes were originally spatial adverbs, the development should probably be sought in some aspect of spatial prefixation, or a particular spatial prefix, which despite its original spatial meaning would produce resultative verbs as opposed to verbs expressing a vector of motion beyond the isolated cases discussed above. Given that there were 17 verbal prefixes in Late

Common Slavic with uneven tendencies to occur in abstract (non-spatial) prefixation, and given that the probability of all 17 of spontaneously undergoing the same change is very low, I suggest that it was a radical development in a single prefix that changed the nature of prefixation.

One prefix appears to have undergone precisely this kind of development in Proto-Slavic: the prefix *u-*. The meaning of the preposition *u* was proximity (and proximity has remained its meaning in those languages that have retained it), cf., e.g., OCS *da oběduet̃ u nego* ‘to eat with him/at his place [in his proximity]’. Although this prefix formed some directed motion verbs with an ablative meaning (e.g., OCS *u-běžati^p* ‘flee’ and OESl *u-iti^p* ‘get/slip away’, *u-nesti^p* ‘steal’), Klenin (1983: 156–157) argues that the ablativity of such motion verbs was not due to the prefix, but to the meaning of the source verbs themselves, e.g., *běžatiⁱ* ‘flee’⁵. The meaning of *u-* was instead very resultative, and reflected “an evaluation of the subject’s purpose or success in performing the motion”. Further, it was affixed to a great many resultative non-motion verbs, e.g., *u-biti^p* ‘kill’, *u-rězati^p* ‘chop off’, *u-gasnuti^p* ‘go/die out’; as Vaillant (1964: 340) points out, the meaning of this prefix is most often “not discernable [...] and it serves to provide numerous perfectives.” It is important in this respect to keep in mind that Late Common Slavic had another prefix, *ot̃-* that was the default for ablative motion, cf., e.g., OCS *ot-iti^p* ‘go away’, *ot̃-běžati^p* ‘flee, run away’, *ot̃-vesti^p* ‘lead away’, *ot̃-nositiⁱ* ‘carry away’, *ot̃-pasti^p* ‘fall off’, *ot̃-sylatiⁱ* ‘send away’, *o[t̃]-choditiⁱ* ‘walk away’, etc.

It is important to point out that in the history of Slavic the central spatial meaning of prefixes was originally identical to their cognate prepositions (e.g., OCS *iz-* ‘out-’ and *iz* ‘out of’, etc.). As there are no attested ablative uses of the preposition *u*, only proximal ones, there is little reason to assume that the original sense of Slavic *u-* was ablative, especially in light of Klenin’s arguments. The sense of ablativity was the result of source-oriented motion verbs combined with the original meaning of proximity of *u-*, so that *u-běžati* originally meant something like ‘flee the proximity of [an animate being]’ – see below.

In view of all of the above, I think the available evidence suggests that *u-* became the first “grammaticalized” abstractly resultative prefix on the basis of the overlap of the meaning of the prefix with motion verbs such as those listed above and other verbs with a component of ablative motion or deprivation, e.g., OCS *u-daliti^p* ‘remove’, *u-pasti^p* ‘fall’, *u-krasti^p* ‘steal’, *u-eti^p* ‘take from’, etc. Once the prefix was reanalyzed as an abstractly resultative prefix, it began to produce resultative motion verbs without obvious ablative meanings such as OESl *u-goniti* ‘catch up to’, as well as a host of other resultative non-motion verbs, including OCS *u-balovati^p* ‘heal’, etc. It is important to point out the diversity of the types of resultative verbs produced by *u-* in Late Common Slavic: these include destruction verbs (e.g., *u-biti^p* ‘beat to death’), consumption verbs (e.g., *u-jasti^p* ‘eat up’), creation verbs (e.g., *u-gotovati^p* ‘prepare’, *u-stroit^p* ‘build’) in-

⁵ Klenin (1983: 156) points out that both OCS *běžatiⁱ* and *uběžati^p* translate Greek *φεύγω* ‘flee’ and *ἐκφεύγω* ‘flee, flee out of, escape’.

transitives (e.g., *u-stati*^p ‘cease’), various transitive achievement verbs (*u-tъknŏti*^p ‘meet, encounter’), numerous factitives (e.g., *u-krĕpiti*^p ‘strengthen’, *u-množiti*^p ‘increase’), and numerous inchoatives (e.g., *u-krotĕti*^p ‘calm down’, *u-mĕknŏti*^p ‘turn soft’); note also a degree of productivity as a prefix forming middle-voice procedural verbs evident in *u-piti se*^p/*u-pivati se*ⁱ ‘intoxicate oneself’. The productivity of *u-* as a resultative prefix for inchoative verbs is important because inchoative predicates such as *sъchnŏti* ‘dry’ have no inherent predisposition towards one kind of spatial telicity over another: the fact that they were productively derived with *u-* demonstrates that this prefix already had an abstract resultative meaning. In addition, it is essential to point out that resultative verbs in *u-* include many core/high-frequency verbal notions such as OCS *u-čĕti*^p ‘begin’, *u-bitĭ*^p ‘beat to death’, *u-mrĕti*^p ‘die’, *u-loviti*^p ‘catch’, *u-jasti*^p ‘eat up’, *u-sъchnŏti*^p ‘dry up’, etc., many of which survive in the modern Slavic languages.

Thus, the most likely catalyst for the new abstract, resultative/perfectivizing function of prefixes was a bleaching of the original meaning of proximity of the prefix *u-* in motion verbs (such verbs, being source-oriented, express by default movement away from the proximity of some landmark). This bleaching was the first catastrophe of Slavic aspectual systems. This is not to say that no other Slavic prefixes were developing abstract meanings of result in Late Common Slavic; *po-*, which meant ‘to’, ‘from’, and ‘surface contact’, *sъ-* ‘together’ and *jbz-* ‘out of’ were also developing salient resultative functions. Rather, the catastrophe of the despatialization of *u-* should be seen as a change that was in a feedback relationship with a presumably slowly increasing tendency for Slavic prefixes to profile the abstract transition to a new state ($s_1 > s_2$) in addition to their original profiles of various spatial trajectories in verbs expressing veridical motion, which was discussed above.

The original situation, in which all prefixes were primarily spatial but optionally expressed the transition to a new state $s_1 > s_2$ (primarily in the past tense), is shown in Figure 1, in which the network of prefixes consists of three subnetworks: a subnetwork of SOURCE prefixes (linked by red edges), a subnetwork of GOAL prefixes (linked by violet edges), and PATH/LOCATION prefixes (linked by green edges). The spatial features are the only inherent features of the prefixes.

In this network, the initial central node or hub was *po-*, which had a SOURCE meaning, a PATH/LOCATIVE meaning and a weaker GOAL meaning (cf. Němec 1954). Its centrality is conditioned by the fact that it is a member of all three subnetworks; note also that it was one of the three most productive prefixes in Old Church Slavic (the other two being *ob-* and *u-*). At this time, prefixes were developing salient resultative functions as well, most notably, *jbz-* ‘out’, *sъ-* ‘together/down from’, and *po-* in its various meanings of ‘from’, ‘along’, and ‘to’. However, judging from the Old Church Slavic data, *u-* was most productive as a purely resultative prefix, bleached of its original spatial meaning of PROXIMITY.

So how did *u-* end up despatialized at a time when other prefixes either were not or only partially so? I believe this development was largely a consequence of the contexts in which the prefix occurred. In Modern Russian as well as Old Church Slavic the corresponding preposition *u* ‘by/at’ is attested usually with hu-

mans, e.g., Rus *u nas* ‘by/at us’ and OCS *u nichъ* ‘by them’. Note also that according to the SSI (719) this meaning of proximity to humans produced abstract meanings of the preposition, such as ‘the expression of the individual on whom an action depends’, e.g., OCS *života prosi u tebe i dalъ emu esi* ‘he asked life of you and you have given [it] to him’. Without getting into the issue of how despatialized such abstract meanings of the preposition actually were in Old Church Slavic, we can simply point out that the frequent use of the preposition/preverb *u* with humans (cf. the example above for the preposition, and the fact that fleeing (OCS *u-běžati*) occurs with respect to human agents, and stealing (OCS *u-krasti*) occurs with respect to human possessors), and therefore pronouns, meant that *u-* occurred frequently in deictic contexts⁶.

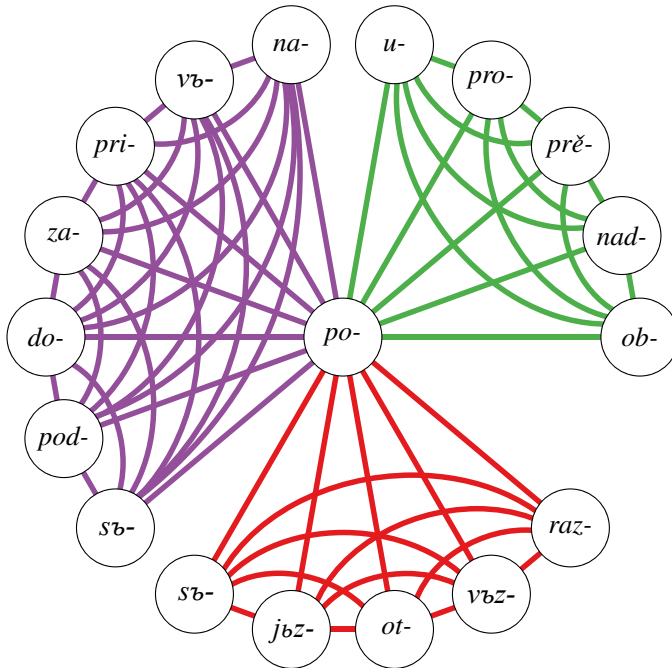

Figure 1.

Common Slavic Prefixes, Stage 1. A Network of Markers of SOURCE (red), GOAL (purple) and PATH/LOCATION (green) Relationships

Recalling the post-PIE change in word order from *OpV* to *pVO* discussed in section 4, we can hypothesize that at an early stage the particle *u* occurred post-

⁶ Cf. also Modern Russian usage, in which verbs in *u-* co-occur with the proximity preposition, e.g., *U nas kot ubežal*, lit. ‘by us cat ran away’ = ‘Our cat ran away’.

posed to a nominal element, e.g., [*nas u*] *běžā* ‘[us-GEN PROXIMITY] fled’. In the next stage, the particle was reanalyzed as a preverb, i.e., *nas* [*u-běžā*] ‘us-GEN [PROXIMITY-fled]’. I assume that its use in such deictic contexts, in combination with the aforementioned reanalysis of postpositions to preverbs, was responsible for a semantic reanalysis of *u-* from a particle meaning PROXIMITY to a resultative prefix in cases where the deictic context was clear and the pronoun was omitted. That is to say, in deictically clear contexts, *u-bežā* was reanalyzed from ‘PROXIMITY-fled’ to ‘RESULT-fled’. Again, it was the despatialized, resultative use of *u-* with motion verbs that provided the model for its widespread use as an abstract resultative prefix with various kinds of non-motion verbs discussed above.

6. *The Consequences of the Bleaching of U- for the Semantic Network of Prefixes*

When *u-* lost its spatial meaning in basic, high frequency verbs (see section 5) and became an abstract resultative prefix, there was an important change for the semantic network of verbal prefixes. The picture changed in that, whereas in stage 1 they all shared some spatial feature, all that could now be shared by the prefixes was the meaning of change of state ($s_1 > s_2$). Though I have singled out the bleaching of *u-* as the crucial event that led to the grammaticalization of perfectivizing prefixation, in reality this development was probably the culmination of a feedback loop with the aforementioned increasing tendency of other prefixes to express $s_1 > s_2$, at the expense of spatial trajectories in cases of veridical motion or straightforward metaphorical transfers of such spatial trajectories.

Thus, the despatialization of *u-* created an instability in the system of prefixes, because in addition to the increasingly metonymically based abstract meanings of other prefixes, one of the frequent spatial prefixes simply lost its spatial meaning. This change represented a bifurcation point at which the system had to either eliminate the fluctuation precipitated by *u-* or reanalyze all prefixes as essentially resultative prefixes based on the shared meaning $s_1 > s_2$. In the latter case, the edge linking all prefixes became $s_1 > s_2$. To be sure, most of the prefixes continued to additionally express their spatial profiles; the change was that they now all obligatorily expressed $s_1 > s_2$, whether or not they expressed a spatial profile. This new situation is shown in Figure 2, in which the edges shared by *u-* with all other prefixes are those of $s_1 > s_2$, whereupon the latently present feature of $s_1 > s_2$ present in all other nodes becomes the feature that any two nodes share.

The establishment of change of state ($s_1 > s_2$) as the meaning linking prefixes as a class in Common Slavic was the final step in the transition from spatial prefixation to a system of perfectivizing prefixation, and probably represents the threshold development in the grammaticalization of Slavic aspect. Thus, the semantic bleaching of *u-* was a catastrophe in that this initially minor change forced the entire semantic nature of verbal prefixation in Slavic to undergo a major change.

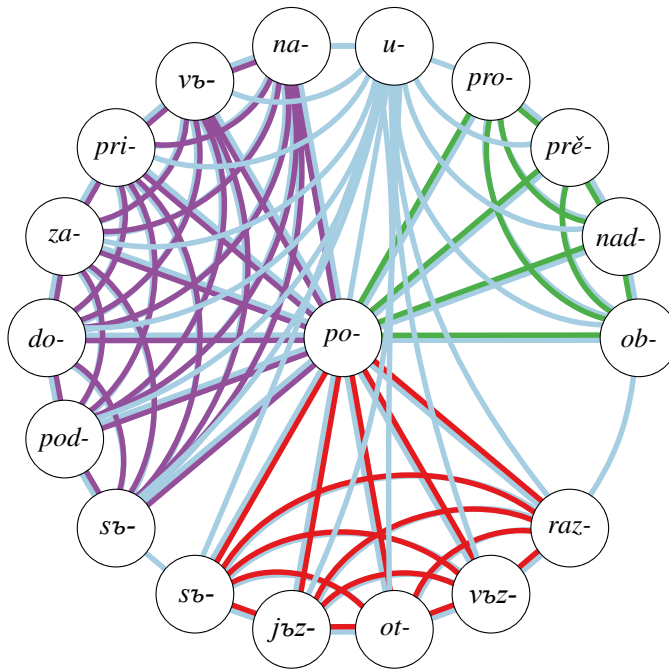

Figure 2.

Late Common Slavic Prefixes as a Network of Markers of $s_1 > s_2$ (light blue links)

In cognitive linguistic terms, the establishment of the perfectivizing function of Slavic prefixation may be seen as the extraction of a schema of $s_1 > s_2$ from the spatial meanings of the individual prefixes, which, again, was a natural development once one of them (*u-*) lost its spatial meaning. It was the result of slow, incremental changes based on semantic reanalyses of various prefixes in various contexts coupled with a catastrophe that caused the definitive change in the system. Here it is important to point out that in a usage-based model, the change in the system does not eradicate all previous usage incompatible with the new system in one fell swoop. Relics of the old system, here the use of motion verbs in stative contexts (cf. ex. (2) above) persisted as marginal usage for some time.

In the changes, described above, $s_1 > s_2$ appears to be functioning as an attractor, in that once established, $s_1 > s_2$ comes to be expressed by all prefixes, regardless of whether they additionally express a concrete spatial trajectory or not. In other words, with the help of specific events (the semantic development of *u-* and imperfectivizing suffixation), $s_1 > s_2$ becomes the “sink” (Lass 1997: 295) in semantic space into which the meanings of the prefixes settle, and out of which they are not dislodged (except in cases of language interference, as in Upper Sorbian). The original spatial meanings, while still present, become increasingly parasitic on $s_1 > s_2$, that is to say, they become a component dependent on

that abstract meaning. It is important to point out that the overall development has been abstracted in the description above, and that apart from the catastrophic change undergone by *u-* different prefixes developed toward the meaning of $s_1 > s_2$ at different speeds for various reasons that cannot be detailed here.

7. Summary and Conclusions

This article has argued for a punctuated equilibrium approach to the rise of perfectivizing prefixation in Slavic. Originally, prefixation in Slavic was spatial in nature, with varying degrees of entrenchment of the meaning of change of state ($s_1 > s_2$) – more in non-motion verbs, less in motion verbs. The perfectivizing effect of Slavic prefixation is a by-product of the original function of such perfectivization, which was to classify directed motion predicates.

As $s_1 > s_2$ became more salient as a non-spatial variant meaning of individual prefixes (primarily *po-*, *u-*, *svn-* and *jbz-*), the semantic overlap of the meaning of *u-*, ‘PROXIMITY’, with motion verbs in deictically clear contexts created a situation where the prefix was apparently bleached of its spatial meaning in high frequency verbs. *U-* was thus reanalyzed as an abstract, resultative prefix. This produced a situation in which the meaning shared by Slavic prefixes was $s_1 > s_2$, whereupon they began to express primarily this meaning, though their spatial profiles (with the exception of *u-*) continued to determine their distribution. This was the advent of perfectivizing prefixation in Slavic, and coincided with the rise of imperfectivizing suffixation.

Basic concepts from dynamic systems theory allow us to see the rise of perfectivizing prefixation in a new light. The semantic bleaching of *u-* can be seen as a catastrophe, a change producing a bifurcation point in the system of Slavic verbal prefixation, as opposed to a random case of high productivity. Change of state ($s_1 > s_2$) appears to have functioned as an attractor in the development of the system of Slavic prefixation. This in fact should come as no surprise, given the typological frequency of change of state as a component meaning of perfective grammemes (cf. Dahl 1985: 78). Finally, the 17 verbal prefixes of Late Common Slavic have been treated as a semantic network (which is necessary in any case) more explicitly than in previous analyses.

Bibliography

- Beckage, Colunga 2015: N. Beckage, E. Colunga, *Language Networks as Models of Cognition: Understanding Cognition Through Language*, in: A. Mehler, A. Lücking, S. Banisch, P. Blanchard, B. Job (eds.), *Towards a Theoretical Framework for Analyzing Complex Linguistic Networks*, Berlin 2015, 3-28.

- Bermel 1997: N. Bermel, *Context and the Lexicon in the Development of Russian Aspect*, Berkeley 1997.
- Cooper 1999: D. Cooper, *Linguistic Attractors. The Cognitive Dynamics of Language Acquisition and Change*, Amsterdam 1999.
- Dahl 1985: Ö. Dahl, *Tense and Aspect Systems*, Oxford 1985.
- Dickey 2005: S. Dickey, *S-/Z- and the Grammaticalization of Slavic Aspect*, "Slovene Linguistic Studies", 5, 2005, 3-55.
- Dickey 2007: S. Dickey, *A Prototype Account of the Development of Delimitative PO- in Russian*, in: D. Divjak, A. Kočańska (eds.), *Cognitive Paths into the Slavic Domain*, Berlin 2007, 326-371.
- Dickey 2011a: S. Dickey, *The Varying Role of PO- in the Grammaticalization of Slavic Aspectual Systems: Sequences of Events, Delimitatives, and German Language Contact*, "Journal of Slavic Linguistics", 19 (2), 2011, 175-230.
- Dickey 2011b: S. Dickey, *Subjectification and the Russian Perfective*, in: M. Grzygiel, L. Janda (eds.), *Slavic Linguistics in a Cognitive Framework*, Frankfurt am Main 2011, 37-66.
- Dickey 2014: S. Dickey, *On the Origin of Slavic Prefixed Imperfective Motion Verbs*, "Scando-Slavica", 60 (2), 2014, 159-171.
- Dickey, Janda 2009: S. Dickey, L. Janda, *Chochotnul, schitril: The Relationship Between Semelfactives Formed with -NU- and S- in Russian*, "Russian Linguistics", 33 (3), 2009, 229-248.
- Dickey, Janda 2015: S. Dickey, L. Janda, *Slavic Aspectual Prefixes and Numeral Classifiers: Two Kinds of Lexico-Grammatical Unitizers*, "Lingua", 168, 2015, 57-84.
- Ehala 1996: M. Ehala, *Self-Organization and Language Change*, "Diachronica", 13 (1), 1996, 1-28.
- Gamkrelidze, Ivanov 1995: T. Gamkrelidze, V. Ivanov, *Indo-European and the Indo-Europeans: a Reconstruction and Historical Analysis of a Proto-Language and a Proto-Culture*, Berlin 1995.
- Janda, Joseph 2003: R. Janda, B. Joseph, *On Language, Change, and Language Change – Or, Of History, Linguistics and Historical Linguistics*, in: B. Joseph, R. Janda (eds.), *The Handbook of Historical Linguistics*, Oxford 2003, 3-180.
- Janda et al. 2013: L. Janda, A. Endresen, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nettet, S. Sokolova, *Why Russian Aspectual Prefixes Aren't Empty. Prefixes as Verb Classifiers*, Bloomington, IN 2013.
- Klenin 1983: E. Klenin, *Verbs of Motion Prefixed in U- in Old and Modern Russian*, in: V. Markov, D. S. Worth (eds.), *From*

- Los Angeles to Kiev. Papers on the Occasion of the Ninth International Congress of Slavists, Kiev, September, 1983*, Columbus, OH 1983, 155-168.
- Labov 1994: W. Labov, *Principles of Linguistic Change. Volume 1: Internal Factors*, Oxford 1994.
- Lightfoot 1997: D. Lightfoot, *Catastrophic Change and Learning Theory*, "Lingua", 100, 1997, 171-192.
- Los et al. 2012: B. Los, C. Blom, G. Booij, *Morphosyntactic Change: A Comparative Study of Particles and Prefixes*, Cambridge 2012.
- Maslov 1961: Ju.S. Maslov, *Rol' tak nazyvaemoj perfektiivacii i imperfektivacii v processe vozniknovenija vozniknovenija slavjanskogo glagol'nogo vida*, in: V.V. Vinogradov (pod red.), *Issledovanija po slavjanskomu jazykoznaniju*, Moskva 1961, 165-195.
- Pinault 1995: G. Pinault, *Le problème du préverbe en Indo-Européen*, in: A. Rousseau (ed.), *Les Préverbes dans les langues d'Europe*, Villeneuve d'Ascq 1995, 35-59.
- Port, van Gelder 1995: R. Port, T. van Gelder (eds.), *Mind as Motion: Explorations in the Dynamics of Cognition*, Cambridge MA, 1995.
- Prigogine, Stengers 1984: I. Prigogine, I. Stengers, *Order Out of Chaos*, London 1984.
- Rostovcev-Popiel 2012: A. Rostovcev-Popiel, *Stanovlenie kategorii aspekta v gruzinskom jazyke*, "Acta linguistica petropolitana", 8 (2), 2012, 290-310.
- Shull 2003: S. Shull, *The Experience of Space: The Privileged Role of Spatial Prefixation in Czech and Russian*, Munich 2003.
- Silina 1982: V.B. Silina, *Istorija kategorii glagol'nogo vida*, in: R.I. Avanesovi, V.V. Ivanov (pod red.), *Istoričeskaja grammatika ruskogo jazyka. Morfologija: Glagol*, Moskva 1982, 158-279.
- SSI: R. Cejtin, R. Večerka, E. Blagova (pod red.), *Staroslavjanskij slovar' (po rukopisjam X-XI vekov)*, Moskva 1994.
- Thom 1972: R. Thom, *Stabilité structurelle et morphogénèse; essai d'une théorie générale des modèles*, Reading, MA 1972.
- Tomelleri 2007: V. Tomelleri, *Zur Typologisierung der historischen Aspektologie (Nochmals zu den präfigierten Bewegungsverben in der altrussischen 'Povest' vremennyh let')*, in: W. Hock, M. Meier-Brügger (eds.), *Даръ slovesъny: Festschrift für Christoph Koch zum 65. Geburtstag*, Munich 2007, 297-308.

- Tomelleri 2009: V. Tomelleri, *The Category of Aspect in Georgian, Ossetic and Russian. Some Areal and Typological Observations*, "Faits de Langues. Les Cahiers", 1, 2009, 245-272.
- Vaillant 1964: A. Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves. Tom III. Le Verbe*, Paris 1964.
- Wagner *et al.* 2008: L. L. Wagner, A. M. Yocom, M. Greene-Havas, *Children's Understanding of Directed Motion Events in an Imitation Choice Task*, "Journal of Experimental Child Psychology", 100 (4), 2008, 264-275.
- Wedel 2004: A. Wedel, *Self-Organization and Categorical Behavior in Phonology*, PhD dissertation, University of California at Santa Cruz, 2004.

Abstract

Stephen M. Dickey

Prefixation in the Rise of Slavic Aspect

This paper investigates the role that prefixes played in the development of the Slavic aspect category utilizing concepts from dynamic systems theory. It is argued that the bleaching of the prefix *u-* was crucial in the development of the perfectivizing function of Common Slavic prefixes, and that the semantic concept of change of state functioned as an attractor in the development of the network of prefixes and the aspect category as a whole.

Keywords: Prefixes, Slavic aspect, diachrony, attractors, catastrophic change

On the dynamism of aspectual pair formation in Czech

François Esvan

1. Introduction

In this contribution, I would like to make a few remarks on the current evolution of the aspectual pair formation system in Czech, more precisely on the trends that can be evidenced from a systematic research on neologisms using the Web as a corpus. My aim is to evaluate the dynamism of the two basic systems of aspectual pair formation in Czech that are: 1) perfectivisation from a simplex imperfective verb with a so called “empty” prefix; 2) secondary imperfectivisation from a prefixed perfective verb. I will not discuss here the legitimacy of the concept of “empty” prefix about which there is a variety of opinions in Czech linguistics¹. Traditionally, there are two schools of thought:

- The one represented by Ivan Poldauf (1954) and František Kopečný (1956), dating back to the fifties, who believe that prefixes may have a purely morphological value of perfectivisation. The test for recognizing an “empty” prefix is the absence of a secondary imperfective, or, in case it exists, the secondary imperfective must be synonymous with the simplex imperfective verb. This hypothesis was echoed by Lebed'ová (1980) in her study on verbs of foreign origin, which, as discussed in detail below, very quickly tend to be prefixed, thereby losing their biaspectual character. According to Lebed'ová, this trend evidences the morphological character of prefixation in aspectual pair formation.
- In contrast, Miroslav Komárek (1984) is strongly opposed to the principle of “empty” prefixes, because prefixes always keep, according to him, some semantic value.

What I would like to emphasize here is that the discourse on the value of prefixes paradoxically leads to a discussion about suffixation, namely around the existence or non-existence of secondary imperfectives. For the supporters of

¹ About secondary imperfectivisation in Czech see also: Berger (2011), Esvan (2005; 2007; 2010), Štícha (2004).

the concept of “empty” prefixes, it is the presence of these that is abnormal. According to František Kopečný, the presence of secondary imperfectives is due to two reasons: (i) the pressure of the system, (ii) the need to maintain some semantic nuance existing in the prefixed perfective verb (Kopečný 1962: 94). For the supporters of the semantic value of prefixes it is, on the contrary, the lack of secondary imperfectives which is an anomaly. It can be explained, according to Vladimír Komárek, by the principle of economy. The absence of secondary imperfective is, however, very difficult to predict, as it depends on frequency and use (Komárek 1984: 264).

What I propose in this contribution, then, is to revisit the issue by evaluating the dynamism of secondary imperfectivisation on the Internet, with all the pros and cons of this method. The advantages of the Internet over the tools offered by the Czech National Corpus Institute are: (i) the dimensions, which are much larger than the one of SYN, the largest corpus of the Czech language²; (ii) the Internet contains a lot of spontaneous linguistic productions, which are unfiltered by the publishing houses. The major drawbacks of the Internet are: (i) its shifting nature; (ii) the lack of lemmatization; and (iii) its unrepresentative character, with a strong predominance of certain topics (computer science, sex) (Esvan 2005).

I will first address the case of the verbs of Czech origin and then that of the verbs of foreign origin.

2. Verbs of Czech origin

How many verbs of Czech origin have an “empty” prefix in the more restrictive sense, i.e. without a secondary imperfective? At first glance, they should be less numerous in contemporary Czech than in past stages of the language, since it is traditionally assumed that various secondary imperfective verbs fell out of use more or less recently. Kopečný (1956: 87) reported that some verbs featured in the large nine-volume dictionary of the Czech language (*Příruční slovník jazyka českého*, 1935-1957), as *napisovat* or *oholovat*, were no longer in common use at the time he wrote (1956); other verbs like *udělavat* did exist in old Czech, but fell out of use much earlier and are not found in the dictionary. According to the inventory drawn up by František Uher (1987), there would be, at the most, fifty verbs of Czech origin with an empty prefix and without a secondary imperfective. He considers this number too low to be taken as evidence of the morphological nature of prefixation in aspectual pair formation. Apart from these statistical considerations, he is of the opinion that prefixes always keep a semantic value and that all non-existent secondary imperfectives should deserve to exist, because they could contribute a semantic nuance which is not present in the simplex verb. For

² The corpus SYN contains 2,000,000,000 words, which is a huge figure, but still insufficient for searching occurrences of rare forms.

instance, *uvid'ovat* (from *uvidět*) would have the meaning of “entering the visual field” (Uher 1987). We will return to this particular example later with concrete occurrences.

The situation, in the light of data available on the Internet, is summarized in the table below, which presents the results for the most typical aspectual pairs with an “empty” prefix. In the first two columns it indicates whether the verb is found in the large dictionaries of the last century (PSJČ and SSJČ); the third column (K) shows the number of records in the lexicographical archive of the Institute of the Czech Language, which contains more than twelve million records and was used to realize the dictionaries in question; the last column reports the approximate number N of occurrences of the secondary imperfective found through Google.

Table 1.
Secondary imperfectivization for verbs of Czech origin

			PSJČ	SSJČ	K	Google (09/15)
<i>ženit se – oženit se</i>	<i>ožeňovat se</i>	get married			1	10<N<100
<i>solit – osolit</i>	<i>osolovat</i>	salt	x		2	100<N<1000
<i>dělat – udělat</i>	<i>udělavat</i>	do			1	N>1000
<i>slyšet – uslyšet</i>	<i>uslýchat</i> <i>uslyšovat</i>	hear			0 0	N <10 N <10
<i>číst – přečíst</i>	<i>přečítat</i>	read	x	x	70	N>1000
<i>vidět – uvidět</i>	<i>uvid'ovat</i>	see				N <10
<i>cítit – ucítit</i>	<i>ucítovat</i>	feel			0	10<N<100
<i>psát – napsat</i>	<i>napisovat</i>	write	x	x	31	100<N<1000
<i>holit – oholit</i>	<i>oholovat</i>	shave	x	x	1	100<N<1000
<i>dívat se – podívat se</i>	<i>podívávat se</i>	look at			0	10<N<100
<i>ptát se – zeptat se</i>	<i>zeptávat se</i>	ask	†	†	0	10<N<100
<i>vařit – uvařit</i>	<i>uvářet</i> <i>uvařovat</i>	cook			0 0	0 0
<i>šít – ušít</i>	<i>ušívat</i>	sew			0	0

As we can see, it is possible to find on the Internet many secondary imperfective verbs which are ignored by dictionaries, as *uvid'ovat* or *podívávat*, but not necessarily: *uvařovat* or *ušívat* have, for instance, no occurrences. These results call for the following comments.

1. Drawn occurrences are relatively few, if we take into account (i) the size of the corpus considered, (ii) the fact that the aspectual pairs we analyzed (*dě-*

lat – udělat, psát – napsat, vidět – uvidět etc.) have a very high frequency. The phenomenon must be, therefore, considered marginal³.

2. These “new” verbs are very diverse in nature and are perceived unequally by native speakers, with a broad rating scale that goes from “agree” (i.e. in the case of *udělávat se* with a particular meaning that I will discuss further below), to “strongly disagree” for verbs like *uvidovat* or *podívat se*. The users, as we shall see in concrete examples, are often fully aware of the transgressive character of these forms, as they place them between quotation marks. The desired effect may be then irony or provocation.
3. These verbs are frequently used in iterative contexts, but not necessarily. They may also have a processual value or denote single concluded actions, in these particular contexts I called “tabular present” (Esvan 2015).

Let us now consider some examples to illustrate.

The case of the verb *udělávat* is particularly interesting. As I already mentioned, it did exist in Old Czech, but disappeared thereafter. Consequently, the aspectual pair *dělat – udělat* has become the most quoted example of “empty” prefix in the grammars of modern Czech. An Internet search can provide examples of the ancient use of the verb *udělávat* in the Bible of Kralice⁴:

- (1) *Nedávejte již více slámy lidu k děláni cihel jako prvé; nechat' jdou sami a sbírají sobě slámu. Však [touž] summu cihel, kterouž udělávali' prvé, uložte na ně.* (Bible kralická, Starý zákon, Exodus, Kapitola 5)
‘You shall no longer give the people straw to make brick as before. Let them go and gather straw for themselves. And you shall lay on them the quota of bricks which **they made** before (*lit.* this quota of bricks, which they made before, lay on them).’

But it also provides many examples where the verb *udělávat*, in the reflexive form *udělávat se*, is the secondary imperfective from *udělat se* which has the vulgar meaning of “having an orgasm, masturbate”, in English “to come, cum”, as in example (2):

- (2) *Mám menší problém s udržením sebekontroly při sexu, strašně rychle se udělávám!*
‘I have a little problem with maintaining self-control during sex, **I come** very quickly.’

It is interesting to note that the substitution of the secondary imperfective *udělávat* by the simplex verb *dělat* is, in this case, impossible. We have therefore here a new aspectual pair *udělat se – udělávat se* for a particular meaning of the verb *udělat* in the reflexive form.

³ In comparison, the review of the records from the lexicographical archive is interesting: the four-volume dictionary from the sixties (SSJČ) contains 37,000 verbs (from a total of 190,000 words), but we can see on the table that these verbs are sometimes attested by only one or two records.

⁴ A translation from the late 16th century in a rather archaic language.

The use of the secondary imperfective *udělavat* is not however limited to the vulgar meaning of ex. (2). We can also find on the Internet occurrences in which *udělavat* has the basic meaning of *dělat* “to do, to make”, as in (3) and (4):

- (3) *Knedlíčky mám moc ráda. My také, a proto vždy **udělávám!** větší dávku a dávám zmrazit.*
 ‘I love dumplings. We too, so **I** always **make** more and freeze them.’
- (4) *Pěna na holení. Pěna je opravdu super! **Udělává!** vám to opravdu dobrou pěnu. [...] Neměla jsem s ní žádný problém.*
 ‘Shaving foam. The foam is really great! **It makes** really good foam. [...] I had no problem with it.’

Unlike (2), where secondary imperfectivization has a clear semantic motivation, examples (3) and (4) arouse a rather negative reaction in native Czech speakers. These forms are perceived as “strange”, whereas they were used in an apparently spontaneous and neutral way.

Let us consider now, on the contrary, some examples where the users seem to be clearly conscious of the fact that the forms they use do not belong to the standard. It is the case of the verb *uvid'ovat* quoted by František Uher, as I mentioned above, to illustrate the expressive potential of secondary imperfectives. In example (5) a young girl is asking a question in a discussion forum; she uses the verb at issue to emphasize its processual value, being aware of its transgressive character, since she placed it in inverted commas:

- (5) *A teď k mému dotazu; holím si nohy i podpaží, ale mamčíným strojkem, nemám svůj vlastní. [...] Když mamku prosím o vlastní strojek, řekne jen „**Uvidíme!**“, ale já už „**Uvid'uju!**“ asi půl roku. Navíc teď přichází léto [...]. Prosím, porad' mi, co mám dělat. Díky.*
 ‘And now to my question. I shave my legs and underarms, but with Mum’s razor, I don’t own my own razor. [...] When I beg my Mum for a razor of my own, she only says “We’ll see”, but I’ve been “seeing” (*lit. I see*) for almost half a year. Now summer is coming [...]. Please advise me what I should do. Thanks.’

There are other examples of the ironic use of *uvid'ovat*, especially in the periphrastic future, as a joking calque of the English “we’ll see”. It is illustrated in example (6), where a programmer is speaking about his technical problems in a bizarre language full of anglicisms:

- (6) *Zatím jsem psal do Atmela emulátor D-star Streamu, respektive RadioHeaderu včetně Sync, FEC, CRC atd., nemám ještě End Frame, ale zato mám pro sebe dost nezodpovězených dotazů, neb jsem programátor amatérský. Proto sháním Help. [...] Tak budeme **uvid'ovat!***
 ‘So far I wrote on the Atmel emulator, D-Star Stream, and also RadioHeader, including Sync, FEC, CRC, etc. I don’t have End Frame yet, but I’ve got a lot of

unanswered questions for myself, because I am an amateur programmer. That's why I'm looking for help. [...] So **we'll see.**'

In example (7), instead, the author takes the example of *budeme uvid'ovat* to make fun of this anglophile trend in post-revolution Czech.

- (7) [...] *nejdou z nás dnes trotlové, kteří, když se vrátí po týdnu z Anglie, řeknou místo uvidíme, budeme **uvid'ovat**.*
 '[...] we are not among those idiots who, when they come back from a week in England, say *budeme uvid'ovat* instead of *uvidíme*.'

We can also find examples where verbs have not only an iterative or a processual meaning, as in the examples we have seen so far, but also what I have called the *tabular present*, i.e. a context in which the present denotes concluded actions (Esvan 2015). It is frequently found in diaries and blogs, which are very common on the Internet. In these examples, the secondary imperfective verbs do not belong to the standard language, but are in a certain way contextually motivated:

- (8) *A pak už jenom pendolinem do Ostravy a následně osobákem. Kolem půl šesté **ucit'ujeme'** známou vůni a je nám jasné, že jsme doma.*
 'Then by Pendolino to Ostrava and ten by passenger train. At around half past five **we smell** a familiar scent, which means we are at home.'
- (9) *Sousedí ještě spí, je trošku zimměji než včera a venku nádherně. **Udělávám'** si rozčvičku a pak klasicky zermattovský program – hygiena, sehnat vodu [...]*
 'My neighbors are still sleeping, it's a bit colder than yesterday and outside it's wonderful. **I do** some warm-up, then my usual activities in Zermatt like washing myself, fetching water [...]
- (10) *Zdržujeme se docela dlouho a ujíždí nám poslední autobus do Caen. Co se dá dělat, zkusíme stopovat. **Napisujeme'** název Caen na papír a zkusíme to. Většina řidičů nám pořád něco ukazuje, nakonec nám zastavuje paní a vysvětluje, že jsme na špatné silnici.*
 'We stay quite a long time and miss the last bus to Caen. What can you do, we try to hitchhike. **We write** the name of Caen on a piece of paper and try. Most drivers show us something, and finally a lady stops and explains us that we are on the wrong road.'

3. Verbs of foreign origin

The case of verbs of foreign origin is also interesting. I remember that there is a strong tendency in Czech to avoid biaspectualism by allowing prefixation for newly borrowed lexemes. This phenomenon has been studied by Lebed'ová (1980) and more recently by Jindra (2008). According to the authors, there should be a three-phase integration process:

- i. first step: the simplex verb is biaspectual and the prefixed verb does not yet exist;
- ii. second step: the simplex verb remains biaspectual, while the prefixed perfective verb already exists;
- iii. third step: the simplex verb is only imperfective and forms an aspectual pair with the prefixed perfective verb.

Actually, Lebed'ová and Jindra seem to be unaware of the fact that there exists yet another step, represented by the formation of a secondary imperfective verb, even though this phenomenon also concerns the verbs they are analyzing: all of the eight verbs considered by Jindra in his analysis of lexical integration through prefixation also have a secondary imperfective, most of them with numerous occurrences on the Internet, as shown in the table below, where the last column reports the approximate number N of occurrences of the secondary imperfective found through Google.

Table 2.
Secondary imperfectivization for verbs of foreign origin

		Google (09/15)
<i>demolovat – zdemolovat</i>	<i>zdemolovávat</i>	N < 10
<i>dokumentovat – zdokumentovat</i>	<i>zdokumentovávat</i>	N > 1000
<i>likvidovat – zlikvidovat</i>	<i>zlikvidovávat</i>	10 < N < 100
<i>organizovat – zorganizovat</i>	<i>zorganizovávat</i>	100 < N < 1000
<i>orientovat – zorientovat</i>	<i>zorientovávat</i>	N > 1000
<i>privatizovat – zprivatizovat</i>	<i>zprivatizovávat</i>	N < 10
<i>redukovat – zredukovat</i>	<i>zredukovávávat</i>	10 < N < 100
<i>registrovat – zaregistrovat</i>	<i>zaregistrovávat</i>	N > 1000

A survey of the foreign verbs with the prefix *za-* contained in the neologism database *Neomat*⁵ – that is to say 41 verbs such as: *zaaretovat*, *zaarchivovat*, *zabetonovat*, *zabilancovat* etc. – shows that about half of them (20) have a secondary imperfective attested on the Internet: *zaaretovat*, *zabetonovat*, *zabivakovat*, *zablogovat*, *zabombardovat*, *zabookovat* (*zabukovat*), *zacementovat*, *zadefinovat*, *zadokumentovat*, *zaintubovat*, *zaindexovat*, *zalogovat*, *zaregistrovat*, *zarezerovat*, *zasponzorovat*, *zastabilizovat*, *zavakuovat*, *zaverbovat*, *zazipovat*, *zazoomovat*.

As in the case of the verbs of Czech origin, I would make some general observations:

⁵ Institute of the Czech language of the Academy of Sciences of the Czech Republic: www.neologizmy.cz (april 2016).

1. The secondary imperfectivisation is a widespread phenomenon but it is far from systematic. It also seems difficult to identify parameters that could have a significant influence on the creation of secondary imperfectives (the frequency of the basic verb has for instance no significant influence).
2. As in the case of the verbs of Czech origin, the number of occurrences of these secondary imperfectives is often very limited. Unlike the original Czech verbs discussed above, the secondary imperfective verbs derived from foreign loans, however, never cause major objections from the native speakers consulted.
3. These secondary imperfectives may have, as in the case of verbs of Czech origin, different meanings: processual, iterative or factual. This is important to emphasize, as the suffix *-áv-* used to form secondary imperfectives from prefixed verbs in *-ovat*, is also found in the formation of iterative verbs, which is, as is known, productive in Czech. So we have the same mark for two different systems: *kupovat* > *kupovávat* (an iterative verb from an imperfective verb) and *zdemolovat* > *zdemolovávat* (a secondary imperfective verb from a prefixed perfective verb).

Let us consider some examples in context to illustrate what has been said. First of all the variety of meanings, with the processual value in example (11), the iterative in example (12) and the factual in example (13):

- (11) „*Hele, další kamión s dvěma. To jsem zvědavá, jestli se zastavějí. Doufám, že jo.*“
*A zatímco obrovský kamión opouštěl pomalu dálnici a **zaparkovával**[!], popadla Mae utěrku a otřela celý pult.*
 ‘Look, another double truck. I’m curious to see if they’ll stop. I hope so.’ While the giant truck **was** slowly leaving the highway and **parking**, Mae took the towel and wiped the counter.’
- (12) *Podle FBI brala dokumenty ze Smithovy tašky, **ofotografovávala**[!] je a posléze informace předala Číňanům.*
 ‘According to the FBI she used to take documents in Smith’s bag, **photograph** them and send then the information to the Chinese.’
- (13) „*Už ve čtvrtek večer jsem **zdokladovával**[!] státní veterinární správě okolnosti odchovu krávy [...]*“
 ‘Already on Thursday evening I provided the documentation on the breeding of the cows to the veterinary services [...].’

As regards the motivation for creating these secondary imperfectives, it must be said that the cases where there is a clear semantic motivation are quite rare. We have an example with the aspectual pair *maturovat / odmaturovat*, where the simplex verb can mean either “to take the exam” or “to pass the exam”, while the prefixed verb means only “to pass” (to achieve a passing score on the exam). This difference is illustrated in the following example (14). The secondary im-

perfective verb, which has the same meaning as the prefixed verb, is therefore more precise, and its existence can be regarded as motivated, in agreement with the hypothesis of Kopečný mentioned above.

- (14) „*Některý rok jsme rádi, když z distančního ročníku **odmaturuje**^p jeden,*“ říká zástupce ředitele Josef Šimána. *Na obchodní akademii z šedesáti přijatých **odmaturovává** dvacet až třicet lidí.*

“Some years we are happy if only one of the non-attending students **passes the test of the maturita** (school leaving examination)” says the deputy director Josef Šimána. At the Commercial Academy only twenty or thirty from among the sixty students admitted **pass the test (of maturita)**.

In many other cases, however, this semantic motivation does not exist, as in example (15) below, where the two forms (simplex verb and secondary imperfective) seem to be interchangeable:

- (15) *Banky **blokují** karty. Většina českých bank pro internetové úhrady své platební karty automaticky **zablokovává**.*

‘Banks **block** credit cards. Most Czech banks automatically **block** credit cards for internet payment.’

4. Conclusions

This investigation, carried out on the Internet as a corpus, has highlighted a double phenomenon that we can summarize in the following way:

In the lexicon of Czech origin the verbs with an “empty” prefix constitute a small group of lexemes which are generally very frequent and oppose a strong resistance to the creation of secondary imperfectives. When this happens, the number of occurrences is negligible compared to the enormous size of the reference corpus and the frequency of the simplex verbs. Except in very special cases, such as the vulgar meaning of the verb *udělat se*, for which there is a clear semantic motivation, the secondary imperfectives created from these verbs are generally perceived as “abnormal” and the use made of them is often playful.

Regarding the verbs of foreign origin, there is an undeniable trend to the creation of secondary imperfectives. However, the phenomenon is not systematic in nature and the newly created forms have relatively little use. Unlike the verbs of Czech origin, these verbs are not perceived by native speakers as particularly abnormal, although there is usually no semantic motivation for their creation.

The dynamism of aspectual pair formation in Czech does not seem to be moving towards a simplification of the system, particularly in the case of the verbs of foreign origin, where we are witnessing the formation of many aspectual triplets. To return to the debate evoked in the introduction, we can add that the results of this survey do not provide decisive arguments in fa-

vor of the hypothesis of “empty” prefixes, nor against it. The “pressure of the system”, in Kopečný’s words, undeniably favors the creation of new secondary imperfectives, but this trend is at the same time strongly inhibited by the “principle of economy”, mentioned by Komárek. How will the future look like? *Budeme uvid'ovat*.

Bibliography

- Berger 2011: T. Berger, *Perfektivierung durch Präfix im Tschechischen – vermeintliche und tatsächliche Besonderheiten*, “Wiener Slawistischer Almanach”, 67, 2011, 33-52.
- Esvan 2005: F. Esvan, *K vyhledávání sekundárních imperfektiv*, in: F. Šticha, J. Šimandl (eds.), *Gramatika a korpus – Grammar & Corpora 2005*, Praha 2005, 49-56.
- Esvan 2007: F. Esvan, *Vidová morfologie českého slovesa*, Praha 2007.
- Esvan 2010: F. Esvan, *Poznámky k adaptaci sloves cizího původu v češtině*, in: A. Bičan, J. Klačka, P. Macurová, J. Zmrzliková (eds.), *Karlík a továrna na lingvistiku*, Brno 2010, 125-137.
- Esvan 2015: F. Esvan, *Aspectual opposition in the different contexts of the historical present in Czech*, in: R. Benacchio (ed.), *Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context*, München 2015, 211-216.
- Jindra 2008: V. Jindra, *Vývojová dynamika obouvidových sloves cizího původu na základě korpusových dat*, “Slovo a slovesnost”, 69, 2008, 92-210.
- Komárek 1984: M. Komárek, *Prefixace a slovesný vid (K prefixům prostě vidovým a subsumpci)*, “Slovo a slovesnost”, 45, 1984, 257-267.
- Kopečný 1956: F. Kopečný, *Les fonctions de la préfixation verbale en tchèque moderne*, “Revue d'études slaves”, 1-4 (33), 1956, 84-97.
- Kopečný 1962: F. Kopečný, *Slovesný vid v češtině*, Praha 1962.
- Lebeďová 1980: S. Lebeďová, *K ztrátě obouvidovosti u sloves cizího původu v současné češtině*, “Slovo a slovesnost”, 41, 1980, 279-285.
- Poldauf 1954: I. Poldauf, *Spojování s předponami při tvoření dokonavých sloves v češtině*, “Slovo a slovesnost”, 15, 1954, 49-65.
- Šlosar 1981: D. Šlosar, *Slovotvorní vývoj českého slovesa*, Brno 1981.

- Štícha 2004: F. Štícha, *Sekundární imperfektiva v současné češtině: systémovost, úzus, gramatičnost*, in: P. Karlík, J. Pleskalová (eds.), *Život s morfémy. Sborník na počest Zdenky Rusínové*, Brno 2004, 151-160.
- Uher 1987: F. Uher, *Slovesné předpony*, Brno 1987.

Dictionaries

- PSJČ: *Příruční slovník jazyka českého*, 9 vol., Státní pedagogické nakladatelství, 1935-1957.
- SSJČ: *Slovník spisovného jazyka českého*, 4 vol., Academia, Praha 1960-1971.

Abstract

François Esvan

On the dynamism of aspectual pair formation in Czech

The purpose of this paper is to analyze the relationship between the two ways of forming aspectual pairs in Czech, i.e. perfectivisation and secondary imperfectivisation. Recent data show a seemingly contradictory dynamism of both systems in the case of loan verbs. On the one hand, there is a strong tendency, after a short phase of biaspectualism, towards the creation of aspectual pairs through perfectivisation, e.g. *bukovat - zabukovat* (to reserve a flight ticket from to book). On the other hand, the creation of these new perfective verbs does not necessarily conclude the process, since secondary imperfectives like *zabukovávat* are also frequent. The trend in the modern language seems then to aim towards an increase in secondary imperfectivization, a process of which perfectivization should merely be a necessary intermediate step. This development is clearly in opposition to the tendency towards the elimination of secondary imperfectives, which characterized the historical evolution of the Czech language (Šlosar 1981).

Keywords: Czech language, verbal aspect, word formation

The Role of Prefixation in Old Church Slavonic*

Jaap Kamphuis

1. Introduction

General studies of grammatical aspect often devote special attention to Slavic languages because of their typical morphologically encoded derivational aspect opposition between perfective and imperfective aspect that encompasses the entire verbal paradigm (cf. Comrie 1976, Dahl 1985, Smith 1997, Croft 2012, Gvozdanović 2012). The fact that the opposition between perfective and imperfective applies to the entire verbal paradigm – what Szemerényi (1987: 7) terms ‘thoroughgoing dualism’ – makes it possible to speak of perfective and imperfective verbs. Both verbs have a past and present tense paradigm, an infinitive, an imperative and participles/gerunds¹. For example, the Russian verb *sostavit*^{pf} ‘compose’ is a perfective verb of which a lexically identical partner verb is derived by means of suffixation: *sostavljat*^{ipf} ‘compose’, which is an imperfective verb². Such a pair of verbs expressing the same lexical meaning and differing only in grammatical aspect is called an aspect pair. There are many aspect pairs and they can be seen as the basic unit in the verbal aspect system of any Slavic language.

* The present study is part of a larger study of verbal aspect in Old Church Slavonic, the results of which are laid out in Kamphuis 2016. When I first sent in this paper, the larger project was not yet finalized, hence not all of the results of that study could be used in this paper. However, I have included some references to Kamphuis 2016 in reaction to comments by the reviewers later on. I want to thank the two anonymous reviewers for their comments. Any remaining mistakes are, of course, my responsibility

¹ The distribution of the various verb forms differs and not all forms are attested for both aspects. I will return to this when I discuss the method of grammatical profiling in Section 2.2. There are also differences in paradigm between the various Slavic languages that I will not discuss in this paper. For example, Modern Bulgarian and Macedonian have no infinitive, but they do have aorists and imperfects which are absent in, amongst others, Modern Russian.

² I use the following abbreviations for aspect: pf = perfective, ipf = imperfective.

Beside suffixation, the process that is involved in the derivation of *sostavljat*^{’ipf} from *sostavit*^{’pf}, there is another morphological process involved in aspect derivation, namely prefixation. It is almost the opposite of suffixation: while by means of suffixation an imperfective verb is derived from a perfective verb, prefixation is used to derive a perfective verb from an imperfective verb, as in the case of *pisat*^{’ipf} ‘write’ / *napisat*^{’pf} ‘write (down)’³.

To my knowledge, there are no scholars who deny that suffixation creates an aspect pair. However, as Janda, Lyashevskaya (2011: 726-727, with references) describe, scholars differ in their opinions regarding the role of prefixation. Simply put, the question is: is a pair formed by means of prefixation, like *pisat*^{’ipf} / *napisat*^{’pf} ‘write’, an aspect pair, just as *sostavit*^{’pf} / *sostavljat*^{’ipf}? Some scholars, like Isačenko (1960: 130-175) would answer that question in the negative. However, Janda, Lyashevskaya (*ibidem*: 734-735) show that for Modern Russian there is no difference between the behaviour of both types of aspect pairs. They use a method called grammatical profiling, which is a comparison of the relative distribution of verb forms of the various types of verbs they distinguish, and they find that the grammatical profile of perfective and imperfective verbs differs significantly, while the profiles of both imperfective and both perfective groups are very similar (*ibidem*: 732, cf. also Section 2.2).

In this paper, I strive to establish the role of prefixation in the oldest attested Slavic language, Old Church Slavonic (OCS). There are reasons to assume that the situation in OCS is different from that of Modern Russian.

First, even though scholars who study verbal aspect in modern Slavic languages might differ in opinion as to the role of prefixation in the formation of pairs, there is generally no discussion as to the aspect of individual verbs. For example, in Modern Russian we simply “know” that verbs like *est*^{’ipf} ‘eat’, *javljat*^{’sja}^{’ipf} ‘appear’, *kljast*^{’sja}^{’ipf} ‘curse’, *ležat*^{’ipf} ‘lie’, *s*[’]*edat*^{’ipf} ‘eat up’, *vesti*^{’ipf} ‘lead’ and *videt*^{’ipf} ‘see’ are all imperfective, while *javit*^{’sja}^{’pf} ‘appear’, *sojti*^{’ipf} ‘descend’, or *s*[’]*est*^{’pf} ‘eat up’ are perfective⁴. And if one is not sure, the aspect can be looked up in any dictionary. However, for OCS the situation is more complicated. Compare the categorization of OCS equivalents of the above mentioned verbs in three studies that discuss the aspect of OCS verbs:

³ There are many different prefixes and also a number of different suffixes involved in aspect derivation. There is even a suffix (*nu-* in Russian) that creates perfective (semelfactive) verbs. I will not get into detail about these morphological nuances here, as they do not directly influence the subject of this paper.

⁴ I have handpicked these verbs to illustrate my point. My main criterion: the verb has a cognate in OCS which occurs in the three studies mentioned in Table 1.

Table 1.
Various categorizations of OCS verbs⁵

Author	Aspect			
Dostál (1954)	Pf	Pf/Ipf	Ipf/Pf	Ipf
	<i>aviti se</i>	<i>kleṭi se</i>	<i>vesti</i>	<i>avljati se</i>
	<i>sněsti</i>		<i>jasti</i>	<i>snědati</i>
	<i>sniti</i>			<i>ležati</i>
Amse-de Jong (1974)	Pf	Anaspectual		Ipf
	<i>aviti se</i>	<i>vesti</i>		<i>avljati se</i>
	<i>sněsti</i>	<i>jasti</i>		<i>snědati</i>
		<i>kleṭi se</i>		
		<i>ležati</i>		
		<i>sniti</i>		
Eckhoff, Janda (2014)	Pf			Ipf
	<i>aviti se</i>			<i>avljati se</i>
	<i>sněsti</i>			<i>jasti</i>
	<i>sniti</i>			<i>snědati</i>
	<i>vesti</i>			<i>kleṭi se</i>
				<i>ležati</i>

As the table shows, Dostál (1954) uses four different categories, Amse-de Jong (1974) three and Eckhoff, Janda (2014) only two. The relationship between the three different categorizations is also not immediately clear. For example, in the anaspectual category of Amse-de Jong there are more verbs than in both of Dostál's biaspectual categories. And the categorization by Eckhoff and Janda cannot easily be deduced from the other two either. Moreover, if one resorts to a dictionary for a definitive answer, the results differ again from all of the above. For example, the authoritative dictionary *Slovník jazyka staroslověnského* (SJS, Kurz 1958-1994) categorizes *kleṭi se* 'curse' as imperfective (as opposed to Dostál), but *vesti* 'lead' as both perfective and imperfective (as opposed to Amse-de Jong and Eckhoff, Janda). And although the *Staroslavjanskij slovar'* (SS, Cejtin 1994) categorizes the verbs in the table similarly to the SJS, in other cases the two dictionaries also differ in their understanding of the aspect of verbs⁶.

⁵ The various authors use different terminology, which is irrelevant to the discussion in this paper. Space limitations prohibit a detailed discussion of the three studies, but I will refer to the studies when I discuss my own approach to verbal aspect in OCS.

⁶ I have not compared both dictionaries systematically, but differences could be found quite easily. For example, SJS categorizes *piti* 'drink' as ipf/?pf, while SS categorizes it as ipf/pf and SJS categorizes *sniskati* 'acquire' as pf/ipf while SS calls it ipf. Thus, the answers offered by the various dictionaries are not conclusive either. This should not be surprising, given the fact that specialized studies do not arrive at identical conclusions either.

Second, as is clear from Table 1, when OCS verbs are categorized, the categorization differs from that of Modern Russian. This is especially true for simplicia like *jasti* ‘eat’, which in OCS (and Old Russian) are often regarded as biaspectual or anaspectual (cf. Růžička 1957: 100, Bermel 1997: 9), while their Modern Russian cognates are classified as imperfective. This raises the question whether prefixation of such an aspectually ambiguous verb can result in the creation of an aspect pair in OCS. The difference in categorization is not restricted to simplicia, though. Amse-de Jong (1974: 7, 126) also regards prefixed verbs like *sbniti* ‘go down’, *vъzalъkati* ‘become hungry’ or *ubojati se* as anaspectual. Hence, there is enough reason to suspect that the situation with regard to the verbal aspect system in OCS could be different from that in Modern Russian.

The central question in this paper is: *What is the role of prefixation in the OCS verbal aspect system?* A derived question is: *Does prefixation create aspect pairs like suffixation does?* To answer those questions I first need to answer the following question: *How can the aspect of a verb in OCS be established?*

I will approach these questions by means of a combination of methods which I discuss in Section 2. Section 3 summarizes the results of my analyses and Section 4 expounds the conclusions.

2. Method

2.1. Morphological categorization

Before I can address the role of prefixation and the formation of pairs, it is important to determine how aspect can be established in OCS. Just as Amse-de Jong (1974), I regard the morphological characteristics of the verb to be the best starting point for establishing its aspect, since these characteristics can be determined objectively and constitute the basis on which the derivational aspect system is built, not only in OCS, but in the modern Slavic languages as well. The relevant morphological characteristics are: prefixes, suffixes and the presence or absence of an aspect partner (cf. Maslov 1961)⁷.

On the basis of these characteristics many different groups can be distinguished in OCS, depending on how fine grained a categorization one strives for. In this paper, I analyse only four morphologically defined groups of verbs⁸.

⁷ It may not be immediately clear what ‘the presence or absence of an aspect partner’ does here. I use it to separate verbs that have a suffixed partner from verbs that do not. For example, *chvaliti* ‘praise’ is a simplex verb without a suffixed partner, which is why I categorize it differently from *aviti se* ‘appear’, which has a derived partner *avljati se* ‘appear’.

⁸ I leave a large number of verbs and their partners out of the analysis: simplex verbs with a derived partner and their partner (e.g. *aviti se* - *avljati se* ‘appear’), verbs of motion (e.g. *iti* - *choditi* ‘go’), verbs from Leskien’s class II (Leskien 1969:

The first group are the prefixed verbs of which a suffixed partner is attested (e.g. *ostaviti* ‘leave’). The second group contains the suffixed partners of these prefixed verbs (e.g. *ostavljati* ‘leave’). The verbs in these two groups form, at least in the modern Slavic languages, typical aspect pairs based on suffixation (cf. the Modern Russian pair *sostavit*^{’pf} - *sostavljat*^{’ipf} in Section 1). For these reasons I will, maybe somewhat prematurely, refer to these two groups as Perfective (*ostaviti*) and Imperfective (*ostavljati*).

The third group is formed by simplex verbs without a suffixed partner (e.g. *bojati se* ‘be afraid’). The fourth group contains prefixed verbs of which no suffixed partner is attested (e.g. *ubojati se* ‘be(come) afraid’). The status of these two groups in the verbal aspect system is less clear and the questions I want to answer in this paper relate mainly to their aspect and their pairedness. Since aspectual morphology is completely absent in the simplex verbs without a suffixed partner (*bojati se*), I will refer to them as Anaspectual. It remains to be seen whether these verbs are also functionally anaspectual, a question I will return to in Section 2.3. The fourth group has no obvious categorization, so I will simply refer to the verbs in that group as Prefixed not suffixed (Pref. no suf.).

Table 2 below contains the four groups with the number of verbs falling within each group, as well as the number of individual attestations:

Table 2.

The four groups: number of verbs and attestations⁹

Group	Verbs	Attestations
Perfective (e.g. <i>ostaviti</i>)	377	15,803
Imperfective (e.g. <i>ostavljati</i>) ¹⁰	455	3,041
Anaspectual (e.g. <i>bojati se</i>)	521	26,683
Pref. no suf. (e.g. <i>ubojati se</i>)	899	7,097

138-168) and their partners (e.g. *kanŕti* - *kapati* ‘drip’), verbs that have a deviating derivational chain with an extra derived verb (e.g. *sŕpovĕdĕti* - *sŕpovĕdati* - *sŕpovĕdovati* ‘announce’), the verb *byti* ‘be’ and, finally, verbs with two present tense stems and only one aorist/infinitive stem (e.g. *sŕkazati* ‘clarify, indicate’ with two present forms *sŕkazŕ* and *sŕkazajŕ*; cf. Kamphuis 2015). These groups are interesting with regard to the status of the verbal aspect system of OCS, but are not necessary to the analysis put forth in this paper. For a more comprehensive analysis see Kamphuis 2016.

⁹ For the data on OCS verbs I use my own database of OCS verb forms, which draws on data from Aitzetmüller (1977).

¹⁰ The number of imperfective verbs is higher than that of perfective verbs, because one can recognize a derived verb, even if the original verb is not attested (e.g. *uvraštati se* ‘turn away’ is considered a derived verb, even though **uvratiti se* is not attested). The category of perfective verbs contains only those verbs for which a derived verb is actually attested.

This morphological categorization by itself is not enough to reach a definite answer to the central question of this paper, though. One needs to take into account the behaviour of the verbs as well. Interestingly, for Amse-de Jong a morphological categorization seems to constitute a sufficient basis for a categorization of aspect. She considers only the perfective and imperfective verbs (hence pairs formed by means of suffixation) to express aspect, while she categorizes verbs in both the *bojati se* group and the *ubojati se* group as anaspectual (cf. Amse-de Jong 1974: 33-39, 126)¹¹. However, as I will show in the sections below, there are considerable differences in behaviour between the two groups, which can be connected to differences in aspect. Therefore, a mechanism is needed to check whether and to which extent the morphological categorization reflects actual aspectual differences between the verbs in the groups. To this end, first of all, I will use the method employed by Janda, Lyashevskaya (2011) for Modern Russian: grammatical profiling.

2.2. Grammatical profiling

Space considerations prohibit me from discussing the method of grammatical profiling in detail. Janda, Lyashevskaya (2011: 720-724, with references) give a clear description of the method and show that the grammatical profile of verbs can indeed be used as an indicator of their aspect (*ibidem*: 732-735). In short, differences in aspect between verbs are reflected in differences in the relative distribution of the verb forms in the attestations. Perfective verbs in Modern Russian, for example, are attested more frequently in the past tense, while imperfective verbs are attested more frequently in the present tense (*ibidem*: 733).

The relative distribution of the forms of the four OCS verb groups that I analyse in this paper can be found in Table 3 and Figure 1.

Although the differences and similarities between these grammatical profiles may be apparent from looking at the bar chart, it is not immediately clear how the profiles relate to one another. There is one test that is particularly useful for the purpose of getting a general idea of the factors behind the differences and similarities between the profiles of the various groups: the correspondence analysis (CA)¹². The CA is an analysis that makes it possible to display the variables from a contingency table in a two-dimensional graph.

¹¹ In defence of Amse-de Jong I must say that she discusses many examples and goes into detail in those discussions. So her analysis does not simply end with a morphological categorization. However, she still basically comes to the conclusion that all one needs to establish the aspect of OCS verbs is a sound morphological categorization.

¹² Eckhoff, Janda (2014) also use this test to establish the aspect of OCS verbs. The main difference between their approach and mine is that they compare individual verb profiles, while I perform the test on group profiles. The differences in outcome between our analyses (cf. Table 1, cf. section 4) are also connected to this difference in

Table 3.
Grammatical profiles of the four groups¹³

Groups:	Perfective <i>n</i> = 15803	Imperfective <i>n</i> = 3014	Anaspectual <i>n</i> = 26683	Pref. no suf. <i>n</i> = 7097
Present	21.61%	37.29%	27.71%	24.45%
Pres. ptcs	0.59%	31.86%	22.72%	6.04%
Imperfect	0.15%	16.71%	8.75%	1,17%
Inf. & Sup.	8.08%	7.89%	6.17%	6,75%
Imperative	8.59%	4.01%	5.84%	11.43%
Aorist	35.40%	1.18%	21.71%	29.18%
Past ptcs	25.58%	1.05%	7.11%	20.98%

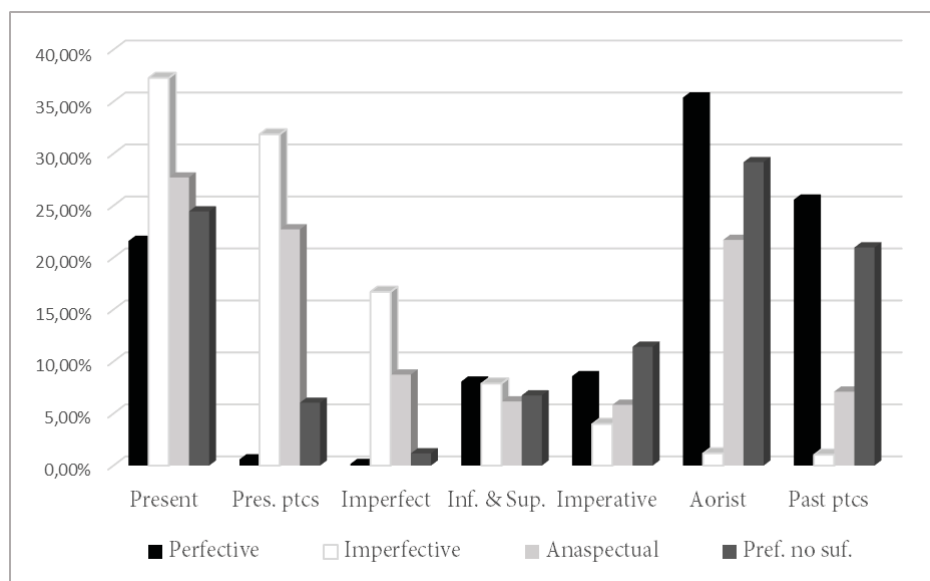

Figure 1.
Bar chart of the grammatical profiles of the four groups

approach. My approach is similar to that of Janda, Lyashevskaya (2011), who analyse profiles of predefined groups of verbs in Modern Russian.

¹³ Pres. ptcs = present participles, Inf. & Sup. = infinitive and supine, Past ptcs = past participles. I use the same clustering of forms as Eckhoff, Janda (2014), save for the fact that they exclude past active participles II (I-participles). I also ran an analysis without those forms and did not find any significant differences with the present results.

The CA I perform on the profiles of the four groups reduces the number of factors needed to explain the differences between the groups to three¹⁴. Of these three factors, the largest factor accounts for 96.4% of the variance and the second largest factor accounts for only 2.5% of the variance. The final factor accounts for a mere 1.1% of the variance. The scatter plot in Figure 2 is based on the two largest dimensions; the largest on the x-axis, and the second largest on the y-axis.

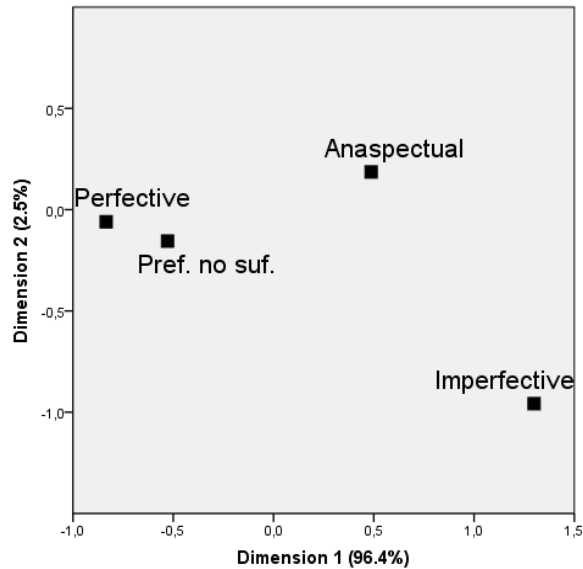

Figure 2.

Scatter plot based on the two largest factors in the CA

The largest factor, Dimension 1 on the x-axis, clearly separates the perfective (*ostaviti*) group on the left side from the imperfective (*ostavljati*) group on the right side. This is why I believe it is reasonable to call this dimension the ‘aspect dimension’¹⁵. Right in the middle between those groups on the Aspect dimension is the anaspectual (*bojati se*) group. It appears that the absence of aspectual morphology is a good indicator of the aspectual behaviour here: anaspectual verbs are not only neutral with regard to aspect in their morphology, but also when it

¹⁴ This is the maximum number of dimensions given that the formula for the maximum number of dimensions in a correspondence analysis is $\min(\text{row}, \text{column}) - 1$, which in this case is $\min(4, 7) - 1 = 3$ (4 is the number of groups in the analysis, 7 is the number of verb form categories; the maximum number of dimensions is one less than the smallest of those two, hence 4).

¹⁵ It is hard to interpret Dimension 2. Since it only accounts for 2.5% of the difference, I will disregard it in this paper.

comes to their grammatical profile¹⁶. Finally, on the left side, close to the perfective group, is the group with prefixed verbs without a suffixed partner (*ubojati sę*). Even though there is some distance from the perfective group, the position on the aspectual dimension seems to indicate that prefixation largely acts as perfectivization in OCS. Table 4 contains the scores on the aspect dimension of the various groups:

Table 4.
Scores on the aspect dimension

Group	Aspect dim. score
Perfective (<i>ostaviti</i>)	-0.834
Imperfective (<i>ostavljati</i>)	1.299
Anaspectual (<i>bojati sę</i>)	0.487
Prefixed no suffixed (<i>ubojati sę</i>)	-0.529

To determine whether the differences between the groups are significant, I used a chi-square test of independence. I tested the groups pairwise, the null hypothesis being that the profiles and the morphologically defined groups are independent (there is no significant difference between the groups) and the alternative hypotheses that profiles and the morphologically defined groups are not independent (there is a significant difference between the groups).

The tests showed significant differences between all pairs. However, given the large amount of data used in this study, the probability of a significant result is very high. This does not reveal much about the size of the difference, though. To assess the size of the effect, I also calculated the Cramér's V value for all pairwise comparisons, the results of which can be found in Table 5. The customary rule of thumb for the interpretation of the Cramér's V value, as Janda, Lyashevskaya (2011: 731, with references) use it, is: 0.1 is a small effect size, 0.3 is a medium effect size and 0.5 is a large effect size.

¹⁶ One of the anonymous reviewers remarked that when this anaspectual group would have consisted of both perfective and imperfective verbs, the profile would have been similar to what it is now, which is true (if perfective and imperfective verbs would have been present in relatively equal frequency, which is not necessarily the case, cf. Table 2). However, the verbs in this group share the feature that they are not inherently terminative (Kamphuis 2016:205-214), and terminativity is a prerequisite for perfective verbs in OCS and, more generally, in Slavic (cf. Barentsen 1995, Lindstedt 1995, Tomelleri 2010). Hence, there are no perfective verbs in this group, which could have evened out the profile. If one then would want to argue that all verbs in this group are imperfective, one would have to explain the significantly different profile compared to the derived imperfective verbs in the imperfective group. I stand by the analysis in Kamphuis (2016) that the verbs that, based on the absence of aspectual morphology, are categorized in the anaspectual group, do not express grammatical aspect at all and are therefore not restricted by their aspect when it comes to their behaviour (cf. also Section 2.3 below).

Table 5.
Cramér's V values for the pairwise chi-square tests

Group 1	Group 2	Cramér's V ¹⁷
Perfective (<i>ostaviti</i>)	Imperfective (<i>ostavljati</i>)	0.731
Perfective (<i>ostaviti</i>)	Anaspectual (<i>bojati se</i>)	0.472
Perfective (<i>ostaviti</i>)	Pref. no suf. (<i>ubojati se</i>)	0.188
Imperfective (<i>ostavljati</i>)	Anaspectual (<i>bojati se</i>)	0.380
Imperfective (<i>ostavljati</i>)	Pref. no suf. (<i>ubojati se</i>)	0.637
Anaspectual (<i>bojati se</i>)	Pref. no suf. (<i>ubojati se</i>)	0.357

The Cramér's V values show that even though there are significant differences between all groups, the size of the effect differs greatly. The largest effect size of around 0.7 is, as one would expect, between the perfective and imperfective verbs. The effect sizes that emerge from the pairwise tests of the perfective and imperfective groups with the anaspectual group give an effect size of around 0.4, which in this dataset is a medium effect. The effect size in the test comparing perfective verbs with prefixed verbs without a partner is 0.188, which is the smallest difference in this dataset. The Cramér's V values correspond nicely to the differences in distance between the groups as seen in Figure 2, showing that that graphical representations is a reliable depiction of the relationship between the grammatical profiles of the five groups, especially when one only considers the aspect dimension (on the x-axis).

Even though the group profiles appear to be a reliable indicator of aspect, a semantic analysis is needed to understand how this difference emerges in the usage of these verbs. Moreover, a semantic analysis could also provide insight into what it means that the anaspectual verbs hold the middle position between the perfective and imperfective verbs and why the prefixed verbs without a suffixed partner are so close to the perfective verbs on the aspect dimension, but still somewhat more towards the imperfective side of the dimension. Finally, a semantic analysis could provide information regarding the pairedness of anaspectual verbs (*bojati se*) and prefixed verbs without a derived partner (*ubojati se*).

¹⁷ I found that the Cramér's V value tends to be smaller with increasing differences in group size. Since in this study some of the groups differ greatly in size, I corrected for the unequal group size in a simulation where the ratio between the groups was made to be 1:1, by reducing the size of the largest group to the size of the smallest group. As long as the ratio between the groups is the same, N does not influence the Cramér's V value. Unfortunately, I have not been able to find any information in the literature regarding this specific problem of decreasing Cramér's V values with increasing differences in group sizes.

2.3. Semantic analysis

Dostál (1954), who relies mainly on a semantic analysis to establish the aspect of individual verbs (and even individual attestations), attaches great importance to the functions of the present tense. An important criterion for distinguishing perfective verbs is the use of the perfective present to express futurity (Dostál 1954: 45). I will use this as a starting point for the semantic analysis of the four groups¹⁸.

To establish the frequency with which verbs in the four groups in this paper express futurity, I collected all indicative future forms in the Greek Gospel texts and compared those forms to the OCS translations to see which groups are mainly responsible for the translation of Greek future forms¹⁹. Table 6 contains the outcomes:

Table 6.
Frequencies of translation of Greek future forms

Group	Number of examples
Perfective (<i>ostaviti</i>)	914
Imperfective (<i>ostavljati</i>)	22
Anaspectual (<i>bojati se</i>)	250
Prefixed no suffixed (<i>ubojati se</i>)	417

In this table, the division of the future function between perfective and imperfective present is quite clear: the perfective present is the standard choice in the translation of Greek future forms, while the imperfective present only rarely occurs in that function. Imperfective verbs appear to be largely incompatible with the expression of futurity in OCS. However, as the table shows, anaspectual verbs, as well as the prefixed verbs without a suffixed partner, are compatible with this function.

When a perfective present is used, it often concerns a future event, like in the following example (and I could add numerous others)²⁰:

¹⁸ In the present paper, I will limit myself to an analysis of some examples of the use of the present tense. Kamphuis (2016) gives more examples and includes other verb forms in the analysis, which support the analysis in the present paper.

¹⁹ I counted the translations of the Greek future forms in the following codices: *Zographensis*, *Marianus*, *Assemanianus*, *Savvina Kniga*.

²⁰ The present tense form *razorjo* ‘I will tear down’ in this example could also be considered perfective, considering it is a form of the simplex *razoriti* ‘tear down’ which has a derived partner *razarati* ‘tear down’. In this paper, however, I leave such verbs out of consideration.

- (1) *i reče se **stvori**ž^{pres} . razorjō žitъnicō mojo . i bolъšō **svziždō**^{pres} . i **svberō**^{pres} tu žita moē . i dobro moe [Z, M, A, Sk]²¹*
 then he said, “This is what I **will do**: I will tear down my barns and *build* larger ones, and there I **will store** all my grain and my goods” (Luke 12:18)²²

There are very few examples of imperfective verbs translating a Greek future form, as shows Table 6. When such examples occur, there are specific reasons for the deviation from the general rule that the perfective partner is chosen in this context. For example, in some cases it concerns generalized utterances. This is also the case in the following example with a future form of *byti* ‘be’ and two imperfective present tense forms, one of *poimati se* ‘be taken’ and one of *ostavljati se* ‘be left’²³:

- (2) *gl[agol]jō že vamъ . vъ tō noštъ **bōdete**^{fut} dvъva . na loži edinomъ . edinъ **poemletъ**^{pres} sę a drugy **ostavlěetъ**^{pres} [Z, M]*
 I tell you, on that night there will be two in one bed; one will be taken and the other will be left (Luke 17:34)²⁴

In example (2) the theme is not one particular event, but rather a general rule of how life will be at a certain point in time, a context that is very compatible with imperfective aspect such as it is in modern Slavic languages. In this case the futurity of the events can also easily be inferred from the context. I should note, though, that it rarely happens that such a general interpretation overrules the standard way of translating a Greek future tense with a perfective present, even though the context often provides enough clues for a future interpretation.

In general, imperfective verbs are frequently used to express habituality or general truths, like in the following example:

²¹ OCS examples are given in transliteration. Accents and titlos are omitted and abbreviations are dissolved by inserting the missing letters in parentheses, e.g. b[og]ъ ‘God’. For all examples I indicate from which source they originate, immediately after the example, in square brackets. For these sources I use the following abbreviations: Z = *Zographensis*, M = *Marianus*, A = *Assemanianus*, Sk = *Savvina Kniga*. Whenever an example occurs in more than one OCS codex, the first codex mentioned is the codex from which the example is taken. The examples are almost never completely identical between codices, but I regard them as identical whenever the verb form(s) concerned is (are) similar. The verb form that is discussed is printed in boldface and is glossed: aor = aorist, fut = future, pres = present.

²² English translations of OCS Bible quotations are from the New American Standard Bible 1995. The translations of the OCS forms at issue are printed in italics.

²³ In my interpretation, the reflexive pronoun *se* is ‘shared’ by the two imperfective verbs. The forms of *byti* that I refer to as future forms (*bōdō* ‘I will be’, *bōdeši* ‘you will be’) could also be regarded as a second present tense form, which often have a future interpretation. The other present tense forms are *jesmъ* ‘I am’, *esi* ‘you are’ etc.

²⁴ In the following two verses there are more examples of a present tense of *ostavljati* ‘leave’ translating a Greek future form in a similar context.

- (3) *ni vlvajotv^{pres} vina nova . vь męchy vetęchy [M]*
nor do people **put** new wine **into** old wineskins (Matthew 9:17)

Another context in which imperfective verbs are found is the actual present, a present tense used to refer to an event that is going on at the moment of speech:

- (4) *otręšajotvema že ima žręba . ręšę g[ospo]dъe ego kъ nima . čyto otręšavta^{pres} žręba [Z, M]*
as they were untying the colt, its owners said to them, “Why **are** you **untying** the colt?” (Luke 19:33)

It is interesting to see that anaspectual verbs are used in all the contexts I discussed above. Compare the following example in which two anaspectual present tenses, of the verbs *jasti* ‘eat’ and *piti* ‘drink’ respectively are used to refer to a future event, next to a perfective present tense of the verb *odęti* ‘dress’:

- (5) *ne pęcęte sę ubo g[[agol]ošte . čyto ęmv^{pres} li čyto piemv^{pres} . li čimv odeždemv sę^{pres} [Z, M, A, Sk]*
do not worry then, saying, “What **will** we **eat**?” or “What **will** we **drink**?” or “What **will we wear** for clothing?” (Matthew 6:31)

The Greek original of example (5) has subjunctive aorist forms, which have a future meaning, something that also in OCS is clearly indicated by the use of the perfective present of *odęti*. However, there is no reason to interpret the two anaspectual present forms as perfective, simply because of the fact that they refer to a future event. In this respect I disagree with Dostál (1954: 126, 142) who regards these present tense forms as expressing perfective aspect because of their future reference²⁵. Anaspectual verbs are quite frequent in the translation of Greek future forms, but they are more comparable to Modern Czech *budeme jisti^{ipf}* ‘we will eat’ or *budeme piti^{ipf}* ‘we will drink’, than they are to *najime^{pf} se* or *napijeme^{pf} se* (cf. *ibidem*). Thus it appears that, even though imperfective verbs are indeed largely incompatible with the expression of futurity, the frequent usage of anaspectual verbs to refer to future events disqualifies this usage as a test of perfectivity.

A generalized context, on the other hands, is not watertight proof of imperfectivity either. Anaspectual verbs also occur in generalized contexts next to im-

²⁵ Dostál (1954: 126, 142) translates the OCS example with Modern Czech future forms, but even though he considers this example to express typical perfective usage, he first gives a translation with imperfective forms: *Co budeme jisti^{ipf} a co budeme piti^{ipf}*, which seems to catch the essence of both the Greek and the OCS well. However, to account for his analysis of these verbs expressing perfective aspect in this context, he adds the following alternative translation with perfective verbs: *čeho se najime^{pf} a napijeme^{pf}*, which apparently is not his preferred translation. Dostál’s uncertainty about the rendering of the OCS example in Modern Czech, indicates that this approach, in which the context is used to determine the aspect of an individual attestation, is problematic.

perfective verbs, like the anaspectual present tense form *ědětъ* ‘they eat’ in the following example:

- (6) *po čyto učenicu tvoi přestopajotъ^{pres} . předaanie starъcbъ . ne omyvajotъ^{pres} bo rokbъ svoičbъ . egda chlěbъ ědětъ^{pres} [Z, M]*
 why do Your disciples **break** the tradition of the elders? For they **do** not **wash** their hands when they **eat** bread (Matthew 15:2)

In this example the present tense of *jasti* ‘eat’ is used in a similar generalized context as the present tense forms of the imperfective verbs *prěstopati* ‘break’ and *omyvati* ‘wash’. Another comparable example is the present tense of anaspectual *slyšati* ‘hear’ next to the present tenses of imperfective *razuměvati* ‘understand’, and *vъschyštati* ‘snatch away’:

- (7) *vsekbъ iže slyšitъ^{pres} slovesa c[ěsa]r[ъstvi]ě . i ne razuměvaetъ^{pres} . prichoditъ²⁶ nepriěznъ . i vъschyštaetъ^{pres} sěanoe vъ srъdъci ego [Z, M]*
 when anyone **hears** the word of the kingdom and **does** not **understand** it, the evil one **comes** and **snatches** away what has been sown in his heart (Matthew 13:19)

Anaspectual verbs are also quite frequent in the actual present (cf. example 4), as in the following example:

- (8) *i gl[agol]aste ei ona . ženo čto plačešъ^{pres} se [M, A]*
 and they said to her, “Woman, why **are** you **weeping**?” (John 20:13)

And while perfective verbs do occur from time to time in generalized context (Kamphuis 2016: 171-172), they never do in the actual present (*ibidem*: 174-176), which is a context which is exclusively shared between imperfective and anaspectual verbs. Similarly, perfective verbs are never used with phase verbs, unlike imperfective and anaspectual verbs²⁷. The examples above show that anaspectual verbs are compatible with both typical perfective and typical imperfective functions and contexts. This must have to do with the fact that these verbs do not express aspect. In other words: the morphologically anaspectual verbs turn out to be functionally anaspectual as well. Verbs that do express aspect (be it perfective or imperfective) become apparently more strongly compatible with some contexts, while they become less compatible, or probably even incompatible with other contexts. According to Lehmann (1999: 227) the development of aspect pairs in Russian can be described in terms of *Expansion*, the development of aspect pairs which almost doubles the verb inventory, and *Reduktion*, the redistribution of syntactic

²⁶ I leave the present tense of *prichoditi* (*prichoditъ*) in this example out of consideration (cf. fn. 8).

²⁷ There is one exception to that rule, cf. Kamphuis (2016:139). In *Zographensis* and *Marianus* we find perfective *lišiti se* ‘be impoverished’ after *načētъ* ‘began’ in Luke 15:14, while *Assemanianus* and *Savvina Kniga* have the imperfective partner *lišati se*.

environments and functions over the expanded verb inventory. This redistribution is exactly what the OCS examples show as well, not only with regard to usage, but also in the grammatical profiles. Anaspectual verbs, on the other hand, do not suffer from these restrictions and are therefore, in principle, compatible with all contexts and show the most equally distributed grammatical profile²⁸.

Prefixated verbs without an attested suffixed partner are, again, a different story. Even though Amse-de Jong categorizes these verbs as anaspectual, they behave like verbs from the perfective group for the largest part. The grammatical profile in section 2.2 already indicates similarity with perfective verbs and the semantic analysis confirms this: a present tense form from a verb in this group normally has future reference, like in the following example with a present tense of *vb̄splakati* ‘cry, start crying’:

- (9) *i t̄gda vb̄splač̄ot̄ s̄e vb̄sě kolěna zeml̄skaě [M, A, Sk]
and then all the tribes of the earth **will mourn** (Matthew 24:30)*

However, a closer examination of the group reveals that not all verbs in this group behave in a similar fashion. For example, the present tense of prefixated *vb̄zležati* ‘lie at the table’ in the following example is used to refer to an ongoing event:

- (10) *i se žena vb̄ gradě . ěže b̄e gr̄š̄bnica . i uv̄ěd̄v̄ši ěko vb̄zlēžit̄ vb̄ chramin̄e faris̄ov̄e . prines̄ši alavast̄ m̄’ura [...] nač̄et̄ močiti noz̄e ego [Z, M, A]
and there was a woman in the city who was a sinner; and when she learned that He **was reclining** at the table in the Pharisee’s house, she brought an alabaster vial of perfume [...] and began to wet his feet (Luke 7:37-38)*

The profile of the verb *vb̄zležati* is also not typically perfective with only attestations of present tense, imperfect and present active participles (and no aorists or past participles which are so common in perfective verbs, cf. Table 3 and Figure 1). And there are other verbs with similar behaviour and profiles as *vb̄zležati*: *poslušati* ‘listen, obey’, *odr̄žati* ‘contain, surround’ and *pr̄ě̄bležati* ‘lie in front of, be in front of’. Analysis of the deviating profiles in this group shows that there is a number of simplicia that appear to never result in perfective compounds when they are prefixated: *d̄žati* ‘do’, *dr̄žati* ‘hold’, *ležati* ‘lie’, *slušati* ‘hear’, *stojati* ‘stand’ and *vid̄eti* ‘see’²⁹. When the profiles of these verbs are left out of the analysis (leaving a group of 858 verbs with 6,249 attestations),

²⁸ The lexical content of an anaspectual verb may have an influence on the forms and functions it occurs in, but that is on a different level. In general, the fact that a verb is anaspectual does not result in any restrictions.

²⁹ There may be other families like the prefixated formation of *ristati* ‘run’ and *p̄vati* ‘hope’, but these are the clearest cases with more than one prefixated formation per simplex and a relatively large number of attestations, making it possible to judge the profile.

a comparison of the grammatical profile with that of the perfective verbs still results in a significant difference. However, Cramér's V is now only 0.100, which is a small effect size, strongly reduced compared to the effect size of 0.188 (cf. Table 5) with the profiles of the deviating verbs included.

Finally, prefixed verbs like *vъzplakati* 'cry, start crying' and *ubojati se* 'be(come) afraid' do not form aspect pairs with the simplicia that are their basis. The simplicia remain anaspectual and occur in both typical perfective and imperfective contexts, as I have demonstrated above. In a number of cases this results in the anaspectual verb competing with the prefixed verb in the same context³⁰. Instances of such competition can be found when comparing the various OCS Gospel codices, which are based on the same Greek original, but from time to time show variation in their choice of verb, like in the following example:

- (11) *slyšavъ že jako archilai c[ěsar]rъstvuetъ vъ ijudei . vъ iroda město o[tъ]ca svoego . boja se^{aor} tamo iti [Sk]*
slyšavъ že . ěko archilai c[ěsar]rъstvuetъ vъ ijudei . vъ iroda město o[tъ]ca svoego . uboja se^{aor} tamo iti [A]
 but when he heard that Archelaus was reigning over Judea in place of his father Herod, he **was** [became, my translation] **afraid** to go there (Matthew 2:22)³¹

Incidentally, similar examples of competition can also be found between anaspectual verbs and perfective verbs, hence verbs that have a suffixed partner, like *vъzmošti* 'be able' which has a derived partner *vъzmagati* 'be able', or *osōditi* 'judge', which has a derived partner *osōždati* 'judge' in the following examples:

- (12) *eiže ne vъzmogetъ^{pres} protiviti se i otvěštati . vsi protivljějoštei se vamъ. [Z, M, A]*
eiže ne mogetъ^{pres} protiviti se i otvěštati . vsi protivljějoštei se vamъ. [Sk]
 which none of your opponents **will be able** to resist or refute (Luke 21:15)

³⁰ There are examples of competition with imperfective verbs as well, however, they are less relevant for the present discussion.

³¹ The variation in the OCS manuscripts is, in this case, not due to variants in the Greek original, so it can be contributed to language internal competition. According to the *The Center for New Testament Textual Studies New Testament Critical Apparatus* as consulted in the Bible software program *Bibleworks 9*, in Matthew 2:22, almost all Greek manuscripts have the indicative aorist ἐφοβήθη, with no serious variants except for one scribal error. The same is true for the Greek original in examples (12) and (13). In (12) Greek manuscripts have the indicative future δυνήσονται, with one manuscript replacing the word for another lexical item, and one with vowel confusion. Finally, in (13) the Greek manuscripts have the indicative future κρινῶ, with one manuscript showing minor orthographical confusion. This is not to say that variation between OCS manuscripts can never be explained by, or at least coincides with, the Greek original. An interesting examples can be found in Matthew 9:2, where a difference between an imperfective and a perfective present tense coincides with, and might be explained by, variant readings in Greek with an indicative present tense in Codex Sinaiticus and Codex Vaticanus, while the majority of texts have an indicative perfect (Kamphuis 2016: 174).

- (13) *отъ устъ твоичѣ създѣ^{pres} тѣ* [M, A]
отъ устъ твоичѣ осъздѣ^{pres} тѣ [Z]
 by your own words I **will judge** you (Luke 19:22)

Even though there are likely to be subtle differences in meaning between the prefixed and simplex verbs in these examples, the fact that they compete in the translation of the same Greek forms (both futures and aorists) indicates their functional similarity. This shows that a redistribution of contexts and functions between anaspectual verbs and prefixed formations does not take place, or is in any case different from that between imperfective and perfective verbs.

3. Summary

In this paper I combined various approaches to determining verbal aspect in order to reach a conclusion regarding the aspect of four groups of OCS verbs and the role of prefixation in the language. I started out by categorizing groups of verbs on the basis of aspect morphology. This is similar to what Amse-de Jong (1974) does, and results in a categorization of all OCS verbs into various large groups of verbs. Of these groups, I picked four groups of verbs to be analysed more closely in this paper: perfective, imperfective, anaspectual and prefixed verbs with no attested suffixed partner.

The next step was to determine whether the morphological characteristics of these groups of verbs indicate something about aspectual differences. I did this by means of grammatical profiling. Eckhoff, Janda (2014) also use this method for OCS, however they skip the step of categorizing groups and start out comparing individual profiles, which for a large part explains the differences between their results and the results in the present study. I followed Janda, Lyashevskaya (2011) in comparing the grammatical profiles of morphologically predefined groups of verbs. From the correspondence analysis, a clear aspect dimension emerged. This dimension nicely separated the perfective (*ostaviti*) and imperfective verbs (*ostavljati*) on opposite sides, with the anaspectual verbs (*bojati se*) in the middle and the prefixed verbs with no suffixed partner (*ubojati se*) close to the perfective verbs.

Finally, a semantic analysis of individual examples, like Dostál (1954) uses, was necessary to establish whether the differences found by comparing the profiles of the morphologically categorized groups are reflected in the actual usage of individual verb forms. For this semantic analysis I concentrated mainly on the use of present tense forms and found that perfective present forms are by far the preferred form when it comes to future reference, while imperfective present tense forms are almost never used in that function. Imperfective present tense forms are often used in a generalized function and also occur in the actual present. Anaspectual present tense forms, again, hold a middle position, just as

with the grammatical profiling; they appear in both typical perfective and typical imperfective contexts.

The prefixed verbs with no suffixed partner show a profile that is very comparable to the perfective group's profile. Functionally they show the same characteristics as well: present tense forms generally express futurity in this group. However, it turned out that the group contains a sub-group of verbs of which the present tense is not used to refer to future events. A closer analysis of individual profiles revealed that these verbs also have a deviating profile when compared to the other verbs in this group. I therefore excluded them from the group and reran the chi-square test for this group and the perfective group, which resulted in an even smaller effect size compared to the relatively small effect size found in the first analysis.

Interestingly, the fact that these prefixed verbs with no suffixed partner behave as perfective verbs does not automatically result in their simplex counterparts becoming incompatible with the contexts in which the prefixed verbs occur, as show the examples (11) through (13), where simplex verbs compete with their prefixed counterparts. This sets these 'pairs' of anaspectual verbs and their prefixed formations apart from the perfective and imperfective aspect pairs where there is a distribution of forms, contexts and functions between the two partners.

4. Conclusions

The first question in the paper that needed an answer was: *How can the aspect of a verb in OCS be established?* I have shown that a combination of methods, starting with a morphological categorization, followed by the comparison of the grammatical profiles of the thus defined groups and a semantic analysis of individual examples (and when necessary also individual verb profiles), provides reliable results. The perfective (*ostaviti*) and imperfective (*ostavljati*) verbs emerge as prototypical aspect groups, making it possible to categorize other groups, like the anaspectual verbs (*bojati se*) and the prefixed verbs with no suffixed partner (*ubojati se*) based on their (dis)similarity with the grammatical profiles and usage patterns of the perfective and imperfective groups.

The central question that I posed at the beginning of this paper was: *What is the role of prefixation in the OCS verbal aspect system?* In the light of the results of the various analyses, it is safe to say that prefixation in OCS generally equals perfectivization. More research is needed to explain why in certain verbs this perfectivization does not occur.

Finally, I posed the following question: *Does prefixation create aspect pairs like suffixation does?* In other words: is a pair like *ostaviti - ostavljati* 'leave' equal to a pair like *bojati se - ubojati se*? In the light of what I have demonstrated for the anaspectual verbs (their position on the aspect dimension, their compatibility with typical perfective and imperfective contexts and their competition with perfective verbs), it appears that these verbs are truly anaspectual and not imperfec-

tive. In that sense prefixation does not create aspect pairs like suffixation does, because, although it creates a perfective verb, the original verb stays anaspectual. In this regard OCS differs from Modern Russian for which Janda, Lyashevskaya (2011) demonstrate that the profiles of the simplicia with a prefixed partner do not differ significantly from those of imperfective verbs that are formed by means of suffixation. In the light of the above, I can give my own categorization of OCS verbs as an alternative to the categorizations given in Table 1:

Table 7.
My categorization of OCS verbs (cf. Table 1)

Perfective	Anaspectual	Imperfective
<i>aviti sę</i>	<i>vesti</i>	<i>avljati sę</i>
<i>sъnĕsti</i>	<i>jasti</i>	<i>sъnĕdati</i>
<i>sъniti</i>	<i>klĕti sę</i>	
	<i>ležati</i>	

The only difference with the categorization by Amse-de Jong is the verb *sъniti*, which in my categorization is perfective, while it is anaspectual in Amse-de Jong's. This is, however, no trivial difference. First of all it concerns almost 900 verbs, with over 7000 attestations. Moreover, the principle difference with the analysis by Amse-de Jong is that even though the aspect pairs in which the imperfective partner is derived from a perfective verb are the prototypical perfective and imperfective verbs, other groups of verbs, which have not been included in the analysis for this paper, can be analysed as perfective and imperfective as well based on their behaviour and are not automatically anaspectual (cf. Kamphuis 2016: 315).

It would be interesting to apply the methods used in the paper to modern Slavic languages, to see whether the tripartition of perfective, imperfective and anaspectual is present there as well.

Bibliography

- Aitzetmüller 1977: R. Aitzetmüller, *Belegstellenverzeichnis der altkirchenslavischen Verbalformen*, Würzburg 1977.
- Amse-de Jong 1974: Tine H. Amse-de Jong, *The Meaning of the Finite Verb Forms in the Old Church Slavonic Codex Suprasliensis: A Synchronic Study*, The Hague 1974.

- Barentsen 1995: A. A. Barentsen, *Trechstupenčataja model' invarianta soveršennogo vida v rusckom jazyke*, in: St. Karolak (pod red.), *Semantika i struktura slavjanskogo glagol'nogo vida*, 1, Kraków 1995, 1-26.
- Bermel 1997: N. Bermel, *Context and the Lexicon in the Development of Russian Aspect*, Berkeley, Los Angeles-London 1997.
- SS: R.M. Cejtin, R. Večerka, E. Blagova (eds.), *Staroslavjanskij slovar' (po rukopisjam X-XI vekov)*, Moskva 1994.
- Comrie 1976: B. Comrie, *Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*, Cambridge 1976.
- Croft 2012: W. Croft, *Verbs: Aspect and Causal Structure*, Oxford 2012.
- Dahl 1985: Ö. Dahl, *Tense and Aspect Systems*, Oxford 1985.
- Dostál 1954: A. Dostál, *Studie o vidovém systému v staroslověštině: Z prací Slovanského ústavu Československé akademie věd*, Praha 1954.
- Eckhoff, Janda 2014: H. M. Eckhoff, L. A. Janda, *Grammatical profiles and aspect in Old Church Slavonic*, "Transactions of the Philological Society", 112 (2), 2014, 231-258.
- Gvozdanić 2012: J. Gvozdanić, *Perfective and imperfective aspect in*: R. I. Binnick, (ed.), *The Oxford Handbook of Tense and Aspect*, Oxford 2012, 781-802.
- Isačenko 1960: A.V. Isačenko, *Grammatičeskij stroj russkogo jazyka v sopostavlennii s slovackim. Čast' vtoraja: Morfoložija*, Bratislava 1960.
- Janda, Lyashevskaya 2011: L. A. Janda, O. Lyashevskaya, *Grammatical profiles and the interaction of the lexicon with aspect, tense and mood in Russian*, "Cognitive Linguistics", 22 (4), 2011, 719-763.
- Kamphuis 2015: J. Kamphuis, *Exploring verbal aspect in Old Church Slavonic*, in: R. Benacchio (ed.), *Glagol'nyj vid: grammatičeskoe značenie i kontekst* [Die Welt der Slaven, Sammelbände, 56], München 2015, 283-296.
- Kamphuis 2016: J. Kamphuis, *Verbal Aspect in Old Church Slavonic*, Unpublished PhD dissertation, Leiden University, 2016.
- Kurz 1958-1994: J. Kurz (ed.), *Slovník jazyka staroslověšského/Lexicon linguae palaeoslovenicae*, Praha 1958-1994.
- Lehmann 1999: V. Lehmann, *Sprachliche Entwicklung als Expansion und Reduktion*, in: T. Anstatt (Hrsg.), *Entwicklungen in slawischen Sprachen*, München 1999, 169-254.

- Leskien 1969: A. Leskien, *Handbuch der albulgarischen Sprache: Grammatik – Texte – Glossar*, Heidelberg 1969⁹.
- Maslov 1961: Ju.S. Maslov, *Rol' tak nazывaemoj perfektivacii i imperfektivacii v processe vzniknovenija slavjanskogo glagol'nogo vida*, in: V.V. Vinogradov (pod red.), *Issledovanija po slavjanskomu jazykoznaniju*, Moskva 1961, 165-195.
- Růžička 1957: R. Růžička, *Der Verbalaspekt in der altrussischen Nestorchronik* [Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik, 14], Berlin 1957.
- Smith, 1997: C. S. Smith, *The Parameter of Aspect*, Dordrecht 1997.
- Sreznevskij 1893-1906: Izmail I. Sreznevskij, *Materialy dlja slovarja drevnerusskovo jazyka po pis'mennym pamjatnikam*, Sankt-Peterburg 1893-1906 (Reprint Graz 1971).
- Szemerényi 1987: O. Szemerényi, *The Origin of Aspect in the Indo-European Languages*, "Glotta", 65, 1987, 1-18.
- Tomelleri 2010: V. S. Tomelleri, *Slavic-style aspect in the Caucasus*, "Suvremena Lingvistika", 69, 2010, 65-97.

OCS editions used

- Jagić 1879: V. Jagić (ed.), *Quattuor Evangeliorum Codex Glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolianus*, Berlin 1879 (Reprint Graz 1954).
- Jagić 1883: V. Jagić (ed.), *Quattuor Evangeliorum Codex Marianus Glagoliticus*, Berlin 1883 (Reprint Graz 1960).
- Kurz 1955: J. Kurz (ed.), *Evangeliarium Assemani: Codex Vaticanus 3 Slavicus Glagoliticus*, Tomus II, Praha 1955.
- Ščepkin 1903: V. Ščepkin (ed.), *Savvina kniga*, Sankt-Peterburg 1903 (Reprint Graz 1959).

Abstract

Jaap Kamphuis

The Role of Prefixation in Old Church Slavonic

In this paper, I analyse the role of prefixation in the Old Church Slavonic (OCS) verbal aspect system. More specifically, I ask the question whether prefixation has a similar

role as suffixation in the creation of the so-called aspect pairs. To be able to answer these questions, I first need to establish how the aspect of OCS verbs can be determined. For that purpose, I use a combination of methods: morphological categorization, grammatical profiling and semantic analysis. With this approach I am able to establish various characteristics of prototypical perfective and imperfective verbs and subsequently compare them with other verbs. I conclude that although prefixation in most cases equals perfectivization in OCS, it does not create aspect pairs like suffixation does. This is mainly because of the fact that many simplex verbs, which in modern Slavic languages are mostly regarded as imperfective, in OCS are aspectual, even when prefixed formations exist.

Keywords: Verbal aspect, Old Church Slavonic, prefixation, suffixation, aspectual

Cross-linguistic considerations on preverb stacking (with special reference to Bulgarian)*

Alessio Muro

1. Introduction

Preverbatation is a cross-linguistically common strategy languages use to derive complex verbal bases from various types of verbal roots. It is a subtype of prefixation: preverbs are prefixes with mainly adverbial semantics, first and foremost spatial; they can also specify manner (with meanings such as ‘together’) or quantify a core argument (e.g. ‘all’ or ‘one by one’). Some preverbs tend to become lexicalized, forming morphologically more or less opaque and semantically unitary combinations with their host lexical roots. Other preverbs grammaticalize, taking on the function of telicity operators in addition to their original meaning. A further step is the bleaching of the adverbial meaning of some preverbs, which further evolve into pure telicity operators or markers of aspectual meanings (most especially the perfective viewpoint). The exceptional degree of productivity of this last grammaticalization stage is what makes the Slavic languages unique, as is well known.

However, there is also another respect under which the Slavic languages are unique, a phenomenon that is less well studied: *preverb stacking* (PS), i.e. the simultaneous occurrence of two or more preverbs on a single verbal base. This phenomenon is very ancient within the Indo-European language family, as we will see. It is also attested in non-Indo-European languages as far as Central America (Cora, see further). In this paper I will show various types of PS to be

* Research for this paper was made possible by a 12-month grant within the PRAT project *Slavic verbal aspect: grammaticalization in a comparative and typological perspective*, carried out at the University of Padua (2013-2015) under the supervision of Rosanna Benacchio, for whose guidance and unwavering support I am extremely grateful. Special thanks are also due to Bulgarian colleagues Svetlana Slavkova, Laska Laskova, Ilyana Krapova, and Spas Rangelov, as well as the fellow members of the ASP research group at the University of Padua: Luisa Ruvoletto, Malinka Pila, Nika Zoričić. For helpful advice and discussion I am also indebted to Ivana Trkulja, Francesca Fici, and the participants in the *Rol’ prefiksov* conference, especially Peter Arkadiev and Stephen Dickey. I benefited greatly from the comments of two anonymous reviewers. The usual disclaimers apply.

found in different languages, paying special attention to processes of lexicalization at work between the inner preverbs and their host roots or between members of compound preverbs. We will devote special attention to Bulgarian, a language where PS is exceptionally productive. However, the comparison between the Bulgarian data and superficially similar data from other Slavic languages such as Russian will also show that PS is not just a marginal phenomenon; rather, it is important in order to delineate the aspectual profile of a particular Slavic language, since superficially similar preverb strings trigger different syntactic configurations in terms of the *perfective* vs. *imperfective* dichotomy.

2. PS in a typological perspective

2.1. Non-Slavic Indo-European languages

Apart from the innermost preverbs (which can function as telicity operators), preverbatization contributes a semantic content which in most cases is spatial in nature. The only non-spatial adverbial meaning found in several Indo-European languages outside of the Slavic branch is, to my knowledge, ‘together’ (cf. Gothic, Lithuanian, Greek, Sanskrit). Let us consider the following sentences from the Gothic and the *koiné* Greek versions of the New Testament (John 18:15)¹:

- (1) *sa=h* *þan* *siponeis* ... *mip-inn-ga-laiþ* (Gothic)
 that:M:NOM:SG=and then disciple:NOM:SG ... **together-in-off-went**:3SGS
mip *iesua* **in** *rohsn* *þis* *gudjins*
with J:DAT **into** palace:ACC:SG the:M:GEN:SG high.priest:GEN:SG
 ‘(And then) that disciple ... went in with Jesus into the palace of the High Priest.’

In the above example, the form *mip-inn-ga-laiþ* shows the stacking of no less than three preverbs: the innermost one, *ga-*, appears to be lexicalized (we have forms like *galeiþan* ‘start, depart’ or with other preverbs, but we never find **leiþan* alone in the Gothic corpus)². The other two preverbs, *mip-* and *inn-*, on the other hand, show totally different syntactic properties: they are both doubled by independent PPs, headed by their corresponding prepositions (*mip* and *in*, respectively).

¹ The following abbreviations are used in morpheme glosses: 1, 2, 3 – persons of verbal agreement; A – agent; ACC – accusative; AOR – aorist; CIS – cislocative; COMPL – completive; DAT – dative; DECL – declarative; DISTR – distributive; F – feminine; GEN – genitive; IMP – imperative; INF – infinitive; INGR – ingressive; ITER – iterative; M – masculine; NARR – narrative; NOM – nominative; PL – plural; REFL – reflexive; S – subject; SG – singular; STAT – stative. Superscript P,I in Slavic forms indicate perfective and imperfective aspect.

² Cf. German *mit-be-gleiten*, where *-gleiten* in turn comes from *ge-leiten* ‘to escort’.

b'. <i>hr̥</i>	‘take, bear, fetch, carry, bring’
<i>ā-hr̥</i>	‘fetch, bring, offer, deliver, bring, put on, use, utter, speak’
<i>vy-ā-hr̥</i>	‘pronounce, mention, converse, call by name, confess’
<i>ab^hi-vy-ā-hr̥</i>	‘utter, pronounce, converse about sth’
<i>sam-ab^hi-vy-ā-hr̥</i>	‘mention together; associate together’

As can be noted, the addition of each preverb causes a semantic drift in the meaning of the whole verbal base: in (4a), *ā-* functions mainly as a telicity operator, but a few idiosyncratic semantic extensions can also be observed, as can be seen from the translations. The further addition of *anu-* and *sam-* are however only compatible with the basic interpretation (‘grasp’). The addition of *sam-* without *anu-*³, instead, has the effect of making new idiosyncratic meanings appear once again. This shows that conventionalization is at play at each and every stage of preverbatation, which seems to point in the direction suggested by Papke, i.e. that preverbatation proceeds incrementally, one layer at a time. In (4b) we can see a partly similar situation: *ā-* may function as a mere telicity operator or else generate a whole array of secondary meanings, only some of which pertain to the field of thought and speech. The addition of *vi-*, *ab^hi-*, and *sam-*, instead, restricts the semantics of the complex base exclusively to the linguistic field (i.e. one of the secondary meanings, unlike 4a): the resulting base *samab^hivyāhr̥* is used exclusively in metalinguistic discourse. Again, the consistent semantic shift associated with each layer of preverbatation seems to indicate some degree of lexicalization at each stage; the preverbs seem not to be added simultaneously, but incrementally, and most likely at different chronological stages.

To conclude our (partial) survey of PS in Indo-European languages, it will be interesting to have a quick look at the situation exhibited by a language belonging to the branch that is most closely related to Slavic: Baltic. Let us consider the following Lithuanian data (Nevins, Joseph 1993:95-96):

(5) a. <i>žin-ti</i>	b. <i>pa-žin-ti</i>	c. <i>pri-pa-žin-ti</i>	(Lithuanian)
know-INF	/PA/-know-INF	in.front -/PA/-know-INF	
‘to know (sth)’	‘to know (sb)’	‘to acknowledge, admit, recognize’	

Surprisingly, we find that PS is not productive at all in Baltic: (5c) is one of an extremely limited set of examples⁴. Moreover, stacks of more than two prefixes are not found in Baltic. In (5b), the prefix *pa-* restricts the set of possible objects to humans only (simultaneously triggering an inchoative reading of the

³ In Sanskrit preverbs ending in *-i* and *-u* (such as *ab^hi-*, *vi-*, *anu-*) are subject to a *sandhi* rule according to which the final vowel of the preverb is replaced by the homorganic semiconsonant (thereby yielding *ab^hy-*, *vy-*, *anv-*).

⁴ I am grateful to Peter Arkadiev for bringing this fact to my attention.

verb). In (5c), *pri-* adds the meaning ‘publicly’⁵. The derivation of (5c) clearly presupposes the lexicalization of (5b), which functions as its starting point.

2.2. PS in Native America

The ability of preverbs to stack is not confined to the Indo-European language family. The phenomenon is also attested in different areas such as the Americas. In Cora, a Southern Uto-Aztecan language spoken in Mexico, we can observe a quite elaborate system of preverbs⁶. These quite often come in stacks of two or three units, and quite often the semantics of the stacks is not strictly compositional. Let us consider the following example, taken from a narrative about a female toad (Casad 1984:457):

- (6) *ma-ra-’a-n-’i-tí* (Cora of El Nayar)
 DECL:3PLS-DISTR-**outside-on.top-up**-carry
 ‘They picked her up *in their hands*.’

The translation mentions an implied concept (‘in their hands’); the nominal expression for ‘hands’ is *m’áhka’a*, in Cora, but this form does not appear in (6). Similar observations can be made about (7):

- (7) *ú pú=é’-e-h-n’eeri-’i*
 there DECL:3SGS=**far.away-outside-on.slope**-be.in.sight-STAT
 ‘[The sky] *over there above the town* is (all) lit up.’

Again, the translation shows that a town is intended as a part of the background, but no explicit mention of the ‘town’ (*čah*) is made. We can thus see that conventionalization and lexicalization play an important role in the preverb system of this language.

Even more noteworthy is that in (6) and (7) we can also observe two different types of predicates: while the situation described in (6) is dynamic, (7) describes a stative concept (clearly marked so by the stative suffix). This is a contrast to all

⁵ As my Bulgarian consultants observed, a strikingly similar verb *pri-po-znaja* exists in Bulgarian (cf. also Slovene and Serbo-Croatian *pri-po-znati*). The absence of any known contacts between Southern Slavs and Lithuanians, together with the absence of similar forms in Northern Slavic languages like Russian, might be indicative of a possible Proto-Balto-Slavic origin of the form at issue.

⁶ Casad (1982:216-218) and Casad, Langacker (1985:247) list 17 basic prefixes for Cora: *á’-* ‘far away’, *u-* ‘inside’, *a-* ‘outside’, *ii-* ‘CISLOCATIVE’, *uu-* ‘TRANSLOCATIVE’, *h-* ‘on slope’, *n-* ‘on top’, *wa-* ‘EXTENSIVE/DISTRIBUTIVE’, *va’a-* ‘coming over’, *ra-* ‘on face’, *’i-* ‘up’, *ka-* ‘down’, *ta-* ‘across’, *’a-* ‘in middle’, *na-* ‘on edge’, *ku-* ‘around’, *ra’a-* ‘around a corner’.

the other examples we have considered so far, and it means that we can also expect the strings of preverbs in the two examples to perform different functions: in (6) the preverbs describe a *complex path*, whereas in (7) we have a case of PS used to represent the extensional domain of a *static location* configuration. This case is by no means rare in the language, as (8) illustrates:

- (8) a. *a-h-ká-n'eeri-'i*
outside-on.slope-down-be.in.sight-STAT
 'From a string of lights along the top, [the wall] is all lit up going downwards to its foot.'
- b. *a-n-tá-n'eeri-'i*
outside-on.top-across-be.in.sight-STAT
 'From a source at one side of the river, it is all lit up going across the water to the opposite bank.'
- c. *a-n-ʔí-n'eeri-'i*
outside-on.top-up-be.in.sight -STAT
 'It is all lit up around there at the top of the hill.'
- d. *a-i-ré'e-n'eeri-'i*
outside-cis-at.corner-be.in.sight-STAT
 'By a source coming from behind the house, it is all lit up at the corner of the house.'

In these examples, the addition of stacks of preverbs does not alter the meanings of the verbal bases: all the forms describe configurations of static location. This suggests that the lexicalization process, in cases such as these, might have affected the strings of preverbs, rather than the base and each preverb incrementally.

PS of the Cora type, which allows for the expression of static location as well as complex paths, though unusual from an Indo-European point of view, is found elsewhere in America. I can report an example from Pawnee, a Caddoan language genetically unrelated to Cora (Mithun 1999:372):

- (9) *ri-kata-iri-itik*
 NARR:3A-**against-horizontally**-hold
 'She holds (her/him) in her bosom.'

We can thus hypothesize that the use of PS for defining the extensional domains of static situations could be an areal trait typical of the Americas. However, given the paucity of our data, this remains to be proven by further research.

Another more general difference between PS in the two native American languages we have seen and Indo-European languages is the fact that the preverb systems of Cora and Pawnee bear no etymological relation to their adpo-

sition systems: Cora preverbs are rather related to adverbs (a situation which reminds of Hungarian), whereas for Pawnee it is even questionable whether the language has adpositions at all (see the discussion on the closely related Wichita in Baker 1996).

3. PS in Bulgarian

As already hinted at in the introduction, in some languages preverbs grammaticalize, evolving into telicity operators or aspectual markers. Slavic languages are the most typical example of this process.

PS too is especially productive in Slavic, and most especially in some Southern languages such as Bulgarian. Focusing on the colloquial language, Istratkova (2004) claims that up to seven preverbs can stack on some verbal bases. Atanasova's (2011) study of the Bulgarian National Corpus yielded forms with up to four preverbs, while Rojzenzon's (1974) monograph on PS in a cross-Slavic perspective reports forms with five preverbs. This number is what my research yields, too: despite a few differences in the opinions expressed by the sources and some disagreement among speakers, my consultants seem to agree on the fact that the Bulgarian language can tolerate quite well stacks of up to five preverbs on a given root, as in (10) below (L. Laskova, p.c.; see also Istratkova 2004):

(10) *iz-po-na-pre-raz.kazacha*

COMPL-DISTR-CUMULATIVE-ITER-narrate^P:AOR:3PLS

'[They] retold everything little by little.'

In this form, the perfective base *kaz-* ('to show') is modified by the lexical prefix *raz-* ('around') to yield the meaning 'tell, narrate'. The form thus obtained is further modified by the repetitive *pre-*, after which the addition of the fixed quantifying preverb sequence *iz-po-na-* takes place. In this sequence, the cumulative *na-* teams up with the external completive *iz-* to yield the idea of an action affecting a massive amount of material (*na-*) and carried out until the complete exhaustion of the object (*iz-*). The distributive *po-* further adds the concept of an action performed incrementally.

The study of PS in Bulgarian involves different levels of analysis, as shown by Atanasova (2011): there are formal issues, such as which preverbs take part in stacking, how many elements a stack can include, and in which order they can appear. But there are also semantic issues, such as the problem of the lexicalization of *compound preverbs* like *o-po-* in *o-po-vestjavam!* 'to announce, proclaim'. Other semantic issues are *iteration* (where a preverb appears twice in a stack, as in the sequence *po-po-*), and *variable ordering* (as in *iz-po-draskvam!* 'to scratch all over' vs. *po-iz-draskvam!* 'to scratch a little'). In what follows, a discussion of these issues will be provided.

3.1. Formal issues

Atanasova (2011) is a descriptive study of literary Bulgarian. It analyses 2,680 verbal forms with multiple prefixes, mainly taken from *Bălgarski Tălkoven Rečnik*, plus additional material from the Bulgarian National Corpus (<http://search.dcl.bas.bg/>), as well as other sources.

Preverbatation in contemporary Bulgarian involves 18 preverbs: *v-/vǎ-, vǎz-, do-, za-, iz-, na-, nad-, o-/ob-, ot-, po-, pod-, pre-, pred-, pri-, pro-, raz-, s-/sǎ-, u-*⁷. All of these except *v-/vǎ-* and *ot-* can be found as a second-layer preverb (or further to the left) in PS constructions. Other prefixal morphemes (such as *zad-, prez-, bez-*) are not involved in PS. As with the other Slavic languages, most Bulgarian preverbs are etymologically related to prepositions; exceptions are *pre-, pro-* and *raz-*.

PS can occur with various types of verbal bases (Atanasova 2011):

- A. Underived verbal bases: *po-na-gleždam*^l ‘keep an eye on sb’
- B. Nominal bases: *o-po-vestjavam*^l/*o-po-vestja*^p ‘announce, proclaim, publish’ (cf. *vest* ‘news’)
- C. Derived verbal bases: *raz-o-čarovam*^{l,p} ‘dispel, disappoint’ (cf. *o-čarovam*^{l,p} ‘enchant’, denominal, from *čar* ‘spell’)
- D. Bound verbal roots: *vǎz-pri-émam*^l/*vǎz-pri-éma*^p ‘perceive, agree’ (cf. *priemam*^l/*priema*^p ‘receive, accept, give shelter’, but *emvam*^l/*emna*^p ‘take, catch, attack’)

With simple, underived verbal bases (Type A) the preverbs may be added either incrementally or as a lexicalized preverb compounds. The semantic drift, if there is any, may be slight, and it is not always clear whether a given combination of preverbs forms a compound or not. In Type B the preverbs are clearly added as a compound, as a singly-prefixed form **po-vestjavam*^l does not exist. Types C and D are instead by definition cases of incremental preverbatation (a simple stem **čarovam*^l is not available for Type C, nor is an underived form **emam*^l available for Type D).

Atanasova’s approach provides an insightful, fine-grained classification methodology for dealing with PS as the phenomenon manifests itself in Bulgarian. However, a few observations are in order. The author correctly excludes from her study verbs formed by prefixed nominal roots, such as *o-bezcvetjavam*^l/*o-bezcvetja*^p ‘bleach, discolor’ (*cvjat* ‘color’ > *cvet-en* ‘colored’ > *bez-cvet-en* ‘bleached’ > *o-bez-cvet-ja* ‘to bleach’⁸). Loan verbs with etymological preverbs are also not considered (quite understandably).

⁷ The common Slavic prefixes **vy-* and **nizь-* do not have productive reflexes in modern Bulgarian.

⁸ It must be noted that in forms such as *o-bez-cvetja* only *o-* is a *preverb* in our sense, *bez-* being a negative *prefix* that modifies an adjectival stem at an intermediate stage of the derivation of the form at issue. Thus, we cannot speak of PS in this form.

On the other hand, the author does not deal with the negative prefix *ne-* in the combination *ne-do-*, since this prefix is not a preverb *strictu sensu* (verbs such as *ne-do-viždam!*/*ne-do-vidja*⁹ ‘be short-sighted’ are not considered instances of PS). Problems may emerge if this assumption is carried on to the level of cross-Slavic comparison, however, since we have formations like OCS *vъz-ne-na-viděti* ‘despise, hate’ (Rojzenzon 1974:152). Even though we can agree with the author that *ne-* is not a preverb, this element does in fact take part in PS in OCS (and other Slavic languages). Most likely, it forms compound preverbs with the elements occurring to its immediate right: OCS *vъz-[ne-na-]viděti* could then be analyzed as an instance of double preverbatation, and Bulgarian *[ne-do-]viždam* as an instance of single preverbatation.

3.2. Semantic issues

3.2.1. LEXICAL/SUPERLEXICAL DISTINCTION. Following Smith’s (1991/1996) distinction between *lexical* (perfectivizing or resultative) and *superlexical* (phasal or adverbial) preverbs, Istratkova (2004) proposes that only the innermost preverb in a stack can be lexical, all the others being superlexical. The meanings of superlexical preverbs are given as follows by Istratkova (2004:312)⁹:

(11) BULGARIAN SUPERLEXICAL PREVERBS (ISTRATKOVA 2004):

<i>pre-</i>	‘to do again’
<i>raz-</i>	‘to do in excess, to the very end, in many directions’
<i>na-</i>	cumulative; requires plural or mass nominal arguments
<i>po-</i>	distributive over subjects and objects
<i>iz-</i>	‘to do completely’
<i>po-</i>	attenuative: ‘do to a certain extent, with low intensity’
<i>za-</i>	‘to begin’
<i>do-</i>	‘to finish’
<i>po-</i>	delimitative: ‘do for a while’

As can be noticed, *po-* is listed three times (with three different semantic values). The semantic range covered by Bulgarian superlexical preverbs varies somewhat with respect to other Slavic languages: e.g. the perdurative *pro-* and the saturative *na-* found in Russian have no Bulgarian counterpart.

3.2.2. PREVERB COMPOUNDS. The distinction between PS on *derived verbal* vs. *nominal* bases is of crucial importance, since it allows to distinguish two

⁹ The list of superlexical preverbs reported is not to be conceived as a hierarchy in Cinque’s (1999) sense. Istratkova (2004:318), however, does in fact propose such a hierarchy for Bulgarian. See further (3.2.3, 3.2.4 and the conclusions) for specific issues relevant to phenomena suggestive of hierarchical properties.

key procedures giving rise to PS: *recursive/incremental preverbatation* vs. *adjunction of compound preverbs*. Derived verbal bases can build stacks of prefixes incrementally, i.e. for the doubly prefixed verb *po-vāz-māžeja^P* ‘become a little more virile’ we also have a corresponding verb *vāz-māžeja^P* ‘become a man’, with one single preverb. Things are different with *o-po-vestja^P* ‘announce, proclaim’, for which no equivalent **po-vestja* exists in Bulgarian, as we have seen. The class of compound preverbs can be determined precisely. Atanasova (2011) reports 18 combinations: *iz-pre-*, *o-na-*, *o-po-*, *o-pre-*, *ob-za-*, *po-do-*, *pod-s-/sā-*, *pre-o/ob-*, *pred-u-*, *raz-po-*, *raz-pre-*, *raz-pro-*, *s-po-*, *sā-pri-*, *sā-v-*, *u-s-*, *za-o/ob-*, *za-v-*. The preverbs *vāz-*, *ot-* and *nad-* do not form compound preverbs.

The semantic value of some of these prefixal compounds can be compositional. An example is *iz-pre-* (numerous.agents-prolonged/tiresome.action): *iz-pre-vārvjam^I se/iz-pre-vārvja^P se* ‘for many or all to go, passing one after another’. As a further example, we can quote *za-o/ob-* (INGR-extensive.action): *za-ob-lačavam se/za-ob-lača se^P* ‘become cloudy, overcast’. Other compounds instead seem to be processed as a unit, not compositionally. This seems to be the case of the string *sā-v-* (‘for the agents to perform the action simultaneously’ or ‘to turn out to be the same as sb or sth’): *sā-v-padam^I/sā-v-padna^P* ‘concur, clash, coincide’. Another such string is *pred-u-* (‘action is performed before a given limit’): *pred-u-preždavam^I/pred-u-predja^P* ‘forewarn, admonish’.

The innermost preverbs of a stack (generated by *primary prefixation*) can express meanings related to space as well as aspectuality and some adverbial functions (such as i.a. the *attenuative*).

The preverbs occupying the second slot (generated by *secondary prefixation*) can also express such types of meanings, but locative concepts are drastically reduced.

The third (and fourth) preverb layers show a further semantic reduction, with the aspectual meanings being reduced to phase-related concepts; the adverbial meanings such as the *attenuative* are predominant in this domain.

In some cases, the polysemy of a base verb can be inherited by the PS construction (e.g. *po-za-silvam^I se/po-za-silja^P se* I. ‘to become a little stronger’; II. ‘to walk a little faster’). Quite often, though, PS contributes to restricting the semantics of a verb. The prefixed verb *ot-minavam^I/ot-mina^P* has four meanings: A. ‘to go away from sth/beyond sth’; B. ‘to pass by without stopping or greeting sb’; C. ‘to ignore, pay little attention’; D. ‘for a pain/illness to disappear’. But, as Atanasova (2011) notes, *po-ot-minavam^I/po-ot-mina^P* is only compatible with meanings A and D (i.e., it can only mean ‘to go a little further away from sth’ or ‘for an illness/pain to decrease a little’). This situation reminds of the Sanskrit facts illustrated by Papke (2010) and seen above.

3.2.3. ITERATION. There are only four preverbs that can undergo iteration in Bulgarian (*po-*, *iz-*, *pre-*, *o-/ob-*). We can talk about two types, differing in terms of adjacency:

- A. Adjacent: *po-po-gleždam^l* ‘have a look every now and then’
 B. Non-adjacent: *pre-raz-pre-deljam^l/pre-raz-pre-delja^p* ‘redistribute, replan’

Iteration is merely *formal*, never *semantic*: the sequence [*po-po-*] in *po-po-gleždam^l* conveys a distributive sense that can be ascribed either to the outer preverb (which could be placed in a hierarchically higher position in the derivation, as Istratkova claims) or the preverb sequence as a whole (since distributivity features are commonly expressed by the iteration of a morpheme, cross-linguistically). The inner preverb seems to be delimitative, rather than attenuative¹⁰. In *pre-raz-pre-deljam^l*, on the other hand, the inner *pre-* is lexical and the outer one iterative. There are also combinations of different prefixes with very similar meanings, which at first sight might be taken as suggestive of semantic iteration¹¹:

- (12) *technologijata, po kojato se pre-váz-pro.iz.vežda edin takáv artefakt*
 the.technology by which REFL ITER-ITER-produces^l one such artifact
v dnešno vreme, ne dava vázmožnostta toj da bǎde na sto procenta
 in nowadays time not gives^l the.possibility it that will.be by 100 percent
ednakǎv po kriterii kato teglo, razmeri [...]
 identical on criteria like weight dimensions [...]
 ‘The technology by which such an artifact is reproduced nowadays does not allow [the copy] to be 100% identical (to the original) in terms of criteria such as weight, size [...]

The form *prevázproizvežda se* ‘it is reproduced’ shows four preverbs stacked on the root $\sqrt{\text{ved}}$ ‘lead’ (which continues OCS *vesti* and only in some dialects surfaces as a pair *veda^p/veždam^l*): the preverbs of the first two layers are however lexicalized, as is evidenced by the semantic drift (*iz-veda^p/iz-veždam^l* ‘take out, lead’ > *pro-iz-veda^p/pro-iz-veždam^l* ‘produce, carry out, promote’). The preverb *váz-* in *váz-pro-iz-veda^p/váz-pro-iz-veždam^l* ‘reproduce, renew’ indicates the production of an object similar to an original, whereas *pre-* can be taken to mean ‘again, anew’, or else it could emphasize the idea of similarity to the original already expressed by *váz*¹². Anyhow, we cannot speak about semantic iteration, even in such cases.

Turning our attention to other Slavic varieties, there is even one attested case of what seems to be the non-adjacent iteration of a preverb stack similar to the one seen in (12). It is described as the Perm dialect of Russian, as recorded in the 1930s (SRNG 6:27, cited in Ludwig 1995):

¹⁰ This could be a counterexample to Istratkova’s (2004) claim that the delimitative *po-* does not allow for stacking.

¹¹ Example accessed through Google on 4/17/2015.

¹² I am indebted to the judgements of Ilyana Krapova and Svetlana Slavkova on this point.

- (13) a. *nado izbušku vyspovyizobichodit'*
 necessary little.izba.F.SG.ACC clean.up.well:INF
 'We must clean up well our little *izba*.' (6 preverbs!)

a'. [*vy-iz-|po-|vy-iz-|obi-chodit'*
 [COMPL-COMPL-]DISTR-[COMPL-COMPL-]around-walk

I analyze the form *vyspovyizobichodit'* as a case of a compound preverb made up of two different completive preverbs (*vy-+iz-*) and added to a base containing a lexicalized preverb (*obi-chodit'* 'tidy up'); the compound preverb seems to be iterated after the merger of a distributive *po-*. The overall impression one gains from this form is that we have to do with nothing less than 6 preverbs, even though the synchronic operations at play seem to be no more than 3. The iteration of the completive preverbs, once again, could be explained as the expression of a distributivity feature, with no need to hypothesize semantic iteration.

3.2.4. VARIABLE ORDERING. When two preverbs appear stacked in reverse order on the same verbal base, one of three semantic effects may obtain:

- A. Antonymy: *iz-po-draskvam*^l/*iz-po-draskam*^P 'to scratch all over' vs. *po-iz-draskvam*^l/*po-iz-draskam*^P 'to scratch a little'.
 B. Idiosyncratic drifts (due to lexicalization): *pre-za-pisvam*^l/*pre-za-piša*^P 're-register' vs. *za-pre-pisvam*^l 'begin to transcribe/rewrite'.
 C. Synonymy: *iz-na-draskvam*^l/*iz-na-draskam*^P 'to scratch all over' vs. *na-iz-draskvam*^l/*na-iz-draskam*^P 'id.'.

The antonymy effect seems to fall out neatly from Istratkova's (2004) hierarchy of superlexical preverbs:

- (14) HIERARCHY OF SUPERLEXICAL PREVERBS (ISTRATKOVA 2004):

attenuative *po-* > *za-* > *do-* > ***iz-*** > **distributive** *po-* > *na-* > *raz-* > *pre-* > superlexical prefix/semelfactive suffix > lexical prefix > VP

The hierarchy predicts that *po-* in *iz-po-draskvam* and *po-iz-draskvam* should spell out two different syntactic projections (distributive in the former case and attenuative in the latter): given the meanings reported for the two forms as reported above, the prediction seems to be borne out¹³.

However, we must distinguish grammaticalization from lexicalization: whereas the former is likely to generate hierarchy effects, the latter is apparently at work in the remaining cases described above. The problem is too complex to be dealt with in this paper, but the first step toward a solution should be a thorough semantic analysis of each form involved.

¹³ I am grateful to an anonymous reviewer for drawing my attention to the possibility of a hierarchy effect in the point at issue.

3.3. PS and viewpoint aspect

The issue of *viewpoint aspect*, as applied to verbs with PS, has been a matter of controversy. The most widely accepted guiding principle is that the last added aspectually relevant affix (including suffixes) determines viewpoint: thus, from *piša^l*, we obtain *na-piša^p*. Is then the prefix *na-* a marker of perfective viewpoint (cf. Istratkova 2004)? Once we obtain the secondary imperfective *na-pis-v-am^l*, what will be the viewpoint value of a form with PS like *pre-na-pis-v-am* ‘rewrite’? This form differs from *na-pis-v-am* only for the presence of an additional preverb. But if preverbs are markers of perfectivity, this form should be perfective. As a diagnostic test, Atanasova (2011) constructs a sentence where the polyprefixed verb is used in a negative imperative context:

- (15) *ne pre-na-pisvaj teksta otnačalo, a redaktiraj samo*
 not rewrite^{l:IMP:2SG} the.text from.the.start but edit^{l:IMP:2SG} just
sāotvetnite mesta, kato se sāobraziš s posočenite beleški
 the.relevant places like REFL comply^{p:IMP:2SG} with the.indicated comments
 ‘Don’t rewrite the text right from the start, just edit the relevant passages, so you comply with the enclosed comments.’

Because a negative imperative context excludes the perfective viewpoint in Bulgarian, the form must be considered imperfective.

As noted by Istratkova (2004), then, stacked preverbs do not uniformly contribute to perfectivity in Bulgarian. The so-called *perfectivizing* preverbs actually *quantize* the predicate; preverbs from the second layer on are all superlexical. In this respect, Bulgarian differs from other Slavic languages such as Russian, Ukrainian and Polish¹⁴. Ludwig (1995) shows how these languages do in fact allow some outer prefixes to perfectivize a singly-prefixed verb, even when the base verb is imperfective. To see this, we can consider the Russian aspectual pair *na-birat^l/na-brat^p* ‘gather a lot, assemble’: a further preverbation layer results not in an aspectual pair, but rather in two aspectually equivalent perfectives: *po-na-birat^p=po-na-brat^p* ‘to gather a lot, little by little’. This situation is a contrast to Bulgarian, where *po-na-biram^l/po-na-bera^p* can be argued to form a pair with opposite aspectual values. In Russian, Polish, and possibly also in Ukrainian, this phenomenon of *reperfectivization of imperfective prefixed verbs* mainly happens with *po-* and *na-*. As Tatevosov (2008) notes, reperfectivization even involves verbal bases with PS and the secondary imperfectivization suffix *-(y)vat^l*, if the second preverb has been merged after the suffix, as in [*na-[[za-pis]^p-yv^lat^l]^p*] *diskov* ‘record a lot of CDs’. In other words, for Russian one has to know the history of a particular form to know its aspectual value; such a problem does not exist in Bulgarian.

As far as the interactions between viewpoint aspect and PS are concerned, then, we have thus unveiled an important difference between languages like Rus-

¹⁴ I am grateful to Francesca Fici for helpful discussion on this point.

sian and Polish on the one hand and Bulgarian on the other hand: while in Russian and Polish PS some preverbs of the second layer and higher can still maintain their perfectivizing/quantizing force, preverbs of these layers are aspectually inert in Bulgarian (as Istratkova 2004 and Atanasova 2011 show). This means that PS can actually take part in defining the aspectual profile of any Slavic language.

4. Conclusions

The cross-linguistic considerations on the phenomenology of PS exposed in this paper show that the Slavic preverb system, although unique in the constellation of its properties, works according to principles which are not unique to Slavic, especially as far as the grammaticalization of aspectual meanings is concerned. Given the high degree of similarity between the phonological shapes of preverbs and adpositions in Indo-European languages generally, it is tempting to equate the two systems: in the case of Slavic, this means equating preverbs with prepositions. On a typological level, however, we must bear in mind that the Indo-European phenomenology is a rare case, and that the most privileged interaction of the category of preverbs is with adverbs. Even so, a grammaticalization path leading from preverbs to markers of aspectual meanings can be observed in typologically very different languages: in Cora (Casad 1984) the spatial preverbs *wa-* ‘throughout’ and *ta-* ‘across’ often function as perfectivizers (or quantization/telicity operators?). They can even stack in the sequence *wa-ta-* to emphasize the completion of an event.

In a cross-linguistic perspective, Indo-European PS obeys a semantic constraint: it is limited to dynamic predicates. The mechanism by which it is generated is mainly the (incremental) conventionalization and lexicalization of compounds of preverbs and verbal bases. The phenomenon may well go back to the proto-language, but we cannot know whether other mechanisms (such as the formation of compound preverbs) were already active at that stage. In any case, it is only in the Slavic languages that PS developed into the phenomenon we can observe now. In these languages, preverbs extended their semantics, very likely entering more than one grammaticalization path; these paths determined their evolution from spatial particles to superlexical preverbs, and from telicity markers to markers of quantization and, later on, perfectivity.

These paths, however, seem to have taken different directions in different languages such as Bulgarian and Russian: superlexical preverbs, in particular, have not gained any quantizing or perfectivizing power in Bulgarian, whereas they have in Russian. This difference is responsible for the tendency of Russian PS to be associated with perfectivity, whereas Bulgarian PS tends to be aspectually inert.

Some phenomena, such as variable preverb ordering and iteration, may be explained by means of a hierarchy, as proposed by Istratkova (2004). This approach is promising; however, working out the details of the cross-Slavic (as well as cross-Indo-European and more generally cross-linguistic) variation in the

domain of PS is a task that will require intensive research at the levels of both morphosyntax and semantics.

Bibliography

- Atanasova 2011: A.N. Atanasova, *Poliprefigirani glagoli v sãvremennija bãlgarski knižoven ezik*, Ph.D. diss., Bãlgarska Akademija na Naukite, 2011.
- Baker 1996: M. C. Baker, *The Polysynthesis Parameter*, Oxford 1996.
- Casad 1982: E. H. Casad, *Cora Locationals and Structured Imagery*, Ph.D. diss., U. of California, San Diego 1982.
- Casad 1984: E. H. Casad, *Cora*, in: R. W. Langacker (ed.), *Studies in Uto-Aztecan grammar 4: Southern Uto-Aztecan grammatical sketches*, Arlington, TX, SIL & University of Texas 1984, 155-459.
- Casad, Langacker 1985: E. H. Casad, R. W. Langacker, 'Inside' and 'outside', in *Cora grammar*, "International Journal of American Linguistics", 51 (3), 1985, 247-281.
- Imbert 2010: C. Imbert, *Multiple preverbatation in Homeric Greek: a typological insight*, "Cognitextes", 4, 2010, <<http://cognitextes.revues.org/387#text>>.
- Istratkova 2004: V. Istratkova, *On Multiple Prefixation in Bulgarian*, "Nordlyd", 32 (2), 2004, 301-321, <<http://septentrio.uit.no/index.php/nordlyd/issue/view/8>>.
- Ludwig 1995: J. Ludwig, *Multiply Prefixed Verbs in Russian, Polish, and Ukrainian*, Ph.D. diss., Indiana University, 1995.
- Mithun 1999: M. M. Mithun, *The Languages of Native North America*, Cambridge 1999.
- Nevins, Joseph 1993: J. A. Nevins, B. D. Joseph, *Wackernagel affixes: evidence from Balto-Slavic*, "Yearbook of Morphology 1992", 1993, 93-111.
- Papke 2010: J. K. P. Papke, *Classical Sanskrit Preverb Ordering: A Diachronic Study*, Ph.D. diss., Ohio State University, 2010.
- Rojzenzon 1974: L.I. Rojzenzon, *Mnogoprstavocnye glagoly v russkom i drugich slavjanskich jazykax*, Samarkand 1974.
- Smith 1991/1996: C. S. Smith, *The Parameter of Aspect*, Dordrecht 1991¹/1996².
- SRNG 6: AA.VV., *Slovar' russkich narodnych govorov*, vol. 6, Leningrad 1970.

- Tatevosov 2008: S. Tatevosov, *Intermediate prefixes in Russian*, in: A. Antonenko, C. Bethin, J. Baylin (eds.), *Formal approaches to Slavic linguistics 2007*, Ann Arbor 2008, 423-442.

Abstract

Alessio Muro

Cross-linguistic considerations on preverb stacking (with special reference to Bulgarian)

The term *preverb stacking* (PS) designates the co-occurrence on one verbal base of two or more prefixes bearing spatial, aspectual, or quantificational meanings. The phenomenon is best known from its high productivity in the Slavic languages. However, PS is also attested in several other Indo-European branches, and it is found even in genetically unrelated and geographically remote languages. This paper will provide a first attempt at a cross-linguistic typology of PS, but it will also pay special attention to problems typical of Slavic languages (such as the interaction of PS and the aspectual value of the verb in terms of the typically Slavic *perfective* vs. *imperfective* dichotomy). Special attention will be paid to Bulgarian, where the phenomenon is especially productive.

Keywords: Preverbs, verbal prefixes, stacking, aspect, Bulgarian

Аспектуальные антиномии в русском языке (на славянском фоне)

Елена В. Петрухина

1. Вступление: об антиномиях в категории глагольного вида и видовых теориях

В статье рассматриваются некоторые антиномии в устройстве категории глагольного вида в русском языке, порождающие противоречия в видовой теории. Основное внимание уделено вопросу о видовой парности глаголов в русском языке (на славянском фоне).

В российской лингвистике М. В. Пановым разработана теория внутриязыковой эволюции, в которой было показано, что в основе языкового развития находятся механизмы ряда антиномий – узуса и языковой системы, кода и текста, говорящего и слушающего, означаемого и означающего, антиномия двух функций языка – информационной и экспрессивной (Панов 2007: 17-23):

В языке существует качественно своеобразная борьба противоположностей, которая и определяет его саморазвитие. Эти противоположности можно назвать языковыми антиномиями, так как каждое конкретное разрешение любой из этих противоположностей порождает новые столкновения, новые противоречия в языке (в принципе – того же порядка) и, следовательно, их окончательное разрешение невозможно: они – постоянный стимул внутреннего развития языка. Таким образом, антиномии рассматриваются как противоречия, присущие самому объекту (Панов 2007: 17).

Для изучения категории вида наибольшее значение имеет учет антиномий между означаемым и означающим, между узусом и языковой системой, которые реализуются в системе более частных противоречий, характеризующих особенности языка как знаковой системы естественной природы. «Узус ограничивает использование языковых единиц и их сочетаний; живые потребности речевого употребления заставляют постоянно прорывать цепь этих ограничений, используя возможности, заложенные в языковой системе» (Панов 2007: 18). В данной статье рассматриваются антиномии между разными (лексическими, словообразовательными и грамматическими) способами выражения аспектуальной семантики глаголов, между правилами

употребления видов и инвентарем форм для реализации данных правил. Учет данных антиномий позволяет объяснить особенности организации видовой системы и видообразования в русском языке.

2. Двухкомпонентные и однокомпонентные видовые теории

Важной особенностью славянского вида является возможность выражения одной и той же денотативной ситуации двумя однокоренными глаголами разного вида (видовой парой), связанными словообразовательными и грамматическими отношениями и различающимися лишь темпоральной схемой представления данной ситуации. Такая трактовка соотношения лексических и видовых характеристик глагола соответствует двухкомпонентной теории вида, в которой реализуется идея «последовательного различения акциональных и видовых значений» (Татевосов 2015: 29). С точки зрения двухкомпонентного подхода предложения типа *Джон ел яблоко* и *Джон съел яблоко* «описывают, хотя и под разными углами зрения, одну и ту же ситуацию». А для однокомпонентных видовых теорий характерно представление о том, что подобные предложения «содержат в своем означаемом разные ситуации» (там же: 31). В качестве примера однокомпонентной теории С.Г. Татевосов приводит трактовку категории вида в русском языке, изложенную в работе (Зализняк, Шмелев 2000), где содержание видовых граммем определяется в акциональных терминах (т.е. без разграничения собственно грамматической и акциональной семантики): глаголы СВ всегда обозначают события, а глаголы НСВ могут обозначать состояния, процессы и события (Зализняк, Шмелев 2000: 36; Татевосов 2015: 31). В своих исследованиях мы придерживаемся двухкомпонентной видовой теории, а именно двухкомпонентной трактовки предела и предельности в славянских языках, в которой разграничиваются лексический и грамматический типы предела.

3. Противоречия в теории предельности

Известно, что термины «предел» и «предельность» в аспектологии используются неоднозначно: 1) в связи с характеристикой лексико-грамматического класса предельных глаголов (обоих видов); 2) при определении категориального значения СВ как актуализации временной границы действия – предела, по В.В. Виноградову (Виноградов 1972: 394). Разграничение грамматической (связанной с граммемой СВ) и лексической (вернее, лексико-грамматической) предельности считаем принципиальным вопросом для изучения категории вида в славянских языках. Неоднозначность термина «предел» отмечала М. Гиро-Вебер, считая поэтому, что он неудачен для описания аспектуальной системы русского языка: «термин “предел” ста-

новится [...] двузначным: имеется ли в виду та критическая точка, к которой естественно направлены некоторые действия и которая завершает их протекание во времени, или внешняя граница, не имеющая ничего общего с типом действия или состояния?» (Гиро-Вебер 1990: 103-105). О неоднозначности данного термина и в связи с этим запутанности теории предельности писали многие исследователи, из последних работ укажем (Горбов, Горбова 2012; Татевосов 2015: 62-64; Аркадьев 2015: 21-22). Остановимся на данном вопросе подробнее, так как считаем термины «предел» и «предельность» важными для описания русской видовой системы и трактовки видовой парности.

Ю.С. Маслов и А.В. Бондарко разработали типологию пределов, в которой лексический и грамматический типы пределов рассматриваются в одной системе терминов (Маслов 1984; Бондарко 1986, 1987). В самом общем смысле предел действия понимается как «его временная граница, ограничение его протекания во времени» (Бондарко 1987: 46). Ю.С. Маслов в связи с аспектуальной семантикой глагола разграничивает внутренний и внешний пределы. «Предельность есть входящее в семантику глагола указание на внутренний, самой природой данного действия предусмотренный предел. Обычно действие в своем протекании направлено к этому пределу и в случае его достижения должно исчерпать себя и прекратиться (ср.: *Он перепиливает бревно*). [...] Непредельность – это отсутствие внутреннего предела, который бы ограничивал течение действия хотя бы в перспективе» (Маслов 2004: 29-30). В семантике же таких глаголов, как *полежать*, *поговорить*, *пролежать* «есть указание на предел, но он является не внутренним, а только внешним» (там же: 32)¹. Таким образом, глаголы СВ, по Ю.С. Маслову, всегда предельны, а глаголы НСВ могут быть предельными и непредельными. Такую же позицию занимает и А.В. Бондарко: «несоотносительный НСВ – непредельность; видовые пары и несоотносительный СВ – предельность» (Бондарко 1987: 59), т.е. парные глаголы НСВ и СВ (типа *строить – построить*, *перепилить – перепиливать*) и непарные глаголы СВ типа *зашуметь*, *прошуметь* рассматриваются как предельные.

Действительно, важно учитывать, что концепт предела как временной границы действия выражается в русском языке разными способами: 1) в лексической семантике предельных глаголов, 2) видовой принадлежностью глагола – совершенным видом, а также 3) начинательными, финитными, ограничительными (т.е. фазисно-ограничительными) аффиксами.

Глагольный вид мы рассматриваем как морфологическую деривационную категорию, в которой словообразовательный механизм префиксации и суффиксации глаголов имеет грамматические последствия, а именно перфективацию или имперфективацию глагола (Петрухина 2012б). Соответственно

¹ А.В. Бондарко данные термины понимает несколько иначе, говоря о внешнем пределе в том случае, если ограничение действия выражено не в самом глаголе, а в окружающем его контексте (ср., например, *до трех часов*) (Бондарко 1987: 46).

выражение предела действия совершенным видом и фазисно-ограничительными приставками может анализироваться в одной системе терминов и понятий. А лексическая предельность, по нашему мнению, терминологически должна быть отграничена от грамматической. Чтобы провести такое разграничение, в ряде своих публикаций мы предлагали «развести» данные понятия терминологически и использовать для лексической предельности термины «терминативный» и «нетерминативный» (лат. *terminus* – ‘предел, граница’) (Петрухина 2012а: 52-56). К такому же выводу о необходимости «не смешивать акциональные и грамматические противопоставления» пришел и П.М. Аркадьев, но термины «терминативный» и «нетерминативный» он предложил употреблять по отношению к грамматической предельности, мотивируя это характером своего типологического исследования: «чтобы не накладывать а priori славянскую систему координат на другие языки» (Аркадьев 2015: 22-23).

Нам же важно сохранить термин «предел» для анализа специфики грамматической семантики русского совершенного вида. Граммема СВ в русском языке связана с актуализацией предела (временной границы действия) – это соответствует интерпретации категориальной семантики совершенного вида В.В. Виноградовым, согласно которой совершенный вид выражает «сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе», что обуславливает «ограничение или устранение представления о длительности действия» (Виноградов 1972: 394). И.Б. Шатуновский также называет «наиболее адекватным» для русского языка «определение СВ как содержащего указание на ограничение действия пределом (и НСВ – как не содержащего такого указания)» (Шатуновский 2009: 31). Как мы стремились показать в ряде своих сопоставительных публикаций, идея предела как временной границы между смежными ситуациями для русского глагольного вида и всей аспектуальной системы в целом более значима, чем, например, для чешского вида, для которого важным является представление о нерасчлененном начале-конце действия, о целостности, см., например, (Петрухина 2009).

Итак, антиномии теории предела и предельности в русском языке связаны с разными формами выражения предела. В лексическом значении терминативных глаголов как СВ, так и НСВ (*сделать - делать, упасть - падать*) выражается внутренний (качественный) предел. Грамматический предел как актуализация временной границы действия выражается в семантике лишь глаголов СВ. Соответственно глаголы СВ с фазисно-ограничительными префиксами *забегать, набегаться, погулять, простоять* и др. образованы от нетерминативных основ и сами нетерминативны – в их семантике нет указания на внутренний предел, после достижения которого действие прекращается. При помощи префиксов они эксплицитно выражают временную границу действия (начальную и/или конечную), а совершенный вид ее актуализирует, устраняя представление о длительности. Учет рассмотренных и некоторых других антиномий в видовых теориях и видовой терминологии важен для интерпретации видовой парности, которая в последнее время в русистике вызывает острые дискуссии.

4. Разное понимание видовой парности

4.1. Видовая пара как функциональное отношение субституции видов в контекстах обязательной имперфективации

Название книги Анны А. Зализняк, И.Л. Микаэлян и А.Д. Шмелева «Русская аспектология: в защиту видовой пары» (2015) подчеркивает роль видовой пары в организации русской видовой системы. В книге обосновывается концепция видовой пары как чисто функционального отношения между глаголами разных видов, лежащего в основе русской видовой системы. Данное отношение возникает в силу замены СВ на НСВ в контекстах обязательной имперфективации, впервые выделенных Ю.С. Масловым (Маслов 2004² (1948): 91-92): при переходе от повествования в прошедшем времени к повествованию в настоящем историческом, от единичного действия к его повторению, от побуждения к запрету совершать действие. Ср.:

- (1) Тут он *почувствовал* острую боль, *схватился* за сердце и *упал*. – Тут он *чувствует* острую боль, *хватается* за сердце и *падает*.
- (2) Как только он *вошел*, все *встали* – Как только он *входил*, все *вставали*.
- (3) *Расскажи* ему об этом – Не *рассказывай* ему об этом.
- (4) Надо *спросить* у Ивана – Не надо *спрашивать* у Ивана (Зализняк и др. 2015: 212, 193, 217).

Видовая пара – это «абстрактное отношение субституции в контекстах обязательной имперфективации, формирующее русский вид как грамматическую категорию» (там же: 82).

По нашему мнению, субституция видов в контекстах обязательной имперфективации – это функциональное проявление особых семантических и формальных отношений парных глаголов СВ и НСВ, способных обозначать одну и ту же денотативную ситуацию, одно и то же событие. Но при этом видовая парность не исчерпывается лишь функциональными отношениями синонимии между глаголами СВ и НСВ в контекстах обязательной имперфективации. Есть все основания термин «видовая пара» употреблять не по отношению к «абстрактному отношению субституции», а к однокоренным глагольным лексемам разного вида, способным к такой «субституции», во всей полноте их функций. Этот термин позволяет описывать вид как грамматическую категорию, взаимодействующую с другими глагольными грамматическими категориями, в частности со временем и залогом. Так, изучать семантические различия между простой и аналитической формами будущего времени, определяемые видом глагола, в восточно- и западнославянских языках в отвлечении от лексического значения глаголов СВ и НСВ можно лишь в рамках видовых пар. Подчеркнем, что семантические типы видового противопоставления изучались в русистике на материале парных глаголов СВ и НСВ вне контекстов обязательной имперфективации (Гловинская 2001: 90-127; Падучева 1996: 103-104).

Таким образом, признавая важную роль функционального критерия Ю.С. Маслова в определении видовой парности в русском языке, мы, тем не менее, не можем согласиться с утверждением, что в русском языке «видовая пара – это чисто функциональное отношение между глагольными формами» (Зализняк, Микаэлян 2012: 56). Против такой трактовки видовых пар свидетельствует и сопоставительное изучение аспектуальных систем славянских языков.

4.2. Видовая парность в разных славянских языках

Изложенная в предыдущем разделе функциональная теория видовой пары не эффективна для анализа и описания категории вида в других славянских языках, так как во многих из них (в частности чешском, словацком, словенском), в отличие от русского языка, в число типовых контекстов обязательной имперфективации не входят контексты настоящего исторического и кратного действия (о достаточно регулярной замене глаголов СВ парными глаголами НСВ можно говорить лишь по отношению к отрицательным императивным конструкциям). При этом видовая парность глаголов – это системообразующее свойство категории вида во всех славянских языках.

Считаем важным подчеркнуть, что в знаменитой статье Ю.С. Маслова 1948 г. функциональный критерий выступает лишь как метод верификации сходства лексического значения парных глаголов, а видовая парность/непарность объясняется в основном семантически. Ю.С. Маслов показал, что видовая парность реализуется прежде всего у глаголов с внутренним пределом (Маслов 2004² (1948): 95), т.е. у терминативных глаголов. Это утверждение справедливо для всех славянских языков.

Более того, мы хотели бы обратить внимание на то, что в большинстве публикаций Ю.С. Маслова (кроме статьи 1948 г.) понимание видовой пары базируется не столько на функциональном, сколько на семантическом и формальном критериях. Он видел «чисто видовую соотносительность» прежде всего в суффиксальных парах предельных (т.е. терминативных) глаголов, на которые ориентируются и приставочные типы видовых пар (Маслов 2004).

Мы пришли к выводу, что при определении видовых пар необходимо учитывать три взаимосвязанных фактора, которые не отрицают, а дополняют друг друга: 1) семантику, 2) форму, 3) функциональную субституцию парных глаголов, и нельзя ограничиться лишь функциональным критерием (Петрухина 2014). Рассмотрим эти факторы подробнее.

1) Видовая парность характерна прежде всего для терминативных глаголов, которые обозначают изменения, предполагающие конечный результат или конечную точку в своем развитии. Парные глаголы СВ и НСВ выражают одно денотативное действие, различаясь его представлением во времени, ср., например: (русск.) *собирать* – *собрать урожай*, (чешск.) *sklízet* – *sklidit*; (русск.) *защитить* – *защитить диссертацию*, (чешск.) *obhajovat*

– *obhájit disertaci*, (польск.) *bronić – obronić dysertację*. Это традиционная точка зрения, например, в Русской грамматике (1980) говорится о «тождестве всех семантических компонентов» парных глаголов, «кроме значения вида» (РГ 1980: §1387). Данная точка зрения имеет концептуальное обоснование в «двухкомпонентной видовой теории» (см. раздел. 2): терминативные глаголы СВ и НСВ выражают одну и ту же ситуацию, в интерпретации которой отражается предельный момент развития действия, но в семантике глаголов СВ он выражен эксплицитно, а в семантической структуре глаголов НСВ – это переменный имплицитный элемент, подвергающийся коммуникативной актуализации (Падучева 1986: 421; Бондарко 1986; Петрухина 2012а: 50-55). Это способствует функциональному сближению терминативных (предельных) глаголов НСВ с парными глаголами СВ в некоторых типовых контекстах нейтрализации видовой оппозиции (т.е. в контекстах обязательной имперфективации).

2) Наиболее регулярно видовые пары образуются при помощи имперфективации приставочного глагола СВ. «Другие морфологические типы видовой соотносительности (*делать – сделать, колоть – колнуть* и др.) получают аналогичный статус уже лишь на фоне регулярных типов, созданных имперфективацией» (Маслов 2004: 331). Среди префиксальных видовых пар Ю.С. Маслов называл такие, как *делать – сделать, топить – утопить, идти на собрание – пойти на собрание, чувствовать – почувствовать* (Маслов 2004² (1948): 74–86).

3) Функциональные связи субституции парных глаголов НСВ и СВ среди славянских языков имеют большее значение для русского, болгарского (а также македонского) языков, в которых есть типовые контексты обязательной имперфективации.

Не стихающие именно в русистике дискуссии о видовой парности свидетельствуют об антиномиях в системе русского вида; в значительно меньшей степени они свойственны западнославянским и южнославянским языкам. Речь идет о противоречии между высокой степенью обязательности вторичной имперфективации в определенных типах контекста и недостаточностью инвентаря вторичных имперфективов, необходимого для реализации обязательной замены глагола СВ глаголом НСВ. В других славянских языках (например, в чешском и словенском) такого противоречия нет, так как нет ряда типовых контекстов обязательной имперфективации в силу свободного употребления глаголов обоих видов в настоящем историческом и при выражении повторяющихся действий. Об обязательной имперфективации в этих языках можно было бы говорить лишь в некоторых императивных контекстах. А в болгарском языке подобного противоречия нет ввиду регулярного образования вторичных имперфективов.

Следующие примеры демонстрируют контексты, в которых в русском языке при обозначении типовых действий обязательны НСВ (при выражении единичной ситуации в прошедшем или будущем был бы употреблен глагол СВ), а в чешском и словенском языках в формулировках данных физических и геометрических законов употреблены глаголы СВ, что исключает

обязательную мену видов при переходе от единичной ситуации к типичной в этих языках:

- (5) чешск. *Zákon akce a reakce: silová akce vyvolá (СВ) silovou reakci, stejně velikosti, ale opačného směru* (<https://cs.wikipedia.org/wiki/Statika>).
- словенск. *Zakon akcije in reakcije: akcija sproži (СВ) reakcijo enake moči, vendar v nasprotni smeri* (перевод информанта).
- русск. *Закон действия и противодействия: действие вызывает (НСВ) противодействие такой же силы, но противоположного направления.*

Аналогичные закономерности соотношения видов, как известно, характеризуют и настоящее историческое: при переводе повествования из плана прошедшего в план настоящего при обозначении событий, сменяющих друг друга, в чешском и словенском языках, в отличие от русского языка, замена глагола СВ на глагол НСВ не обязательна (Петрухина 2015).

В болгарском языке, также как и в русском, есть типовые контексты обязательной имперфективации, но тем не менее нет противоречий между этими контекстами и закономерностями образования вторичных имперфективов, ввиду регулярности образования последних. В болгарском языке глаголы НСВ могут быть образованы от приставочных глаголов СВ «при любом значении приставки: [...] начинательном: *заплача (заплакать) – заплаквам*; резульативном: *попреча (помешать) – попречвам*; *направля (сделать) – направлям [...]*; охвата длительности: *поседа (посидеть) – посеждавам* и при всех других типах значений» (Маслов 1981: 204). Я. Бъчваров провел сопоставительное исследование границ вторичной имперфективации в болгарском, чешском и русском языках по двуязычным словарям. Было выявлено, что 100% болгарских вторичных имперфективов на русский язык переводится аналогичными глаголами НСВ в 24%, а в остальных случаях им соответствуют либо просто бесприставочные глаголы НСВ, либо бесприставочные глаголы НСВ с лексикографическими разъяснениями (типа *направлям – делать что-либо до конца, с результатом*) (Вăчваров 1980; Петрухина 2012а: 89-90).

Соответственно в болгарском языке контексты обязательной имперфективации «обеспечиваются» вторичными имперфективами и не ведут, в отличие от русского языка, к расширению видовой парности.

4.3. Расширение видовой парности в русском языке (в сопоставлении с некоторыми другими славянскими языками)

Рассмотрим подробнее расширение класса видовых коррелятов в русском языке на примере начинательных производных в сопоставлении с болгарским и западнославянскими языками.

В русском языке начинательные глаголы с ингрессивным и инхоативным значением² образуются в основном от нетерминативных основ, причем они связаны только с совершенным видом (за редким исключением типа *запевать*). Это ведет к расширению функциональной видовой парности, так как в контекстах обязательной имперфективации начинательные дериваты СВ, от которых не могут быть образованы вторичные имперфективы, заменяются простыми глаголами НСВ. Например:

- (6) «Помогите!» – *закричала* она ↔ «Помогите!» – *кричит* она;
 (7) Малыш *увидел* игрушку, *запрыгал* от радости и *подбежал* к бабушке ↔ Малыш *видит* игрушку, *прыгает* от радости и *подбегает* к бабушке.
 (8) Дети *заплакали*, когда им *прочитали* конец сказки о Красной Шапочке ↔ Дети всегда *плакали*, когда им *читали* конец сказки о Красной Шапочке.

Употребление глаголов типа *кричать* – *закричать*, *прыгать* – *запрыгать* в рассмотренных выше типах контекста (в соответствующих временных формах) как синонимов можно объяснить с опорой на категориальную семантику СВ в русском языке. Как было уже отмечено в разделе 3, для граммы совершенного вида и всей аспектуальной системы в русском языке значима идея предела как временной границы действия, с возможной актуализацией конца предшествующей ситуации или начала следующей. На основе данного категориального признака и правил употребления видов в контекстах обязательной имперфективации происходит функциональное сближение пар нетерминативных глаголов типа *кричать* – *закричать*, *плакать* – *заплакать*, *видеть* – *увидеть* с терминативными глаголами типа *подбежать* – *подбегать*, *прочитать* – *читать* (в приведенных примерах они подчеркнуты).

В болгарском языке образование начинательных дериватов представлено даже шире, чем в русском языке, и возможно как от нетерминативных, так и от терминативных основ. Ср.: (болг.) *зачакам* – (русс.) *начать ждать*; (болг.) *заудрям* – (русс.) *начать бить*; (болг.) *той заяде* – (русс.) *он стал есть*. При этом в большинстве случаев начинательные глаголы СВ имеют имперфективные корреляты, поэтому простые производящие глаголы НСВ не вступают в коррелятивные отношения с начинательными производными глаголами СВ в контекстах обязательной имперфективации. Например, (болг.) *служба* / *заслужа* / *заслужвам* – (русс.) *служить* / *начать служить* / *начинать служить*; (болг.) *слушам* / *заслушам* / *заслушвам* – (русс.) *слушать* / *начать слушать* / *начинать слушать*; (болг.) *гледам* / *загледам* / *заглеждам* – (русс.) *смотреть* / *начать смотреть* / *начинать смотреть* (РБЕ).

² Инхоативное значение трактуется как «приступ к дальнейшему действию, обладающему длительностью» (РГ 1980: 597). Ингрессивная начинательность определяется как «начало и продолжение действия в едином целом» (РГ 1980: 596-597).

Ср. также:

- (9) болг. Тая песен те слушаха за първи път... Христо и той остави работата, и *заслуша* (СВ) (РБЕ)
 русск. Эту песню они слушали первый раз... Христо и тот оставил работу и *начал слушать*.
- (10) болг. Всяка вечер той сядаше в двора и *заслушиваше* (НСВ) (информант)
 русск. Каждый вечер он садился во дворе и *начинал слушать*.

В западнославянских языках инхоативные производные глаголы с приставкой *za-* не представлены – при необходимости начало длительного действия выражается аналитически, фазовыми глаголами. Например:

- (11) русск. Все разом *заговорили*.
 чешск. Všichni *začali* najednou *mluvit*.
 словацк. Všetci *začali* naraz *hovorit*.
 польск. Wszyscy *zaczęli* naraz *mówić*.

Если дериваты с приставкой *za-* все же имеются, то в словарных толкованиях (прежде всего в чешском и словацком языках) возможность их начинательного понимания часто не отражается, например, (словацк.) *zagestikulovat'* 'urobit' rukami *posunky, gestá* (сделать руками движения, жесты); *zahemžit' sa* 'hemžit' sa, *pohýbat' sa krátko, chvíľ'u* (суетиться, двигаться недолго, минуту) (SSJ).

Для большинства чешских, словацких и польских дериватов с приставкой *za-*, образованных от глаголов звучания, зрительного, осязательного восприятия, многоактных глаголов, характерна ограничительно-квантовая семантика, но начинательная семантика может быть поддержана контекстом. Поэтому в переводных русских эквивалентах обычно зафиксированы все возможности, например: (словацк.) *zaškřípat'*, (чешск.) *zaskřípat'* – (русск.) *заскрипеть, проскрипеть, скрипнуть* (VSRS; ЧПС); (польск.) *zagrzmieć* – (русск.) *загреметь / прогреметь*; (польск.) *zaszeleścić* – (русск.) *зашелестеть / прошепестеть*; (польск.) *zaszumieć* – (русск.) *за шуметь / про шуметь* (БПРС).

Некоторые глаголы с приставкой *za-* под влиянием контекста в западнославянских языках могут актуализировать начальную фазу действия. Так, в следующих предложениях значение польского деривата полностью определяется контекстом:

- (12) польск. Orkiestra *zagrała* i wszyscy się *rozeszli*.
 русск. Оркестр *закончил играть* (букв. *сыграл*), и все разошлись.
 польск. Orkiestra *zagrała* i wszyscy *ruszyli do tańca*.
 русск. *Заиграл* оркестр, и все двинулись танцевать. (Śmiech 1986, 39).

Таким образом, для западнославянских языков, в отличие от русского языка, образование глаголов с четко выраженным начинательным значением не характерно. С учетом этого, а также значительно меньшего числа типовых контекстов обязательной имперфективации можно утверждать, что в западнославянских языках нет условий для расширения класса функциональных видовых пар за счет начинательных дериватов (типа русских *кричать – закричать*).

Сходные закономерности видовой коррелятивности в русском и западнославянских языках характеризуют также глаголы СВ с ограничительными приставками *по-, про-* (*po-, pro-*) и их мотивирующие глаголы НСВ, подробнее см. (Петрухина 2012а: 141-193).

5. Краткие выводы

Наше исследование показало разную роль функционального критерия при определении видовой парности в славянских языках. Наибольшее значение этот критерий имеет в русском языке. Его учет позволяет выявить в русском языке тенденцию к расширению видовой парности, в частности, за счет противоречия между обязательной имперфективацией в целом ряде контекстов и запретом на образование вторичных имперфективов от глаголов СВ с начинательными приставками. В результате этого нетерминативные глаголы НСВ и производные глаголы СВ с начинательными приставками втягиваются в видовую парадигму, образуя своего рода функциональные видовые пары типа *кричать – закричать* и тем самым укрепляя коррелятивную организацию русского вида и расширяя ее на нетерминативные глаголы.

В других славянских языках нет противоречия между обязательной имперфективацией и возможностями образования вторичных имперфективов – в силу либо меньшего количества типовых контекстов обязательной имперфективации (например, в чешском, словацком и словенском языках), либо регулярности образования вторичных имперфективов (в болгарском языке). Соответственно в названных языках нет условий для расширения видовой парности на нетерминативные основы. Но во всех славянских языках понятие видовой пары остается важным системообразующим понятием, позволяющим описывать вид как грамматическую категорию, взаимодействующую с другими грамматическими категориями, в частности временем и залогом, изучать семантические типы видового противопоставления.

Наше исследование также подтвердило необходимость различать в видовой теории разные способы выражения предела действия как временной его границы – лексический, словообразовательный и грамматический, учитывая при этом антиномии в теории предела, обусловленные разными формами выражения последнего.

Библиография

- Аркадьев 2015: П.М. Аркадьев, *Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа)*, Москва 2015.
- БПРС: *Большой польско-русский словарь*, т. 1-2. Москва, Варшава 1988
- Бондарко 1986: А.В. Бондарко, *Семантика предела*, “Вопросы языкознания”, 1, 1986, 59-71.
- Бондарко 1987: А.В. Бондарко, *Аспектуальность*, in: А.В. Бондарко (отв. ред.), *Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность*, Ленинград 1987.
- Виноградов 1972: В.В. Виноградов, *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*, Москва 1972.
- Гиро-Вебер 1990: М. Гиро-Вебер, *Вид и семантика русского глагола*, “Вопросы языкознания”, 2, 1990, 102-112.
- Гловинская 2001: М.Я. Гловинская, *Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола*, Москва 2001.
- Горбов, Горбова 2012: А.А. Горбов, Е.В. Горбова, *Предел, предельность, трансформативность, telicity – терминологическое недоразумение рубежа веков?*, in: М. Воейкова (отв. ред.), *От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко*, Москва 2012, 116-125.
- Зализняк, Шмелев 2000: Анна А. Зализняк, А.Л. Шмелев, *Введение в русскую аспектологию*, Москва 2000.
- Зализняк, Микаэлян 2012: Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, *О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды*, “Вопросы языкознания”, 6, 2012, 48-66.
- Зализняк и др. 2015: Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелев, *Русская аспектология: в защиту видовой пары*, Москва 2015.
- Маслов 2004² (1948): Ю.С. Маслов, *Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке*, in: Ю.С. Маслов, *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*, Москва 2004, 71-90.
- Маслов 1981: Ю.С. Маслов, *Грамматика болгарского языка*, Москва 1981

- Маслов 1984: Ю.С. Маслов, *Очерки по аспектологии*, Ленинград 1984.
- Маслов 2004: Ю.С. Маслов, *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*, Москва 2004.
- Падучева 1986: Е.В. Падучева, *Семантика вида и точка отсчета (в поисках инварианта видового значения)*, "Изв. АН СССР. Отдел. лит. и яз.", 45, 5, 1986., 413-424.
- Падучева 1996: Е.В. Падучева, *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*, Москва 1996.
- Панов 2007: М.В. Панов, *Труды по общему языкознанию и русскому языку*, т. 2, Москва 2007.
- Петрухина 2009: Е.В. Петрухина, *Объяснительная теория славянского глагольного вида*, "Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология", 5, 2009, 111-127.
- Петрухина 2012а: Е.В. Петрухина, *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*, Москва 2012.
- Петрухина 2012б: Е.В. Петрухина, *Категориальные комплексы русского глагола*, in: М. Воейкова (отв. ред.), *От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко*, Москва 2012, 490-502.
- Петрухина 2014: Е.В. Петрухина, *Русский вид как морфологическая деривационная категория в контексте современных исследований видовой коррелятивности*, "Scando-Slavica", 60, 2, 2014, 253-274.
- Петрухина 2015: Е.В. Петрухина, *Категориальная видовая семантика и стратегии употребления видов в русском и чешском языках*, in: В: М. Китадзё (под ред.), *Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития*, Киото 2015, 185-194.
- РБЕ: *Речник на българския език*, София 1977-1993.
- РГ 1980: *Русская грамматика*, т. 1, Москва 1980.
- Татевосов 2015: С.Г. Татевосов, *Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события*, Москва 2015.
- ЧРС: *Чешско-русский словарь*, т. 1-2, Москва-Прага 1973.
- Шатуновский 2009: И.Б. Шатуновский, *Проблемы русского вида*, Москва 2009.

- Báčvarov 1980: J. Báčvarov, *Rozsah sekundární imperfektivace v bulharštině, češtině a ruštině*, in: J. Porák (red.), *Materiály z II. sympózia o bohemistice v zahraničí*, Praha 1980.
- SSJ: *Slovník slovenského jazyka*, D. 1-6, Bratislava 1959-1968.
- Śmiech 1986: W. Śmiech, *Derywacja prefiksalna czasowników polskich*, Wrocław-Warszawa-Kraków- Łódź 1986.
- VSRS: *Vel'ký slovensko-ruský slovník*, D. 1-6, Bratislava 1979-1995.

Abstract

Elena V. Petruchina

Aspectual antinomies in Russian (in a cross-Slavic perspective)

This article discusses some antinomies concerning the category of verbal aspect in Russian, which generate apparent contradictions on a theoretical level. Special attention is paid to Russian aspectual pairs (considered in a cross-Slavic perspective). I focus on antinomies applying to different ways of expressing the aspectual semantics of verbs (lexical, grammatical and derivational), as well as on rules regulating the use of perfective and imperfective verbs and the inventory of forms that implement the rules. Our study confirms the need to distinguish between lexical and grammatical limits of action in a theory of Slavic aspect. It is also very important to preserve the concept of aspectual pair, which is of central importance to organize verbal paradigms in terms of aspect in all the modern Slavic languages.

Keywords: Slavic aspect, aspectual pairs, antinomies

К списку двувидовых глаголов в русском языке: история часть*

Владимир Плунгян

I.

Феномен двувидовых глаголов¹ в русском языке, казалось бы, хорошо изучен и, как часто думают, не представляет особого интереса ни в плане теории, ни в плане практического описания. До недавнего времени доминировал взгляд на двувидовые глаголы как на сугубо маргинальную группу, в современном языке не только крайне незначительную по объему, но и постоянно уменьшающуюся за счет потери видовой омонимии всеми или некоторыми глагольными формами в парадигме. Иными словами, двувидовые глаголы обычно рассматривались как грамматический архаизм, неуклонно уходящий из современного языка. Подобная трактовка сформировалась в традиционной русистике к середине XX в. (когда стала практически единодушной); из современных авторов наиболее бескомпромиссно такой взгляд сформулирован, как кажется, в ряде работ Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелёва; ср. последнюю версию их обобщающего очерка русской аспектологии (впервые изданного в 1997), где прямо утверждается, что, за вычетом группы глаголов на *-[из]ировать* и *-овать*, двувидовых глаголов «в русском языке к настоящему моменту остались считанные единицы, и их количество продолжает уменьшаться и сейчас (поэтому списки,

* Работа поддержана грантом РГНФ 17-04-00517а «Развитие морфологического и семантико-синтаксического компонентов корпусного описания грамматики современного русского языка».

¹ В соответствии с традицией, мы называем двувидовыми такие глагольные лексемы, все или хотя бы часть словоформ которых может иметь грамматическую характеристику как совершенного, так и несовершенного вида (типа *казнить*, *бежать* или *эвакуировать*). При этом, разумеется, в конкретном контексте может допускаться (и, как правило, допускается) только одна из двух видовых интерпретаций; различия в видовой принадлежности могут также коррелировать с разными лексическими значениями полисемичного глагола (как в случае *бежать*). Иными словами, двувидовыми являются глаголы, у которых грамматическая оппозиция по виду морфологически не выражена и формы, различающиеся только видом, в плане выражения совпадают.

приводимые в работах даже двадцати-тридцатилетней давности, в настоящее время уже частично устарели)» (Зализняк и др. 2015: 82) – и, в качестве резюме, констатируется, что двувидовые глаголы «в современном русском языке представляют собой периферийное явление» (ibidem: 87).

Как кажется, данное утверждение (и, соответственно, наиболее принятая традиционная концепция, которая за ним стоит) всё же является слишком категоричным. Двувидовые глаголы продолжают существовать в русском языке – в том числе и те, которые в некоторых работах были объявлены исчезнувшими; более того, целый ряд глаголов, которые никогда в состав этого класса не включались, на самом деле ведут себя, по крайней мере в некоторых контекстах, как двувидовые (как было показано И.Б. Иткиным, таковы, в частности, глаголы *разнообразить*, *стоять*, *наблюдать*, *контузить*, *способствовать*, *совершенствовать*; см. подробнее ниже). Не столь прямолинейна и диахроническая эволюция этого класса глаголов: в ранний период существования древнерусского языка такие лексемы играли большую роль в формировании грамматической категории вида, и их число было значительным еще в первой половине XIX в. (что имеет непосредственное отношение к основному персонажу данной статьи – глаголу *пасть*). Утрата элементов этого класса также происходила более сложным образом, чем принято думать; однозначно утверждать, что их количество «продолжает уменьшаться», нельзя. Всё сказанное заставляет пересмотреть традиционный взгляд на двувидовые глаголы как на сугубо маргинальный класс и скорее побуждает видеть в них сравнительно небольшой² по объему, но важный и существенный элемент русской видовой системы.

Следует отметить, что перелом во взглядах на роль двувидовых глаголов произошел в русистике в самое недавнее время – большинство релевантных публикаций датируются 2014-2015 годами, причем они зачастую принадлежат совершенно разным авторам, работающих в рамках несходных друг с другом научных школ и направлений. По-видимому, как это часто бывает в науке, в последние годы настал подходящий момент для пересмотра того, что еще недавно казалось пересмотру не подлежащим.

Из работ последних лет следует отметить прежде всего новаторское исследование И. Б. Иткина (к сожалению, материалы этого исследования, представленные в целом ряде докладов, пока опубликованы, насколько нам известно, только в виде кратких тезисов Иткин 2014), где обращается внимание на существование гораздо большего числа двувидовых глаголов

² Вообще говоря, количество двувидовых глаголов в современном русском языке не следует преуменьшать: по подсчетам различных исследователей, заимствованных глаголов этого типа имеется не менее тысячи (что уже никак не позволяет говорить о маргинальности этого класса); но даже и число двувидовых лексем славянского происхождения не столь уж мало и насчитывает примерно 60 единиц (данные разных исследователей колеблются в интервале от 30 до 80, и это в любом случае никак не «считанные единицы»). Подробнее о количественной оценке этого класса см. Черткова, Чанг 1998 и особенно Андросюк 2015 (с обзором литературы).

по сравнению с фиксируемыми в традиционных описаниях (в частности, в основных словарях и в работе Еськова 1990/2011 – впрочем, ряд специальных исследований, итог которым подводится в Андросюк 2015, дают более пространственные списки). То, что двувидовой характер многих глаголов от исследователей был скрыт, часто объясняется трудностью определения видовой принадлежности глагола в произвольном контексте: как известно, абсолютно однозначных контекстов как для НСВ, так и (в особенности) для СВ крайне мало, и «неправильная» видовая принадлежность многих примеров оказывалась незаметна. Самый яркий случай такого рода – это глагол *отвечать* (обсуждавшийся уже в Долгопольский 1963), о котором обычно сообщается, что это глагол НСВ, «употребляющийся в значении СВ». Не вполне ясно, чем, собственно, такая формулировка отличается от признания двувидового характера этого глагола (которое и отстаивается в Иткин 2014), тем более, что данная лексема не единична: более подробно проблемы видовой характеристики глаголов, вводящих прямую речь, были рассмотрены в ряде недавних работ Е.Н. Никитиной (см., например, Никитина 2014). Впрочем, не менее показательны и некоторые контексты употребления глаголов *иметь* и *быть*, которые, будучи, казалось бы, прототипическими примерами стативов НСВ (и, более того, *imperfectiva tantum*), тем не менее в ряде случаев ведут себя как глаголы СВ: для *иметь* это, например, конструкции *иметь место* и *иметь беседу* (Иткин 2014), для *быть* – *был таков* и ряд других (подробнее об аспектуальных свойствах *быть* см. Падучева 2015).

Трудности определения видовой характеристики глагола в произвольном контексте могут быть проиллюстрированы примерами (1)-(5), содержащими формы СВ глагола *реагировать*. В современном языке *реагировать* не относится к двувидовым и считается глаголом НСВ, хотя его морфологический тип характерен для заимствованных двувидовых глаголов. Само заимствование этого глагола является относительно недавним, в НКРЯ первые примеры датируются серединой XIX в. (и преимущественно относятся к текстам по химии или физиологии). Приводимые ниже примеры (также взятые из НКРЯ) относятся к первым десятилетиям XX в., когда видовая принадлежность глагола еще явным образом не была закреплена только за НСВ. Внимательный анализ каждого из этих примеров заставляет сделать выбор в пользу СВ как наиболее вероятной видовой интерпретации глагола в данных контекстах (в отличие от современного узуса) – однако это предположение может быть сделано только при условии, что исследователь исходит из того, что видовая принадлежность глагола не является очевидной; он должен быть, так сказать, заранее «настроен» на видовую неоднозначность. В противном случае несовпадение реальной видовой характеристики глагола с ожидаемой на основе (современного) словарного описания может оказаться незамеченным, в лучшем случае оставив ощущение легкой неправильности, не заслуживающей пристального внимания. Между тем, подобные контексты могут обнаружиться не только в текстах прошлого и позапрошлого веков, но и в современных. Как

кажется, именно такая психологическая неготовность увидеть видовую нестандартность там, где она не ожидается (наряду с излишней опорой на интроспекцию в ущерб корпусным данным), и была основной причиной того, что в русистике вплоть до самого недавнего времени доминировало упрощенное представление о двувидовых глаголах. Ср.:

- (1) Если вы раздражаете нервное волокно коротким по времени раздражителем, то вы можете получить эффект. Короткого возбуждения достаточно для того, чтобы нерв на него реагировал. [И. П. Павлов. Лекции по физиологии (1911-1913); в современном языке было бы предпочтительнее *прореагировал*]
- (2) Петербургская фондовая биржа, этот идеальный барометр политической жизни страны, реагировал 2-го сентября на весть о покушении на П. А. Столыпина сильным понижением курса цен на все бумаги. Особенно сильно понизилась государственная рента, котировавшаяся вчера по 94, а сегодня утром по 93 ½. [«Русское слово», 1911] <начало газетной заметки; в современном языке было бы предпочтительнее *отреагировал*>
- (3) Группа московских купцов-оригиналов своеобразно реагировала на президентские выборы во Франции. Был организован частный тотализатор, принимавший ставки на всех 11 кандидатов. Фаворитами были Памс и Пуанкарэ. На первого было поставлено 228 билетов, на 2-го 146. [«День», 1913] <начало газетной заметки; в современном языке было бы предпочтительнее *отреагировала*>
- (4) Да и без вождей массы отлично поняли значение совершившегося факта. Они реагировали немедленно, и реакция была очень острой. После наступления <...> настроение снова повысилось сразу на несколько градусов. [Н. Н. Суханов. Записки о революции (1918-1921); в современном языке было бы предпочтительнее *отреагировали*]
- (5) Однажды при мне в парикмахерскую зашла дама и обратилась к парикмахеру со словами: *Не купите ли у меня мыла?* – Парикмахер переспросил ее: *волосы причесать?* – т. е. увидел в ней клиентку и реагировал на ее обращение, исходя из привычной тематики шаблонного диалога в парикмахерской. [Л. П. Якубинский. О диалогической речи (1923); в современном языке было бы предпочтительнее *отреагировал*]

Как можно видеть, контексты употребления глагола *реагировать* в (1)-(5) – типично перфективные; в каждом из примеров описывается однократное завершённое событие, как правило, встроенное в последовательность аналогичных событий, имевших место до и/или после него. Однако употребление форм НСВ в перфективных контекстах – это явление, которое, вообще говоря, в русском языке также может иметь место; например, даже в современных текстах достаточно частотны конструкции вида *они обнялись и плакали* (из недавних исследований этой проблемы см. Зорихина-Нильссон 2014). Выбор между двувидовой интерпретацией глагола и особым «смещенным» употреблением НСВ – не такой простой, и в ряде случаев это оказывается крайне нетривиальной задачей (употребление форм типа

отвечать как раз относится к этим случаям). Тем не менее, с нашей точки зрения случаи, когда выбор следует делать в пользу признания двувидового характера глагольной лексемы, в современном русском языке не только существуют, но и гораздо более распространены, чем было принято думать³.

II.

В свете сказанного имеет смысл более подробно рассмотреть еще одну кандидатуру в список двувидовых глаголов, то пополнявшийся, то сокращавшийся на протяжении последних двух веков: глагол *насть* (през. *паду*, *падёт*, прош. *пал*, *пала*), сам по себе интересный и во многих других отношениях.

В современном языке *насть* несомненно относится к глаголам СВ, причем принадлежит к небольшому классу непроемных бесприставочных перфективов (так называемых «перфективных симплексов»), насчитывающих всего около десятка лексем – таких, как *сесть*, *лечь*, *стать*, *дать*, *деть*⁴ и нек. др. Симплексы (т.е. глаголы с непроемной основой, без префиксов и суффиксов) в подавляющем большинстве в современном русском языке имперфективны; перфективные же симплексы являются исторической аномалией, хотя и существуют во всех славянских языках (при этом их список пересекается лишь частично). Тем интереснее, что закрепление *насть* в этом списке – факт исторически поздний, двувидовые употребления отмечались у этого глагола в заметном количестве по крайней мере до начала 20-х годов XIX века. Этот факт был зафиксирован в работах по русской исторической грамматике (см. Булаховский 1948: 116-117 и особенно Авилова 1964: 34-37, где употребление *насть* в текстах XVIII-XIX вв. рассмотрено наиболее подробно). Биаспектуальность была свойственна этому глаголу в формах морфологического презенса (*падет*, *падут* и т.п.),

³ Следует заметить, что отдельные проницательные наблюдения о роли двувидовых глаголов делались в русистике и ранее. В частности, на неслучайность сохранения биаспектуальности у многих непередельных глаголов (в том числе заимствованных) обращено внимание в давней статье Кнорина 1976. Высокая оценка этой работе дается в монографии Зельдович 2012, автор которой, опираясь в том числе и на некоторые идеи Л. В. Кнориной, пытается отстаивать положение о семантической мотивированности класса двувидовых глаголов в русском языке, лежащей в основе их относительной диахронической устойчивости. См. в особенности Главу 4 этой книги («Почему русские глаголы бывают двувидовыми?»; Зельдович 2012: 195-242). В этом подходе, при всей возможной спорности конкретной аргументации, важна оценка биаспектуальности не как внесистемного архаизма русской грамматики, а как в значительной степени мотивированного (и поэтому диахронически устойчивого) признака.

⁴ При этом имперфективный коррелят последнего, глагол *девать*, демонстрирует некоторые признаки двувидового поведения (Иткин 2014).

которые могли иметь не только основанную на перфективной интерпретации футуральную соотнесенность (как и в современном языке), но и основанную на имперфективной интерпретации презентную соотнесенность, обозначая как хабитуальное, так и актуально-длительное (= прогрессивное) настоящее. Примеры имперфективных употреблений форм презенса для *пасть* многочисленны у авторов XVIII в. и продолжают оставаться достаточно употребительными в первые два-три десятилетия XIX в. (особенно в поэзии). Ср. следующие характерные примеры, где формы презенса глагола *пасть* встречаются в окружении семантически однородных презентных форм с недвусмысленной имперфективной интерпретацией:

- (6) Очи как ни обратятся, / Вижу страх, и россы тут. / Стены твердые валятся, / Башни гордые падут. / Только солнце где блистает, / Наша слава там летает. [А. П. Сумароков. Дитирамб (1755)]
- (7) Прошедши дни воображая, / Смущаюсь, ужасом объят, / Пучины бед не вижу края, / Я зрю разверст свирепый ад. / Там злоба рвет свои оковы, / Пороки вырваться готовы, / И се они стремятся к нам: / Закон падет, и вера страждет, / Невежество растет и жаждет / Рассыпать муз священный храм. [В. И. Майков. Ода на всерадостный день восшествия на всероссийский престол ее величества июня в 28 день 1768 года (1768)]
- (8) Смутились все, как прах пред тучи грозной зраком; / Один падет стремглав, другой ползет там раком, / А третий, как медведь, пораненный, рычит, / Четвертый, яко бык, ударенный, мычит. [В. И. Майков. Елисей, или Раздраженный Вакх (1769)]
- (9) Когда хочу писать к тебе сии я строки, / В то время из очей моих льют слезны токи / И из трепещущей руки перо падет. / О Бибиков, мой друг, Козловского уж нет! [В. И. Майков. Письмо Василью Ильичу Бибикову о смерти князя Федора Алексеевича Козловского, который скончал жизнь свою при истреблении турецкого флота российским, быв на корабле «Евстафии» (1770)]
- (10) Я не в пространнх тех палатах обитаю, / Где часто сам себя ищу, не обретаю. / Притворно все там в них, стезей природы нет: / Светило красных дней не прямо внутрь падет, / Зима там не зима, и лето там не лето, / Средь самых хладных дней жилище их согрето, / И в пышных их домах среди тех толстых стен / Ни в осень, ни в весну там нет у них премен. [М. Н. Муравьев. Сельская жизнь (1770)]
- (11) Не в аде я! Но где ж?... Жива ли я?... Иль нет? / Не рушится ль земля?... Не небо ли падет?... / Ах! Небо и земля безвредны пребывают, / Но князи навсегда меня позабывают... [А. П. Сумароков. Димитрий Самозванец (1771)]
- (12) Роза вянет, терние остается; столетний дуб, благодетель странников, падет на землю от громоваго удара; ядовитое дерево стоит невредимо на своем корне. [Н. М. Карамзин. Рыцарь нашего времени (1803)]

Примеры (6)-(9) и (11) иллюстрируют актуально-длительное значение НСВ, примеры (10) и (12) – хабитуальное. Как можно видеть, такие контексты многочисленны и разнообразны; в современном языке во всех этих

случаях должны быть употреблены формы презенса глагола НСВ *падать* (*падает* или *падают*, соответственно).

Разумеется, перфективные употребления форм презенса глагола *пасть* (соответствующие и современной норме) также встречаются в текстах этого периода в достаточном количестве, ср.:

- (13) Цари! страшитесь уподобиться сему ненавистному вельможе, престол ваш падет под бременем гордыни, и развалины его гробом вашим будут. [Д. И. Фонвизин. Та-Гюо, или Великая наука, заключающая в себе высокую китайскую философию (1779)]
- (14) И все, что зрим, пройдет; все рушится, все будет прах. Но некий тайный глас вещает мне, пребудет нечто вовеки живо. С течением времен все звезды помрачатся, померкнет солнца блеск; природа, обветшав лет дряхлостью, падет. Но ты во юности бессмертной процветешь, незыблемый среди сражения стихиев, развалин вещества, миров всех разрушенья. [А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (1779-1790)]

Переход от биаспектуальных к исключительно перфективным употреблениям происходит у глагола *пасть*, по-видимому, на протяжении третьего десятилетия XIX в. (в поэзии сохраняясь еще примерно десятилетие); после этого периода имперфективный презенс уже не встречается. В поэзии наиболее поздний пример презенса НСВ (19), который нам удалось обнаружить, датируется 1840 годом⁵. Ср.:

- (15) Из истин, истина единая живая, / Смерть воцарилась, жизнь во лжи изобличая,
/ И сердце, сжатое боязнью и тоской, / Слабеет и падет под мыслью роковой.
[П. А. Вяземский. Осень 1830 года (1830); пример отмечен в Булаховский 1948: 117]
- (16) Между тем множество заговорщиков разговаривают о возмущении против татар; они ищут начальника; и выбор падет на Мстислава; они идут искать его. [М. Ю. Лермонтов. Автобиографические заметки (1830-1841)]
- (17) С вековых гробниц пустыни / Утра пар слетает синий, / Отблеск дня передает
/ Пирамиде пирамида, / И с вершины их падет / Яркий свет в лазурь Мерида,
/ Где, разлив дневных лучей / Возвещая громким криком, / В тростнике
проснулась диком / Стая вольных лебедей. [А. И. Подолинский. Смерть Пери, 5 (1834-1836)]
- (18) Огнями небо разрывая, / Летела туча громовая; / Умолкла... Ветер не несет – /
И тихо в бездну океана / Печальной глыбой тумана / Огнегремучая падет. [В. Г. Бенедиктов. Ватерлоо (1836)]

⁵ Ср. аналогичное наблюдение Н. С. Авиловой: «К 40-м годам XIX в. глаголы *кончить*, *решить*, *пасть* и *пленить* в значении несов. вида выходят из употребления. Закрепляются глаголы *кончат*, *решат*, *падут*, *пленят*.» (Авилова 1964: 36).

(19) Вот, словно в раздумье, она отступила, / Вот берег она под себя покатила / И выше сама поднялась и падет; / И громом, и пеной пучинная сила, / Холодная бурно меня обхватила, / Кружит, и бросает, и душит, и бьет! [Н. М. Языков. Морское купанье (1840)]

Один из наиболее поздних примеров презенса НСВ в прозе – (16), извлеченный из рабочих тетрадей Лермонтова⁶; этот пример тем интереснее, что в поэзии Лермонтова употребления презенса НСВ после 1828 г. (т.е. начиная с 15-летнего возраста автора) уже не встречаются ни разу, при том, что глагол *пасть* у Лермонтова в целом частотен. К ранним примерам употребления презенса НСВ в поэзии Лермонтова относятся (20) и (21):

(20) С тех пор-то женщина любви не знает!.. / И точно как рабов считает нас она... / Так в наказаниях всегда почти бывает; / Которые смиренной, на тех падет вина!.. [М. Ю. Лермонтов. Заблуждение Купидона (1828)]

(21) А здесь изрубленный герой / Воззвать к дружине верной хочет; / И голос замер на устах. / Другой бежит на поле ратном; / Бежит, глотая пыль и прах; / Трикрат сверкнул мечом булатным, / И в воздухе недвижим меч; / Звеня, падет кольчуга с плеч; / Копье рамена прободает, / И хлещет кровь из них рекой. [М. Ю. Лермонтов. Черкесы (1828)]

По-видимому, к концу 1820-х годов имперфективные употребления *пасть* уже осознавались как архаизирующий поэтизм. В этом отношении весьма показательна судьба форм презенса *пасть* у Пушкина: как и во многих других случаях, она очень точно отражает доминирующие тенденции складывающейся новой литературной нормы (ср. Падучева 2001). В ранних текстах Пушкина – до начала 1820-х годов – имперфективный презенс высокочастотен, в том числе в таких ключевых произведениях, как ода «Вольность» (1817), поэмы «Руслан и Людмила» (1820) и «Кавказский пленник» (1821), начальные главы «Евгения Онегина» (1823); вместе с тем, уже в самых первых текстах Пушкина имеются и немногочисленные примеры перфективного употребления форм презенса глагола *пасть*⁷. Перелом происходит в 1823 году, когда мы встречаем последний пример имперфективного презенса (во второй главе «Евгения Онегина») и одновременно – начало последовательного употребления презенса *пасть* в перфективных контекстах (которые мы в дальнейшем находим в «Подражаниях Корану», в «Борисе Годунове», в шестой главе «Евгения Онегина», в «Моцарте и Сальери» и др.). Таким образом, корпус Пушкина

⁶ По мнению исследователей, этот найденный в черновиках Лермонтова набросок нереализованного замысла сочинения из истории Древней Руси (с главным героем по имени Мстислав) датируется 1831 г.

⁷ Случайно или нет, но все ранние примеры у Пушкина содержат повтор глагольной словоформы, ср. ниже (31) и (32).

как в миниатюре отражает тенденции изменения видовой характеристики глагола *пасть* в начале XIX в.; любопытно, что во второй половине 1820-х годов, когда Пушкин уже перестал употреблять имперфективный презенс *пасть*, эта форма устойчиво сохранялась у многих поэтов, бывших как старше (Вяземский), так и моложе Пушкина (Баратынский, Языков, Подолинский, Бенедиктов и др., см. примеры выше). Ср. наиболее показательные примеры имперфективных (22)-(30) и перфективных (31)-(39) употреблений форм презенса *пасть* у Пушкина:

- (22) Он поднял меч... и с трепетом Эвлега / Падет на дерн, как клоч летучий снега,
/ Мятелицей отторженный со скал! [А. С. Пушкин. Эвлега (1814)]
- (23) Молчит Закон – народ молчит, / Падет преступная секира... / И се – злодейская
порфира / На галлах скованных лежит. [А. С. Пушкин. Вольность (ода) (1817)]
- (24) О стыд! о ужас наших дней! / Как звери, вторглись янычары!.. / Падут
бесславные удары... / Погиб увенчанный злодей. [А. С. Пушкин. Вольность
(ода) (1817)]
- (25) Свершились милые надежды, / Любви готовятся дары; / Падут ревнивые
одежды / На цареградские ковры... / Вы слышите ль влюбленный шопот / И
поцелуев сладкий звук <...>? [А. С. Пушкин. Руслан и Людмила (1817-1820)]
- (26) Я вижу: тайная слеза / Падет на стих мой, сердцу внятней; / Ты покраснела,
взор погас; / Вздохнула молча... вздох понятный! [А. С. Пушкин. Руслан и
Людмила (1817-1820)]
- (27) И тихо меч он опускает, / В нем гнев свирепый умирает, / И мщенье бурное
падет / В душе, молением усмиренной: / Так на долине тает лед, / Лучом полудня
пораженный. [А. С. Пушкин. Руслан и Людмила (1817-1820)]
- (28) Раздался девы жалкий стон, / Падет без чувств — и дивный сон / Объял
несчастную крылами. [А. С. Пушкин. Руслан и Людмила (1817-1820)]
- (29) Бывало, в светлый Баиран / Сберутся юноши толпою; / Игра сменяется игрою.
/ То, полный разобрав колчан, / Они крылатыми стрелами / Пронзают в облаках
орлов; / То с высоты крутых холмов / Нетерпеливыми рядами, / При данном
знаке, вдруг падут, / Как лани землю поражают, / Равнину пылью покрывают /
И с дружным топотом бегут. [А. С. Пушкин. Кавказский пленник (1820-1821)]
- (30) Увы! на жизненных браздах / Мгновенной жатвой поколенья, / По тайной воле
провиденья, / Восходят, зреют и падут; / Другие им вослед идут... [А. С. Пушкин.
Евгений Онегин / Глава вторая (1823)]
- (31) Но время протечет, / И с каменных ворот / Падут, падут затворы, / И в пышный
Петроград / Через долины, горы / Ретивые примчат. [А. С. Пушкин. К сестре (1814)]
- (32) О Рим, о гордый край разврата, злодеянья! / Придет ужасный день, день мщенья,
наказания. / Предвижу грозного величия конец: / Падет, падет во прах вселенная
венец. [А. С. Пушкин. Лицинию (1815-1825)]
- (33) Когда-нибудь на грешный кров / Твоих запачканных домов / Небесный гром
конечно грянет, / И – не найду твоих следов! / Падут, погибнут пламена, / И
пестрый дом Варфоломея / И лавки грязные жидов. [А. С. Пушкин. Из письма
к Вигелю (1823)]

- (34) Но дважды ангел вострубит; / На землю гром небесный грянет: / И брат от брата побежит, / И сын от матери отпрянет. / И все пред бога притекут, / Обезображенные страхом; / И нечестивые падут, / Покрыты пламенем и прахом. [А. С. Пушкин. Подражания Корану, 3 (1824)]
- (35) Кровь русская, о Курбский, потечет! / Вы за царя подъяли меч, вы чисты. / Я ж вас веду на братьев; я Литву / Позвал на Русь, я в красную Москву / Кажу врагам заветную дорогу!.. / Но пусть мой грех падет не на меня – / А на тебя, Борис-цареубийца! [А. С. Пушкин. Борис Годунов (1824-1825)]
- (36) <...> невинной музы дани / Сберите. Строгий свет, надменная молва / Не будут ведать их. Увы, моя глава / Безвременно падет: мой незрелый гений / Для славы не свершил возвышенных творений; / Я скоро весь умру. Но, тень мою любя, / Храните рукопись, о други, для себя! [А. С. Пушкин. Андрей Шенье (1825)]
- (37) Паду ли я, стрелой пронзенный, / Иль мимо пролетит она, / Всё благо: бдения и сна / Приходит час определенный! [А. С. Пушкин. Евгений Онегин / Глава шестая (1826)]
- (38) Оковы тяжкие падут, / Темницы рухнут – и свобода / Вас примет радостно у входа, / И братья меч вам отдадут. [А. С. Пушкин. «Во глубине сибирских руд...» (1827)]
- (39) Что пользы, если Моцарт будет жив / И новой высоты еще достигнет? / Подымет ли он тем искусство? Нет; / Оно падет опять, как он исчезнет: / Наследника нам не оставит он. [А. С. Пушкин. Моцарт и Сальери (1830)]

Существенно также, что более поздние примеры употребления *пасть* у Пушкина отражают и общеязыковую семантическую эволюцию этого глагола (о которой подробнее – в следующем разделе): так, в (39) *пасть* уже используется в метафорическом ('прийти в упадок'), а не в прямом («позиционном») значении, которое у него в современном языке утрачено.

III.

История изменения видовой принадлежности глагола *пасть* в начале XIX в. сама по себе интересна, однако она становится еще интереснее, если ее рассматривать не изолированно, а в связи с некоторыми другими семантическими и грамматическими свойствами этого глагола, также претерпевшими заметную эволюцию на протяжении XIX века. В этом случае произошедшие изменения представляются гораздо менее случайными и получают более глубокую интерпретацию на фоне других процессов изменения русской видовой системы. Ниже мы ограничимся лишь некоторыми предварительными замечаниями на эту тему.

Наряду с утратой имперфективных употреблений, глагол *пасть* развил ряд новых аспектуальных корреляций, а также претерпел ряд семантических

изменений. Оба аспекта этой эволюции представляются важными и тесно связанными друг с другом.

В аспектуальном отношении, как отмечено уже в Авилова 1964, имперфективные формы глагола *пасть* заменяются формами презенса глагола *падать*. Собственно, *падать* как имперфективный коррелят *пасть* спорадически употребляется уже в XVIII в. и достаточно быстро вытесняет двувидовые формы этого последнего в презенсе. Ср., например, в тех же самых текстах Пушкина, в которых еще встречается имперфективное *падет*:

- (40) К брегам причалил тайный враг, / Стрела выходит из колчана – / Взвилась – и падает казак / С окровавленного кургана. [А. С. Пушкин. Кавказский пленник (1820-1821)]

По происхождению *падать* является древним итеративом по отношению к *пасть*, и, по-видимому, проделал ту же самую семантическую эволюцию, какая была характерна для всех итеративов, постепенно втягивавшихся в сферу вторичных имперфективов от предельных глаголов (как считается, этот процесс завершается как раз к XVIII – началу XIX вв.). В древнерусских памятниках глагол *падати* зафиксирован вполне надежно, и хорошо видно, что древнейшие примеры его употребления (первые фиксации – не позднее XIII века) отчетливо связаны с выражением не столько имперфективности, сколько глагольной множественности, причем, в полном соответствии с этой семантикой, наиболее частотна в древнерусских текстах форма имперфекта 3 множ. *падаху*, ср.:

- (41) людье же видивше татары на городѣ. оустрѣмишася побѣгнути до дитиньца. и не можаху оумѣстити(с) во ворота. зане мость. бѣше оузокъ воротомъ. и подавиша сѧ сами. а друзии падаху с мостка. в ровъ. акы сноповье. [Волынская летопись (1262–1292)] ‘Люди же, завидев татар в городе, бросились бежать к кремлю и не смогли пройти в ворота, так как мост перед воротами был узок, и одних передавило, а другие попадали с моста в ров, как снопы’
- (42) того(ж) лѣ(т) · бѣ ведро велми · и мнози борове и болота загарася · и дѣмове силни бѣху ꙗко недалече бѣ видѣти чл(в)къмъ · бѣ бо ꙗко мгла к земли прилегла · ꙗко и птица(м) по аеру не бѣ лзѣ лѣтати · но падаху на земли и оумираху [Суздальская летопись (1111–1305), запись под 1223 г.] ‘В тот же год была сильная засуха и горело много лесов и болот, и дым был такой густой, что не было видно на расстоянии – как будто тьма окружила землю, и птицы не могли летать по воздуху, а <то и дело> падали на землю и погибали’

В примерах (41)-(42), как и во многих других однотипных, содержатся явные контекстные указания на множественность описываемых ситуаций, как лексические, так и грамматические (в том числе другие древние многократные глаголы, как, например, *лѣтати*). Во всех этих

случаях описывается последовательное или одновременное падение многих объектов и/или повторяющиеся ситуации падения, но не единичный длящийся процесс падения, как в (40): такие употребления возникают существенно позже.

Возникновение вторичного имперфектива *падать* имело и другое следствие, помимо устранения имперфективных употреблений у форм презенса *пасть*: оно – на первый взгляд, парадоксально – привело к вытеснению и перфективных форм глагола *пасть*, но на этот раз в пользу приставочного коррелята СВ *упасть*. Однако парадоксальным этот процесс на самом деле не является и вполне вписывается в логику развития русской видовой системы, в соответствии с которой глагольные симплексы должны быть имперфективными: единичные исключения представляют собой реликт более древнего состояния с аспектуально нейтральными симплексами и охарактеризованными по виду префиксальными перфективами и вторичными имперфективами (о соотношении симплексов и префиксальных производных в диахронии славянского вида см. подробнее Eckhoff, Janda 2014 и Eckhoff, Naug 2015). В истории русского языка перфективные симплексы в значительной степени устранялись за счет квазисинонимичных префиксальных коррелятов. Так, существовавшие до сравнительно недавнего времени перфективы **ронить* и **стрелить* были вытеснены приставочным *уронить* и *выстрелить*, имперфективными коррелятами которых остались бесприставочные итеративы *ронять* и *стрелять*; это привело к возникновению такого своеобразного явления, как «двухосновная перфективация» (подробно рассмотренного в Плунгян 2015). Пара *упасть* ~ *падать* во многих отношениях близка к парам типа *уронить* ~ *ронять* (где также «потеряно» исходное звено в виде перфективного симплекса); при префиксации итеративных глаголов наблюдается то же противопоставление «итеративной» основы – «простой» (ср. префиксальные перфективы *упасть*, *выпасть*, *запасть*, *попасть*, но *попадать*, *нападать* и т.п. – аналогично парам вида *выстрелить*, но *настрелять*). У большинства русских глаголов такого противопоставления различных основ не наблюдается (ср. имперфектив *резать* и морфологически однородные перфективы *вырезать*, *зарезать*, *нарезать* <много> и т.п.): для перфективации достаточно простого присоединения префикса.

В свете сказанного понятно также, почему в современном русском языке в общем не удержался активный в первой половине XIX в. имперфективный коррелят *упасть* (на этот факт также обратила внимание Н. С. Авилова⁸): при двухосновной перфективации имперфективным коррелятом обычно

⁸ В Авилова 1964 утверждается, что в прозе *упасть* исчезает к 40-м годам XIX в., а в поэзии «сохраняется до конца XIX в.» (Авилова 1964: 36-37). Однако корпусные данные свидетельствуют, что в поэзии *упасть* продолжает достаточно широко употребляться на протяжении всего XX в. (в том числе у Анненского, Бунина, Бальмонта, Блока, Белого, Хлебникова, Ходасевича, Цветаевой, Набокова, Заболоцкого, Самойлова, Кривулина и мн. др. поэтов, вплоть до современных).

остается приставочный глагол с итеративной основой, тогда как все приставочные производные от обеих основ перфективны (не существует глаголов типа *уронять или *застрелять). Вместе с тем, *упадать* не вполне исчез даже из современного языка и по крайней мере в пассивный репертуар образованных носителей языка, безусловно, входит. Любопытно замечание А. П. Чудакова, обратившего внимание, устами одного из героев своей мемуарной прозы, на употребление глагола *упадать* в известном стихотворении Э. Багрицкого 1932 г. «Смерть пионерки» («на плетёный коврик упадет крест»): «Даже у атеиста – одессита, революционного поэта, в стихотворении, безбожном по заданию, – даже у него именно так, только так сказались о кресте. Не падает, а упадет!» [А. П. Чудаков. Ложится мгла на старые ступени (1987-2000)]. Наблюдение героя Чудакова, возможно, отчасти справедливо (некоторая специфическая стилистическая нагруженность у глагола *упадать* действительно есть), но следует иметь в виду, что в первой половине XX века этот глагол был еще достаточно частотен в поэзии, и у самого Багрицкого также встречался и в других (относительно нейтральных) контекстах. Не исключено, что читатель конца XX века воспринимает эту цитату как стилистически менее нейтральную, чем современник Багрицкого.

Наше последнее замечание касается семантической эволюции глагола *пасть*. Как уже было сказано, при двухосновной перфективации исходный симплекс СВ обычно исчезает как избыточное звено аспектуального гнезда. Судьба глагола *пасть* в русском языке оказалась несколько иной. Он не исчез полностью, хотя и существенно снизил употребительность. Строго говоря, этот глагол действительно вышел из употребления в своем основном, «позиционном» значении (в современном русском языке абсолютно немислимы сочетания типа *шкаф пал на пол или *от ветра стакан пал со стола), где его успешно заменяет пара *упасть* ~ *падать*, но сохранился в различного рода метафорических употреблениях, которые в меньшей степени нуждаются в актуализации видового противопоставления. Таково прежде всего значение ‘капитулировать; перестать существовать’ (*диктаторский режим пал; крепость пала*; соотносительных форм НСВ нет), а также ‘умереть (часто в массовом количестве)’ применительно к животным (*лошади пали*; НСВ возможен, но мало употребителен) или ‘погибнуть в сражении’ (*пал в боях за родину*; ср. также частотное причастие *павший*, употребительное в том числе и субстантивированно именно в этом значении; соотносительных форм НСВ нет). К этим контекстам примыкает и значение ‘морально деградировать’ (*как ты мог так низко пасть*; НСВ возможен, но мало употребителен). Помимо этого, *пасть* устойчиво сохраняется в различных идиоматических конструкциях: в современном языке наиболее частотны выражения *выбор пал / падает (на кого-л. или что-л.)*, а также *пасть /*

Впрочем, и в прозаических текстах XX в. *упадать* тоже встречается, обычно с некоторым оттенком архаизации.

падать духом и *пасть* (но не **падать!*) *жертвой*. Любопытно, что образованное от той же основы бесприставочное отглагольное имя ситуации *падение* отражает более архаичное состояние: так, *падение* по-прежнему соотносится и с позиционным значением (*падение шкафа* – так же, как *падение правительства* или *моральное падение*; вместе с тем, существует только *падёж*, но не **падение скота*)⁹.

Таким образом, несмотря на закономерное (после утраты биаспектуальности) исчезновение глагола *пасть* в прямом значении, его позиции в современном языке представляются еще достаточно прочными; но этот редкий симплекс СВ лучше всего сохраняется как *perfectivum tantum* в таких контекстах, где видовая коррелятивность ослаблена или отсутствует.

Библиография

- Авилова 1964: Н.С. Авилова, *Образование видовой корреляции у глаголов, имеющих двувидовое значение*, in: В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова (ред.), *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Глагол, наречие, предлоги, союзы в русском литературном языке XIX века*, Москва 1964, 34-44.
- Андросюк 2015: Н.В. Андросюк, *Биаспектив и контекст*, in: Р. Бенаккьо (ред.), *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст*, München 2015, 21-34.
- Булаховский 1948: Л.А. Булаховский, *Русский литературный язык первой половины XIX в. Том II: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис*. Киев 1948.
- Долгопольский 1963: А.Б. Долгопольский, *Категория вида в русском языке и вероятностный характер связи означаемого с означающим*, in: *Проблемы структурной лингвистики*, Москва 1963, 266-281.
- Еськова 1990/2011: Н.А. Еськова, *Формальные соотношения между членами видовых пар в русском языке*, in: Н.А. Еськова, *Избранные работы по русистике: Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография*, Москва 2011, 230-241.

⁹ Замечательным образом, *падение* невозможно и в качестве номинализации ситуации *пасть в бою / на поле брани*: здесь может быть использован только супплетивный коррелят *гибель*.

- Зализняк и др. 2015: Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелёв, *Русская аспектология: в защиту видовой пары*. Москва 2015.
- Зельдович 2012: Г.М. Зельдович, *Прагматика грамматики*. Москва 2012.
- Зорихина-Нильссон 2014: Н. Зорихина-Нильссон, *Несовершенный вид и сукцессивность: К вопросу о нетривиальных контекстах в русском языке в плане прошлого*, "Scando-Slavica", 60, 2, 2014, 172-188.
- Иткин 2014: И.Б. Иткин, *Можно ли определить вид русского глагола?* In: *Международная конференция «Научное наследие и развитие идей Ю. С. Маслова»: Тезисы*. Санкт-Петербург 2014, 84-86.
- Кнорина 1976: Л.В. Кнорина, *Семантическая классификация и виды глагола (на материале глаголов на -овать)*, "Семиотика и информатика", 7, 1976, 62-78.
- Никитина 2014: Е.Н. Никитина, *Видо-временные формы рамочных глаголов в русском нарративе XIX-XXI веков*, «Русский язык в научном освещении», 2014, 28 (2), 58-81.
- Падучева 2001: Е.В. Падучева, *Русский литературный язык до и после Пушкина*, in: Gerhard Ressel (ed.), *A.S. Puškin und die kulturelle Identität Russlands*, Frankfurt/Main 2001, 97-108.
- Падучева 2015: Е.В. Падучева, *Обиаспектуальности русского глагола быть*, in: М. Китадзё (под ред.), *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*, Киото 2015, 176-184.
- Плунгян 2015: В.А. Плунгян, *Двухосновная перфективация в русском языке: морфология и семантика*, in: М. Китадзё (под ред.), *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*, Киото 2015, 208-212.
- Черткова, Чанг Пей-Чи 1998: М.Ю. Черткова, Чанг Пей-Чи, *Эволюция двувидовых глаголов в современном русском языке*, "Russian Linguistics", 22, 1, 1998, 13-34.
- Eckhoff, Haug 2015: Н.М. Eckhoff, D.T. Haug, *Aspect and prefixation in Old Church Slavonic*, "Diachronica", 32 (2), 2015, 186-230.
- Eckhoff, Janda 2014: Н.М. Eckhoff, L. Janda, *Grammatical Profiles and Aspect in Old Church Slavonic*, "Transactions of the Philological Society", 112 (2), 2014, 231-258.

Abstract

Vladimir Plungjan

For a list of biaspectual verbs in Russian: the history of past'

The paper is concerned with the history of the Russian verb *past'* 'fall', which until the mid-19th century used to have biaspectual present forms. The analysis deals both with the historical motivation for this biaspectual behaviour and the factors behind its loss. The most important stage of the process seems to be the gradual disappearance of the primary spatial usages of *past'*: these came to be expressed by a newly created aspectual pair, *padat'*/*upast'*. The latter is close to the so-called two-stem perfectivization verbs, which I examined in more detail in my previous work.

Keywords: Russian aspect, biaspectual verbs, two-stem perfectivization

Префиксация глаголов неопределенного движения в русском языке

Луиза Руволетто

1. Общая характеристика

Настоящая статья посвящена анализу грамматических характеристик и употреблений некоторых приставочных глаголов движения совершенного вида в русском языке. Общей характеристикой данных глаголов является то, что они образуются путем префиксации от глаголов неопределенного движения (далее глаголы НД) *ходить*, *носить* и *ездить*.

Особенность данных приставочных образований состоит в том, что они являются переходными и употребляются в переносном значении в таких выражениях, как, например, *выходить/отходить больного*, *выходить ребенка*, *доносить/износить/разносить обувь и одежду*, *наездить определенное расстояние* и т.д. (см. об этом также Janda 2010: 137).

Мы проведем анализ, исходя из акциональных характеристик мотивирующих глаголов и, следовательно, с точки зрения значений и функций префиксов в данных приставочных глаголах. В частности, мы проверим возможность классификации префиксов на основании их значений и функций на «лексические» и «супралексические».

Общеизвестно, что в русском языке существует группа омонимических глаголов, таких как *заходить*^{НСВ} и *заходить*^{СВ}, *отходить*^{НСВ} и *отходить*^{СВ}, *разносить*^{НСВ} и *разносить*^{СВ} и др., среди которых глаголы несовершенного вида являются видовыми коррелятами приставочных глаголов, образованных от глаголов определенного движения (далее глаголы ОД), а глаголы совершенного вида либо принадлежат классу *perfectiva tantum*, либо составляют предельные видовые пары со своими вторичными имперфективами. В настоящей работе анализ фокусируется на приставочных глаголах совершенного вида.

Чтобы понять, каковы главные лексические черты глаголов НД, необходимо упомянуть основные термины, с помощью которых определяются данные глаголы. Их называют глаголами неоднонаправленного движения (Шведова 1980), глаголами неопределенного движения (Зализняк и др. 2015), *Indeterminate* (Foote 1967, Forsyth 1970), *Non-determined* (Janda 2008) и *Non-directional* (Nesset 2008). Кроме того, «глаголы типа *ходить* называют также

глаголами ненаправленного (разнонаправленного, неоднаправленного) движения, или моторно-кратными» (Зализняк и др. 2015: 99).

Все вышеуказанные термины связаны с главной характеристикой этих глаголов, т.е. с их невозможностью описывать однократное движение в определенном направлении. Заметим еще, что почти все эти термины отрицательно характеризуют глаголы НД или, скорее всего, подчеркивают отсутствие той характеристики, которая определяет значения глаголов ОД¹, а именно направленности движения и вообще какой-либо определенности (направления, актуальности действия, временной локализации).

Истории категории неопределенности глаголов движения в праславянском языке посвящена работа С. М. Дики (Dickey 2010). В ней глаголы НД называются глаголами способа движения (*Manner of Motion Verbs*), а глаголы ОД глаголами движения (*Verbs of Motion*). В трактовке американского слависта в эпоху праславянского языка глаголы НД обозначали лишь способ осуществления самого движения и приравнялись, с точки зрения акциональности, к глаголам деятельности (типа *Activity* по работе Vendler 1957). При этом они не характеризовались неоднаправленностью движения субъекта или объекта предложения, так как в некоторых примерах из древнеславянских текстов они могли обозначать и однонаправленное, временно локализованное движение.

В современном русском языке категория неопределенности движения значительно отличается от категории ненаправленности. Из четырех типичных ситуаций, в которых употребляются глаголы НД, лишь в двух выделяется ненаправленность движения: в значениях разнонаправленного движения и движения как физической деятельности. В остальных употреблениях – в значениях кратно-направленного или двунаправленного движения («туда и обратно») – направленность регулярно присутствует в значении глагола.

Для нас важно учитывать неопределенный характер движения в связи с акциональным статусом мотивирующих глаголов, а также полученных производных: если мотивирующие глаголы являются непредельными, о чем пойдет речь ниже по отношению к глаголам НД, то возможно отчасти предвидеть их поведение в случае префиксации. В данном случае дериваты относятся к категории способов действия (см. §2.1).

В других случаях те же мотивирующие глаголы (НД) могут присоединять префиксы и приобретать при этом совсем другое значение, близкое к предельному. Результаты этого феномена будут рассмотрены ниже (см. §2.2).

¹ В выражении «она идет» глагол ОД *идти* может обозначать, что человек в определенный момент осуществляет поступательное движение в определенном направлении, а в выражении «она ходит» глагол НД *ходить* этого обозначать никак не может. По схеме Талми (Talmy 1985) глаголы ОД описывают движение (*Motion*) одного элемента (*Figure*) по определенному маршруту (*Path*) по отношению к определенному месту (*Ground*), а глаголы НД выражают понятие движения во всех остальных ситуациях.

2. Значение и аспектуальная функция префикса с мотивирующими глаголами НД

Итак, глаголы НД не могут описывать однократное перемещение субъекта или объекта в определенном направлении, в отличие от глаголов ОД, которые описывают в первую очередь перемещение такого типа. Кроме того, глаголы НД используются в описании движения как физической деятельности или физической возможности выполнять описываемое движение. Таким образом становится ясно, какова их основная акциональная характеристика: они являются непредельными глаголами или, точнее говоря, глаголами деятельности. Глаголы ОД, наоборот, в предикатах с актантом Места в виде обстоятельства места (эксплицитно выраженного или подразумеваемого) являются предельными. Именно от этого зависит поведение приставочных глаголов движения, образованных как от глаголов НД, так и от глаголов ОД, по отношению к виду и системе способов действия.

Как известно, префиксация глагола регулярно приводит к образованию приставочного глагола совершенного вида, если, конечно, после префиксации не осуществлялся процесс имперфективации самого глагола (Зализняк и др. 2015: 89). При этом необходимо различать проблематику, связанную с грамматической категорией вида, и вопросы, имеющие отношение к способам действия.

Что касается глаголов *ходить*, *носить*, *ездить*, так же, как и всех глаголов НД, известно, что в результате префиксации с помощью *по-*, *за-*, *от-*, *про-* и *с-* (1) чаще всего не образуются видовые пары², (2) образуются глаголы, выражающие способы действия, (3) префикс приобретает временное значение: делимитативное, начинательное, финитивное, пердуративное, однократное.

2.1. «Стандартные» префиксальные образования

Префиксы, присоединяющиеся к глаголам движения, как правило не являются чистовидовыми. В силу того, что каждое движение имеет место в пространстве, префиксы, исходное значение которых является именно пространственным, не теряют свое первоначальное собственное значение и не подвергаются той семантической метафоризации или нейтрализации значения, которые при определенных условиях происходят в случае присоединения префиксов к другим глаголам.

² Составляют исключение пары, образованные присоединением префикса *с-* к глаголам НД со значением двунаправленного движения «туда и обратно» (*ходить*^{НСВ}/*сходит*^{СВ}, *ездить*^{НСВ}/*съездить*^{СВ} и т. д.).

Общеизвестно, что акциональные характеристики исходных глаголов определяют функцию самих префиксов, присоединяющихся к ним. Таким образом, в русском языке при префиксации глагола деятельности с помощью некоторых приставок образуются приставочные глаголы совершенного вида, относящиеся не к системе видовой коррелятивности, а к системе способов действия. Глаголы движения не являются исключением.

Префиксальные глаголы *походить*, *заходить* и *отходить* являются глаголами совершенного вида, предел которых является лишь временным, как у всех глаголов, выражающих делимитативный, начинательный и финитивный способы действия.

Итак, префиксальные образования от глаголов НД можно распределить по способам действия: делимитативный (*Походил, походил, потом думаю, — дай зайду*)³, начинательный (*И тогда 48100 вдруг встал и забегал по камере*)⁴, финитивный (*А я вот уже не выйду. Я свое отплавал*)⁵, пердуративный (*Как-то во время ночного дежурства она всю ночь пронесила на руках «тяжелого» малыша*)⁶ и однократный (*Однажды мы вместе с ним втихую слетали в Лас-Вегас*)⁷.

Мы называем вышеуказанные приставочные образования стандартными потому, что в них результат префиксации вполне регулярен и предсказуем: мотивирующий глагол – неопредельный, а мотивированный с префиксами *по-*, *за-*, *от-*, *про-* и *с-* выражает определенный способ действия.

2.2. «Нестандартные» префиксальные образования

Проанализируем теперь приставочные глаголы, образованные от глаголов НД *ходить*, *носить* и *ездить* с помощью префиксов *вы-*, *до-*, *за-*, *из-*, *на-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *про-*, *раз-* и *с-*.

Мотивирующие глаголы те же, о которых шла речь выше, т.е. неопредельные глаголы типа *Activity*, но в этот раз результат префиксации совсем другой. В данном случае приставочные образования не относятся к ряду способов действия, а имеют результативное значение и образуют видовые пары предельного типа. За исключением глагола *наезжать*, их имперфективные корреляты являются дериватами по вторичной имперфективации с суффиксом *-ива-* и регулярным чередованием в основе:

³ А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью, 2001. Данный пример, как и следующие примеры, взят из Национального корпуса русского языка (НКРЯ, www.ruscorpora.ru).

⁴ Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей. Приложение, 1964.

⁵ Г. Владимов. Три минуты молчания, 1969.

⁶ И. Безладнова. Дина, «Звезда», 2003.

⁷ И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий, 1995-1999.

СВ	НСВ
<i>выходить</i>	<i>выхаживать</i>
<i>исходить</i>	<i>исхаживать</i>
<i>отходить</i>	<i>отхаживать</i>
<i>доносить</i>	<i>донашивать</i>
<i>заносить</i>	<i>занашивать</i>
<i>износить</i>	<i>изнашивать</i>
<i>обносить</i>	<i>обнашивать</i>
<i>переносить</i>	<i>перенашивать</i>
<i>проносить</i>	<i>пронашивать</i>
<i>разносить</i>	<i>разнашивать</i>
<i>сносить</i>	<i>снашивать</i>
<i>наездить</i>	<i>наезжать</i>

Возникает вопрос о том, почему в данном случае мотивирующие глаголы ведут себя не так, как глаголы, описанные в §2.1, и почему с ними префикс приобретает другую функцию, другие значения. Иными словами, в чем проявляется особенность этих префиксальных образований?

Начнем с анализа конкретных конструкций, в которых они используются.

2.2.1. Сфокусируем свое внимание на глаголах, образованных от мотивирующего глагола *ходить* с префиксами *вы-* и *от-*. Сразу отметим тот факт, что с помощью этих префиксов глаголы становятся переходными (*выходить/отходить больного* и *выходить ребенка*). Присутствие объекта в предикате говорит о том, что в значении глагола заложен внутренний предел действия. Совершение действия (достижение предела) конкретно измеряется как бы сменой состояния объекта предиката, хотя в значении мотивирующего глагола *ходить* нет никакого внутреннего предела действия. Значит, преобразование лексической и акциональной характеристики глагола в сторону предельного значения вызвано именно префиксацией.

В примерах (1) и (2) значение глаголов *выходить* и *отходить* можно истолковать соответственно как «заботливым уходом добиться выздоровления больного» (см. глагол *выхаживать* в словаре БАС 2005: 624), или как «тщательным уходом вылечить, привести в чувство кого-либо» (см. глагол *отхаживать* в словаре БАС 2011: 83):

- (1) Глебов вернулся из леса после похорон, чуть не умер от воспаления легких, его *выходила* баба Нила. (Ю. Трифонов. Дом на набережной, 1976)
- (2) Лави рассказала, как он, застав жену с кем-то, так ее избил, что в больнице еле *отходили*. (Т. Окуневская. Татьянин день, 1998)

С помощью префиксов *вы-* и *от-* глаголы приобретают результативное значение. Префиксы сохраняют оттенок своего исходного значения, поскольку осуществление указанного глаголом действия проявляется

конкретно при выходе из состояния болезни (1), при отдалении от тяжелого физического состояния (2).

В примерах (3) и (4) глаголы *выходить* и *выхаживать* с объектом *ребенок* имеют значение «выращивать, воспитывать». Значение глагола проявляется в заботливом и тщательном уходе за ребенком с целью его воспитания:

- (3) Принесла домой, а Марья от него нос воротит: «Ты рожала, ты и *выхаживай*». (И. Грекова. Перелом, 1987)
- (4) Вовка родился в войну, он был хилый, болезненный, и Лизе пришлось бросить учительство, чтобы *выходить* ребенка. (Д. Гранин. Искатели, 1954)

Тот факт, что от глагола *выходить* образуется вторичный имперфектив *выхаживать* (3), свидетельствует о том, что перфектив выражает результативное значение. В примерах (3) и (4) представлена предельная видовая пара *выходить*^{CB}/*выхаживать*^{HCВ}.

2.2.2. Префиксы *до-*, *пере-* и *вы-* встречаются в выражениях *доносить/донашивать*, *переносить/перенашивать* и *выносить/вынашивать* ребенка.

Значение нового приставочного глагола складывается из суммы значения глагола НД *носить* (*в себе*) и значения присоединяемого к нему префикса: *до-* («довести до какого-либо предела [...] действие», Ефремова 1996: 112), так же как и префиксов *пере-* («со значением завершения действия [...] по истечении какого-то промежутка времени», Ефремова 1996: 367) и *вы-* («довести до полной завершенности, законченности, исчерпанности действие», Ефремова 1996: 107).

Приведем примеры (5) и (6) с выражением *доносить/донашивать* ребенка:

- (5) И вот женщина продолжает ребенка *донашивать* - только не внутри, а снаружи. (М. Шишкин. Письмовник, 2009 / «Знамя», 2010)
- (6) Из-за стрессов и ранений женщины все чаще стали рожать мертвых детей, даже если не было выкидыша и плод был *доношен*. (Г. Садулаев. Одна ласточка еще не делает весны, «Знамя», 2005)

Выражение *доносить* ребенка указывает на естественное окончание беременности. Тут предел действия по самой природе объекта четко ощутим. В приведенных примерах глаголы *донашивать* и *доносить* выражают соответственно предельный процесс «донашивать ребенка» (5) и достижение предела «плод доношенный» (6). Глаголы образуют предельную видовую пару.

2.2.3. Префиксы *до-*, *за-*, *из-*, *об-*, *пере-*, *про-*, *раз-* и *с-* встречаются в некоторых выражениях с глаголом *носить*, обозначающим действие *носить* (*на себе*). Например, префикс *раз-* («в разные стороны», Ефремова 1996:

425) определяет эффект, оказываемый глаголом *носить* на объект предиката: выражение *разносить обувь* значит «растянуть, расширить обувь (как бы в разные стороны)»:

- (7) Есть известные, как *разношенные* тапочки, парламентские партии. (Л. Радзиховский. Энергетический кризис, «Время МН», 28.04.2003)
- (8) Странный материал, из которого сделана моя обувь, не растягивается, не *разнашивается*, только ссыхается и затвердевает неожиданными выпуклостями вовнутрь. (Г. Садулаев. Таблетка, 2008)

В примере (7) выражение *разношенные тапочки* указывает на то, что к долго использованным тапочкам ноги уже привыкли, в результате чего тапочки хорошо известны. В примере (8) глагол *разнашиваться* обозначает процесс адаптации обуви к ногам.

Выражение *доносить обувь* или *одежду* указывает на дополнительное использование вещей, прежде уже использованных другим лицом или ему принадлежавших:

- (9) Прежде чем идти под венец, надо было просто успеть *доносить* свои башмаки. (В. Ерофеев. Проза из журнала «Вече», 1973)
- (10) А элегантно он умел бывать и в дни финансового неблагополучия, когда *донашивал* старые отцовские костюмы. (И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий, 1995-1999)

В примерах (9) и (10) глагольная пара *донашивать/доносить* представляет собой предельную видовую пару.

Итак, все указанные значения возникают именно в выражениях с объектами *обувь (разносить, доносить)* и *одежда (доносить)*. При этом видовое значение этих перфективов – результативное.

2.2.4. В выражениях типа *исходить весь парк* и *наездить* «определенное расстояние» регулярное присутствие прямого объекта в предикате говорит о том, что в значении глагола заложен внутренний предел действия. Следовательно, в этих образованиях префиксация опять влечет за собой преобразование акциональной характеристики глагола в сторону предельности и, конечно же, перфективности:

- (11) За десять лет *исходил* все окрестности своего Шелтозера. (Второе пришествие Рюрика, «Культура», 01.04.2002)
- (12) Сад – возле дома, тот, с каштанами. *Исхоженный* вдоль и поперек. (И. Грекова. Фазан, 1984)

В выражениях с глаголами *исходить/исхаживать* объект часто сопровождается прилагательным *весь*, которое поддерживает и подчеркивает значение полного достижения предела, как в (11), или присутству-

ет наречное выражение с таким же значением, как *вдоль* и *поперек* в (12). В первом из двух приведенных примеров наличествует еще обстоятельство времени, определяющее временной промежуток, в рамке которого совершается действие. Глагол *исходит* в этом значении подвергается вторичной имперфективации.

Несколько иным представляется значение префикса *на-* в образованиях с мотивирующим глаголом *ездить*. Префикс здесь обозначает значение «направить на поверхность чего-либо действие» (Ефремова 1996: 269), что и лежит в основе кумулятивного способа действия. Как показывают примеры (13) и (14), почти во всех случаях указывается количественное измерение проезжаемого пространства; если оно не указывается, то в предложении может присутствовать квантификатор *много*. Такое указание объекта способствует осмыслению предельности и результативности всего предиката:

(13) Мой «Москвич» в Брянске совсем дошел, и я его продал там за четверть цены (*наездил* всего 5000 километров). (Н. Амосов. Голоса времен, 1999)

(14) Остальное придет с опытом, когда ты *наеддишь* свои первые сто тысяч километров. (Б. Левин. Блуждающие огни, 1995)

Итак, в проанализированных предикатах помимо префиксации глаголов НД отмечается предельное осмысление глагольной группы (далее ГГ). Феномен описан в работе Richardson 2007 под названием «композициональная структура события». Он касается как лексического, так и синтаксического уровня. С одной стороны, на уровне лексики наблюдаются следующие явления: действие происходит в конкретных бытовых ситуациях, в которых процесс действия естественным образом достигает своего результата; в контексте часто появляются обстоятельства, способствующие предельному истолкованию предиката.

С другой стороны, на уровне синтаксиса происходит и транзитивизация глаголов, мотивированных непереходными *ходить* и *ездить*, и устойчивое выражение прямого дополнения (объекта).

Вернемся к вопросу о том, какова функция префиксов в рассматриваемых приставочных глаголах.

3. Префиксы супралексические и лексические

В последние десятилетия в лингвистике принято использовать термины «супралексические» (внешние) и «лексические» (внутренние) по отношению к глагольным префиксам (см., среди прочих, Babko-Malaya 1999, Di Sciullo, Slabakova 2005, Ramchand 2004, Richardson 2007, Romanova 2004, Svenonius 2004, 2008, Tatevosov 2008, Татевосов 2009, 2013, Tolskaya 2007).

По данной терминологии префиксы, присоединяющиеся к глаголам НД, входят в группу супралексических, а те, которые присоединяются к

глаголам ОД, входят в группу лексических. Первые (супралексические) выступают своего рода адвербиалами в предикате, у которого лишь один аргумент, внешний по отношению к ГГ; вторые (лексические) ведут себя совсем иначе, воздействуя на внутренний аргумент ГГ (Пациенс), т.е. на объект переходных глаголов или на субъект неаккузативных глаголов.

Учет основных характеристик двух групп префиксов, отличающихся друг от друга по своим значениям и функциям, позволил разделить их следующим образом (см., например, Svenonius 2004, Tatevosov 2008):

- 1) супралексические префиксы (действующие вне ГГ)
 - выражают устойчивые значения в разных префиксальных образованиях;
 - не изменяют аргументную структуру исходной ГГ;
 - от префиксальных глаголов не образуются отглагольные имена существительные.
- 2) лексические префиксы (действующие внутри ГГ)
 - образуют глаголы СВ, значение которых происходит от слияния значений префикса и мотивирующего глагола;
 - могут изменить аргументную структуру ГГ (по отношению к мотивирующему глаголу);
 - от префиксальных глаголов образуются отглагольные имена существительные.

Возвращаясь к разделению на стандартные и нестандартные префиксальные образования, первую группу образований (на наш взгляд, «стандартных») следует отнести к приставочным глаголам с супралексическими префиксами (*походить, забегать, отплавать* и т. д.), а вторую группу («нестандартных») – к глаголам с лексическими префиксами (*выходить* больного/ребенка, *отходить* больного, *доносить* одежду/обувь, *разносить* обувь, *исходить* весь парк, *наездить* 100 км и т. д.).

Действительно, префиксы, проанализированные в §2.2, можно отнести к лексическим, поскольку они образуют глаголы СВ с особыми значениями и меняют аргументную структуру по отношению к исходной ГГ. Кроме того, от глагола СВ образуется вторичный имперфектив, от которого образуется отглагольное имя существительное (ср., например, *выходить* (больного) → *выхаживать* → *выхаживание*).

Функция лексического префикса относится к категории вида и определяется на уровнях синтаксиса и видового значения. Таким образом, она тесно связана с акциональным статусом предиката. По отношению к глаголам движения лексический префикс присоединяется и к глаголам ОД, и к глаголам НД. Например, префикс *за-* как лексический присоединяется и к глаголу *нести*, и к глаголу *носить*. Следовательно, функция префикса одна: глаголы *занести* и *заносить* входят в разные предельные пары (соответственно *занести/заносить* и *заносить/занашивать*), но при присоединении префикса к разным мотивирующим глаголам *нести* и *носить*

его значения разные. При этом с мотивирующим глаголом *нести* префикс сохраняет пространственное значение, а с глаголом *носить* он переходит к переносному значению в связи с тем, что мотивирующий глагол НД сохраняет свою акциональную черту глагола деятельности (*Activity*). То же можно сказать о префиксах *от-* и *до-*. В этом случае значение префикса преобразуется и приобретает временную характеристику на базе метафоризации понятия пространства в сторону понятия времени (ср. выражение «Time is Space» в работе Tolskaya 2007: 361).

Кроме того, образованные от глаголов НД приставочные глаголы с префиксами *за-* и *от-* могут выражать совсем другое значение, т.е. начинательный и финитивный способы действия; в этом случае, как уже было замечено выше, префиксы являются супралексическими.

4. Заключение

Итак, в русском языке существует ряд примеров употребления приставочных глаголов (образованных от глаголов НД) с непространственными префиксами в супралексической или лексической функциях.

С одной стороны, присоединяясь к глаголам деятельности, префиксы *по-*, *за-* и *от-* приобретают супралексическую функцию, определяющую значение способа действия приставочного перфективного глагола. В глагольной лексике русского языка это происходит регулярно.

С другой стороны, в §2.2 мы показали, что присоединение префиксов *до*, *за*, *из*, *об*, *пере*, *про* и *раз* к глаголам НД (*Activities*) приводит к смене акционального статуса исходного глагола. В результате приставочные глаголы относятся к предельным глаголам свершения (*Accomplishments*) с результативным значением, а сами префиксы можно определить как лексические.

Используемые сокращения

ГГ	глагольная группа (Verbal Phrase)
НД	(глаголы) неопределенного движения
ОД	(глаголы) определенного движения
НСВ	несовершенный вид
СВ	совершенный вид

Библиография

- БАС 2004-2014: *Большой академический словарь русского языка*, Институт лингвистических исследований РАН, тт. 1-23, Москва-Санкт Петербург 2004-2014.
- Ефремова 1996: Т.Ф. Ефремова, *Толковый словарь слово-образовательных единиц русского языка*, Москва 1996.
- Зализняк и др. 2015: А.А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелев, *Русская аспектология: в защиту видовой пары*, Москва 2015.
- Татевосов 2009: С.Г. Татевосов, *Множественная префиксация и анатомия русского глагола*, in: К.Л. Киселева, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, С.Г. Татевосов (под. ред.), *Корпусные исследования по русской грамматике*, Москва 2009, 92-156.
- Татевосов 2013: С.Г. Татевосов, *Множественная префиксация и ее следствия (Заметки о физиологии русского глагола)*, «Вопросы Языкознания», 3, 2013, 42-89.
- Шведова 1980: Н.Ю. Шведова (гл. ред.), *Русская грамматика*, Москва 1980.
- Babko-Malaya 1999: O. Babko-Malaya, *Zero Morphology: A Study of Aspect, Argument Structure and Case*, Ph.D. dissertation, Rutgers University, New Brunswick, New Jersey 1999.
- Di Sciullo, Slabakova 2005: A. M. Di Sciullo, R. Slabakova, *Quantification and Aspect*, in: H. J. Verkuyl, H. de Swart, A. van Hout (eds.), *Perspectives on Aspect*, Dordrecht 2005, 61-80.
- Dickey 2010: S. M. Dickey, *Common Slavic "indeterminate" verbs of motion were really manner-of-motion verbs*, in: V. Hasko, R. Perelmutter (eds.), *New Approaches to Slavic Verbs of Motion*, Studies in Language Companion Series 115, Amsterdam-Philadelphia 2010, 67-109.
- Foote 1967: I. P. Foote, *Verbs of Motion. Studies in the Modern Russian Language*, Cambridge 1967, 4-33.
- Forsyth 1970: J. Forsyth, *A Grammar of Aspect. Usage and Meaning of the Russian Verb*, Cambridge 1970.
- Janda 2008: L. A. Janda, *Motion Verbs and the Development of Aspect in Russian*, "Scando-Slavica", 54, 2008, 179-197.
- Janda 2010: L. A. Janda, *Prefixed Perfectives from Non-Determined Motion Verbs in Russian*, in: V. Hasko, R. Perelmutter (eds.), *New Approaches to Slavic Verbs of Motion*, Studies in Language Companion Series 115, Amsterdam-Philadelphia 2010, 125-140.

- Nesset 2008: T. Nesset, *Path and Manner: An Image-Schematic Approach to Russian Verbs of Motion*, "Scando-Slavica", 54, 2008, 135-158.
- Ramchand 2004: G. C. Ramchand, *Time and the event: The semantics of Russian prefixes*, "Nordlyd", Special issue on Slavic prefixes, 32 (2), 2004, 323-361.
- Richardson 2007: K. R. Richardson, *Case and Aspect in Slavic*, New York 2007.
- Romanova 2004: E. Romanova, *Superlexical vs. lexical prefixes*, "Nordlyd", Special issue on Slavic prefixes, 32 (2), 2004, 255-278.
- Svenonius 2004: P. Svenonius, *Slavic Prefixes inside and outside VP*, "Nordlyd", Special issue on Slavic prefixes, 32 (2), 2004, 205-253.
- Svenonius 2008: P. Svenonius, *Russian prefixes are phrasal*, in: G. Zybatow, L. Szucsich, U. Junghanns, R. Meyer (Hrsg.), *Proceedings of Formal Descriptions of Slavic Languages*, 5, Frankfurt am Main 2008, 526-537.
- Talmy 1985: L. Talmy, *Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms*, in: T. Shopen (ed.), *Language Typology and syntactic description. Vol. III: Grammatical categories and the lexicon*, Cambridge 1985, 57-149.
- Tatevosov 2008: S. Tatevosov, *Intermediate Prefixes in Russian*, in: A. Antonenko, C. Bethin, J. Baylin (eds.), *Formal Approaches to Slavic Linguistics 16: The Stony Brook Meeting*, New York-Ann Arbor 2008, 423-442.
- Tolskaya 2007: I. Tolskaya, *Unifying Prepositions and Prefixes in Russian: Conceptual structure versus syntax*, "Nordlyd", Special issue on Space, Motion, and Result, 34 (2), 2007, 345-370.
- Vendler 1957: Z. Vendler, *Verbs and Times*, "The Philosophical Review", 66 (2), 1957, 143-160.

Abstract

Luisa Ruvoletto

Prefixation in verbs of indeterminate motion in Russian

This paper deals with the different meanings and functions of prefixes in perfective verbs derived from the indeterminate motion verbs *chodit'*, *nosit'* and *ezdit'*. In some expressions with transitive verbs such as *vychodit'*, *otchodit'*, *ischodit'*, *donosit'*, *raznosit'* and *naezdit'*, the prefixes *vy-*, *ot-*, *iz-*, *do-*, *raz-* and *na-* are lexical (or inside VP). Their

function consists in creating accomplishment verbs with a resultative meaning. On the other side, the prefixes *po-*, *za-* and *ot-* in such verbs as *pochodit'*, *zachodit'*, *ot''ezdit'* are superlexical (or outside VP). In this case, they mean 'for a while', 'begin' and 'stop' respectively. They have the function of expressing additional meanings (*Aktionsarten/ sposoby dejstvija*) which refer to the duration, inception and cessation of an action. The analysis of the different behaviours of lexical and superlexical prefixes allows a better understanding of all the prefixed verbs derived from indeterminate motion verbs.

Keywords: indeterminate motion verbs, lexical and superlexical prefixes, Aktionsarten

Супралексический префикс *по-* в русском и болгарском языках

Светлана Славкова

1. Вступительные замечания

В настоящей работе мы хотим предложить краткий сопоставительный обзор русских и болгарских супралексических префиксов, чтобы затем остановиться более подробно на значениях болгарского префикса *по-* и на его отличии от его русских соответствий. В качестве исходной для сопоставительного анализа мы будем использовать классификацию русских префиксов, предложенную в Татевосов 2009 и развивающую положения, изложенные прежде всего в работах Babko-Malaya 1999 и Svenonius 2008. Для анализа мы использовали материал словарей, Национальный корпус русского языка (далее НКРЯ), в том числе параллельный русско-болгарский подкорпус, Болгарский национальный корпус (далее БНК), форумы, блоги, статьи в интернете.

Вопросы глагольного словообразования рассматривались в русистике в русле изучения глагольного вида и способов глагольного действия (Виноградов 1986, Исаченко 1960, Зализняк, Шмелев 2000, Грамматика-80), а также с точки зрения семантически обусловленных сочетаемостных свойств корневых и аффиксальных морфем (Милославский 1980, Улуханов 1977). В этих работах выдвигалась идея о содержательной равноценности словообразовательных средств, о возможности синтеза их семантики и получения нового 'продукта', не являющегося простым сложением двух элементов А и В, а представляющего новую, воспроизводимую языковую единицу С.

В современной (как российской, так и западной) лингвистике возросший интерес к семантике глагольных приставок и к их роли в образовании новых глаголов с сопутствующей сменой акциональных характеристик и валентностных свойств (помимо, естественно, вида исходных глаголов), привел к новым подходам к рассмотрению синтагматических характеристик префиксов и к их новым классификациям: «Обнаружение того, что префиксы в славянских языках структурно неоднородны и образуют по меньшей мере две обширные группы – внутренние, или лексические, и внешние, или супралексические, – одно из главных достижений западной славистики в последние 10 лет» (Татевосов 2009: 98). В этом ключе работает Л. Янда,

которая рассматривает русские глагольные приставки с т.зр. их способности образовывать естественные (чистовидовые в русской традиции), специализированные, комплексные и однократные перфективы в русском языке (см. об этом подробнее в Янда 2012, Janda et al. 2013). Классификация Л. Янды перекликается с другими исследованиями по глагольной префиксации. Здесь в первую очередь, надо заметить, что специализированные и комплексные перфективы, выявленные в работах Янда 2012 и Janda et al. 2013, можно соотнести с глагольными совершаемостями по А.В. Исаченко, в частности, с глаголами СВ, образованными путем присоединения, соответственно, приставок-квалификаторов и приставок-модификаторов (Исаченко 1960: 222-223). В иной терминологии, речь идет о лексических (внутренних) и супралексических (внешних) префиксах¹, выделяемых для русского и других славянских языков (см., в частности, Svenonius 2008, 2004, Di Sciullo, Slabakova 2005). Общеизвестным считается также, что специализированные и комплексные префиксы различаются в русском языке по способности образовывать вторичные имперфективы (первые образуют их свободно, а вторые – нет).

Проводя семантический и структурный анализ супралексических (внешних) префиксов, С.Г. Татевосов в своей работе (2009) разделяет эти префиксы на два основных класса²: селективно-ограниченные и позиционно-ограниченные.

К селективно-ограниченным префиксам относятся кумулятивный *на-* (*набрать* <грибов>, *наварить* <варенья>, *начистить* <картошки>), инцептивный *за-* (*забегать*, *запеть*), делимитативный *по-* (*посидеть*, *побегать*, *пописать* <письмо>), дистрибутивный *пере-* (*переловить* <всех преступников>, *пересажают* <всех врагов>). Префиксы этого класса присоединяются к основе несовершенного вида и, как правило, не образуют вторичных имперфективов³.

Класс позиционно-ограниченных префиксов составляют репетитивный *пере-* (*переписать*, *перечитать*, *переделать*), комплетивный *до-* (*доделать*,

¹ См. об этом сноску 2 в Янда 2012: 4.

² При анализе класса внешних префиксов автор принимает во внимание параметры семантической композициональности, степень воздействия префикса на актантную структуру основы глагола, порядок присоединения внешних и внутренних префиксов (Татевосов 2009: 100).

³ За исключением глаголов с кумулятивным *на-*, позволяющих образования типа: *Она наваривала себе большие кастрюли компоту и съедала его с серым хлебом, в одиночку.* (http://www.100bestbooks.ru/read_book.php?item_id=26&page=7); *И вот пришел мой день рождения. Весь мой класс ожидал его, потому что моя бабушка напекла пирожков* (<http://www.liveinternet.ru/users/3633957/post374494776/>). Что касается начинательного и делимитативного префиксов *за-* и *по-*, то в русском языке они образуют инхоативы и делимитативы СВ, не подвергающиеся в дальнейшем вторичной имперфективации (см. об этом подробнее Зализняк и др. 2015: 113-114, 118-119). Ниже на примере префикса *по-* мы остановимся на этом вопросе подробнее.

дописать, дочитать), аттенуативный *под-* (*подустать, подзабыть, подвыпить*). Они присоединяются к основам любого вида, без ограничений, при условии, что суффикс вторичной имперфективации *-ива-/ыва-* присоединяется после того, как был образован префиксальный глагол.

Отдельный, самостоятельный, класс образует дистрибутивный префикс *по-* (*побросать, понабросать, покусать, повыбрасывать, повытаскивать*).

Как селективно-ограниченные, так и позиционно-ограниченные префиксы соединяются с основой композиционно (Татевосов 2009: 100-105), т.е. семантика приставочного глагола может рассматриваться как сумма значений внешнего префикса и мотивирующего глагола. Присоединение внешних префиксов не приводит к возникновению новых участников ситуации, вернее, оно «может сужать диапазон возможностей, которые представлены у основы, но не может создавать новые» (Татевосов 2009: 109), они занимают позицию левее внутренних (лексических) префиксов, которые, со своей стороны, расположены ближе к корню.

В болгарской языковедческой традиции приставочные глаголы также изучались, в основном, в рамках традиционного описания акциональности, вида и способов действия глагола (см. по вопросу богатую литературу в области болгаристики, в частности, Деянова 1974, Иванова 1974, Лилов 1964, Матеев 1952, Пернишка 1979). В последние десятилетия этот интерес возобновился и привел к новому витку в изучении феномена глагольной префиксации на основе современного языкового материала, в том числе из устной речи и диалектов, а также из различного рода электронных источников. Из последних работ можно перечислить Атанасова 2008, Куртева 2006, 2007, Лесева 2009, 2011, Паскалев 2015, Първанов 2005, 2006, Чакърова 1998, 2003.

Предметом интереса болгаристов разных поколений также были префиксы десемантизированные (чистовидовые) и префиксы, участвующие в образовании глаголов, выражающих способы действия, вопросы субсумпции (*на-червя*^{CB} ‘накрасить’ *из-вадя*^{CB} ‘вытащить’, *о-стрижа*^{CB} ‘остричь’), дефективность парадигм в отношении отдельных специфических значений (так, например, некоторые вторичные имперфективы, как *изхарчвам*^{H-CB} / *похарчвам*^{H-CB} ‘тратить [букв. потрачивать]’, например, не встречаются в актуально-длительном употреблении, в то время как другие *обърсвам*^{H-CB} / *избърсвам*^{H-CB} ‘вытирать’, встречаются), семантическое расширение при префиксации (*къпя* ‘купать’ – *изкъпя*^{CB} / *окъпя*^{CB} ‘выкупать’), наличие у одного исходного (простого) глагола более одного чистовидового коррелята (т.е. образование двух приставочных глаголов с одинаково десемантизированными приставками (*изкъпя*^{CB} / *окъпя*^{CB} ‘выкупать’, *набръчкам*^{CB} / *сбръчкам*^{CB} ‘насупить’, *изхарча*^{CB} / *похарча*^{CB} ‘потратить’), а также (особенно в последнее время) вопросы полипрефиксации (ср. такие группы глаголов как *пия*^{H-CB} ‘пить’, *препия*^{CB} ‘перепить’, *попрепия*^{CB} ‘немножко перепить’ и *напия се*^{CB} ‘напиться’, *понапия се* ‘слегка напиться’, *изпонапия се*^{CB} ‘напиться всем – каждому по отдельности, по-своему и с разными темпами’, *изпонапрепия се*^{CB} ‘напиться всем – каждому по отдельности, по-своему и с разными темпами, но в какой-то один момент напиться всем’).

Далее наше внимание будет фокусироваться на некоторых деривационных особенностях различных приставочных глаголов с различными типами приставок, в частности, на возможности образования в обоих языках вторичного имперфектива, а также на употреблении различных имперфективных значений, чтобы определить, можно ли использовать частновидовые значения приставочных глаголов в качестве критерия для классификации приставок.

2. Русские глаголы, полученные путем внешней префиксации, и их болгарские соответствия

Как уже было сказано, внешние префиксы в русском языке составляют два больших естественных класса, а именно класс селективно-ограниченных префиксов и класс позиционно-ограниченных префиксов, к которым примыкает дистрибутивный русский префикс *по-*, образующий «собственный одноэлементный класс» (Татевосов 2009: 117-118).

2.1. Селективно-ограниченные префиксы в русском языке и их болгарские соответствия

Сопоставление русских глаголов с внешними селективно-ограниченными префиксами с соответствующими приставочными глаголами в болгарском языке показывает, что в обоих языках префиксы *на-*, *за-* и *по-* добавляют к значению исходного глагола соответственно кумулятивный, инцептивный и делимитативный семантический компонент, а русскому дистрибутивному *пере-* в болгарском языке соответствуют префиксы *из-* и *изпо-*⁴. Иными словами, для выражения значения «накопление результата действия» в обоих языках используется префикс *на-*, если речь идет о процессе, стремящемся к достижению естественного предела и выраженном

⁴ Префикс *изпо-* в болгарском языке традиционно считается единым сложным префиксом (так он отмечен и в БТР, «представков комплекс» в болгарской терминологии). Существует однако и другая точка зрения, рассматривающая глаголы с *изпо-* как результат полипрефиксации (см. об этом Атанасова 2008, где предлагается считать, что в случае речь идет о двух префиксах *из-* и *по-*). В то же время, важно обратить внимание на тот факт, что имеется множество случаев, в которых глагола на *по-* не существует: *мачкам*^{НСВ} <дрехите> ‘мять’ – **помачкам* – *изпомачкам*^{СВ} ‘измять’ (в отличие от *мачкам*^{НСВ} ‘мять’ – *измачкам*^{СВ} ‘измять’ – *поизмачкам*^{СВ} ‘поизмять’); *вадя*^{НСВ} ‘вынимать’ – **повадя* – *изповадя*^{СВ} ‘повынимать’ (в отличие от *вадя*^{НСВ} ‘вынимать’ – *извадя*^{СВ} ‘вынуть’ – *поизвадя*^{СВ} ‘вынуть слегка’).

предельным глаголом НСВ; фокус на начальной фазе (т.е. обозначение начального предела) и ограничение процесса внешними временными рамками требуют в обоих языках, соответственно, префиксов *за-* и *по-*. Различается в двух языках выражение распространения действия на множество объектов поочередно: в русском оно выражается благодаря присоединению префикса *пере-*, а в болгарском – префиксами *из-* (1) и *изпо-*(2):

- (1) *Первый русский корабль “Орел” построен при царе Алексее Михайловиче, но Стенька Разин **перебил**^{СВ} всех матросов, а сам корабль спалил.* (В.С. Пиккуль. Крейсера, 1985) – Първият руски кораб „Орел“ е построен при цар Алексей Михайлович, но Стенка Разин *избил*^{СВ} всички матроси, а самия кораб запалил. (НКРЯ, параллельный корпус)
- (2) *Всю ночь давал показания и разъяснения, а потом еще навещал Валентину, у которой и в самом деле обнаружилось тяжелое сотрясение мозга – хорошо хоть костей не **переломала**^{СВ}.* [Б. Акунин. Ф. М. (2006)] – Цяла нош дава показания и обяснения, после навести и Валентина, която наистина беше с тежко мозъчно сътресение – поне не беше си *изпотрошила*^{СВ} костите. (НКРЯ, параллельный корпус)

Как уже было сказано, чаще всего полученные новые глаголы СВ в русском языке вторичного имперфектива не образуют, в то время как в болгарском языке это норма: глаголы СВ, полученные путем присоединения префиксов *на-*, *за-* и *из-* (*изпо-*), образуют вторичный имперфектив практически без ограничений⁵. Так, например, если префикс присоединяется к предельному глаголу НСВ получаем глаголы СВ, которые в свою очередь образуют вторичный имперфектив: *беля*^{НСВ} ‘чистить’ → *забеля*^{СВ} ‘начать чистить’ → *забелвам*^{НСВ} ‘начинать чистить’; *беля*^{НСВ} ‘чистить’ → *набеля*^{СВ} ‘начистить’ → *набелвам*^{НСВ} ‘начищать’; *трепя*^{НСВ} ‘бить’ → *изтрепя*^{СВ} ‘перебить <всех врагов>’ → *изтрепявам*^{НСВ} ‘перебивать <всех врагов>’; *хапя*^{НСВ} ‘кусать’ → *изпохапя*^{СВ} ‘перекусать <всех детей>’ → *изпохапявам*^{НСВ} ‘перекусывать <всех детей>’. В результате, получаем стандартные видовые пары из приставочных глаголов, в которых исходным является приставочный глагол СВ, а производным – полученный от него путем вторичной имперфективации глагол НСВ⁶: *забелвам*^{НСВ} / *забеля*^{СВ}; *набелвам*^{НСВ} / *набеля*^{СВ}; *изтрепя-*

⁵ Надо сказать, что развитие вторичных имперфективов от префигированного глагола СВ в болгарском языке – явление обычное и регулярное, не зависящее от типа префикса. Оно приводит к возникновению «своеобразных «троек» с двумя имперфективами» (Маслов 1984: 99) – таких, как: *строя*^{НСВ} ‘строить’ – *построя*^{СВ} ‘построить’ – *построявам*^{НСВ} ‘*постраивать’, *беля*^{НСВ} ‘чистить’ → *обеля*^{СВ} ‘почистить’ → *обелвам*^{НСВ} ‘*почищать’. В таких тройках Св. Иванчев усматривает по сути две разные оппозиции: одну предельную НСВ₁: СВ (*беля*^{НСВ} → *обеля*^{СВ}) и одну тривиальную НСВ₂: СВ (*обеля*^{СВ} → *обелвам*^{НСВ}).

⁶ Имеются, конечно, исключения: полученный от *купувам*^{НСВ} ‘покупать’ глагол *закупувам*^{СВ} ‘начать покупать’ в начинательном значении является, напри-

вам^{НСВ} / *изтрепя*^{СВ}; *изпохавам*^{НСВ} / *изпохапя*^{СВ}. Болгарские глаголы СВ, полученные путем присоединения делимитативного префикса *по-*, также образуют вторичный имперфектив: *седя*^{НСВ} ‘сидеть’ → *поседя*^{СВ} ‘сидеть недолго’ → *поседявам*^{НСВ} ‘сидеть недолго время от времени’; *чета*^{НСВ} ‘читать’ → *почета*^{СВ} ‘читать недолго’ → *почит(в)ам*^{НСВ} ‘читать недолго время от времени’; *работя*^{НСВ} ‘работать’ → *поработя*^{СВ} ‘работать недолго’ → *поработвам*^{НСВ} ‘работать недолго время от времени’; *лежа*^{НСВ} ‘лежать’ → *полежа*^{СВ} ‘лежать недолго’ → *полежавам*^{НСВ} ‘лежать недолго время от времени’.

Болгарские кумулятивы, инцептивы, делимитативы и дистрибутивы регулярно употребляются как в итеративных контекстах (примеры (3), (4) и (5)), так и в настоящем историческом времени (ср. примеры (6) и (7)), удовлетворяя таким образом критерию Маслова:

- (3) *Много често идва при мен, **поседява**^{НСВ} малко и разговаря.* (БНК)
‘Очень часто приходит ко мне, *сидит*^{НСВ} некоторое время и разговаривает’
- (4) *От време на време **поработва**^{НСВ} и за своя сметка.* (БНК)
‘Время от времени *работает*^{НСВ} и на себя’
- (5) *Вечер на светец връх [...] си **налавям**^{НСВ} морунажчета по 5-6 бр.⁷*
‘Вечером на светящийся конец удочки [...] я *налавливаю*^{НСВ} рыбцов штук 5-6’
- (6) *На 10 декември 1868 г. в Лондон **заработва**^{НСВ} първият уличен светофар в света.⁸*
‘Десятого декабря в Лондоне *начинает работать* первый в мире светофор’
- (7) *Любопитната катерица успява да влезе през комина в къщата, след което обаче изпада в паника и започва да нанася сериозни поразии вътре надъвква разкошните пердета в хола, **изпохапя**^{НСВ} мебелите и килимите.*
‘Любопытной белочке удается залезть в дом через дымоход, после чего однако у нее начинается паника, и она начинает портить все подряд: изжевывает роскошные портьеры в зале, *перегрызает*^{НСВ} всю мебель и ковры’

Другим общим, объединяющим признаком для этой группы болгарских глаголов является отсутствие у вторичных имперфективов от глаголов СВ, образованных при помощи кумулятивного *на-*, инцептивного *за-* и дистрибутивного *из-* (*изпо-*), актуально-длительного значения. Ср. невозможность

мер глаголом *perfectiva tantum*: *От сутринта съм закупувал книги* (БТР) ‘С самого утра начал *покупать* книги’. В данном случае отсутствие вторичного имперфектива объясняется морфологическими причинами, а именно, невозможностью присоединения еще одного суффикса *-ва-*.

⁷ <<https://www.nariba.com/forum/viewtopic.php?t=9396&start=780>>.

⁸ <<http://www.kmeta.bg/zarabotva-purviyat-ulichen-svetofar-v-sveta>>.

их использования в ответе на вопрос *Какво правиш в момента?* ‘Что ты сейчас делаешь?’ в примерах (8), (9), (10):

- (8) **В момента тя забелва*^{НСВ} картофите.
 ‘В данный момент она *зачищает картошку’
 (при приемлемом: *В момента тя започва*^{НСВ} *да бели*^{НСВ} картофите ‘В данный момент она *начинает*^{НСВ} *чистить*^{НСВ} картошку’)
- (9) **В момента тя налявя*^{НСВ} три кила риба.
 ‘В данный момент она *налявлиывает три килограмма рыбы’
 (ср. возможное: *За 15 мин. налявям*^{НСВ} *колкото те за някой час*⁹ ‘За 15 минут я налявливаю^{НСВ} столько, сколько они за пару часов’)
- (10) **В момента те се изпохапват*^{НСВ}.
 ‘В данный момент они *перекусывают^{НСВ} друг друга’
 (ср. возможное: *а маймуните, които обикновено живеят в мир, стават нервни и често се изпохапват*^{НСВ} *една друга*¹⁰ ‘а обезьяны, которые обычно живут в мире, начинают нервничать и часто кусают^{НСВ} друг дружку’)

Примеры с делимитативным *по-* будут рассмотрены более подробно в §3.

2.2. Позиционно-ограниченные префиксы в русском языке и их болгарские соответствия

Второй класс русских глаголов, выделяемый С.Г. Татевосовым, – это глаголы с внешними позиционно-ограниченными префиксами (комплетивным *до-*, репетитивным *пере-* и аттенуативным *под-*). В болгарском языке комплетивное значение выражается, как и в русском, префиксом *до-*, а соответствиями репетитивного *пере-* и аттенуативного *под-* являются соответственно болгарские префиксы *пре-* и *по-*¹¹.

В русском языке позиционно-ограниченные префиксы *пере-*, *до-* и *под-*, в отличие от селективно-ограниченных, “безразличны” к видовой принадлежности глагольной основы, к которой они присоединяются (Татевосов 2009: 123), поскольку они присоединяются как к несовершенным простым основам, телисизируя и перфективируя их (*писать*^{НСВ} → *переписать*^{СВ}, *бить*^{НСВ}

⁹ <http://mcu-bg.com/mcu_site/viewtopic.php?f=6&t=7993&start=15>.

¹⁰ <http://stara-sofia.blogspot.it/2013/06/blog-post_24.html>.

¹¹ Болгарский префикс *по-* соответствует и русскому аттенуативному префиксу *по-*, который в классификации в Татевосов 2009 не упоминается. Он присоединяется к приставочным глаголам совершенного вида (*попридържатъ*, *пообсохнътъ*). Полученные глаголы вторичного имперфектива не образуют.

→ *добить*^{CB}, *строить*^{HCB} → *достроить*^{CB}, *таять*^{HCB} → *подтаять*^{CB}, так и к префигированным перфективным основам (*записать*^{CB} → *перезаписать*^{CB}, *забить*^{CB} → *дозабить*^{CB}, *застроить*^{CB} → *дозастроить*^{CB}, *накопить*^{CB} → *поднакопить*^{CB}). Полученные таким образом глаголы СВ образуют регулярный вторичный имперфектив: *переписывать*, *добивать*, *достраивать*, *подтаивать*, *перезаписывать*, *дозабивать*, *поднакапливать*.

Что касается болгарского языка, префиксы *до-* (в (11) и (12)) и *пре-* (13) также присоединяются к основам обоих видов (*пиша*^{HCB} ‘писать’ → *препиша*^{CB} ‘переписать’; *напиша*^{CB} ‘написать’ → *пренапиша*^{CB} ‘перенаписать’; *дам*^{CB} ‘дать’ → *предам*^{CB} ‘передать’), а полученные глаголы СВ далее образуют вторичный имперфектив¹², имеющий, как и русский глагол, актуально-длительное значение:

(11) *К обеду он опоздал, Корней уже допивал*^{HCB} *свой сок.* (А. Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий, Парень из преисподней, 1974) – Беше закъснял за обяд. Корней вече *допиваше*^{HCB} *сока си.* (НКРЯ, параллельный корпус)

(12) *Надзиратели в надзирательской докуривают*^{HCB} *последнюю сигарку перед обыском.* (А. И. Солженицын, Один день Ивана Денисовича) – Надзирателите в надзирателската *допушват*^{HCB} *последната цигара преди обиска.* (НКРЯ, параллельный корпус)

(13) *Поговаривали, что адмирал Хэйхатиго Того уже начал перекрашивать*^{HCB} *японские корабли в такой же цвет...* (В.С. Пиккуль. Крейсера, 1985) – Говореше се, че адмирал Хейхатиго Того вече е започнал да *преобядисва*^{HCB} *японските кораби в същия цвят...* (НКРЯ, параллельный корпус)

Таким образом, можно сказать, что болгарские глаголы с *пре-* и *до-* ведут себя так же, как и их русские соответствия, а сами префиксы *пре-* и *до-* соответствуют русским внешним (супралексическим) позиционно-ограниченным приставкам *пере-* и *до-*.

Нельзя сказать то же самое о болгарском аттенуативном префиксе *по-*, который присоединяется только к производным совершенным основам, не меняя их видовой характеристики: *стоя*^{CB} *се* ‘растаять’ → *постоя*^{CB} *се* → *постоявам*^{HCB} *се*; *уморя*^{CB} *се* ‘устать’ → *поуморя*^{CB} *се* → *поуморявам*^{HCB} *се*.

Примеры с аттенуативном *по-* будут рассмотрены более подробно в §3.

¹² Как уже было сказано, для болгарского языка этот признак не является отличительным, т.к. вторичные имперфективы легко образуются от всех префигированных глаголов СВ.

2.3. Русский дистрибутивный префикс *по-* и его болгарские соответствия

С.Г. Татевосов выделяет левопериферийный дистрибутивный префикс *по-* в самостоятельный класс. Он отличается тем, что «находится на левой периферии глагольной основы независимо от того, какие еще элементы представлены в ней» (Татевосов 2010: 96). Иными словами, присоединение левопериферийного дистрибутивного префикса *по-* не зависит от типа глагольной основы (вида, класса исходного глагола): *побросать, понабросать, покусать, поубивать, новыбрасывать*. Полученные глаголы не образуют вторичных имперфективов, в частности и потому, что базовый глагол уже может являться вторичным имперфективом (*новыбрасывать, поубивать*).

В болгарском языке русской приставке *по-* в этом значении (так же как и префиксу *пере-*) соответствуют префикс *из-* (14) и сложный префикс *изпо-* (15):

(14) *Он их всех поубивает^{CB}, с неудовольствием подумал Румата* (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом) – *Ще ги избие^{CB} всичките, с неудовольствие си помисли Румата*. (НКРЯ, параллельный корпус)

(15) *Может, пересажают^{CB}, может, поубивают^{CB}, может, оставят в покое* (А.В. Литвиненко. ЛПГ – Лубянская преступная группировка) – *Може да ни изпозатворят^{CB}, може да ни изпозастрелят^{CB}, може и да ни оставят на мира*. (НКРЯ, параллельный корпус)

Болгарские глаголы с префиксами *из-* и *изпо-* образуют регулярные вторичные имперфективы, не реализующие актуально-длительного значения.

3. Болгарский префикс *по-* и его соответствия в русском

Рассмотрим теперь более подробно болгарские глаголы с префиксом *по-* в сопоставлении с их соответствиями в русском языке. В частности, речь пойдет о глаголах с префиксом *по-* в делимитативном и аттенуативном значениях.

Прежде всего, надо отметить, что в обоих языках префикс *по-* многозначен, хотя полной симметрии ни в количестве значений, ни в их дефинициях не наблюдается. Так, например, в онлайн версии БТС на сайте www.gramota.ru выделяется семь значений префикса *по-*¹³, в то время как в толковом сло-

¹³ Список значений русского префикса *по-* представлен на странице <<http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BF%D0%BE-&all=x>>.

варе болгарского языка (БТР) отмечены три основных значения префикса *по-*, а в онлайн словаре – 4 значения¹⁴.

3.1. Глаголы с делимитативным *по-*

Глаголы делимитативного способа действия образуются путем присоединения внешнего делимитативного префикса *по-* к простой импективной основе, называющей гомогенный¹⁵ неопределенный процесс. В обоих языках полученный глагол СВ называет однократный, ограниченный внешними временными рамками гомогенный, чаще всего контролируемый¹⁶, процесс. Ср. болгарские примеры *лежа*^{НСВ} → *полежа*^{СВ}, *работа*^{НСВ} → *поработа*^{СВ}, *чета*^{НСВ} → *почета*^{СВ}, *пиша*^{НСВ} → *попиша*^{СВ} и их русские соответствия: *лежат*^{НСВ} → *полежат*^{СВ}, *работат*^{НСВ} → *поработат*^{СВ}, *читат*^{НСВ} → *почитат*^{СВ}, *писат*^{НСВ} → *пописат*^{СВ}.

Важно отметить, что в обоих языках присоединение внешнего префикса *по-* не приводит к изменению ни акциональной характеристики глагола, ни типологии временных адвербиалов: *работа*^{НСВ} един час – *поработа*^{СВ} един час; *работат*^{НСВ} час – *поработат*^{СВ} час, в отличие от внутреннего (чистовидивого) *по-*, приводящего к смене акциональной характеристики базового глагола и, как следствие, к изменению его синтагматических свойств: *строя*^{НСВ} една година – *построя*^{СВ} за една година; *строит*^{НСВ} год – *построит*^{СВ} за год. Несмотря на это сходство (напомним, что глаголы СВ выражают действие, ограниченное – субъективно небольшим – временным интервалом), между болгарскими и русскими делимитативами имеются и существенные различия. В русском языке делимитативы с префиксом *по-* считаются глаголами *perfectiva tantum*, не образующими видовой пары с исходным простым (базовым) глаголом НСВ и не предполагающими процесса вторичной импективации (Зализняк, Шмелев 2000: 112; Зализняк и др. 2015: 129-131).

Как уже было сказано (см. §2.1) в болгарском языке делимитативы СВ формально (и функционально) соотносятся с вторичными импективами. Более того, вторичные импективы в словаре БТР фигурируют в одной словарной статье в качестве видовых коррелятов глаголов СВ. При этом, во вторично импективированных глаголах, выражающих семантику повторяющегося (непродолжительного) действия, сохраняется оценочная

¹⁴ Список значений болгарского префикса *по-* представлен на странице <<https://technik.chitanka.info/w/по->>.

¹⁵ См. об этом подробнее в Мелиг 2006.

¹⁶ Ср. в этой связи обсуждение вопроса о контролируемости процессов и состояний, выражаемых делимитативами, в Bogusławski 2004, где приводятся примеры некоторых (редких) случаев отсутствия или, по крайней мере, невыраженности контроля над ситуацией: *ушиб поболел, дождик покравал, стекла подрожали* (70-73).

функция, присущая глаголу СВ в отношении ограниченной продолжительности действия.

Еще одна из ожидаемых характеристик вторичных имперфективов от делимитативов – это преобладание в их семантике итеративного компонента, как в примерах (16) и (17), которым они отличаются от глаголов, для которых префикс *по-* является внутренним и которые реализуют актуально-длительное значение, как в примере (18):

(16) *Ще си повървявам*^{НСВ} малко пеш, но няма как¹⁷.
‘Буду ходить^{НСВ} немного пешком, что поделаешь?’

(17) *Обича източни приказки и сам пописвам*^{НСВ} разказчета. (БНК)
‘Любит восточные сказки и сам пописывает^{НСВ} рассказы’

(18) – *Какво правиш тук?* – *Почиствам*^{НСВ} *тоя капан*. (БНК)
– ‘Что ты здесь делаешь?’ – *Чищу*^{НСВ} *этот капкан*’

Нехарактерность актуально-длительного значения для болгарских вторичных имперфективов с делимитативным *по-* можно объяснить акциональной семантикой глагола СВ: реализация нерезультативных глаголов *попиша*^{СВ} и *поработя*^{СВ} не требует предварительной фазы, приводящей к качественному изменению, поскольку, во-первых, такого изменения не происходит, и во-вторых, осуществленность действия обеспечивается самим фактом его наличия (даже при минимальной его длительности). Именно поэтому для *повървявам*^{НСВ} (16) и *пописвам*^{НСВ} (17) основным значением является итеративизация темпорально ограниченного процесса, и этим они отличаются, например, от глагола *почиствам* (с внутренним *по-*) в (18), выражающего процесс перехода объекта в качественно новое состояние (*почистя*^{СВ}) и предполагающего обязательное наличие предварительной подготовительной фазы, которая и выражается имперфективом *почиствам*^{НСВ} (наряду с *чистя*^{НСВ})¹⁸.

¹⁷ <<http://forums.mbclub.bg/topic/18052-чат-тема/page-998>>.

¹⁸ Это видно и по словарным дефинициям таких пар глаголов: «*попйсам* нсв., *попйша* св. прх. Пиша малко или от време на време»; «*полежавам* нсв., *полежа* св. нпрх. Лежа малко или от време на време», и по возможности применения критерия Маслова - болгарские вторичные имперфективы без ограничений используются в настоящем историческом времени в качестве соответствий глаголов СВ в форме аориста: *Не променя решението си и след като поживява сред англичаните* (БНК) ‘не меняет своего решения и после того, как живет некоторое время среди англичан’ (ср. также *Не промени решението си и след като поживя сред англичаните* ‘не изменил своего решения и после того, как пожил некоторое время среди англичан’); *Помагам на Силвия да прибере и после поседяваме известно време*. ‘помогаю Сильвии убраться, после чего сидим некоторое время’ (ср. *Помогнах на Силвия да прибере и после поседяхме известно време*. ‘я помог Сильвии убраться, после чего мы посидели некоторое время’).

Специального исследования заслуживает вопрос о соотношении таких пар, как *посидеть*^{СВ} и *посиживать*^{НСВ}, *полежать*^{СВ} и *полеживать*^{НСВ}, *покашлять*^{СВ} и *покашливать*^{НСВ}, *пописать*^{СВ} и *пописывать*^{НСВ}, *поглядеть*^{СВ} и *поглядывать*^{НСВ}, которые, согласно традиции, в русском языке видовыми не являются, относятся к двум разным способам действия (первые к делимитативному, а вторые к прерывисто-смягчительному) и словообразовательно не связаны: *почитывать* не является производным от *почитать*^{СВ}, а образуется напрямую от *читать*^{НСВ} с помощью форманта *по-...-ыва-* (Зализняк, Шмелев 2000: 112; Зализняк и др. 2015: 129-131). Приведем здесь принятые в русистике определения двух способов действия:

а) *делимитативный способ действия*: «Глаголы этого класса описывают некоторую «порцию» действия, оцениваемую как небольшую¹⁹ и ограниченную временем, в течение которого оно производилось» (Зализняк и др. 2015: 118 – разрядка наша, С.С).

б) *прерывисто-смягчительный способ действия*: «Глаголы этого класса образуются от глаголов, обозначающих непредельные процессы и (реже) состояния, и значат ‘делать что-то время от времени и понемногу’» (Зализняк и др. 2015: 130 – разрядка наша, С.С).

Если основываться на приведенных дефинициях, а также с учетом того факта, что и тот и другой класс глаголов образуется от глаголов со значением непредельного процесса, то можно определить глаголы СВ типа *посидеть* как однократные делимитативы, а глаголы типа *посиживать* – как неопределенно-кратные делимитативы²⁰. Более того, как мы увидим далее, оттенок субъективной оценки длительности действия (‘меньше нормы’), привносимый префиксом *по-* в значение глагола СВ, приводит к развитию дополнительных прагматических нюансов у соответствующих глаголов НСВ.

Обращение к примерам из параллельного русско-болгарского подкорпуса НКРЯ (примеры (19) – (21)) показывает формальный и функциональный параллелизм в употреблении глаголов с делимитативным префиксом *по-* и суффиксами вторичной имперфективации:

¹⁹ Здесь необходимо отметить подробный анализ семантики делимитативов в русском языке в сопоставлении с западнославянскими языками в Петрухина 2000. В частности, в работе отмечается, что выражение делимитативами продолжительного действия может быть следствием «взаимодействия рациональной и эмоциональной оценки действия говорящим». Именно результатом такой субъективной оценки и являются эмоционально-окрашенные синтаксические конструкции типа *Ну, мы и поспали! Ну, и повозились мы вчера с машиной!*, действие в которых воспринимается как продолжительное (Петрухина 2000: 150). По нашему мнению, именно наличие яркого оценочного компонента привело к развитию специальных, прагматически нагруженных, функций у глаголов с *по-* как в русском, так и (в еще большей степени) в болгарском языках, о чем будет сказано ниже.

²⁰ См. об этом также точку зрения, предложенную в работе Татевосов 2009: 133-134.

- (19) *Гувернантка эта очень любила литературу и сама **пописывала**^{НСВ} стишки.* (И.С. Тургенев. Накануне) – Тая гувернантка много обичаше литературата и сама *пописваше*^{НСВ} стихчета. (НКРЯ, параллельный корпус)
- (20) *Сестричка **поглядывала**^{НСВ} на Валеру и (по глазам было видно) улыбалась.* (Б. Акунин. Ф. М.) – Сестричката го *поглеждаше*^{НСВ} и по очите й личеше, че се усмихва. (НКРЯ, параллельный корпус)
- (21) *К тому же болеет туберкулезом, пусть погреемся на солнце, вон он какой худой, сутулый, **покашливает**^{НСВ}, смотрит исподлобья, врачи доложили – долго не протянет.* (А.Н. Рыбаков. Дети Арбата) – При това е бил болен от туберкулоза, да се попече на слънце, я какъв е слаб, прегърбен, *покашлюва*^{НСВ}, гледа изпод вежди, лекарите му докладваха – няма да изкара дълго. (НКРЯ, параллельный корпус)

Приведенные примеры говорят о том, что в обоих языках рассмотренные вторичные имперфективы совмещают значения неопределенной кратности суффикса и делимитативности префикса. Явление, определяемое как регулярное для болгарского языка, в русском (и вообще, в славянских языках) оценивается Ю.С. Масловым как потенциальный словообразовательный механизм: «То, что говорится о болгарском языке, в значительной мере могло бы быть отнесено и к другим славянским²¹. Однако ни в каком другом языке изложенные здесь принципы не получили столь последовательного развития, как в болгарском» (Маслов 1963: 164). Имеется в виду «почти неограниченная способность имперфективации» перфективных основ как «основная и важнейшая особенность морфологической системы вида болгарского языка» (там же). Эта предрасположенность к образованию в русском языке вторичных имперфективов, синонимичных базовому глаголу НСВ, ясно прослеживается и в НКРЯ: так например, из 106 найденных в Основном корпусе употреблений глагола *полеживать* (треть которых приходится на период после 1985 г.) абсолютное большинство может быть заменено на *лежать* в актуально-длительном значении (ср. примеры (22) и (23)):

- (22) *Забираем вещички – и по домам – Да погоди ты! – цыкнул на него тот, что **полеживал** у двери.* (НКРЯ, основной корпус)
- (23) *И еще один, правда уже пьян, **полеживал** на диванчике в полной отключке, но интеллигентно, то бишь сняв обувь и демонстрируя красивые носки.* (НКРЯ, основной корпус)

²¹ См. однако Dickey, Hutcheson 2003, где утверждается, что делимитативы с по- в чешском, словацком, словенском и сербскохорватском менее продуктивны, чем в русском и болгарском (27).

3.2. Глаголы с аттенуативным по-

Вторую группу болгарских глаголов с префиксом *по-* составляют глаголы аттенуативного способа действия (соответствующие русским аттенуативам с префиксами *под-* и *по-*).

Всеми исследователями, принадлежащими к болгарской лингвистической традиции, вне зависимости от того, рассматривают ли они аттенуативы отдельно от делимитативов или нет, отмечается снижение интенсивности названного основной действия (Матеев 1952, Иванова 1974, Деянова 1974). В работах, появившихся в последние два десятилетия²² также делается акцент на меньшей по сравнению с нормой интенсивности действия: «действието се извършва в *относителна слаба степен* спрямо приетата за неутрална мяра, означена с непрефигираня глагол» (Зидарова 2008: 600 – выделено автором), что в принципе отражает традицию, намеченную еще в первых работах о семантике префикса *по-* в болгарском языке. Так например, Д. Матеев (кроме темпоральной) выделяет в качестве отдельной модальной функции приставки *по-*, которая «съчетана с глаголи от свършен вид, означава вече “малка”, “слаба степен на силата”, сир. преминала е от измерение на време към измерение във сила или с други думи, преместила е значението си от областта на времето (“четвъртото измерение”) в модалната област (“петото измерение”))» (Матеев 1952: 78)²³. В работе Лилова 1964, посвященной диахроническим изменениям в семантике префикса *по-*, было установлено, что окончательное оформление аттенуативной функции *по-* (наряду с делимитативной) относится к среднеболгарскому периоду, т.е. к XII–XIV векам: «деминутивната²⁴ функция е започнала да се набелязва още в старобългарската епоха, оформила се е окончателно в среднобългарския период» (Лилова 1964: 148)²⁵.

Болгарский префикс *по-* в своей аттенуативной функции присоединяется в основном к производным основам СВ, называющим однократное результативное событие и, естественно, не выполняет видообразующей

²² Атанасова 2008, Зидарова 2008, Куртева 2007, Лесева 2011, Паскалев 2015, Първанов 2005 и 2006, Чакърлова 1998, 2003 и др.

²³ Ср. также следующее замечание: «Note also that adverbial-like prefix *po-* means ‘for a while’ when attached to the atelic root, but it changes its meaning to ‘a little’ when added onto an already telic stem» (Di Sciullo, Slabakova 2005: 68).

²⁴ В терминологии М. Лилова диминутивная функция соответствует как делимитативной, так и аттенуативной в современном понимании, в то время как выделяемая им для префикса *по-* дефинитивная функция ближе к современному предельному значению (Лилова 1964: 106–118).

²⁵ Автор отмечает также, что в средноболгарский период «за първи път диминутивното *по-* е втора представка, която изразява оценъчното отношение на говорещия към действието» (Лилова 1964: 147, разрядка наша – С.С.). Имеются в виду такие словоупотребления, как: *позабавиха* и *попочинути* («а тие, като се *позабавиха* слугите на повелението да го не сторѣтъ») и «и бистъ 40 дни егда соуста седе *попочинути*») (Лилова 1964: 147).

функции: *забърша*^{CB} <прах> ‘вытереть’ <пыль> → *позабърша*^{CB}, *прочета*^{CB} ‘прочестъ’ → *попрочета*^{CB}, *забравя*^{CB} ‘забыть’ → *позабравя*^{CB}, *науча*^{CB} ‘узнать’ → *понауча*^{CB}, *забавя*^{CB} ‘задержать’ → *позабавя*^{CB}.

В связи с вышеизложенным сделаем небольшое уточнение. Если *по-*присоединяется к переходному глаголу, чья основа называет предельный, контролируемый агенсом процесс, то скорее указывается на неполную (минимальную) степень распространения действия на объект *в*, как в примерах (24), (25) и (26):

(24) *Из этих трех тысяч я удовлетворил кое-как на минуту кредиторов и остальное роздал, кому обязан был дать, и затем поехал за границу, чтобы хоть каплю здоровьем поправиться и что-нибудь **написать**^{CB}.* (Б.Акунин. Ф. М. (2006) – С тези три хиляди задоволих криво-ляво за малко кредиторите, раздадох останалата част на този-онзи и заминах за странство, за да позакърпя поне малко здравето си и да *понапиша*^{CB} нещичко. (НКРЯ, параллельный корпус)

(25) *А я здесь подслушивал, сидя на стуле, два вечера сряду, оба раза часа по два, – и, уж конечно, мог **узнать**^{CB} что-нибудь, как вы думаете?* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание) – А аз подслушвах тук, седнал на стола, две вечери подред и двата пъти около два часа – и, разбира се, могъл съм да *понауча*^{CB} нещо, как мислите? (НКРЯ, параллельный корпус)

(26) [...] *но тот, сколько я о нем слышал, все-таки хоть что-то **читал**^{HCB}!* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита) – [...] но оня, доколкото съм чувал, все е *попрочел*^{CB} нещичко. (НКРЯ, параллельный корпус)

В других случаях можно говорить просто о снижении интенсивности или о слабой степени реализации действия как такового (27):

(27) *Все вещи с полной готовностью открывали ему свои тайны, – казалось, он не познавал мир, а узнавал, словно бы не пришел на землю, а вернулся – как возвращаются из дальнего многолетнего путешествия домой, где все известно, знакомо, только слегка **забыто**^{CB}.* (Л.В. Соловьёв. Очарованный принц. Вторая повесть о Ходже Насреддине) – Всички вещи с пълна готовност му разкривали своите тайни – той сякаш не откривал света, ами го опознавал, сякаш не бил дошъл на земята, ами се връщал, както след дълго пътешествие човек се връща в къщи, където всичко му е познато, само че *малко позабравено*^{CB} (НКРЯ, параллельный корпус)

О таком распределении свидетельствуют и некоторые показатели контекста – такие, как неопределенные местоимения *нещо* ‘что-нибудь’ в том числе, в уменьшительной форме (*нещичко*), наречия степени *малко* ‘слегка’.

Во всех приведенных примерах однако присутствует оценка события говорящим. При этом, она может касаться не только и не столько неполноты или слабой степени реализации действия, выраженного глаголом с

аттенуативным *по-*, сколько желания говорящего донести до слушающего свое (субъективное) восприятие события. Это подтверждается тем фактом, что аттенуативное *по-* присоединяется и к основам, не предполагающим ни длительности действия, ни сниженной интенсивности, т.е. речь может идти именно о субъективном оценочном отношении к ситуации (28, 29, 30):

(28) *Колеги, мисля да се поожения^{CB} и си търся кадърен фотограф за мероприятия²⁶.*

‘Коллеги, собираюсь (слегка) жениться и ищу способного фотографа’

(29) *[...] мисля да си направя къща, ще се поожения^{CB}, и като си поуредя работите, пак мога да дойда²⁷.*

‘[...] собираюсь построить дом, (слегка) женюсь и как только устрою свои дела, приеду опять’

(30) *Понамерих^{CB} квартира* (пример из Лилов 1964: 148).

‘Я (немножко/слегка) нашел квартиру’

От полученных глаголов СВ (см. выше) посредством стандартного механизма вторичной имперфективации в свою очередь образуются парные им глаголы НСВ с сохранением аттенуативной семантики префикса и с добавлением значения нерегулярной повторяемости: *постоя^{CB} се* ‘порастаять’ → *постоявам^{НСВ} се*; *понауча^{CB}* ‘подузнать’ → *понаучавам^{НСВ}*; *позабърша^{CB}* ‘повытереть’ → *позабърсвам^{НСВ}*; *позабавя^{CB}* ‘подзадержать’ → *позабавям^{НСВ}*; *позабравя^{CB}* ‘подзабыть’ → *позабравям^{НСВ}*.

Важно уточнить, что вторичные имперфективы, образованные от аттенуативов не предполагают актуально-длительного употребления, но возможны в итеративных контекстах (31) и в настоящем историческом времени (32) – так же, как и вторично имперфективированные болгарские делимитативы (см. выше):

(31) *Он был хмелен, но говорил речисто и бойко, изредка только местами сбиваясь^{НСВ} немного и затягивая^{НСВ} речь.* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание) – *Беше пиян, но говореше красноречиво и енергично, като само от време на време се пооплиташе^{НСВ} малко и се позабавяше^{НСВ}.* (НКРЯ, параллельный корпус)

(32) *Компютърът обаче е сложно устройство и аптекарката се поуморява^{НСВ}28.*
‘Компьютер однако устройство сложное, и аптекарша подустаема^{НСВ}’

²⁶ <<http://www.photo-orum.net/forum/read.php?f=3&i=358586&t=357580>>.

²⁷ <<http://petardanov.com/index.php/topic/3223-1934-12-19-законът-на-свобода/#gsc.tab=0>>.

²⁸ <<http://www.dnes.bg/izvanreli/2005/09/09/pytuvane-vyv-vremeto.12933>>.

Итак, глаголы совершенного и несовершенного вида, образующие аттенуативную видовую пару, отмечены общим признаком неполноты или слабой степени интенсивности совершаемого действия, а различает их признак неопределенной кратности, привносимый суффиксом вторичной имперфективации. В результате, глаголы типа *позабърша*^{СВ} будут относиться к *однократно аттенуативному*, а глаголы типа *позабърсвам*^{НСВ} – к *неопределенно-кратному аттенуативному* типу, а сама видовая пара будет тривиальной.

3.3. Делимитативы и аттенуативы с *по-* в русском и болгарском языках

Как было показано выше, семантика и контексты употребления делимитативов и аттенуативов СВ в болгарском языке такова, что в конечном итоге представляется оправданным объединение производных от них вторичных имперфективов в один класс, имеющий одно, общее значение кратности действия. Приставка *по-* при этом выступает своего рода ограничителем этого действия (состояния), как количественным, так и качественным. С одной стороны, если предикат называет непределный процесс, то префикс *по-*, воздействуя на его внешние границы, маркирует малую продолжительность этого процесса, т.е. реализация действия оценивается говорящим как ограниченная (в некоторых случаях ниже нормы) по временной (количественной, горизонтальной) оси развития действия (*полежа, погледам, попиша, почета, покашлям*). С другой стороны, префикс *по-* может ограничивать 'степень результативности' глаголов СВ (*понапиша, позабърша, поизработя, поожения, позапекя, поразкопая*), воздействуя на следующую за ним приставку (*на-, за-, из-, о-, раз-*)²⁹. Субъективная оценка достигнутого результата выражается в подчеркивании его реализации 'меньше нормы', т.е. в минимальной степени по качественной вертикали совершения действия.

Таким образом, в обоих случаях мы имеем дело с композициональным взаимодействием ограничительного значения префикса *по-* с семантикой глагольной основы – в первом случае это воздействие на параметр 'длительность действия/состояния', выраженного базовым глаголом, во втором – на параметр 'степень достижения результата по отношению к норме'. Оба значения адвербиальны.

Как уже было отмечено выше, возможность выражения субъективной оценки как продолжительности действия, так и его результативного характера и полноты реализации представляет собой важный потенциал для развития дополнительных прагматических нюансов у глаголов с приставкой *по-*. И действительно, образуя вторичный имперфектив, болгарские аттенуативы СВ не теряют свой прагматический потенциал (он сохраняется и в корреля-

²⁹ Такова же функция аттенуативного префикса *по-* и в глаголах СВ с суффиксом однократности *-н-* (*поседна, полегна*).

те НСВ), в то время как делимитативы претерпевают явное семантическое развитие: несмотря на то что делимитативный префикс *по-* в глаголах СВ воздействует только на внешние границы процесса и не имеет отношения к результату, вторичные имперфективы от делимитативов могут развивать значение сниженной интенсивности деятельности (*пописывам, поработывам*). В этом они сближаются с собственно аттенуативами. По-видимому, в этом случае действует также аналогия с прагматической установкой, присущей несовершенным аттенуативам, а именно с установкой на сознательное снижение важности события или процесса. Таким образом, общее значение 'меньше меры' позволяет объединить эти два традиционно разделяемых типа глаголов с приставкой *по-* в один класс, в котором *по-* будет иметь две реализации: количественную и качественную.

Что касается русского языка, мы считаем, что нельзя исключить подобного развития прагматических (оценочных) значений префикса *по-* и у русских глаголов НСВ, образованных от делимитативов³⁰. Можно допустить, что в глаголах типа *полеживать* значение ограниченности во времени (присущее глаголу СВ *полежать*) сохраняется и итеративизируется ('лежать недолго неопределенное количество раз'). Однако, помимо этого, в таких конструкциях, как (22) и (23), глагол *полеживать* можно трактовать как вторичный имперфектив от *полежать*, имеющий тенденцию к развитию специфического прагматического значения (возможно, по аналогии с аттенуативами), основанного на субъективной оценке ситуации говорящим.

4. Заключение

Итак, в настоящей работе мы сопоставили русские супралегические префиксы с соответствующими болгарскими префиксами. Общий обзор русско-болгарских соответствий показал, что в близкородственных славянских языках критерии классификации однокоренных префиксов и, соответственно, префигированных глаголов могут не совпадать. Поскольку глаголы СВ в целом отражают принцип композициональности, мы сосредоточили свое внимание на проявлении частных видовых значений регулярно образующихся от них вторичных имперфективов.

(А) Максимальную степень семантического сходства обнаружили вторичные имперфективы, образованные от репетитивов и комплетивов, которые в обоих языках могут употребляться в актуально-длительном значении, а сами префиксы на этом основании объединяются в отдельный подкласс внешних префиксов.

(Б) Вторичные имперфективы от глаголов СВ, образованных при помощи кумулятивного *на-*, инцептивного *за-* и дистрибутивного *из-* (*изпо-*), наоборот, не могут употребляться в актуально-длительном значении, возможно,

³⁰ См. об этом также в Пазельская, Татевосов 2008.

по семантическим причинам: ярко выраженная множественность действий у дистрибутивов, потребность наличия ретроспективной точки зрения, чтобы квалифицировать действие как кумулятив, точность инцептивов.

(В) Болгарский префикс *по-* отличается большей семантической спаянностью значений, чем русский *по-*, который в своих трех значениях (делимитативном, аттенуативном и дистрибутивном) относится к трем различным группам внешних префиксов.

И действительно, болгарские префигированные делимитативы и аттенуативы СВ с префиксом *по-* выражают ограничение в наиболее общем смысле. Это значение субъективной оценки общей ограниченности глаголов СВ (как в отношении времени, так и с точки зрения интенсивности и полноты реализации результата) позволяет производным вторичным имперфективам в болгарском языке развить дополнительные прагматические нюансы, в частности, особую прагматическую установку на субъективное снижение важности события или процесса.

Однако нам представляется, что и в русском языке префикс *по-*, выступая в отношении неопределенных процессов своего рода темпоральным ограничителем и маркируя нижнюю границу событий, достигших предела (необходимую и достаточную, чтобы действие считалось достигшим предела), при образовании вторичных имперфективов сохраняет свое основное (делимитативное) значение, но приводит к аттенуативной интерпретации события, возможно, по аналогии с чистыми несовершенными аттенуативами с префиксом *по-*.

Все это дает возможность говорящему при необходимости вполне сознательно занять определенную позицию по отношению к называемому действию, в том числе выбирая вторичный имперфектив с префиксом *по-*. Высказывание таким образом принимает ярко выраженную прагматическую окраску.

Библиография

- Атанасова 2008: А. Атанасова, *Представки и представкови комплекси в състава на полипрефигираните глаголи в съвременния български книжовен език*, "Български език", 4, LV, 2008, 29-43.
- Виноградов 1986: В.В. Виноградов, *Русский язык. Грамматическое учение о слове*, Москва 1986.
- Грамматика-80: Н.Ю. Шведова (гл. ред.), *Русская грамматика*, Москва 1980.
- Деянова 1974: М. Деянова, *Към вторичната префиксация на българския глагол*, "Български език", 6, 1974, 501-513.

- Зализняк, Шмелев 2000: Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев, *Введение в русскую аспектологию*, Москва 2000.
- Зализняк и др. 2015: Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелев, *Русская аспектология: В защиту видовой пары*, Москва 2015.
- Зидарова 2008: В. Зидарова, *Един семантико-словообразователен тип глаголи в съвременния български книжовен език (глаголи с префикс по-)*, in: *Bulgaristica – Studia et Argumenta. Юбилеен сборник в чест на 65-та годишнина на проф. д-рн Руселина Ницолова*, Мюнхен 2008, 597-607.
- Иванова 1974: К. Иванова, *Начини на глаголното действие в съвременния български език*, София 1974.
- Исаченко 1960: А.В. Исаченко, *Грамматическият строй на руския език в сопоставление с словакия морфология*. Т. 2, Братислава 1960
- Куртева 2006: Т.К. Куртева, *Глаголните представки – синтагматика и полисемия (за семантичната изборност на съчетаването)*, “Български език”, 1, LIII, 2006, 78-90.
- Куртева 2007: Т.К. Куртева, *Синтагматика и семантична функция на глаголните представки в съвременния български език*, София 2007.
- Лесева 2009: С. Лесева, *Изразяване на междуезиковата асиметрия в многоезикови лексикални ресурси (върху материал от български префигурирани глаголи с представка по-)*, “Български език”, 3, LVI, 2009, 97-117.
- Лесева 2011: С. Лесева, *Пределност, префиксация, перфективност/ Telicity, Prefixation, perfectivity*, “Български език”, 1, 58, 2011, 7-17.
- Лилов 1964: М. Лилов, *Семантичен развој на глаголната представка по- в българския език*, “Известия на института за български език”, X, 1964, 65-157.
- Маслов 1963: Ю.С. Маслов, *Морфологията на глаголния вид в современния български език*, Москва – Ленинград 1963.
- Матеев 1952: Д. Матеев, *Семантиката на глаголните представки и нейното отражение към видовото значение на глаголите*, “Известия на института за български език”, I, 1952, 5-91.
- Мелиг 2006: Х. Р. Мелиг, *Глаголният вид и вторична хомогенизация на обозначаваната ситуация посредством квантификация: к употреблению делимитативного*

- способа действия в русском языке, in: Ф. Леман (ред.), *Глагольный вид и лексикография. Семантика и структура славянского вида IV*, München 2006, 235-276.
- Милославский 1980: И.Г. Милославский, *Вопросы словообразовательного синтеза*, Москва 1980.
- Пазельская, Татевосов 2008: А.Г. Пазельская, С.Г. Татевосов, *Отглагольное имя и структура русского глагола*, in: В.А. Плуноян, С.Г. Татевосов (ред.), *Исследования по глагольной деривации*, Москва 2008, 348-380.
- Паскалев 2015: Н. Паскалев, *За значението на два типа деминутивни глаголи в съвременния български език*, “Български език”, 1, 62, 2015, 65-74.
- Пернишка 1979: Е. Пернишка, *Някои прояви на граматична и словообразователна дефективност при глаголи образувани с представка за-*, “Български език”, 4, XXIX, 1979, 305-312.
- Петрухина 2000: Е.В. Петрухина, *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*, Москва 2000.
- Първанов 2005: К. Първанов, *Особености на префиксното глаголно словообразуване в българските говори (I)*, “Български език”, 2, LI, 2005, 23-31.
- Първанов 2006: К. Първанов, *Особености на префиксното глаголно словообразуване в българските говори (II)*, “Български език”, 2, 2006, 50-60.
- Татевосов 2009: С.Г. Татевосов, *Множественная префиксация и анатомия русского глагола*, in: К.Л. Киселева, В.А. Плуноян, Е.В. Рахилина, С.Г. Татевосов (ред.), *Корпусные исследования по русской грамматике*, Москва 2009, 92-156.
- Улуханов 1977: И.С. Улуханов, *Словообразовательная семантика в русском языке*, Москва 1977.
- Чакърва 1998: Кр. Чакърва, *За същността на вторичната имперфективация в съвременния български език*, “Пловдивски университет ‘Паисий Хилендарски’ - България. Научни трудове”, том 36, 1, 1998 – Филологии, 171-181.
- Чакърва 2003: Кр. Чакърва, *Аспектуалност и количество*, София 2003.

- Янда 2012: Л. Янда, *Русские приставки как система глагольных классификаторов*, “Вопросы языкознания”, 6, 2012, 3-47.
- Babko-Malaya 1999: O. Babko-Malaya, *Zero Morphology: A Study of Aspect, Argument Structure and Case*, Ph.D. Dissertation, New Brunswick 1999 <<https://pdfs.semanticscholar.org/25d9/bb0dd23e3816d465c71bc12c685e7aff38d9.pdf>>.
- Dickey, Hutcheson 2003: St. Dickey, J. Hutcheson, *Delimitative verbs in Russian, Czech and Slavic*, in: R. A. Maguire, A. Timberlake (eds.), *American Contributions to the 13th International Congress of Slavists, 1: Linguistics*, Bloomington IN 2003, 23-36.
- Di Sciullo, Slabakova 2005: A.M Di Sciullo, R. Slabakova, *Quantification and Aspect*, in: H. Verkuyl, H. de Swart, A. van Hout (eds.) *Perspectives on Aspect* [Studies in Theoretical Psycholinguistics, 32], Berlin 2005, 61-80.
- Janda *et al.* 2013: L.A. Janda, A. Endresen, Ju. Kuznetsova, O. Ljashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova, *Why Russian Aspectual Prefixes aren't empty. Prefixes as Verb Classifier*, Bloomington 2013.
- Svenonius 2008: P. Svenonius, *Russian prefixes are phrasal*, in: G. Zybatow, L. Szucsich, U. Junghanns, R. Meyer, P. Lang (eds), *Proceedings of Formal Description of Slavic Languages*, Frankfurt am Main 2008, 526-537 <<http://ling.auf.net/lingbuzz/000043>>.
- Svenonius 2004: P. Svenonius, *Slavic Prefixes Inside and Outside VP*, “Nordlyd”, 32 (2), 2004, 205-253.

Abstract

Svetlana Slavkova

The superlexical prefix *po-* in Russian and Bulgarian

The aim of this paper is to compare the superlexical prefixes of Russian and Bulgarian. The main focus is on delimitative and attenuative *po-* in derived PF forms as well as in secondary IPF verbs. Using the Russian-Bulgarian parallel corpus, I show that there is a functional parallelism between PF and IPF delimitatives in Russian and Bulgarian. The semantic similarity between delimitative and attenuative meaning is the basis for expressing special pragmatic functions by means of both PF and IPF *po-*attenuatives in Bulgarian, while attenuative *po-*verbs in Russian express specific pragmatic meanings primarily via PF forms.

Keywords: Prefixes, delimitatives, attenuatives, Russian, Bulgarian

О роли приставок и суффиксов на ранних и поздних этапах истории славянского вида*

Björn Wiemer

1. Постановка вопроса

Ввиду того, что видовое противопоставление (НСВ : СВ) в славянских языках основывается на производстве основ и на классификации более простых и более сложных основ, получаемых словообразовательным путем (см. Схему 1), приставки в этой системе не могут рассматриваться отдельно от суффиксов. Это обстоятельство существенно как в ранней истории славянского вида, так и в последние столетия. В ранней истории продуктивное образование основ с помощью как префиксов, так и суффиксов создало морфологические условия для возникновения системы видового противопоставления, наблюдаемого в историческое время. Хотя словоклассифицирующие видовые системы можно обнаружить и в других точках мира (см. Аркадьев, Шлуинский 2015), славянская система выделяется на фоне не только мира, но и Евразии по тому, как в ней взаимодействуют префиксация и суффиксация (см. Wiemer, Seržant 2017).

По сравнению с предысторией возникновения славянской видовой системы роль приставок и суффиксов в эволюции этой системы на последних этапах иная, главным образом по следующей причине. После того как с морфологической точки зрения устоялась классифицирующая система основообразования, началось перераспределение приставок и суффиксов, т.е. стало меняться соотношение разных типов суффиксов и приставок в схемах образования видовых пар. В первую очередь, изменился удельный вес префиксации и суффиксации. Такое перераспределение отразилось также на оценке направления морфологической деривации, причем особое внимание следует уделить статусу видовых троек (см. §4).

Исходя из этих угловых моментов, я в статье делаю попытку сопоставить роль глагольных приставок на ранних и поздних этапах эволюции видовой

* Я хочу принести свою благодарность редакторам сборника за их терпеливость, Марии Мушениной и Светлане Славковой за языковую правку, а также двум анонимным рецензентам за ряд полезных замечаний. Само собой разумеется, что за возможные ошибки или недочеты ответственность несу один я.

системы. Изложение во многом останется эскизным. Я начну с обсуждения свойств видовых систем с точки зрения некоторых параметров грамматикализации и кратко обрисую устройство словоклассифицирующего вида с точки зрения морфологической структуры и функций (§2). Потом очень сжато представлю относительную хронологию функционального развития приставок и суффиксов (§3), чтобы на этом фоне посвятить больше места обсуждению ряда вопросов, связанных с ролью так наз. видовых троек (§4). Раздел 5 содержит итоги такого рода 'контрастивного анализа' ранних и поздних этапов развития славянской видовой системы, в частности, оценки роли приставок и суффиксов с точки зрения некоторых параметров грамматикализации.

2. Словоклассифицирующая система и славянский вид

В отличие от словоизменительного вида (напр., в романских языках), в словоклассифицирующей видовой системе противопоставляются не формы парадигмы одной глагольной лексемы, а формы из парадигм двух глагольных лексем, которые в подавляющем большинстве соотнесены друг с другом словообразовательными аффиксами (приставками или суффиксами); см. Плуноян 2011: 406-416; Аркадьев, Шлуинский 2015. Вследствие этого к тому или иному виду неизменно принадлежат все словоизменительные, а также нефинитные формы определенной глагольной основы. Следует учитывать ту меру, в которой пары лексем, соотнесенных таким образом с регулярными образцами основопроизводства, распределяются по достаточно четко предсказуемым и обобщаемым грамматическим контекстам, а в этих контекстах могут, или даже должны, заменять друг друга. Кроме того, необходимо, чтобы два разных инвентаря функций, по которым распределяются глагольные основы, определяли качества классов, а не отдельных пар лексем (или основ)¹. Иначе все лексемы *perfectiva tantum* и *imperfectiva tantum* оказались бы за бортом системы, а также нельзя было бы включить в систему супплетивные пары типа *класть / положить, ловить / поймать*. (Отметим, что само понятие супплетивизма предполагает систему, т.е. свод правил формального соотношения объединенных в пару форм.)

¹ В дальнейшем я, как правило, буду говорить об основах, поскольку показатели словоизменительных категорий не имеют значения, а в фокусе находится соотношение глагольных основ, связанных словообразовательными процессами. Часто уместнее говорить о лексеме, поскольку парные соотношения между основами, по сути дела, складываются между основами, представляющими какое-то одно лексическое значение (а если у основы более одного значения, то часто меняется и видовой партнер, или парная основа). По умолчанию «основа» относится к глагольной лексеме (и я надеюсь, что из контекста изложения это всегда будет ясно) или это различие как раз нерелевантно.

Рассмотрим вкратце способы образования пар НСВ : СВ (§2.1) и структуру инвентаря функций, которые могут различаться выбором НСВ или СВ (§2.2).

2.1. Формальная сторона

Упрощенная схема двух основных типов словообразовательных способов объединения глагольных основ в пары изображена в пунктах (а) и (b) в Схеме 1. Порядок следования от I. до III. следует понимать в диахроническом смысле. Важны следующие моменты. Во-первых, понятие видовой оппозиции предполагает продуктивные способы аффиксального расширения глагольных основ. Такие способы сложились еще в общеславянскую или даже в позднеиндоевропейскую эпоху (см. Wiemer, Seržant 2017: §3). Но, во-вторых, для того, чтобы образцы аффиксального расширения основ приобрели грамматический характер, необходимо, чтобы соотнесенные производящая и производная основы заменяли друг друга в дополнительных функциях, определяемых по грамматическим контекстам (см. §2.2). Возрастание дополнительного характера такого распределения касается в первую очередь классов основ, и только во вторую очередь отдельных пар основ, причем каждая из них относится к противоположному виду соответственно. Из этого вытекает, в-третьих, что так наз. видовые пары являются лишь своего рода крайней точкой развития, в ходе которого соотнесенные друг с другом производящие и производные основы разводятся по двум дополнительным инвентарям функций; см. III. в Схеме 1. Понятие пары предполагает возможность лексически точной замены, т.е. замены без модификации лексического значения, которая может оставить незатронутой и акциональную функцию (см. §2.4)².

Следует также иметь в виду, что инвентари дополнительных функций (см. III.) для глаголов СВ и НСВ не зависят от того, какая из основ (СВ или НСВ) является морфологически производной (т.е. более сложной). То есть в принципе не играет роли, образуется ли основа СВ от бесприставочной основы НСВ с помощью приставки (см. (а)) или, наоборот, основа НСВ от приставочного глагола путем добавления суффикса (см. (b)). По-видимому, современный русский литературный язык довольно тесно приблизился к такому состоянию: «профиль» поведения парных глаголов НСВ : СВ в соответствии с инвентарями функций в целом не зависит сколько-нибудь существенно от того, образуется ли эта пара по модели НСВ (simplex) \Rightarrow СВ или по модели СВ \Rightarrow НСВ (см. Janda, Lyashevskaya 2011). Нужно однако также учесть, что как раз в современном русском языке большинство пар образовано по модели СВ \Rightarrow НСВ (см. §4) и что почти всегда префиксация ведет к перфектива-

² Ср. понятие видовой нейтрализации, которое предполагает тривиальные условия видовой парности.

ции основ (см. §3.3). Именно высокая продуктивность модели СВ \Rightarrow НСВ (с сохранением лексического значения) рядом исследователей приводилась в качестве аргумента, чтобы считать русский вид словоизменительной категорией. Кроме того, Л. Янде и О.Н. Ляшевской ставили в упрек, что они четко не различали глагольные лексемы и вокабулы, так что не придерживались строгих критериев определения парности основ НСВ и СВ. Этот упрек послужил поводом, чтобы оспорить показательность результатов их исследования. См., в первую очередь, систематическую критику в Горбова 2015; 2017. В самом деле, Е.В. Горбова права в том, что обсчеты парности (а вследствие этого также и количества троек; см. §4) сильно зависят от четкости установления лексем и их отграничения от вокабул. Однако, насколько мне известно, до сих пор никто не пытался сформулировать процедуры, объясняющие, каким образом на массовом материале безошибочно устанавливать лексическое тождество глагольных основ (и, тем самым, их парность) для более ранних этапов эволюции русского (или любого другого славянского) языка (см. §4.1), а также при синхронном сопоставлении разных славянских языков. Наряду с этой ‘практической’ проблемой, требуется еще и выяснение хотя бы одного коренного теоретического вопроса, на который указала сама Е.В. Горбова: «окончательная оценка морфологии русского вида должна быть <...> дана в рамках общелингвистической теории парадигм» (Горбова 2017: 48).

Схема 1.

Оформление образцов видообразования

I. общеславянский период (и, вероятно, намного позже)	
– продуктивные модели словообразования:	
(i) первичные основы ₁ (simplicia)	\Rightarrow {приставки + основы} ₂
(ii) {приставочные основы} ₂	\Rightarrow {основы} ₂ + (вторичные) суффиксы
II. впоследствии	
– Реинтерпретация, приведшая к возникновению функциональных оппозиций между основами, соотнесенными словообразовательными средствами, но способными заменять друг друга в определенных контекстах без изменения лексического значения. В соответствии с возникшими функциональными оппозициями морфологически соотнесенные основы вступают в дополнительное распределение:	
(a)	НСВ (simplex) – СВ
(b)	СВ – НСВ
III. и в связи с этим	
– Установление двух противоположных классов глагольных основ. Каждый класс располагает своим инвентарем функций ³ :	
< F(НСВ) ₁ , F(НСВ) ₂ ... F(НСВ) _n >	vs. < F(СВ) ₁ , F(СВ) ₂ ... F(СВ) _n >

³ Эти инвентари в принципе соответствуют составу так наз. «канонических функций», описанных, например, в Lehmann 1999a для русского языка, а также «частновидовым функциям», известным из русской аспектологии.

Независимо от этих рассуждений разные исследователи приходили к выводу, что ‘соперничество’, которое наблюдается между основами НСВ в так наз. тройках, разрешается часто тем, что скорее за бесприставочными основами НСВ закрепляется процессная функция, тогда как многократное действие выражается основами НСВ, полученными вторичной суффиксацией (см. §4.2). Эти наблюдения свидетельствуют о том, что в случаях, когда у говорящего есть выбор между двумя основами НСВ, образованными по разным моделям, намечается некоторая тенденция к дополнительному распределению по частным функциям, приписываемым классу НСВ.

2.2. Установление инвентарей дополнительных функций

Своего рода функциональным дополнением к формальным образцам видообразования являются инвентари функций, которые устанавливаются в разнородных областях. Удобно представить их в виде матрешки или луковицы (см. Схему 2), отражающей предполагаемую диахроническую последовательность установления разнородных функций, важных для выбора вида. Такая модель является отправной точкой при строении гипотез о функциональном развитии видовой системы в разных славянских языках. В известном смысле предназначение луковицы можно сравнить с эвристической пользой семантических карт: у исследователя уже имеются основания, чтобы предположить определенную последовательность установления функций; этой последовательности и соответствует порядок «слоев» луковицы. Если в ходе эмпирической проверки обнаруживаются несоответствия с предположениями, «встроенными» в луковицу, в нее приходится внести поправки. То есть, модель луковицы нельзя считать сводом одних выверенных фактов; в ее устройство частично входят также и менее выверенные положения, а порядок слоев сам по себе порождает гипотезы, требующие эмпирической проверки.

Область в самом центре нужно считать исходной: она диахронически первична. Четкое различие основных акциональных функций входит в определение любой видовой системы (независимо от ее морфологического устройства)⁴. Чтобы можно было применительно к какому-либо языку говорить о виде, глагольные формы (словоформы или основы, в зависимости от морфологического устройства) должны надежно распределяться в обозначении разных типов ситуаций (событий, процессов и состояний) и вследствие этого в нарративных условиях сочетания глагольных форм надежно указывать либо на последовательность действий (ср. цепочку глаголов СВ: *Все сошлись на остановке, покурили и сели в автобус*), либо на хотя бы частичную их одновременность (ср. *Все стояли на остановке, курили и разговаривали*), либо на наступление события на фоне процесса или состояния (ср. *Когда курили, пришел автобус*, или *Когда садились в автобус*,

⁴ См. Comrie 1976; Маслов 1990, среди множества других авторов.

поздоровались с водителем)⁵. Если такие функции за глагольными формами (или основами) не установились, говорить о видовой системе вообще не приходится. При этом акциональные функции определяют выбор вида только при прочих равных условиях, их проявлению может помешать целый ряд других факторов (чему и посвящается большая часть последующего изложения). Но существенно то, что в отношении указанных акциональных функций, лежащих в основе определения любого типа видовой системы, между славянскими языками не наблюдается сколько-нибудь существенных различий. В этом факте можно усмотреть сильный показатель исходности главных акциональных функций.

К функциям, которые часто накладываются на исходные акциональные функции, относятся и функции внешней кратности (дискретной глагольной множественности; см. Храковский 1987); ср., например, *Часто он опаздывал; По утрам она проветривала комнату*. Их также обычно причисляют к центральным функциям вида, но по сравнению с основными акциональными функциями славянские языки обнаруживают между собой намного больше различий в области внешней кратности. См. Wiemer 2008: 399-402; 2015: 590-599, где представлен обзор части соответствующих фактов. Противоборство между акциональным характером ситуации и дискретной множественностью обуславливает одно из главных различий, членящих славянские языки на оси запад–восток: в то время как на востоке (т.е. в основном, в русском литературном языке) дискретная глагольная множественность, как правило, берет верх над различием акциональных черт высказывания, в языках на западе славяноязычной территории чаще доминантным над многократностью оказывается разграничение акциональных типов ситуации (см. Dickey 2000 среди многих других). Можно полагать, что славянские языки западной половины в этом отношении отражают более архаичное состояние системы (см. §3.3).

Итак, слои луковицы также отражают предположение, что более поздние функции (= верхние слои) накладываются на более ранние (= внутренние слои). Таким образом, модель луковицы служит для проверки гипотез о том, какие функциональные оппозиции более надежно закреплялись за выбором НСВ или СВ раньше других. Такое диахроническое расслоение имеет ареальное соответствие: есть основания полагать, что славянские языки в выборе вида различаются между собой в большей мере по тем функциям, которые больше отдалены от акционального ядра системы (т.е. от центра луковицы). Выше уже было сказано о глагольной множественности. Если подумать о более периферийных слоях, то многое свидетельствует о том, что, например, дискурсивные функции в русском языке оказывают заметно большее влияние на выбор вида, чем в западной половине Славии: предположение говорящего о том, что действие, к которому он побуждает с помощью императива, уже пресуппонируется в данной ситуации общения, в русском

⁵ См. Koschmieder 1934; Pollak 1960; вслед за ними такие «нарративные эффекты» стали общим местом в аспектологических анализах и пособиях.

языке служит довольно надежным фактором в пользу выбора НСВ (*Ну, что ты ждешь? **Начинай!***; (гости расселись за столом) ***Берите** печенье!*; см. Падучева 1996: 66-83). В других славянских языках пресуппозиция является менее сильным фактором (см. Venacchio 2010). Для выяснения того, как и насколько бóльшая или меньшая надежность этого фактора связана с другими факторами – особенно с находящимися в других «верхних слоях» луковицы, – требуются более систематические исследования.

Предполагаемые параллели между диахроническим развитием и степенью внутриславянской (т.е. в большой мере ареальной) дифференциации при выборе вида послужили поводом для разработки хронотопической модели славянского вида (см. Wiemer 2008; 2015).

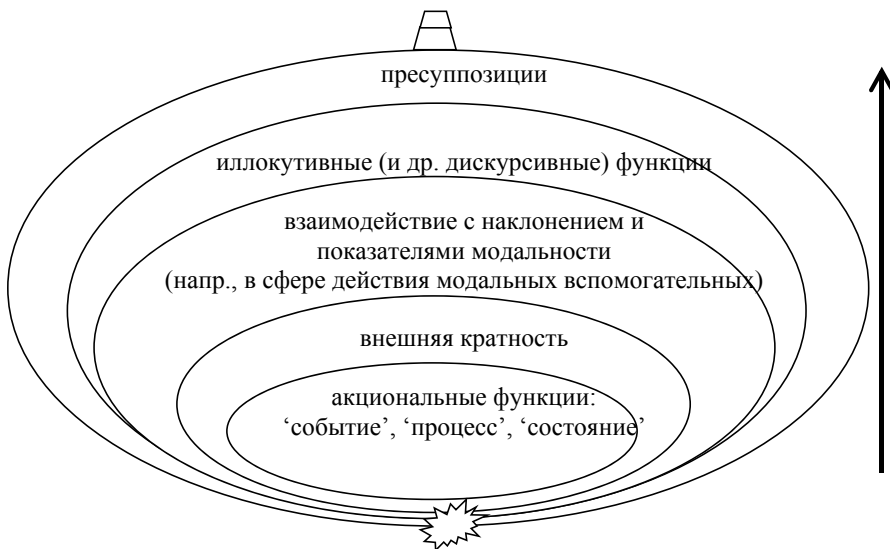

Схема 2.

Функциональные области, влияющие на выбор вида

2.3. Последствия для соотношения форм и функций

Из сказанного в §2.1-2.2 вытекает следующее. Основные свойства видовой системы в славянских языках определяются не столько функциями приставок (или суффиксов), взятых отдельно, сколько двумя, друг друга поддерживающими обстоятельствами: (а) продуктивностью самих образцов (а не отдельных морфем), ведущих к парам (см. (а) и (б) в Схеме 1), и (б) возрастающим дополнительным распределением функций, ассоциируемых с противочленами этих пар.

К системе, понимаемой таким образом, с трудом применяются стандартные параметры грамматикализации, сформулированные в Chr. Lehmann 1995. Эволюцию такой системы адекватнее было бы охватить с помощью критериев, сформулированных в V. Lehmann 1999b: 208, поскольку они опираются прежде всего на распределение функций и их соотношение с основами той или иной части речи. Критерии сформулированы в виде идеальных типов, т.е. они ориентируются на максимальное проявление каждого конкретного свойства⁶:

1. Известный состав функций распределяется на все основы данной части речи.
2. Формы и функции обязательны (т.е. их нельзя обойти).
3. Формы образуют максимально регулярные оппозиции.
4. Функции образуют максимально абстрактные оппозиции.

Эти критерии необходимо иметь в виду в дальнейших рассуждениях. Возникает вопрос, каким образом эти критерии связаны с ростом унификации видовой системы. В общем, рост унификации равнозначен уменьшению энтропии (хаоса). Это последнее проявляется следующим образом:

- А: Сокращается число приставок и суффиксов, которые продуктивно используются для образования видовых пар.
- Б: Сокращается число супплетивных пар (за счет регулярного способа образования).
- В: Сокращается число двувидовых глагольных лексем, т.е. таких основ, функциональное поведение которых оправдывает их принадлежность к обоим видам, и различия в инвентарях функций не маркированы словообразовательными аффиксами. (Важно осознавать, что само понятие двувидовых глаголов – так же как понятие супплетивизма – предполагает достаточно четко сложившуюся видовую систему.)
- Г: Сокращается число троек.
- Д: Сокращается число непредельных лексем, которые остаются без эксплицитной маркировки фаз (начальной, конечной) или временной делимитации. Для такой маркировки используются приставки (ср. рус. *по-* для временной делимитации, *за-* для начальной, а *от-* для конечной фазы, например, *по-гулять*, *за-бегать*, *от-звенеть*).

В дальнейшем нас будут интересовать признаки А и Д, а специальное внимание будет уделено признаку Г (см. §4). Что касается Д, то известно, что особой продуктивностью в морфологическом обозначении фаз непредельных действий обладает современный болгарский язык (см. Маслов 2004b: 120 и сл.). Западная часть Славии в целом характеризуется заметно меньшей последовательностью в морфологическом обозначении фаз непредельных процессов, чем восточная (см. Dickey 1998; 2005;

⁶ Более подробно этот вопрос рассмотрен в Wiemer 2002; 2008: 388-390.

2011; Петрухина 2000), причем это положение кажется верным в отношении как *types* (т.е. лексем как словарных единиц), так и частотности на уровне текста (*tokens*).

2.4. Видовая парность и парадоксы в определении грамматического основопроизводства

В свете изложенного понятие видовой пары нужно рассматривать как проявление крайней степени заменимости СВ и НСВ в четко определенных грамматических контекстах, т.е. в тех случаях, когда (а) употребление одной или другой основы из определенной пары полностью предсказуемо (и в основном обязательно), причем (б) при замене не происходит никакого лексического сдвига. В этом смысле, как указал Ю.С. Маслов в своей классической работе Маслов 2004а [1948], парность опирается на тривиальные условия выбора вида, т.е. на лексическое тождество при изменении контекста, которое определяется другой грамматической категорией глагола или семантикой предложения на уровне клаузы или иллокуции. Самые известные из таких условий – это нарративное настоящее, (неограниченная внешняя) многократность и императив с отрицанием (по отношению к однократному действию). При этом следует помнить, что жесткие правила определения видовой пары формулировались для современного русского литературного языка и что, согласно упомянутой классической работе Маслова, тривиальные условия замены вида всегда определяются в направлении от СВ к НСВ. В частности, русские ученые, которые с 1980-х годов стали участвовать в возрождении и последовательном применении взглядов раннего Маслова на видовую парность, настаивают на том, что для грамматического характера русского вида существенна обязательная имперфективация (см. особенно Зализняк и др. 2015: 259 *et passim*, но также и Горбова 2017), которая продуктивно осуществляется путем вторичной суффиксации. Это фокусирование на вторичной суффиксации приводит к тому, что основы НСВ, которые относятся к неоспоримым видовым парам, но образованы по модели НСВ (*simplex*) \Rightarrow СВ (с приставкой), считаются результатом депрефиксации: исходной всегда считается основа СВ. Вместе с тем, те же авторы отказываются от возможности выведения видовых пар в обратном направлении (от НСВ к СВ), несмотря на то, что продуктивно образуются, например, делимитативы с помощью приставки *по-* от основ НСВ, обозначающих непредельные процессы (*работать* \Rightarrow *по-работать* и т.п.), и что именно эта словообразовательная модель, как правило, не приводит ни к какому изменению лексического значения делимитативов СВ по сравнению со своими производными базами НСВ.

Причины такого отказа двоякого рода – функционального и онтологического: условия тривиальной замены СВ на НСВ проверяются с помощью тестов, которые, по сути дела, показывают поведение глаголов в

синтаксическом окружении или в зависимости от других категорий глагола (см. выше). Для установления тривиальных условий видовой парности семантический анализ как раз несуществен, ‘диагноз’ о парности ставится лишь на основе распределения СВ и НСВ в разных грамматически релевантных контекстах; проверяется, может ли глагол НСВ заменять глагол СВ в событийном значении, конечно же, сохраняя лексическое тождество. При таком подходе к определению видовой парности лишен смысла вопрос, вносит ли приставка какой-то семантический вклад в значение исходного глагола или ее следует считать «пустой» (см. Зализняк и др. 2015: 93, 262), см. далее в §4.2.

Таким образом, мы пришли ко второй причине рассмотрения видовой парности только в направлении СВ \Rightarrow НСВ: важно то, чем соотнесенные словообразовательными аффиксами глагольные основы ‘делятся’ между собой, а не то, что их различает лексически. Эта логика установления видовой парности весьма убедительно обосновывалась в работах Анны А. Зализняк и Алексея Д. Шмелева с середины 1990-х годов (впервые, видимо, в Зализняк, Шмелев 1997: 37-44, а в последний раз вся аргументация была воспроизведена в Зализняк и др. 2015: 52-60, см. также там же: 211-218). В рамках современного русского языка эта логика безукоризненна: это поиск способа определения пар основ НСВ и СВ, который не оставляет места для произвольного описания и не зависит от специфического (т.е. нетривиального) семантического соотношения между сопоставляемыми основами. Поэтому эти работы опираются на то, (i) как эти основы ‘реагируют’ в обобщаемых типах контекстов, т.е. какая основа заменяет другую, и (ii) что их объединяет лексически. Однако в дальнейшем оказывается, что критерий (i) – т.е. контекстная замена основ – на самом деле важнее критерия (ii), т.е. возможного лексического тождества обеих основ. Если бы было иначе, то делимитативные дериваты от неопределенных основ НСВ не оказались бы ‘за бортом’ парности. Поэтому для убедительной аргументации необходимо подключить третий критерий, а именно (iii) – онтологию явлений: глаголы НСВ в вышеназванных тривиальных условиях заменяют глаголы СВ для обозначения тех же событий; обратное невозможно, т.е. глаголы СВ не могут обозначать процессы или состояния. Импликацией такого подхода является учет только основ НСВ, семантика которых может включать внутренний предел (см. §3.1), а также тех основ НСВ, которые образуют с основами СВ только тривиальную пару (т.е. основа НСВ служит единственно как ‘событийный заместитель’ своего коррелята СВ), таких как *споткнуться* / *спотыкаться*, *упоминать* / *упоминать*, *прийти* / *приходить*. (Характерно, что среди них нет пар из простой основы НСВ и ее приставочного деривата). Кроме того, нужно осознавать, что тесты, предлагаемые для установления тривиальной парности, ‘пристроены’ к современному русскому литературному языку; исследователи не задаются вопросом о том, в какой мере эти тесты дают надежные результаты в других славянских языках или даже в восточнославянских диалектах, где контекстов обязательной имперфективации может быть меньше.

3. Роль глагольных приставок в ранней и поздней системе

Перед тем как приступить к сжатому изложению роли приставок и суффиксов в эволюции славянского вида (§3.3), будет уместно уточнить ряд центральных понятий.

3.1. Предельность vs. перфективация

Термин ‘предельность’ я буду употреблять в узком смысле, т.е. в таком, как в русской аспектологии говорилось о внутреннем пределе: в значении глагольной лексемы заложен естественный предел, после достижения которого сопряженное с этим пределом действие дальше не может продолжаться. Глагольная лексема, не обладающая этим семантическим признаком, будет называться непредельной. Чтобы отличать внутренний предел от внешнего, т.е. чисто временного ограничения действия (с незаложенным или несущественным пределом), я буду пользоваться термином ‘(не)терминативный’. Терминативный глагол (или глагольная форма) может быть предельным или непредельным, во всяком случае вопрос о достижении какого-либо предела остается открытым. Изменение признака предельности я буду называть ‘телисизацией’ (соответственно ‘детелисизацией’ для обратного процесса), а изменение признака терминативности будет именоваться ‘перфективацией’ (соответственно ‘имперфективацией’ для обратного процесса). Пользуясь этой терминологией, я следую П.М. Аркадьеву, где эти терминологические разграничения были обоснованы (см. Аркадьев 2015: 20-28).

Рассмотрим краткие иллюстрации. Пример (1) представляет ситуацию с предельным, но нетерминативным предикатом, пример (2) – ситуацию с непредельными и нетерминативными предикатами, в то время как примеры (3-4) содержат терминативные предикаты; однако из них только в примере (3) предикат также и предельный, а в примере (4) выделенные предикаты непредельные:

- (1) Кирилл **писал** статью.
- (2) Кирилл **сидел** в комнате и **писал**.
- (3) Петя свою статью **написал**.
- (4) После завтрака я **посидел** и **пописал** за столом (потом собрал вещи и вышел).

Известно, что многие глаголы действия НСВ могут вести себя и как предельные, и как непредельные; сюда относится и *писать* (ср. также *есть*, *пить*, *читать*, *рисовать*). В современном русском языке поведение основ НСВ, колеблющееся между предельным и непредельным значением, обычно уточняется приставкой, с помощью которой образуется соотносительная основа СВ. Часто приставка *по-* образует непредельную терминативную ос-

нову (это уже упомянутые делимитативы), тогда как производные предельные (и терминативные) основы обозначаются с помощью других, причем разных приставок. Ср., например, *по-читать* (непредельный) vs. *про-читать* (предельный).

С точки зрения русского и других славянских языков тривиально звучит утверждение, что все глаголы СВ – терминативные, или, другими словами, что префиксация ведет к перфективации бесприставочной основы. Но этот факт становится намного менее тривиальным, если мы рассматриваем префиксацию в ареальном ракурсе языков Евразии, а также с диахронической точки зрения. Префиксы возникли из агглютинации некогда свободных морфем, уточняющих пространственную ориентацию. Эта довольно конкретная семантическая функция во многих языковых семьях превратилась в более абстрактную функцию введения внутреннего предела, т.е. приставки приобрели телисизирующую функцию. Однако в достаточно грамматикализованной системе распространение этой функции сопровождается развитием также и перфективирующей функции, согласно которой приставки приобретают способность обозначать всего лишь внешнее ограничение действия (или состояния). Важно, что перфективация происходит независимо от телисизации или от фокуса на лексически заложенном пределе (см. §3.2)⁷.

3.2. Функциональные типы приставок

Далее нужно уточнить классификацию приставок по типу выполняемой ими функции. Важно осознавать, что бесприставочные основы могут быть предельными. При предпосылках, которые называют Анна А. Зализняк и др., как раз это обстоятельство и служит основной (и, по сути дела, единственной) причиной включения бесприставочных основ НСВ в видовые пары с их приставочными дериватами (ср. *строить* ⇒ *по-строить*, *варить* ⇒ *с-варить*, *готовить* ⇒ *под-готовить* и т.д.); см. §2.4 и §4.2. Именно в отношении таких пар возникали споры по поводу так наз. «пустых приставок». Эти споры основываются на том, что, если приставочный глагол лексически не отличается от бесприставочного, то, на первый взгляд, приставка не вносит никакого семантического вклада в значение глагола, а служит всего лишь показателем СВ. Следует признать, что аргумент о «пустых приставках» оказывается ложным по той причине, что приставка может повторять (или подчеркивать) один из семантических компонентов, который уже заложен в значении бесприставочной основы. Этот феномен

⁷ Видимо, в литературе по вопросу имеют в виду именно это обстоятельство, когда утверждается, что приставки являются грамматическими показателями предельности (напр., «Russian prefixes can be viewed as grammaticalized telicity», см. Kuznetsova, Sokolova 2016: 217). Такое обобщение можно признать адекватным, если на самом деле иметь в виду перфективирующую функцию.

называется «эффектом Вея-Схонефельда», вслед за работами Vey 1952; van Schooneveld 1958.

Если в результате префиксации этот эффект наблюдается, то получаемые глаголы СВ будут называться ‘естественными перфективами’. Они отграничиваются от ‘специализированных перфективов’, под которыми подразумеваются случаи, когда приставка лексически модифицирует исходное значение бесприставочной основы (например, за счет пространственной ориентации). Я пользуюсь здесь терминами Л. Янды (см., например, Janda et al. 2013) просто для разграничения типов влияния приставок на лексическое значение глаголов (см. дальше в §4.2). Третий тип приставок реализуется в уже упоминавшихся делимитативах⁸. Их функция сводится только к ограничению действия временным пределом, и в этом смысле этот тип приставок является самым абстрактным (и, наверное, лексически пустым). Поэтому, если следовать вышеизложенным рассуждениям о диахронической последовательности появления этих типов приставок, то следует полагать, что делимитативы установились самыми последними (а во многих языках с классифицирующей видовой системой не установились вообще); см. Схему 3 и Аркадьев 2015: 201. Однако в данный момент вопрос этот решить однозначно нельзя.

3.3. Хронология функциональных типов приставок и суффиксов

Этот подраздел опирается на результаты статьи Wiemer, Seržant, 2017: §3.2⁹, где читатель, кроме деталей, найдет релевантные ссылки. Здесь же количество ссылок будет доведено до минимума.

Глагольные приставки и суффиксы различаются не только с точки зрения их роли в видовой системе современных славянских языков; они различаются и в отношении диахронной преемственности: в индоевропейских языках приставки намного более ‘молодое’ явление, чем суффиксы. Несмотря на то, что как раз наиболее употребительные суффиксы, используемые для расширения основ и образования глаголов НСВ в современных славянских языках ({iva/yva}, {va}, {ova}), могут считаться результатами сращения или реанализа более древних суффиксов, сами схемы расширения основ с помощью суффиксов восходят к протоиндоевропейским предтечам общеславянского диалектного континуума. По сравнению с этими схемами приставки появились значительно позже. Они являются результатом агглютинации некогда свободных морфем в основном наречного или именного происхождения. Процессы клитисизации и агглютинации превербов индоевропейских и неиндоевропейских языков Европы, включая ее окраины

⁸ Л. Янда и другие ученые из Норвегии (см., например, Eckhoff, Naug 2015) для этого типа приставок ввели термин ‘procedural / mensural prefixation’.

⁹ Главные выводы по суффиксации, прежде всего по увеличению роли конкатенативного состава морфем в основах (см. ниже), были сделаны И.А. Сержантом.

(например, Кавказ), очень распространены. Относительно свободные превербы известны и сегодня, например в немецком и латышском. Но только в меньшинстве из более древних индоевропейских языков продуктивное употребление превербов или, уже, приставок привело к возникновению видовой системы, в которой приставки систематически служат не только телисизации, но и перфективации¹⁰. Более того, из индоевропейских языков только в славянских сочетаются префиксация и суффиксация как продуктивные приемы расширения основ, благодаря которым меняется только акциональный характер действия, а валентностные свойства и аргументная структура могут оставаться незатронутыми. Правда, та же особенность наблюдается в литовском, но есть основания полагать, что такая ситуация сложилась лишь относительно недавно под восточнославянским влиянием (см. Аркадьев 2015: 125-131; Wiemer, Seržant 2017: §5.4).

Итак, суффиксы как словообразовательный прием намного старше приставок, и они неоднократно обновлялись по исконным схемам. Если сравнить приставки и суффиксы, которые продуктивны поныне, то трудно установить их относительную хронологию. Даже самые молодые суффиксы, видимо, сложились еще в дописьменную эпоху (см. Шевелева 2010: 200-203). Но по сравнению с исходным состоянием в позднем протоиндоевропейском количестве частных схем расширения глагольных корней заметно уменьшилось. Одновременно уменьшились аблаутные и другие нелинейные (англ. non-concatenative) способы изменения корней и основ; соединение основ с суффиксами все больше следовало линейному способу, тем самым становясь более 'прозрачным'. С семантической точки зрения, суффиксы выполняли роль имперфективаторов, т.е. они служили представлению обозначенной глагольной основой ситуации в отвлечении от границ, либо заложенных, либо чисто временных (см. §3.1). Эта функция сложилась, видимо, еще в общеславянский период, и это 'функциональное преемство' оказалось устойчивым на протяжении всех дальнейших периодов после того, как установилась телисизирующая префиксация (см. ниже).

Перейдем теперь к приставкам. В самом кратком виде их функциональное развитие протекало по следующим стадиям (см. Схему 3). Приставки, изначально выступали как модификаторы лексического значения глагольных основ, причем не только в смысле пространственной ориентации (= стадия (0)). Можно также предположить, что в большинстве случаев приставки служили ограничителями глагольного действия в том смысле, что обозначали тот или иной естественный предел описываемого действия. Ср., например, церковнослав. *и-ти*, которое могло относиться как к предельному, так и к непредельному движению, в отличие от *вън-и-ти*, *прѣ-и-ти*, которые обо-

¹⁰ Наиболее систематическое исследование по разным типам превербов, их ареальному распространению и их роли в формировании видовой систем можно найти в Аркадьев 2015; см. также Arkadiev 2014. Систематический обзор по древним индоевропейским языкам Европы был представлен в Wiemer, Seržant 2017: §5.

значали только предельные ситуации (см., например, Maslov 1959; Силина 1982: 163; Vermeel 1997: 466). На этой стадии часто обе основы (как без приставки, так и с ней) могли употребляться в контекстах, типичных как для имперфективов (напр., процесс) так и для перфективов (напр., законченное действие), т.е. тенденция к функционально дополнительному распределению еще не была особенно выражена. На данной стадии (= (i) в Схеме 3) приставки выполняли телисизирующую функцию. Они присоединялись к глагольным основам вследствие семантического соответствия с одним из компонентов значения бесприставочной основы. Это уже упомянутый эффект Вея-Схонефельда. Он дает естественное объяснение тому факту, что в телисизирующей функции укреплялись самые разные приставки, которые не изменяли лексическое значение основы. Правда, определить границу между эффектом Вея-Схонефельда и лексической модификацией бывает трудно, и эта трудность продолжает сказываться на современном материале (см. §4.2).

Следующий шаг состоял в том, что приставочные основы все больше фокусировались на внутреннем пределе (= стадия (ii) в Схеме 3). Этот шаг можно понимать и как конвенционализацию имплицатуры: достижение предела уже не только предполагалось по умолчанию, но оно стало неаннулируемым компонентом значения приставочных глаголов. Такой шаг способствовал развитию взаимоисключающих контекстов употребления приставочных основ и их бесприставочных баз, хотя между обоими типами соотносительных основ с самого момента распространения префиксации наблюдалась асимметрия: бесприставочные основы могли обозначать предельные и неопредельные ситуации и, кроме этого, они продолжали употребляться для ситуаций, когда предел мог 'додумываться' как достигнутый, т.е. для тех ситуаций, которые стали 'законной' сферой употребления приставочных дериватов. На этом основании бесприставочные основы до сих пор могут во многих случаях обозначать события, а не только процессы, и, тем самым, переосмысляться как 'заместители' основ СВ в случаях, когда – по независящим причинам – эти последние заблокированы (см. §4).

Последний шаг в сторону установления современной видовой системы нужно усмотреть в том, что приставки стали присоединяться также к неопредельным основам. В таких случаях приставки не могли выполнять функцию телисизации, связанной с эффектом Вея-Схонефельда, а всего лишь перфективации: они обозначали чисто временное ограничение действия, но не естественный предел (= стадия (iii) в Схеме 3). Тем самым, функции приставок стали 'эмансипироваться' от предельности и вообще от акциональных характеристик бесприставочных основ.

Как известно, эта чисто перфективирующая функция более последовательно проявляется в восточной части Славии, в то время как в западной части функциями вида в большей степени управляют акциональные (т.е. лексически обусловленные) свойства глагольных лексем (см. Dickey 2000; Петрухина 2000).

Рассмотренные выше функции приставок представлены в Схеме 3. Периоды, указанные во втором столбце справа, задают всего лишь приблизи-

тельные рамки. Более существен их порядок следования. В самом правом столбце приводятся условные наименования типов приставок вместе с их эквивалентами, которые начали использоваться в англоязычной литературе (вслед за работами Янды; см. сноску 8).

Схема 3.

Функциональное расширение приставок: доисторический и ранние периоды (до конца XIV века?)

(0)	лексическая модификация: пространственная и другая	ранний общеславянский (свободные провербы > приставки)	лексические приставки (specialized sortal)
(i)	телисизирующая функция: выделение лексически заложенного компонента, связанного с внутренним пределом (эффект Вея-Схонефельда)	общеславянский	естественные приставки (natural sortal)
(ii)	конвенционализация фокуса на пределе действия	общеслав. и ранние исторические периоды	
(iii)	перфективирующая функция: внутренний предел или временное ограничение	поздние периоды, но преимущественно в восточной половине Славии	делIMITАТИВНЫЕ приставки (procedural / mensural)

Теперь вернемся к суффиксам. Выше указывалось на то, что между бесприставочными основами и их приставочными дериватами создавалась заметная асимметрия: в то время как приставочные дериваты все больше тяготели к фокусированию предела действия, бесприставочные основы могли обозначать все остальное, включая ситуации, в которых речь шла о достижении предела. Оба типа основ были способны обозначать также многократные ситуации, однако основы СВ (т.е. почти всегда приставочные) из этой функциональной области стали постепенно вытесняться, прежде всего в восточной половине Славии (ср. например, Bermel 1997). К тому же, как указывал еще Maslov 1959, глаголы с приставкой, которая удаляла их лексически довольно сильно от их бесприставочных баз, стали нуждаться в коррелятах НСВ, которые могли служить их лексическими ‘заменителями’ в контекстах, для которых приставочные основы все более переставали быть пригодными. Поскольку суффиксация сохранялась как удобный способ расширения глагольных основ, то она и стала применяться как средство для решения этой ‘задачи’; ср. примеры типа *бити* ⇒ *у-бити* ⇒ *у-би-ва-ти*.

Таким образом возникла так наз. вторичная суффиксация, которая по изложенным здесь системным причинам автоматически стала продуктивным образцом, известным как вторичная имперфективация. Она уходит корнями в дописьменную эпоху. Согласно Eckhoff, Haug 2015, в Codex Marianus и Codex Zographensis количество пар по типу ‘простая основа ⇒ приставочная основа’ (46, напр. *учити* / *научити*) почти равнялось количеству пар по ти-

пу ‘приставочная основа \Rightarrow вторичная суффиксация’ (49, напр. *оставити / оставляти*). О весьма ранней продуктивности вторичной имперфективации в восточнославянском ареале можно судить по Bermel 1997: 271; Шевелева 2010. Согласно Andersen 2009: 131, частотность вторичной имперфективации в восточнославянском ареале резко поднялась в XIII веке, и этот рост начал падать только относительно недавно (см. также Mende 1999: 314 и сл.). Конечно, нельзя исключить возможность того, что с тех пор процесс вторичной имперфективации периодически активизировался (а потом снова замедлялся), также в других славянских языках. Например, в результате корпусного исследования Горбова (2016: 156) сделала вывод, что на протяжении XVIII – начала XXI столетия вторичная имперфективация “является относительно стабильным и достаточно регулярным явлением”, с отдельными перепадами. В общем, вряд ли можно полагать, что взаимодействие функционального развития и относительной продуктивности отдельных образцов расширения основ укладывалось прямолинейно и без зигзагообразных перепадов. Слишком много деталей пока еще требует тщательного изучения. В частности, не исключено, что многие простые основы продолжали находиться в прямой функциональной оппозиции с производными от них основами СВ (с приставками) или же снова вошли в такую оппозицию. Если к этим дериватам были образованы дальнейшие дериваты с помощью суффиксов, то легко могли сложиться тройки (см. §4).

С точки зрения третьего из параметров Ф. Леманна (см. §2.3) рост продуктивности вторичной имперфективации придает видовой оппозиции бóльшую степень грамматичности, но только по мере того, как этот способ основопроизводства приходит на смену образцу НСВ (simplex) \Rightarrow СВ (с приставкой), вытесняя его полностью. До этого не дошло. С точки зрения дополнительного распределения, связанного больше всего с первым параметром Ф. Леманна, параллельное существование образцов основопроизводства (НСВ (simplex) \Rightarrow СВ и СВ \Rightarrow НСВ) можно оценить как «плюс» для степени грамматикализации, если в возможно большем количестве случаев наблюдается, что две основы НСВ, соотносительные с одной и той же основой СВ, между собой вступают в стабильное дополнительное распределение по функциям, входящим в общий инвентарь функций НСВ. Как видно, однозначного ответа на вопрос о «грамматичности» вторичной имперфективации быть не может; ответ усложняется хотя бы тем, что с парными отношениями между простой основой НСВ и его эквивалентом СВ все-таки еще приходится считаться.

Тем самым мы переходим к обсуждению троек.

4. Значимость видовых троек и их устранения

Видовыми тройками называется явление, когда одной основе СВ соответствуют сразу две основы НСВ, из которых одна основа – простая, а другая получена путем вторичной суффиксации из приставочной основы, и

обе основы НСВ могут претендовать на парность с основной СВ; ср., например, рус. *лечить* – *вылечить* – *вылечивать*, *мешать* – *смешать* – *смешивать*, пол. *tworzyć* – *stworzyć* – *stwarzać* ‘создавать’, *szacować* – *oszacować* – *oszacowywać* ‘оценивать, прикидывать’. Разумеется, о таких тройках можно говорить лишь применительно к лексемам, а не глагольным вокабулам в целом (см. сноску 1). Для определения троек решающее значение имеет установление семантической близости между простой основой НСВ и основной СВ, или иными словами, вопрос, связывается ли приставка с эффектом Вея-Схонефельда или с более далеко идущей модификацией значения простой основы (см. §4.2).

4.1. Диахронический фон

Прежде чем обратиться к этому вопросу, рассмотрим факты из диахронии. Возникновение троек нужно отчасти оценивать как следствие все усиливавшегося процесса суффиксации. Как было сказано в §3.3, рост частотности вторичной имперфективации обычно объясняют тем, что к приставочным основам СВ, значение которых слишком отдалялось от значения простых основ, нужны были лексически более точные эквиваленты НСВ, которые могли бы представлять данный лексический концепт в грамматических функциях, из которых основы СВ все более вытеснялись. ‘Решение’ состояло в использовании имеющихся суффиксов, которые расширяли приставочные основы СВ, так что их лексические концепты оказались представленными также в НСВ.

Нам не хватает достоверных данных, которые позволяли бы понять, как простые основы НСВ соотносились функционально с основами НСВ, полученными вторичной суффиксацией, с того момента, когда стала нарастать продуктивность вторичной суффиксации¹¹. То есть, пока трудно судить, всегда ли ‘соперничали’ две основы НСВ в своем праве быть наиболее близким лексическим эквивалентом основы СВ. Возможно, что значение простой основы НСВ на какое-то время заметно отдалялось от значения приставочного деривата, а их ‘лексическое сближение’ произошло лишь впоследствии. Более того, некоторые ученые пытались доказать, что в тройках типа *чистить* – *очистить* – *очищать* бесприставочная основа НСВ появлялась позже двух остальных, т.е. что депрефиксация являлась диахронически реальным процессом. Однако, насколько мне известно, убедительные доводы в пользу этого утверждения приводились только в отношении основ с инхотативным суффиксом {nɔ} (например, церковнослав. *сѣх-nɔ-ti*, полученное из пары *u-sѣх-nɔ-ti* / *u-syx-a-ti*) и нескольких предельных основ (например, *тырѣ-ti* засвидетельствовано позже, чем *u-тырѣ-ti* / *u-mir-a-ti*), а также

¹¹ См. анализ в Bermel 1997: 270-279, 425-442 на выборке простых основ и их эквивалентов, характеризующих вторичной суффиксацией.

в отношении каузативных глаголов, образованных от прилагательных или существительных; ср., например, пол. *pełn-i-ć*, которое не было прямым образом образовано от *pełn-y* 'полный', а появилось только на основании пары *s-pełn-i-ć / s-pełni-a-ć* 'выполнить/выполнять' (также *zaparz-y-ć / zaparz-a-ć* ⇒ *parz-y-ć* 'завари(ва)ть', *zarecz-y-ć / zarecz-a-ć* ⇒ *recz-y-ć* 'поручить/поручать')¹². Конечно, такие доводы должны нас настораживать при оценке исторического материала, но вряд ли депрефиксация имела место в случае первичных глаголов, таких как *рвать*, *точить*, *лить*, *лечить* и многих других, которые относятся к общему славянскому словарному фонду, не были образованы ни от каких других частей речи и часто приводились в связи с видовыми тройками.

В статье Авилова 1964 обсуждался обширный материал с конца XVIII и начала XIX веков, который свидетельствует о том, что в русском языке этого времени простые основы употреблялись с довольно диффузным лексическим значением, которое покрывало значение приставочных основ современного языка. Среди этих основ встречаются как первичные, так и производные от других частей речи. Ср. примеры:

- (5) *Я не могу не казать ему писем ваших.* ср. *показывать*
(А.И. Плещеева А.М. Кутузову, 21.4.1791).
- (6) *злоупотребление крыли от покойного императора.* ср. *скрывали*
(А.А. Марлинский, «Об историческом ходе свободомыслия в России»)
- (7) *Вздохи теснили грудь мою.* ср. *стесняли*
(Карамзин, «Остров Борнгольм»)

Для следующих простых основ Авилова установила такие соответствия со вторично суффигированными основами современного языка:

- (8) *бодрить* ⇒ '1. придавать силы, 2. укреплять дух' (ср. *подбадривать*)
казать ⇒ *указывать, показывать, оказывать*
крыть ⇒ *скрывать, укрывать, покрывать, закрывать*
слать ⇒ *посылать, присылать*
клонить ⇒ *склонять, наклонять*

Подобные примеры можно обнаружить в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (вторая половина XV в.). Здесь я приведу только два (из НКРЯ):

- (9) *Да пеших пускают наперед (...). А к слоном **вяжут** к рылу да к зубом великие мечи.*
- (10) *А **бреют** на себя всё волосы (...).*

¹² См. Nёмес 1958: 81-85; Śmiech 1986: 124 и сл., а также критический филологический анализ в Bertmel 1997: 269 и сл.

Такие данные имеют отношение к тройкам постольку, поскольку уточнение действия, проявлявшегося диффузным образом в значении простой основы, перешло и на основы НСВ со вторичным суффиксом, которые способны служить точными лексическими ‘копиями’ приставочных основ СВ. Если рассматривать приведенные примеры с позиций современного языка, то они дают представление о том, что диффузность значения простых основ НСВ колебалась между вариантами значения (напр., *казать* ≅ ‘показывать’, ‘указывать’) и полисемией (напр., *вязать* ≅ ‘привязывать’) – другими словами, что приставки в сегодняшних эквивалентах этих простых основ либо уточняют заложенное в простой основе значение (эффект Вея-Схонефельда), либо его модифицируют, производя некий сдвиг значения¹³. Соответственно, диффузное значение простых основ, наблюдаемое в более ранние периоды, в современном языке уточняется с помощью либо естественных, либо специализированных перфективов (и их дериватов НСВ, полученных вторичной суффиксацией).

Нужно подчеркнуть, что подобный диапазон диффузных значений (и их уточнение) сам по себе не зависит от вида или даже от аспектуальных функций каких-либо глагольных форм. Лексическая диффузность, переходящая иногда в полисемию, наблюдается также в ‘безвидовом’ немецком языке. Ср. следующие примеры с глаголами *stecken* ≈ ‘вставлять, вкладывать’ и *strecken* ‘про-/вы-/рас-тягивать’:

- (11) [в автомате для карточек парковки]
Bitte Karte stecken!
 ‘Пожалуйста, **вставьте** карточку [досл. *ставьте, деньте*]!’
- (12) *Er hat ihr gesteckt, daß...* (= *zu-ge-steckt* ≈ ‘тайком передал информацию’)
 ‘Он ей по секрету / тайком **сообщил**, что...’
- (13) *Du mußt die Hand strecken.*
 ‘Тебе нужно **тянуть** руку.’

В (11) параметр направления (внутри автомата) только имплицитруется; его можно уточнить с помощью отделяемой приставки (*hinein-stecken*). В таких случаях уточняется, но не изменяется лексический концепт. То же самое имеет место в (13), только здесь – без знания контекста – непонятно, нужно ли вытянуть руку вперед (например, как часть утренней зарядки, *aus-strecken*), протянуть ее куда-то (*vor-/durch-/hin-strecken*) или поднять высоко вверх (например, на уроке в школе, *aus-/hoch-strecken*). Этот параметр каждый раз может уточняться приставкой, но (13) звучит естественно в любой из представленных здесь ситуаций и никакого недоразумения возникнуть не должно. В (12) ситуация выглядит немного иначе: здесь лексический концепт испытывает перенос в другую область, поскольку, в отличие от (11), речь идет не о конкретном физическом дей-

¹³ Понятия диффузности и модификации используются здесь в соответствии с Lehmann 1999b: 232-241.

ствии, а о речевом акте (передаче информации). Но и для этого типа действия, производного от конкретно-пространственного, можно обойтись без приставки.

Славянские языки от немецкого отличаются тем, что массовое лексическое уточнение с помощью приставок содействовало развитию грамматической оппозиции, потому что постепенно функции основной массы бесприставочных основ и их приставочных дериватов стали распределяться по дополнительным акциональным (а потом и по другим) функциям. И тем самым они были переосмыслены как представители двух противоположных грамматических классов (НСВ : СВ). Это переосмысление в большой мере свелось к устранению акциональной диффузности (процесс vs. событие и т.д.), в то время как этого не произошло, например, в немецком языке. Кроме того, в немецком нет и не было продуктивных суффиксов, расширяющих приставочные основы, так что тройки не могли возникнуть уже по чисто морфологической причине.

4.2. О видовых тройках в современном русском языке

Рассмотрим теперь тройки в современном русском литературном языке, точнее биимперфективные видовые тройки, под которыми Анна А. Зализняк и коллеги подразумевают случаи, когда «на роль имперфективного коррелята претендует сразу два глагола» (Зализняк и др. 2015: 58 и сл.), т.е. одна простая основа и одна основа, полученная в результате вторичной суффиксации.

В принципе рассуждения относительно русского языка могут быть перенесены на почву других славянских языков, которые (не только в отношении троек) значительно менее изучены. Я не исключаю – а скорее даже считаю весьма вероятным, – что в других славянских языках видовые тройки играют меньшую роль, а именно в зависимости от того, насколько в них вторичная имперфективация окажется менее распространенной. Требуется сначала установить, как в отдельных славянских языках складываются семантические отношения между простыми основами НСВ и производными от них приставочными основами СВ, а точнее, обуславливает ли в них меньшая продуктивность вторичной суффиксации большую долю естественных перфективов, т.е. таких приставочных основ СВ, которые с простыми основами НСВ вступают в отношения видовой парности (и при этом не образуют троек). Вопрос этот открыт не только (и не столько) потому, что следовало бы начать с тщательного изучения основного массива словника глагольных лексем этих языков (наподобие работы Анны А. Зализняк и др., а также – группы Л. Янды; см. ниже), сколько потому, что нужно решить, насколько условия видовой парности, формулируемые на основании критерия Маслова (см. §2.4), адекватны для других славянских языков. В западной половине Славии тесты на основании критерия Масло-

ва могут оказаться гораздо менее надежными (прежде всего в контекстах неактуального настоящего времени и многократности).

Итак, на тему видовых троек в последнее время было опубликовано немало работ¹⁴, систематически обсудить которые здесь нет возможности. Я сосредоточусь на оценке значимости видовых троек на диахроническом фоне, который до сих пор на удивление мало или вообще не подвергался научному исследованию. Кроме того, я хочу показать, что, помимо целого ряда разногласий по методологии и некоторым частным вопросам между двумя противоборствующими лагерями существует целый ряд общих, причем даже центральных (пусть и не всегда совсем явных) исходных положений. Эти положения, в конечном итоге, оказываются релевантными для диахронной и ареальной оценки троек. Главными участниками в дискуссии стали Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев и И.Л. Микаэлян, с одной стороны, и исследовательская группа Л. Янды, с другой (см. сноску 14). Как одни, так и другие осознают, что видовые тройки в современном русском языке не маргинальное, а весьма системное явление. Также никто из них не оспаривает тот факт, что грань между 'настоящей парой' и лексическим отрывом между производящей простой основой НСВ и ее приставочным дериватом СВ во многих случаях зыбка. Тогда вопрос сводится к тому, включается ли такая пара в состав собственно видовых или нет.

Соответственно никто в спорах о видовой парности и видовых тройках не отрицает, что критерии замены одних форм другими в определенных контекстах приводят к градуальным результатам. Однако градуальность понимается не совсем одинаково. Так, например, Анна А. Зализняк и И.Л. Микаэлян считают, что «списка видовых пар русского языка не существует. [...] составление «жесткого» списка видовых пар в русском языке – задача не слишком реалистичная, хотя бы потому, что применение критерия Маслова дает градуальный результат» (Зализняк, Микаэлян 2012: 53). Зализняк и коллеги относят градуальность к степени тождества лексического значения, т.е. она определяется как семантическое свойство, которое должно отражаться в толковании глагольных лексем. Дополнительно может учитываться степень конвенционализации событийного значения у НСВ и ряд других показателей (см. Зализняк и др. 2015: 239-241, а также 281 и сл.). Вместе с тем, эти ученые отдают себе отчет, что разные носители языка могут дать различные ответы на вопрос о возможности замены глагола СВ глаголом НСВ в тривиальных условиях (по критерию Маслова). Такую межсубъектную вариативность учитывают также исследователи группы Янды (см. Кузнецова, Янда 2013: 95). Однако они понимают градуальность также как свойство совокупности грамматических контекстов, к которым применяется критерий Маслова. Они использовали этот критерий для максимального количества возможных контекстов, и маргинальными парами считались все случаи, в которых основа СВ могла заменяться основой НСВ лишь в одном

¹⁴ См. Апресян 1995; Janda *et al.* 2013; Зализняк и др. 2015, где можно найти много релевантных для истории этого вопроса ссылок.

типе контекстов (см. Кузнецова, Янда 2013: 92). Из этой процедуры вытекал следующий вывод: «Если для того, чтобы признать два глагола парой, достаточно только одного контекста, в котором глаголы НСВ и СВ будут взаимозаменяемы, то такие контексты могут оказаться маргинальными [...]». Если же принять, что для признания двух глаголов парой необходимо, чтобы можно было заменить глагол совершенного вида на глагол несовершенного вида во всех контекстах, очень может быть, что в русском языке не найдется ни одной такой пары, потому что [...] наборы конструкций, в которых употребляются глаголы СВ и НСВ, не бывают идентичными» (Кузнецова, Янда 2013: 89). Этот факт в принципе признается и группой оппонентов (см. Зализняк и др. 2015: 214 и сл., 276, 279 и сл.). Эмпирическое подтверждение правомерности высказанных выше положений можно найти в статье Kuznetsova, Sokolova 2016: 225 и сл.

Далее. Очевидно, что решение о том, что именно следует признать видовой тройкой, тесно связано с вопросом, какая основа СВ может считаться естественным перфективом. В этой связи стоит отметить, что из 19 русских глагольных приставок, выделенных в Кронгауз 1998: 79, только 5 (*в-*, *до-*, *над-*, *пере-*, *под-*) практически не участвуют в образовании пар, в которых НСВ представлен простой основой, а СВ – ее приставочным дериватом (который, тем самым, признается естественным перфективом). Остальные приставки характеризуются огромным разбросом по *type frequency* (см. Janda et al. 2013: 14-17), и у самых частотных (*по-*, *с-*, *за-*, *о(б)-*, *на-*) семантическая мотивация во многих случаях могла стереться настолько, что бывает трудно связать их вклад в значение основы с эффектом Вея-Схонефельда.

Можно полагать, что состав приставок, способных образовать естественные перфективы, в современном русском языке, по сравнению с прежними состояниями, не уменьшился. Уменьшились, скорее всего, только количество и вариативность разных приставок, которые в применении к одной и той же простой основе могли (и могут) образовать естественные перфективы¹⁵. Следы такого бывшего состояния остались даже в современном русском литературном языке (ср., например, *от-/по-благодарить*, *разо-/обо-злиться*).

Правда, Зализняк и др. (2015: 213, 230) допускают континуум семантических отношений между парами, из которых как бы складываются тройки: «от полной синонимии двух имперфективных коррелятов до их дополнительного распределения». Это утверждение следует понимать, как в смысле функционального распределения (основы НСВ могут проявлять тенденцию к употреблению в разных функциях, ассоциируемых с НСВ, как например, процессной vs. многократной), так и в плане лексических различий. Что касается функциональных различий, то с помощью статистической проверки распределения глаголов НСВ в корпусе было установлено, что в нарративном настоящем и при обозначении многократных действий пре-

¹⁵ К такому выводу можно прийти, например, при сравнении вариативности приставок в старопольском и современном польском языке (см. Witkowska-Gutowska 1999).

обладают вторичные имперфективы, в то время как в императиве под отрицанием предпочтение в среднем отдается бесприставочному имперфективу (Kuznetsova, Sokolova 2016). Этот результат совпадает с более ранними наблюдениями, приводимыми в Зализняк и др. (2015: 59 и сл., 270), которые касались только отдельных троек: простая основа НСВ тяготеет к обозначению (предельного) процесса, тогда как вторичный имперфектив – к событийному значению, а точнее, к обозначению законченности действия. Но такой результат также соответствует точке зрения, согласно которой одним из мотивов появления вторичных имперфективов в истории восточнославянских языков была необходимость обозначения многократных действий, в том числе для действий, внутренний предел которых достигался при каждом отдельном действии (см. §3.3).

Что касается лексических различий между членами (мнимой или настоящей) тройки, полезно сравнить два, казалось бы, крайних полюса семантических отношений между членами троек. См. примеры:

- (14) *жечь – с-жечь – с-жиг-а-ть* (I)
рвать – вы-рвать – вы-рыв-а-ть
 (15) *варить – с-варить – свар-ива-ть* (II)
ставить – по-ставить – поставл-я-ть

Зализняк и др. (2015: 59) указывают на то, что примеры типа (I) и типа (II) представляют собой две различные разновидности троек. Только тип (I) представляет собой настоящие тройки; в типе (II) как бы вставлены друг в друга две пары, для которых внешне совпадает основа СВ. На самом деле, примеры по типу (II) нужно рассматривать как две отдельные лексемы: *сварить₁ – варить (кашу)* vs. *сварить₂ – сваривать (рельсы, трубы)*; *поставить₁ – ставить (чайник на стол)* vs. *поставить₂ – поставлять (чайники из завода в магазин)*. В отличие от этого в типе (I) бесприставочная основа может употребляться в том же значении, что и основа НСВ, полученная вторичной суффиксацией. Далее здесь отмечается, что в таком случае бесприставочный глагол более характерен для неформальной речи, в частности, тогда, когда говорящий в силу своей деятельности (профессии или просто по навыкам) имеет особенно близкое отношение к денотату глагола (см. Зализняк и др. 2015: 59, 231). Так, например, среди диалектологов вполне привычно говорить, что *магнитофон хорошо пишет* (= *записывает*), репортер может прокомментировать действие спортсмена тем, что тот *жмет штангу* (= *выжимает*), а инквизитор мог потребовать, чтобы *ведьму жгли* (= *сжигали*). Соответственно по-польски можно услышать в деревне, что *kłują* (= *zakłuwają*) *świnie* или *biją* (= *zabijają*) *świnie*, а бухгалтер может сказать, что *pali* (= *spala*) *papiery*.

Замечание Зализняк и соавторов верно, однако оно не может считаться объяснением значения бесприставочного глагола в тройках типа (I). Тем более оно не объясняет, почему простая основа может употребляться даже тогда, когда коррелирующая основа НСВ с приставкой и вторичным суф-

фиксом обозначает концепт с заметным лексическим отрывом (см. ниже). Такие наблюдения сами нуждаются в объяснении, а объяснение нужно искать в диахронии – простые основы ведут себя консервативно – и в коммуникативных навыках: если говорящий может считать, что для собеседников специфический характер действия вытекает из ситуации или априорных знаний, то уточнение действия с помощью приставки лишнее. ‘Фамильярный характер’ является следствием, а не причиной этой коммуникативной установки. Важно отметить, что этот эффект (и его причина) может до известного предела возникать независимо от того, насколько приставочный дериват можно считать естественным или специализированным перфективом.

В связи с этим обратим внимание, что Зализняк и др. (2015: 261) допускают возможность, что от одной простой основы образуется более одного естественного перфектива потому, что исходный имперфектив (= простая основа) может обладать широкой семантикой. В таком случае значение каждого приставочного перфектива возникает в результате ‘спецификации’ его значения, вносимой данной приставкой. Авторы (со ссылкой на Veugens 1980: 164) приводят пример с *сохнуть* и его вторичными имперфективами: *белье высыхает, мостовая просыхает, цветы засыхают*. В этом наблюдении тоже отражаются отголоски прежнего состояния, которое было проиллюстрировано в §4.1. Но необходимо также спросить, что понимается под широкой семантикой: это диффузность или уже полисемия? Если *высыхать, просыхать* и *засыхать* выражают разные значения, а *сохнуть* может употребляться на месте любого из этих вторичных имперфективов, то семантическую альтернативу (или гибкость) этого бесприставочного глагола следует считать примером полисемии.

Итак, Зализняк и коллеги не только признают эффект Вея-Схонефельда, но и указывают на него в приставочных дериватах СВ от заимствованных основ; например, *за-асфальтировать, от-реагировать, про-инспектировать, рас-классифицировать* (Зализняк и др. 2015: 93). Однако они переносят этот вопрос из области аспектологии в область словообразовательной семантики (см. Зализняк и др. 2015: 267, 277, 282), потому что решающим критерием при определении видовой парности является возможность замены СВ → НСВ в событийном значении (см. §2.4). При этом наиболее распространенной (и, тем самым, грамматически значимой) морфологической операцией является вторичная суффиксация. На этом фоне простые основы НСВ рассматриваются как своего рода ‘наемные рабочие’, которые при определенных обстоятельствах могут выполнять ту же грамматическую роль, что и основы СВ, полученные путем вторичной суффиксации. Хотя простые основы часто и служат исходной точкой для семантической и морфологической деривации, но при определении парности исходной точкой всегда выступают основы СВ (которые в своем большинстве приставочные). Поэтому Зализняк и коллеги и говорят о депрефиксации в чисто синхронном смысле, а не о том, что какая-либо простая основа НСВ распространяется приставкой и при этом может образовать естественный перфектив. В этом отношении теоретические предпосылки группы Л. Янды идут в прямо про-

тивоположном направлении, ее представители в первую очередь интересуются связью между семантической мотивацией (т.е. словообразовательной семантикой) и образцами образования пар, причем при определении пар замена в событийной функции играет не главную роль¹⁶.

В итоге роль троек в русской видовой системе Зализняк и соавторы оценивают так: «Видовая пара – это абстрактное отношение субституции в контекстах обязательной имперфективации, формирующее русский вид как грамматическую категорию. Тот факт, что многие русские приставочные глаголы сов. вида вступают в такую корреляцию с двумя разными глаголами несов. вида, означает только, что в этом участке системы, помимо собственно аспектуальной корреляции, в игре участвуют также парадигматические отношения лексической синонимии. Видовая тройка – результирующая этих двух факторов» (Зализняк и др. 2015: 247, см. также стр. 282).

С этой характеристикой можно в принципе согласиться. Нельзя, однако, упускать из виду, что такая характеристика предполагает особенно далеко продвинутую стадию эволюции видовой системы, которая включает не только систематический охват глагольного словника (точнее: лексем, выражаемых глагольными основами) парными отношениями, но и тесное взаимодействие с другими категориями на уровне глагольных словоформ (например, с временем) и предложения (например, с отрицанием). Иначе нельзя было бы объяснить возникновение контекстов обязательной имперфективации, на которых Зализняк и соавторы делают такой акцент и которые еще ранний Маслов положил в основу тривиальных условий видовой парности. Такие контексты к тому же предполагают образование пар от основ СВ к основам НСВ: исходным пунктом в онтологии вещей являются события, а на стороне морфологии – приставочные глаголы. По крайней мере эта морфологическая исходная точка полностью переворачивает диахронное развитие. В конце концов, сильный упор на вторичную суффиксацию, вместе с масловскими тривиальными условиями, очень сильно ориентированы на видовую систему современного русского литературного языка.

5. Выводы

Подведем итоги, начиная с оценки троек. Можно сказать, что тройки являются следствием того, что бинарный характер видовой оппозиции (НСВ: СВ) сталкивается с продуктивным применением словообразовательных аф-

¹⁶ Подход группы Л. Янды отличается практически от всех остальных тем, что Янда и др. при определении видовых троек отталкиваются от приставочных дериватов, которые по отношению к простым основам образуют естественные перфективы (см. Kuznetsova, Sokolova 2016: 219). В связи с этим существенно, что не принимается за исходную точку возможность интерпретации простых основ НСВ как результатов депрефиксации.

фиксов по разным моделям, образующим парные отношения. Аффиксы различного времени возникновения и обладающие различной продуктивностью, наслаиваясь друг на друга, влияют на долю преобладания образования либо приставочных основ СВ из простых основ НСВ, либо вторичной суффиксации (см. образцы (а) и (б) в Схеме 1). Количество и состав отдельных приставок, способных образовать естественные перфективы, по всей видимости, в течение всего наблюдаемого периода развития не изменились, но изменился статус префиксации как таковой, причем в неравной мере по отдельным ареалам Славии. Приставок больше, чем суффиксов, к тому же суффиксация как прием расширения основ старше, чем префиксация (см. §3.3). Но продуктивность суффиксации не уменьшалась и после того, как префиксация уже оставила свой неустрашимый след в глагольной морфологии и аспектуальных свойствах простых и производных основ (см. Схему 3). При этом существенна роль не отдельных аффиксов, а соотношение между моделями образования: эти модели перекрещиваются, и их удельный вес в истории русского языка перемещается в сторону вторичной суффиксации; в какой мере это верно для остальных славянских языков, еще требуется установить эмпирически.

Далее, установить грань между естественными и специализированными перфективами нелегко (а часто и невозможно для прежних состояний славянских языков), но от нее в конечном счете зависит определение критериев парности, а также косвенно и состав троек. Споры о парности и о собственно видовом (т.е. грамматическом) характере расширения основ обычно велись и продолжают вестись по отношению к парам, в которых морфологически производным членом является основа СВ (с приставкой). Представители разных направлений признавали, что славянский вид приобретает грамматический характер в первую очередь в силу вторичной имперфективации. Однако, видимо, такой взгляд в большой степени сложился на основе восточнославянского материала, а его правомерность по отношению к остальному славянскому ареалу, по сути дела, никто не подвергал сколько-нибудь последовательной проверке. Поскольку вторичная имперфективация относится к типологически редким явлениям, а на территории Европы (и в прилегающих регионах) она является прерогативой славянских языков, то вторичной имперфективации для видовой системы приписывается значимость, которая, с одной стороны, эту систему четко выделяет на ареальном и типологическом фоне. С другой стороны, легко поневоле или сознательно оказаться в положении, когда свойства этой системы обобщаются и переносятся на другие языки (в том числе на славянские), в которых вторичная суффиксация функционально менее нагружена или вовсе отсутствует, так что в принципе только приставки (или шире, превербы) способны служить выражением чисто акциональных значений, а явления наподобие эффекта Вея-Схонефельда приобретают гораздо более вескую значимость для всей системы.

С этими соображениями связана и особая проблема, которую для сопоставительной славянской аспектологии создает строгое применение крите-

рия Маслова. Его жесткое применение допускает определение ‘законных’ видовых пар только в направлении от СВ к НСВ, потому что в основу кладется событийное (стержневое для СВ) значение. Таким образом, вне парности оказываются огромные группы непредельных лексем, которые регулярно образуют делимитативы (не говоря о других группах, наверное, менее многочисленных и семантически неоднородных). Поэтому вопрос сводится к тому, как строго нужно определять функциональные отношения внутри пары основ НСВ : СВ, в частности, насколько строго определяется их лексическое тождество и, сверх того, онтологическое соответствие (замена СВ → НСВ при сохранении событийного значения). Вместе с тем, нужно осознавать, что подобная онтологически точная замена симптоматична для очень продвинутой стадии развития словоклассифицирующей видовой системы: сама необходимость такой замены обусловлена тем, что выбор вида стал входить во все более тесные отношения с другими глагольными категориями (прежде всего со временем) и категориальными оппозициями на уровне предложения (см. Вимер 2001; Wiemer 2002; 2008; 2015).

Не исключено, что за стремлением рассматривать в качестве ‘настоящих’ видовых пар единственно пары, полученные путем вторичной суффиксации, в известном пределе скрывается и желание лингвиста увидеть равномерность (или даже однообразие) в формальной (т.е. словообразовательной) процедуре, создающую грамматическую оппозицию. Об этом судить трудно. Но такое желание перекликалось бы с третьим параметром грамматикализации Ф. Леманна (см. §2.3): «Формы образуют максимально регулярные оппозиции». В соответствии с этим параметром сокращение количества схем основообразования, точнее, тенденция ко все большему преобладанию вторичной имперфективации и уменьшение значимости модели НСВ (simplex) ⇒ СВ (путем префиксации) говорит в пользу грамматикализации¹⁷. Конечно, то же самое следовало бы сказать, если бы тенденция была обратной и в современных славянских языках сосуществовали бы обе модели, пусть даже на неравных правах.

Как на фоне этого следует оценивать результаты исследования Janda, Lyashevskaya 2011, согласно которому для определения функциональных «профилей» видовых пар в среднем не играет роли, по какой из двух моделей образованы пары (см. §2.1)? Результаты этого исследования свидетельствуют о том, что состояние системы по третьему параметру Ф. Леманна находится довольно далеко от идеала. При этом с точки зрения других параметров, особенно первого («Известный состав функций распределяется на все основы данной части речи.»), факт, установленный в работе Л. Янды и О.Н. Ляшевской, говорит скорее об обратном: независимость функциональных профилей от формальных образцов образования парных отношений между основами СВ и НСВ нужно расценивать как следствие их всеобъемлющего характера, и этот факт, в свою очередь, конечно, обусловлен тем, что по

¹⁷ Тогда в формулировке третьего параметра Ф. Леманна уместно заменить «формы» на «образцы» или «модели образования».

второму и четвертому параметрам Ф. Леманна (2. «Формы и функции obligatory», 4. «Функции образуют максимально абстрактные оппозиции») видовая система тоже весьма продвинута.

Видимо, параметры Ф. Леманна друг с другом могут вступать в конфликт. В связи с этим, и в завершение статьи, я хочу указать на некий парадокс. Вспомним, что видовые тройки формируются тогда, когда простые основы НСВ обладают внутренним пределом (см. Зализняк и др. 2015: 281 и сл.) и образованные от них основы СВ можно считать естественными перфективами, т.е. они возникли вследствие эффекта Вея-Схонефельда. Делимитативы, видимо, стали образовываться на другом основании.

Если же отказаться от принципа тривиальной парности (в наиболее строгом варианте) и учесть, что четкое дополнительное распределение по акциональным функциям может складываться также между неопределенными, но соотносительными основами СВ и НСВ, то префиксация приобретает намного большее значение для грамматического вида, потому что образование таких пар является прерогативой модели НСВ (simplex) \Rightarrow СВ (+ приставка). Делимитативы олицетворяют чисто акциональные дериваты, поскольку приставку *по-* можно считать перфективатором, но не телисизатором. Как раз в современном русском языке делимитативы соответствуют продуктивному образцу основопроизводства, и за их счет намного увеличивается регулярность видовой системы как в формальном, так и в функциональном отношении. Они всего лишь не выполняют критерий онтологического тождества (см. §2.4). Вместе с тем, в монографии Аркадьев 2015 указывается на то, что в языках, в которых приставки (или другие типы превербов) начинают создавать видовую систему, телисизация развивается раньше перфективации (см. §3.2). Этой закономерности отвечают и славянские языки (см. §3.3). Результаты исследования П.М. Аркадьева говорят также о том, что системы с перфективирующими приставками более грамматикализованы, чем системы, в которых приставки только телисизируют (см. Аркадьев 2015: 201).

В итоге получается парадокс: тот тип приставок, который не зависит от предельности основ и который есть основания считать признаком наиболее продвинутой стадии грамматикализации словоклассифицирующего вида и который в русском языке особенно продуктивен, исключается из рассмотрения, если собственно видовую парность определяют только на масловских критериях, причем со строгим соблюдением онтологического тождества при замене основы СВ основой НСВ. Нельзя не признать разумность этих критериев и проницательность раннего Маслова и его современных последователей. Однако в известном смысле эти критерии заводят нас в тупик.

Как выбраться из этого тупика? Я затрудняюсь ответить. Но, видимо, вывести из тупика нас может только двух- или даже многоуровневый подход к описанию видовой системы: все те значения, которые свойственны контекстам тривиальной замены глагола СВ глаголом НСВ, образуют один уровень, тогда как значения, связанные с лимитацией действий, независимой от предельного или неопределенного характера глагольной лексемы (или клаузы), занимают другой уровень. При этом в еще одну, третью группу можно

выделить часть значений из первого уровня, а именно те, которые связаны с дистинктивной многократностью. Частные значения из всех трех уровней достаточно регулярно вступают в конфликт, а видовые системы разных (славянских и неславянских) языков тогда охватываются с помощью индивидуальных иерархий взаимодействующих факторов, причем место в иерархии определяется удельным весом каждого из факторов. Такой подход в известной степени напоминает выдвинутое в [Плунгян 2011: 377-402] предложение развести видовые значения на линейные и вторичные. Однако предложенный мной разноуровневый подход лишь частично покрывается с группами значений у В.А. Плунгяна. Причина здесь в том, что я больше ориентируюсь на классические масловские критерии, отрывая от них единственно многократные значения, которые, в свою очередь, у Плунгяна включены во вторичную группу. Конечно, эти рассуждения следует дальше разрабатывать и проверять на предмет адекватности материалу, каковым является частично различное функционирование видовых систем славянских языков.

Библиография

- Авилова 1964: Н.С. Авилова, *Изменения в системе глагола: Развитие видовых соотношений глагола. Развитие приставочного глагольного словообразования*, in: В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова (ред.), *Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века*, Москва 1964, 7-104.
- Апресян 1995: Ю.Д. Апресян, *Трактовка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре*, in: Ю.Д. Апресян, *Избранные труды, т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография*, Москва 1995, 102-113.
- Аркадьев 2015: П.М. Аркадьев, *Ареальная типология префиксального перфектива*. Москва 2015.
- Аркадьев, Шлуинский 2015: П.М. Аркадьев, А.Б. Шлуинский, *Словоклассифицирующие аспектуальные системы: опыт типологии*, "Вестник Санкт-Петербургского университета", сер. 9, вып. 3, 2015, 4-24.
- Вимер 2001: Б. Вимер [Wiemer], *Аспектуальные парадигмы и лексическое значение русских и литовских глаголов (Опыт сопоставления с точки зрения лексикализации и грамматикализации)*, "Вопросы языкознания", 2, 2001, 26-58.
- Горбова 2015: Е.В. Горбова, *Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксация?*, "Вопросы языкознания", 1, 2015, 7-37.

- Горбова 2016: Е.В. Горбова, *Вторичная имперфективация русского глагола по данным корпусного исследования*, “*Język i Metoda*”, 2016, 147-158.
- Горбова 2017: Е.В. Горбова, *Русское видообразование: словоизменение, словоклассификация или набор граммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии)*, “*Вопросы языкознания*”, 1, 2017, 24-52.
- Зализняк, Шмелев 1997: Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев, *Лекции по русской аспектологии*, München 1997.
- Зализняк, Микаэлян 2012: Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, *О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янда*, “*Вопросы языкознания*”, 6, 2012, 48-65.
- Зализняк и др. 2015: Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелев, *Русская аспектология: в защиту видовой пары*, Москва 2015.
- Кронгауз 1998: М.А. Кронгауз, *Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика*, Москва 1998.
- Кузнецова, Янда 2013: Ю.Л. Кузнецова, Л.А. Янда, *Приставки в свете когнитивной лингвистики и типологии (отклик на статью А.А.Зализняк и И.Л. Микаэлян)*, “*Вопросы языкознания*”, 4, 2013, 87-96.
- Маслов 1990: Ю.С. Маслов, *Вид*. in: *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва 1990, 83-84.
- Маслов 2004а [1948]: Ю.С. Маслов, *Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке*, in: Ю.С. Маслов, *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*, Москва 2004, 71-90. [Репринт из: “*Известия АН СССР*”, т. 7, вып. 4, 303-316.]
- Маслов 2004б: Ю.С. Маслов, *Специфика видо-временной системы болгарского глагола*, in: Ю.С. Маслов, *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*, Москва 2004, 118-131.
- НКРЯ: *Национальный корпус русского языка*: www.ruscorpora.ru
- Падучева 1996: Е.В. Падучева, *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*, Москва 1996.
- Петрухина 2000: Е.В. Петрухина, *Аспектуальные категории глагола в русском языке (в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками)*, Москва 2000.

- Плунгян 2011: В.А. Плунгян, *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*, Москва 2011.
- Силина 1982: В.Б. Силина, *История категории глагольного вида*, in: Р.И. Аванесов, Вяч.Вс. Иванов (под ред.), *Историческая грамматика русского языка*, Москва 1982, 158-279.
- Храковский 1987: В.С. Храковский, *Кратность*, in: А.В. Бондарко (отв. ред.), *Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*, Ленинград 1987, 124-152.
- Шевелева 2010: М.Н. Шевелева, *Вторичные имперфективы с суффиксом -ыва-/-ива- в летописях XII-XVI вв.*, "Русский язык в научном освещении", 20, 2010, 200-242.
- Andersen 2009: H. Andersen, *On the origin of the Slavic aspects: Questions of chronology*, in: V. Bubenik, J. Hewson, S. Rose (eds.), *Grammatical change in Indo-European languages* (Papers presented at the workshop on Indo-European linguistics at the XVIIIth International Conference on Historical Linguistics, Montreal, 2007), Amsterdam-Philadelphia 2009, 123-140.
- Arkadiev 2014: P. Arkadiev, *Towards an Areal Typology of Prefixal Perfectivization*, "Scando-Slavica", 60 (2), 2014, 384-405.
- Benacchio 2010: R. Benacchio, *Вид и категория вежливости в славянском императиве. Сравнительный анализ*, München 2010.
- Bermel 1997: N. Bermel, *Context and the Lexicon in the Development of Russian Aspect*, Berkeley 1997.
- Comrie 1976: B. Comrie, *Aspect (an introduction to the study of verbal aspect and related problems)*, Cambridge etc. 1976.
- Dickey 1998: St. M. Dickey, *Expressing Ingressivity in Slavic: The Contextually-Conditioned Imperfective Past vs. the Phase Verb stat' and Procedural za*, "Journal of Slavic Linguistics", 7 (1), 1998, 11-4.
- Dickey 2000: St. M. Dickey, *Parameters of Slavic Aspect. A Cognitive Approach*, Stanford, CA 2000.
- Dickey 2005: St. M. Dickey, *S-/Z- and the Grammaticalization of Slavic Aspect*, "Slovene Linguistic Studies", 5, 2005, 3-55.
- Dickey 2011: St. M. Dickey, *The varying Role of po- in the Grammaticalization of Slavic Aspectual Systems: Sequences of Events, Delimitatives, and German Language Contact*, "Journal of Slavic Linguistics", 19 (2), 2011, 175-230.

- Eckhoff, Haug 2015: H. Eckhoff, D. Haug, *Aspect and prefixation in Old Church Slavonic*, "Diachronica", 32 (2), 2015, 186-230.
- Janda, Lyashevskaya 2011: L. Janda, O. Lyashevskaya, *Grammatical profiles and the interaction of the lexicon with aspect, tense, and mood in Russian*, "Cognitive Linguistics", 22 (4), 2011, 719-763.
- Janda et al. 2013: L. Janda, A. Endresen, Ju. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova, *Why Russian Aspectual Prefixes Aren't Empty (Prefixes As Verbal Classifiers)*, Bloomington, In 2013.
- Koschmieder 1934: E. Koschmieder, *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie*, Wilno 1934.
- Kuznetsova, Sokolova 2016: Ju. Kuznetsova, S. Sokolova, *Aspectual triplets in Russian: semantic predictability and regularity*, "Russian Linguistics", 40, 2016, 215-230.
- Chr. Lehmann 1995: Chr. Lehmann, *Thoughts on grammaticalization*, München-Newcastle 1995.
- V. Lehmann 1999a: V. Lehmann, *Aspekt*, in: H. Jachnow, *Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen*, Wiesbaden 1999, 214-242.
- V. Lehmann 1999b: V. Lehmann, *Sprachliche Entwicklung als Expansion und Reduktion*, in: T. Anstatt (ed.), *Entwicklungen in slavischen Sprachen*, München 1999, 169-254.
- Maslov 1959: Ju. S. Maslov, *Zur Entstehungsgeschichte des slavischen Verbalaspektes*, "Zeitschrift für Slawistik", 4, 1959, 560-568.
- Mende 1999: Ju. Mende, *Derivation und Reinterpretation: Die Grammatikalisierung des russischen Aspektes*, in: T. Anstatt (ed.), *Entwicklungen in slavischen Sprachen*, München 1999, 285-325.
- Němec 1958: I. Němec, *Genese slovanského systému vidového*, "Rozpravy Československé Akademie Věd", 68 (7), Praha 1958.
- Pollak 1960: W. Pollak, *Studien zum „Verbalaspekt“ im Französischen*, Wien 1960.
- Śmiech 1986: W. Śmiech, *Derywacja prefiksalna czasowników polskich*, Wrocław etc. 1986.
- van Schooneveld 1958: C.H. van Schooneveld, *The so called 'préverbes vides' and neutralization*, in: *Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavists*, Moscow, September 1958, The Hague 1958, 159-161.
- Vey 1952: M. Vey, *Les préverbes "vides" en tchèque moderne*, "Revue des études slaves", 29 (1-4), 1952, 82-107.

- Veyrenc 1980: J. Veyrenc, *Études sur le verbe russe*, Paris 1980.
- Wiemer 2002: B. Wiemer, *Grammatikalisierungstheorie, Derivation und Konstruktionen: am Beispiel des klassifizierenden Aspekts, des Passivs und des Subjektimpersonals im slavisch-baltischen Areal* (хабилитация, на правах рукописи), Konstanz 2002.
- Wiemer 2008: B. Wiemer, *Zur inneroslavischen Variation bei der Aspektwahl und der Gewichtung ihrer Faktoren*, in: K. Gutschmidt, U. Jekutsch, S. Kempgen, L. Udolph (eds.), *Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongreß, Ochrid 10.-16. September 2008*, München 2008, 383-409.
- Wiemer 2015: B. Wiemer, *О роли вида в области кратности и прагматических функций (эскиз с точки зрения хрономии)*, in: R. Benacchio [Bennak'о] (ed.), *Glagol'nyj vid: grammatičeskoe značenie i kontekst/ Verbal aspect: Grammatical meaning and context* (Sbornik dokladov III Konferencii Aspektologičeskoj Komissii, sostojavšejsja v Padue s 30.9. po 4. 10. 2011), München 2015, 585-609.
- Wiemer, Seržant 2017: B. Wiemer, I.A. Seržant, *Diachrony and typology of Slavic aspect: What does morphology tell us?*, in: W. Bisang, A. Malchukov (eds.), *Unity and diversity in grammaticalization scenarios*, Berlin 2017, 230-307.
- Witkowska-Gutowska 1999: M. Witkowska-Gutowska, *Staropolskie prefiksalne dublety czasownikowe i ich współczesne odpowiedniki*, Łódź 1999.

Abstract

Björn Wiemer

On the role of prefixes and suffixes in earlier and later stages of the history of Slavic aspect

The grammatical opposition of perfective vs. imperfective aspect in Slavic can best be captured as a classificatory category. Aspect assignment depends on patterns of stem derivation in which the significance of prefixes and suffixes has to be considered jointly. Perfective stems are predominantly derived by prefixes from simplex stems; in most cases the prefixes modify the lexical meaning of simplex stems, but there is a considerable number of prefixes that only specify a meaning component inherent to the simplex form, up to the point that they seem devoid of meaning. As a consequence, pairs of an imperfective simplex and a perfective prefixed stem arise. Simultaneously, suffixation of prefixed stems has been spreading as a means to derive imperfective stems from (usu-

ally prefixed) perfective stems, which yields the so-called secondary imperfectivization. While the morphological preconditions for the joint contribution of prefixes and suffixes to the derivational patterns of stems had been created already by the Common Slavic period, both “techniques” have since then been strengthened. Suffixation has gained more significance especially in standard Russian, but prefixation has never ceased to be active, and the intersection of both prefixation and suffixation led to the rise of so-called ‘aspect triples’ (Russ. *vidovye trojki*). The article assesses the relative weight of prefixes and suffixes in the early and recent stages of the history of Slavic aspect. Their significance is evaluated on the background of properties of the entire system in terms of grammaticalization parameters appropriate for classificatory categories. Special attention is paid to the criteria on which aspectologists have been determining aspect pairs and to the status of aspect triples. The assessment of the system properties ends up with a paradox; it results if one strictly abides by the Maslovian criteria of “trivial pairedness”, which, in practice, require not only the identity of lexical meaning, but also an ontology for which telic events are the sole basis for the derivation of aspect pairs.

Keywords: Slavic aspect, classificatory categories, stem derivation, aspectual pairedness, aspect triples

Contributors

Arkadiev, Peter M.

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
peterarkadiev@yandex.ru

Benacchio, Rosanna

University of Padua
rosanna.benacchio@unipd.it

Bertocci, Davide

University of Padua
davide.bertocci@unipd.it

Breu, Walter

University of Konstanz
Walter.Breu@uni-konstanz.de

Dickey, Stephen M.

University of Kansas
smd@ku.edu

Esvan, François

“L’Orientale” University of Naples
esvanf@unior.it

Kamphuis, Jaap

Leiden University
j.kamphuis@hum.leidenuniv.nl

Muro, Alessio

Hankuk University of Foreign Studies
alessio.muro@hufs.ac.kr

Petruchina, Elena V.

Moscow State University
elena.petruchina@gmail.com

Pila, Malinka

University of Konstanz
malinka.pila@uni-konstanz.de

Plungjan, Vladimir A.

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
plungian@iling-ran.ru

Ruvoletto, Luisa

University of Venice
luisa.ruvoletto@unive.it

Scholze, Lenka

University of Konstanz
Lenka.Scholze@uni-konstanz.de

Slavkova, Svetlana

University of Bologna
svetlana.slavkova@unibo.it

Steenwijk, Han

University of Padua
han.steenwijk@unipd.it

Wiemer, Björn

University of Mainz
wiemerb@uni-mainz.de

BIBLIOTECA DI STUDI SLAVISTICI

1. Nicoletta Marcialis, *Introduzione alla lingua paleoslava*, 2005
2. Ettore Gherbezza, *Dei delitti e delle pene nella traduzione di Michail M. Ščerbatov*, 2007
3. Gabriele Mazzitelli, *Slavica biblioteconomica*, 2007
4. Maria Grazia Bartolini, Giovanna Brogi Bercoff (a cura di), *Kiev e Leopoli: il "testo" culturale*, 2007
5. Maria Bidovec, *Raccontare la Slovenia. Narratività ed echi della cultura popolare in Die Ehre Dess Hertzogthums Crain di J.W. Valvasor*, 2008
6. Maria Cristina Bragone, *Alfavitär radi učenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento*, 2008
7. Alberto Alberti, Stefano Garzonio, Nicoletta Marcialis, Bianca Sulpasso (a cura di), *Contributi italiani al XIV Congresso Internazionale degli Slavisti (Ohrid, 10-16 settembre 2008)*, 2008
8. Maria Di Salvo, Giovanna Moracci, Giovanna Siedina (a cura di), *Nel mondo degli Slavi. Incontri e dialoghi tra culture. Studi in onore di Giovanna Brogi Bercoff*, 2008
9. Francesca Romoli, *Predicatori nelle terre slavo-orientali (XI-XIII sec.). Retorica e strategie comunicative*, 2009
10. Maria Zalambani, *Censura, istituzioni e politica letteraria in URSS (1964-1985)*, 2009
11. Maria Chiara Ferro, *Santità e agiografia al femminile. Forme letterarie, tipologie e modelli nel mondo slavo orientale (X-XVII sec.)*, 2010
12. Evel Gasparini, *Il matriarcato slavo. Antropologia culturale dei Protoslavi*, 2010
13. Maria Grazia Bartolini, *"Introspecte mare pectoris tui". Ascendenze neoplatoniche nella produzione dialogica di H.S. Skovoroda (1722-1794)*, 2010
14. Alberto Alberti, *Ivan Aleksandăr (1331-1371). Splendore e tramonto del secondo impero bulgaro*, 2010
15. Paola Pinelli (a cura di), *Firenze e Dubrovnik all'epoca di Marino Darsa (1508-1567). Atti della giornata di studi – Firenze, 31 gennaio 2009*, 2010
16. Francesco Caccamo, Pavel Helan, Massimo Tria (a cura di), *Primavera di Praga, risveglio europeo*, 2011
17. Maria Di Salvo, *Italia, Russia e mondo slavo. Studi filologici e letterari*, 2011
18. Massimo Tria, *Karel Teige fra Cecoslovacchia, URSS ed Europa. Avanguardia, utopia e lotta politica*, 2012
19. Marcello Garzaniti, Alberto Alberti, Monica Perotto, Bianca Sulpasso (a cura di), *Contributi italiani al XV Congresso Internazionale degli Slavisti (Minsk, 20-27 agosto 2013)*, 2013

20. Persida Lazarević Di Giacomo, Sanja Roić (a cura di), *Cronotopi slavi. Studi in onore di Marija Mitrović*, 2013
21. Danilo Facca, Valentina Lepri (edited by), *Polish Culture in the Renaissance*, 2013
22. Giovanna Moracci, Alberto Alberti (a cura di), *Linee di confine. Separazioni e processi di integrazione nello spazio culturale slavo*, 2013
23. Marina Ciccarini, Nicoletta Marcialis, Giorgio Ziffer (a cura di), *Kesarevo Kesarju. Scritti in onore di Cesare G. De Michelis*, 2014
24. Anna Bonola, Paola Cotta Ramusino, Liana Goletiani (a cura di), *Studi italiani di linguistica slava. Strutture, uso e acquisizione*, 2014
25. Giovanna Siedina (edited by), *Latinitas in the Polish Crown and the Grand Duchy of Lithuania. Its Impact on the Development of Identities*, 2014
26. Alberto Alberti, Marcello Garzaniti, Stefano Garzonio (a cura di), *Contributi italiani al XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Ljubljana, 15-21 agosto 2003)*, 2014
27. Maria Zalambani, *L'istituzione del matrimonio in Tolstoj. Felicità familiare, Anna Karenina, La sonata a Kreutzer*, 2015
28. Sara Dickinson, Laura Salmon (edited by), *Melancholic Identities, Toska and Reflective Nostalgia. Case Studies from Russian and Russian-Jewish Culture*, 2015
29. Luigi Magarotto, *La conquista del Caucaso nella letteratura russa dell'Ottocento. Puškin, Lermontov, Tolstoj*, 2015
30. Claudia Pieralli, *Il pensiero estetico di Nikolaj Evreinov tra teatralità e 'poetica della rivelazione'*, 2015
31. Valentina Benigni, Lucyna Gebert, Julija Nikolaeva (a cura di), *Le lingue slave tra struttura e uso*, 2016
32. Gabriele Mazzitelli, *Le pubblicazioni dell'Istituto per l'Europa orientale. Catalogo storico (1921-1944)*, 2016
33. Luisa Ruvoletto, *I prefissi verbali nella Povest' vremennyh let. Per un'analisi del processo di formazione dell'aspetto verbale in russo*, 2016
34. Alberto Alberti, Maria Chiara Ferro, Francesca Romoli (a cura di), *Mosty mostite. Studi in onore di Marcello Garzaniti*, 2016
35. Pina Napolitano, *Osip Mandel'stam: i quaderni di Mosca*, 2017
36. Claudia Pieralli, Claire Delaunay, Eugène Priadko, *Russia, Oriente slavo e Occidente europeo. Fratture e integrazioni nella storia e nella civiltà letteraria*, 2017
37. Alessandro Farsetti, *Una voce parigina nel Futurismo russo: la poesia di Ivan Aksenov*, 2017
38. Giovanna Siedina, *Horace in the Kyiv Mohylanian Poetics (17th-First Half of the 18th Century). Poetic Theory, Metrics, Lyric Poetry*, 2017